

В.М. Котляков
ИСТОКИ И НАЧАЛО
МОЕГО ЖИЗНЕННОГО ПУТИ
(из архивов семьи, воспоминаний и писем)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ГЕОГРАФИИ

В.М. Котляков

**ИСТОКИ И НАЧАЛО
МОЕГО ЖИЗНЕННОГО ПУТИ**

(из архивов семьи, воспоминаний и писем)

МОСКВА
2026

УДК 9
ББК 26.8 г
К73

Рецензенты

докт. геогр. наук А.А. Тишков

канд. геогр. наук Н.И. Осокин

Председатель ревиз. комиссии ДОО "Домодедовский краевед" В.М. Шлёнсков

К73 В.М. Котляков. Истоки и начало моего жизненного пути (из архивов семьи, воспоминаний и писем). – М.: ИГ РАН, 2026, 392 с.

В книге на основе сохранившихся в семейном архиве документов, писем и воспоминаний, а также сведений, полученных из государственных архивов, рассказывается о предках, семье и начале жизненного пути Владимира Михайловича Котлякова, всю жизнь трудившегося в Институте географии РАН. В его жизни были зимовки на ледниках Новой Земли, Антарктиды и Эльбруса, многолетние работы на ледниках Памира и посещения ледников на всех континентах земного шара – от Гренландии и Альп до Новой Зеландии, Южноамериканских Анд и Аляски. Материалы для этой книги были собраны и систематизированы на протяжении пяти лет супругой Светланой Николаевной Волосевич.

Книга выдающегося учёного о начале пути и деталях эпохи
О книге В.М. Котлякова «Истоки и начало моего жизненного пути
(из архивов семьи, воспоминаний и писем)»

Владимир Михайлович Котляков

Карьера учёного-географа, как пишет сам В.М. Котляков в этой книге, насчитывающей почти 30 глав, началась сразу после окончания географического факультета МГУ и распределения в Институт географии АН СССР с первой экспедиционной зимовки на леднике Розе на карском склоне Северного острова Новой Земли в 1955 году. Молодой учёный, до этого участвовавший разве что

в дальних студенческих практиках и экспедиционных поездках на Кавказ, столкнулся с суровой полевой жизнью на краю Земли. Это была знаменитая экспедиция «Север-7» накануне старта Международного Геофизического Года. Можем проследить особенности работы в экспедиции по публикуем в книге *письмам молодого учёного к бабушке*. А спустя всего несколько месяцев после окончания зимовки известный полярник и один из учителей автора – П.А. Шумский, участник экспедиций «Северный полюс – 3», на Землю Франца-Иосифа, Северную Землю, по Северному морскому пути пригласил В.М. Котлякова в гляциологический отряд Второй Советской континентальной антарктической экспедиции. Там молодой учёный вместе со старшими коллегами провёл больше года, изучая снежный покров и ледники на станциях Мирный и Восток-1 и Комсомольская. И детали этой экспедиции и состояние самого исследователя можно узнать из книги по *его письмам и телеграммам маме из Антарктиды*.

Перед отправкой в дальнюю экспедицию его руководитель в Институте географии знаменитый исследователь Севера профессор Г.Д. Рихтер, как вспоминает сам В.М. Котляков, сказал *"Володя, а не занятесь ли вам снежным покровом?"*. И он согласился...

Представляемая читателю **книга академика В.М. Котлякова «Истоки и начало моего жизненного пути»** – семейная хроника и штрихи к эпохе, как раз заканчивается 1956 годом, годом его вступления в долгую уже 70-летнюю (! – А.Т.) научную работу в Институте географии РАН. А завершает книгу глава с добрыми словами о родном институте *«Судьба и настоящая любовь моей жизни – Институт географии РАН»*. В книге автор впервые предстаёт перед читателем не только как выдающийся учёный и организатор науки, но и как «пробующий перо» литератор, повествующий об истории своего рода, о времени своего детства и юности. Он свидетель и участник значительного периода жизни нашей страны, где были и «тяжёлые тридцатые, и «сороковые-роковые», и Оттепель с оптимистическим взглядом в Будущее – и своё собственное и страны... Для книги он использует и архивные материалы, и исторические повествования, и дневниковые записи, письма и фотографии из личных архивов – своих, родственников, друзей, представителей нескольких поколений семьи Котляковых, проживавших многие столетия в Подмосковье. И книгу свою он начинает с исторического очерка о селе

Константинове на реке Рожайке, которое расположилось недалеко от нынешнего города и аэропорта Домодедово.

Конечно, мы прекрасно знаем, что имя Владимира Михайловича уже многие годы ассоциируется не только с гляциологией. Серия подготовленных им на рубеже веков географических словарей, в т.ч. многоязычных, определила современное представление о географии как синтетической науке, имеющей строго структурированные отрасли и направления, а также широкую область междисциплинарного комплексирования. Ещё в 1990-х годах он стал одним из лидеров эколого-географических исследований нашей страны, опубликовал серию статей и монографий, посвящённых глобальным экологическим проблемам, Аральскому кризису и пр., обобщив результаты в монографии «Наука. Общество. Окружающая среда» (1997), а в 6-томнике избранных сочинений последний 6-й том «Наука – это жизнь» посвятил своему пути в науке и жизни, охватившему вторую половину 20 века, событиям 1980-х и 1990-х годов, экспедициям и путешествиям в разные уголки земного шара, встречам с известными учёными и политическими деятелями, работе в Академии наук и Государственной Думе.

Делом всей его жизни была и остаётся отечественная школа гляциологии, сформировавшаяся на базе одноименного отдела Института географии РАН, а это – несколько сот учёных, работающих в России, в странах Центральной Азии, Кавказа и в других регионах. Сам Институт, которым В.М. Котляков руководил около 30 лет, а последнее десятилетие – выступает его научным руководителем, не только выстоял в трудные годы перестройки, но и сохраняет лидерские позиции в науках о Земле, а восемь лет назад отметил свой 100-летний юбилей.

Биографию академика В.М. Котлякова читаешь как приключенческий роман. Ведь он объездил весь мир, был чуть ли не на всех известных ледниках мира, на разных континентах и полюсах. Зимовал в Арктике и Антарктике, исследовал Кавказ, Памир, Тянь-Шань и Альпы. Чувство «географической» зависти у читателя его книг растёт как снежный ком (как говорят и пишут о нем после интервью журналисты). Но все это было потом, уже «за порогом» этой книги, после первых дальних экспедиций и начала работы в Институте.

Впечатление после прочтения новой книги В.М. Котлякова как от долгого вечера воспоминаний с близким человеком, узнаешь

мало известные стороны прошлого – растворяешься в деталях эпохи 1930-1950-х годов, сталкиваешься с «перекрёстным» восприятием и описанием одних и тех же событий юным Володей Котляковым и его близкими. Весомое вкрапление писем свидетелей давних лет, дневниковые записи – все это представляет собой бесценные материалы для понимания истории нашей страны и хроники в ней одной из многих семей. К этому добавляется и любовь, равнодушное повествование о близких людях, пытливые отношения к событиям жизни героя книги.

От прихода в Институт географии и первой зимовки, письма и телеграммы В.М. Котлякова с которой воспроизведены в книге в хронологической последовательности, до сегодняшних дней прошло 70 лет. В этот период научной жизни нашего юбиляра уместились: работа в Антарктиде, где Владимир Михайлович как один из первооткрывателей континента изучал снежный покров, изменчивость ледников и глубинный ледяной керн; исследования ледников Кавказа и Средней Азии (Памир, Тянь-Шань), внедрение пионерных дистанционных методов для их изучения; многолетний синтез материалов по снежному покрову и ледникам планеты в меняющемся климате, завершившимся составлением и изданием «Атласа снежно-ледовых ресурсов мира» (1997); участие в работе Межправительственной группы экспертов по проблеме изменения климата и получение в её составе в 2007 г. Нобелевской премии мира; участие в работе по анализу ледяного керна озера Восток в Антарктиде и реконструкции по его результатам климатических условий последних 420 тысяч лет с публикацией знаменитых статей в «Nature», собравших в общей сложности около десятка тысяч цитирований; публикация по сути культовых монографий – «Снежный покров Земли и ледники» (1968), «Гляциологический словарь» (1984), «Климаты прошлого из глубины ледниковых щитов (1991, в соавторстве с М.Г. Гросвальдом и К. Лориусом Клодом), «Мир снега и льда» (1994), а также Избранных сочинений в 6-ти томах (2000).

Старт его директорства в Институте географии в 1986 году совпал с началом Перестройки, которая многие академические институты поставила на грань выживания, а Владимиру Михайловичу дала в руки дополнительные инструменты вовлечения географов в практику – при институте были созданы компании по продвижению ГИС-технологий в науке и в СМИ («Дата+» и «Меркатор»), издавались крупные картографические произведения (атласы),

периодические издания (новые журналы, в том числе «Geography. Environment. Sustainability» и «Regional Research in Russia»). Получило новый импульс развития и Русское географическое общество. И это только малая часть того, что вместила в себя *«жизнь в науке, которая и есть жизнь»* выдающегося учёного, начало пути которого описано в этой книге.

Чего больше в повествовании? Описания детства, отрочества, юности и первых лет становления молодого учёного или хроники семьи, и того и другого на фоне эпохи? Мне видится, что есть гармония в непредвзятом представлении свидетельств давних лет, особенно изысканий родословных, привлечении воспоминаний близких родственников, писем, дневниковых записей и собственных комментариев автора, как бы расстановляющих все эти штрихи к пониманию эпохи «по своим местам». Целый пласт ярких описаний жизни семьи и юного Володи Котлякова даётся в органичном сравнении – «провинциальная» жизнь в близком Подмоскovie, «столичная» жизнь в коммуналке на Якиманке, жизнь в эвакуации с сильными зимними морозами в Барнауле, жизнь у бабушки, учёба в знаменитой школе № 7, поступление и учёба на географическом факультете МГУ, четыре послевоенных года производственных студенческих практик в отдалённых уголках СССР – на Дальнем Востоке, юге Сибири, в Крыму и на Кавказе ...

Литературный дар В.М. Котлякова в книге представлен в нескольких сферах. Во-первых, в портретах родителей и бабушек, в описании образа любимой тёти Саши и Я.А. Тёпина, родственников, принимавших участие в Великой Отечественной Войне, детских и университетских друзей, родственных семей – Котляковых, Абрамовых, Шведовых.

Не меньше писательский дар проявился и в описании географии «мест силы» нашего героя – от мест жизни семьи Котляковых и родственников (Константинова, Красной Поляны, Выхино, Павлов-Посад, Губайлово, Ржев и др.) и мест отдыха семьи в довоенные и первые послевоенные годы (Крым, Кавказ, Сочи и др.) до описания мест студенческих практик (Кавказ, Крым, Сихотэ-Алинь, Минусинская котловина и др.).

А первые литературные опыты нашего автора – школьные сочинения, дневники и письма, приведённые в книге, существенно дополняют портрет будущего учёного в юности. Недаром, В.М.

постоянно говорил, что если бы он не стал географом, он стал бы литературоведом. Его редакторский дар знаком многим коллегам, работающим с ним в таких журналах, как «Вопросы географии», «Известия РАН. Серия географическая», «Лёд и Снег», в многочисленных научных и научно-популярных географических изданиях.

Как показала эта книга, В.М. Котляков продолжает работать, писать и издавать монографии, вкладывает душу в академические журналы и издания РГО, энциклопедии, словари и статьи по самым актуальным проблемам современной географии, отражающие развитие методической базы географической науки – от гляциологии и геоэкологии, использования методов дистанционного зондирования Земли и атласного картографирования до осмысления географами глобальных вызовов, вопросов пространственного развития, географии природных и техногенных катастроф, туризма и проблем географической этики. Как следствие этого многообразия интересов – у него обострённый вкус и интерес к междисциплинарным исследованиям, а также к сотрудничеству географов в разных сферах. В самый сложный и романтический период российской истории (1989-1991 гг.) он был народным депутатом СССР и проявил себя как истинный борец за перемены в жизни страны, её экологическое благополучие и роль академической науки.

Нет смысла повторять все ключевые детали научной биографии В.М. Котлякова, они ещё к его 70-летию были изложены им самим в шестом томе избранных сочинений «Наука – это жизнь» (2003). Но с того времени незаметно пролетели ещё почти четверть века активной научной деятельности академика В.М. Котлякова. «Время собирать камни» только начиналось.

На этот период пришлись знаменитые конференции в г. Сочи (давняя ещё детская любовь к этому курортному городу сохранилась на всю жизнь), посвящённые проведению Международного полярного года 2007/2008 гг. в России. Он был представителем России в Международном комитете по проведению Международного полярного года и участвовал в составлении программы исследований. На последние десятилетия пришёлся и триумф участников глубокого бурения подлёдного озера Восток в Антарктиде, которое достигло уровня озера в 2008 г., а потом постепенно Россия приблизилась и к эпохальной дате – 200-летию открытия Антарктиды (документальный фильм «Ледяная Одиссея академика Котлякова»).

Уже в XXI веке как автор В.М. Котляков выпустил более 20 книг, несколько словарей, в том числе ставшие библиографической редкостью «География: понятия и термины. Пятиязычный академический словарь» (2007), «Elsevier's Dictionary of Geography. English-Russian-French-Spanish-German» (2007), «Толковый двуязычный словарь по географии: русско-английский, англо-русский» (2012) и «Туризм: природа–культура–путешествия. Пятиязычный словарь», а ещё – «Оледенение Северной и Центральной Евразии в современную эпоху» (2006) и «Оледенение Северной Евразии в недалёком прошлом и ближайшем будущем» (2007), «Аэрокосмическое зондирование в системе экологической безопасности взаимодействия природы и сооружений» (2006), «Стратегические ресурсы и условия устойчивого развития Российской Федерации и её регионов» (2014); а его идея собрать очерки о нашей стране – «Где я должен побывать, чтобы познать Россию» с 2015 г. пополнилась уже многими выпусками и, безусловно, способствовала развитию внутреннего туризма в России. Ежегодно продолжают выходить под его редакцией сборники «Вопросы географии». Ждём в 2026 г. 162-й номер!

Особо выделим роль В.М. Котлякова в «возрождении» РГО, в поднятии его общественного статуса в стране. С 2000 г. он – Почётный Президент РГО, председатель Совета старейшин и Комиссии по развитию туризма, а с 2012 г. – председатель экспертного совета Национальной премии в области географии и экологии «Хрустальный компас. Этим общественным делам он посвящает много времени и сил, но считает, что не зря – география получила в XXI веке новый импульс развития в стране.

Для меня самым сложным делом, как и для других коллег и друзей В.М. Котлякова, оказался сбор сведений о его многочисленных премиях и наградах. Это важно, чтобы как-то завершить портрет автора книги. Википедия здесь не помогает. Самые дорогие из наград, связанные с признанием коллег, – *награды РАН* (Золотая медаль Л.С. Берга, 2005; премия имени А.А. Григорьева, 2009 и премия имени О.Ю. Шмидта, 2013) и *Русского географического общества* – Золотая медаль им. Ф.П. Литке (1985), Золотая медаль им. Н.М. Пржевальского (1991), Большая золотая медаль РГО (2004) и Золотая Константиновская медаль РГО (2011). Он избран членом Европейской академии наук, Грузинской и Французской академий наук, почётным членом географических обществ США, Мексики, Италии, Грузии и Эстонии.

Его научная и общественная деятельность конечно же отмечена многими *государственными наградами* – орденами Трудового Красного Знамени (1981), Почёта (1998), «За заслуги перед Отечеством» IV-й степени (2007) и медалями, Государственной премией (2001), Демидовской премией (2011). В 2017 г. он стал Кавалером Ордена Почётного Легиона Французской Республики за особый вклад в развитие научного сотрудничества между Францией и Россией, в 2007 г. стал лауреатом Нобелевской премии Мира в составе международного коллектива экспертов, а 2020 г. Указом Президента РФ ему, одному из первых в стране (!) присуждено звание Заслуженного географа Российской Федерации. К 300-летию РАН он отмечен и юбилейной медалью и Благодарностью Президента Российской Федерации за заслуги в развитии отечественной науки.

Будем ждать и продолжения этой необычной биографической книги, которая, как бы в этом случае написали критики – «... *обрывается на самом интересном месте*». Будем ждать и новых фактов из долгой плодотворной жизни выдающегося учёного-географа и, как стало понятным после прочтения книги – замечательного литератора!

Аркадий Тишков

Я прожил долгую и интересную жизнь. Но истоки её – в моей семье и родительском доме. Поэтому повествование о своей жизни я хочу начать с истории и «предыстории» моих «корней», которые, может быть, были не слишком оригинальными, но интересными, важными и безусловно заслуживающими внимания.

История подмосковного села Константиново

Оба моих родителя имеют «московские и подмосковные» корни. Моя родословная ведёт нас на юг и юго-восток Подмосковья, где протекают притоки реки Москвы – река Пахра и небольшой приток её речка Рожай, или, как говорила моя бабушка, река Рожайка. На этой реке уже четыре века существует село Константиново. История села уходит в далёкое прошлое – в XVI, а может быть и в XIV век. В писцовых книгах XVII века (за 1627–1628 гг.) упоминается село Константи-

Село Константиново недалеко от г. Домодедово

новское на речке Рожай (встречаются и другие названия этого села – например, Богородское). В эти годы здесь находилась церковь во имя Пресвятой Богородицы Одигитрия с приделами Иоанна Предтечи и Николая Чудотворца.

В 1627 г. село Рожай находилось во владении князей Головиных в качестве их старинной вотчины, здесь были два двора вотчинников и 17 дворов крестьян, а в 1646 г. в селе уже насчитывалось 27 крестьянских дворов. Фёдор Васильевич Головин одним из первых подписал грамоту руководителей ополчения Козьмы Минина и Дмитрия Пожарского ко всем русским городам прислать в Ярославль своих представителей, чтобы посоветоваться – как лучше «против общих врагов стоять и выбрать государя». После избрания на трон Михаила Романова Ф.В. Головин оказался в числе челобитчиков, которых собор послал в Кострому к новому царю с приглашением «на свой царский престол в Москву».

После кончины Ф.В. Головина в 1628 г. его вотчину унаследовали четверо его племянников. В эти годы Константиново было довольно крупным поселением: здесь было 24 крестьянских двора и 33 жителя мужского пола. В эти годы здесь уже существовала деревянная церковь во имя Пресвятой Богородицы Одигитрии с двумя пределами и колокольной.

В 1655 г. (или в 1657 г.) село Константиновское куплено князем Юрием Ивановичем Ромодановским. При царе Алексее Михайловиче Ромодановский был стольником, заведовал Пушкинским (Пушкарским) приказом и был воеводой в Казани. Он сопровождал царя в его походах, был воеводой в Мценске и Могилёве. Заслугой Ю.И. Ромодановского следует признать и строительство в 1670 году в селе каменной церкви Пресвятыя Богородицы Одигитрия, сохранившейся до XX века. На облицовку церкви из государственных запасов было отпущено 1805 штук белого камня.

После смерти князя Ю.И. Ромодановского с 1683 по 1717 гг. владельцем села был его сын князь Фёдор Юрьевич. О его владении селом свидетельствовали надписи на большом 107-пудовом церковном колоколе: «Слит в 1689 году усердием помещика стольника князя Ромодановского». В эпоху Петра I он стал его приближённым, носил звание «генералиссимуса потешных войск» и во время первого заграничного путешествия царя в 1697–1698 гг. управлял столицей, возглавлял правительство, и ведал Преображенским приказом. Ф.Ю. Ромодановский

1920-е годы. Вид от сельского пруда на село Константиново

был любимцем Петра I, под стать царю он тоже был высокого роста, но сохранил стародавние привычки: ходил в русском кафтане с галунами, был суров и грозен по службе, но дома оставался гостеприимным и добрым хозяином.

Известно, что 26 апреля ст. ст. 1693 г. царь Пётр I приезжал погостить в село Константиново – в вотчину князя Ф.Ю. Ромодановского, пробыл здесь целый день 27 апреля, а на следующий день после обеда вернулся в Москву.

По переписи 1710 года в селе находились двор самого князя и его приказчика, пять конюховых и псаря, 28 крестьянских дворов с 65 лицами мужеского пола. Было в селе и 24 пустых двора, «построенных для прихода людей князя как скоро он бывает в селе». После смерти князя Ф.Ю. Ромодановского в 1717 г. село Константиново перешло к его сыну князю Ивану Федоровичу, который владел им до своей смерти в 1730 г. Он был московским генерал-губернатором.

В 1731 г. владелицей имения стала вдова князя Ивана Фёдоровича княгиня Анастасия Фёдоровна Ромодановская, урождённая Салтыкова, а в 1768 г., после её смерти, имение перешло к её дочери графине Екатерине Ивановне Головкиной, бывшей замужем за видным государственным деятелем графом Михаилом Гавриловичем Головкиным. В это время имение насчитывало 630 крепостных крестьян и 1700 десятин земли. Екатерина Ивановна была двоюродной сестрой импера-

трицы Анны Иоанновны, вышедшей замуж за графа М. Головкина. По воцелешествии на престол императрицы Елизаветы Петровны Головкин вместе с Остерманом и Минихом был обвинён в государственной измене и приговорён к смертной казни, заменённой затем ссылкой в Сибирь, а всё имущество было отписано в казну. Из следственных материалов известно, что в господском доме в селе Богородское (Константиново) проживало 106 дворовых людей, был скотный двор, сад на двух десятинах и три пруда «со стерлядьё и прочей белой рыбой».

14 лет прожила Екатерина Ивановна со своим опальным мужем в ссылке, и после его смерти вернулась в Москву, а 14 марта 1759 г. был подписан царский указ о возвращении вдове Михаила Головкина села Богородского с принадлежащими селу землями и угодьями.

В начале XIX века имение купил внук известного историка Ростислав Евграфович Татищев. В 1812 г. он отправил в московское ополчение 66 бойцов, принявших участие в Бородинском сражении. В 1820 году имение перешло к внуку Татищева статскому советнику и камергеру Ивану Фёдоровичу Похвисневу. При нём окончательный вид приняла господская усадьба, состоявшая из двухэтажного каменного дома, трёх деревянных одноэтажных и двух каменных двухэтажных флигелей. Хозяин очень гордился двумя каменными оранжереями с фруктовыми деревьями. В 1834–1835 гг. на сельских выселках помещик построил для своих крестьян два десятка каменных домов. В одном из таких домов и жили предки моего отца.

А на десятилетие раньше, в 1825 г. И.Ф. Похвиснев на основе бывшей мельницы основал бумагопрядильную фабрику, которую я ещё застал (конечно, уже перестроенную) в моём детстве. Помню я и каменный мост в усадьбе, сохранившийся ещё со времени Похвиснева.

23 декабря 1853 г. И.Ф. Похвиснев скоропостижно скончался в чине действительного статского советника и был похоронен в семейном склепе Смоленской церкви села Константиново. Владельцем его имения стал сын корнет Лука Похвиснев. В годы крестьянской реформы в надел крестьянам села Константиново и окрестных деревень было передано 1312 десятин земли. В 1859 г. в самом селе Константиново насчитывалось 32 двора с 323 жителями. Л.И. Похвиснев оказался неважным хозяином и с отменой крепостного права в 1861 г. распродал принадлежавшие ему земли.

Известно, что с 1870 г. в церковной сторожке крестьянин села Андрей Иванов обучал грамоте сельских детей, а в 1898 г. в селе была

Западный фасад церкви в селе Константиново, 1900-е годы

открыта земская школа. Вполне вероятно, что и мой папа в детстве посещал эту школу, он стал грамотным ещё в детские годы. В канун революции местный приходский священник был также и законоучителем в местной земской школе. Известно также, что в это время церковным старостой с 1886 г. был родственник (двоюродный дядя моего папы) Василий Алексеевич Котляков из крестьян. В январе 1900 года он был награждён Похвальным листом Московской духовной консистории.

В 1878 г. 795 десятин земли с господским домом, фруктовым садом и оранжереями на публичном торге были проданы князю А.Б. Голицыну, а тот через девять лет продал их московскому мещанину А.И. Иванову, а часть усадьбы приобрела С.А. Пржевальская – жена брата известного путешественника и географа Н.М. Пржевальского.

Нынешний потомок Пржевальских профессор Николай Михайлович Пржевальский передал краоведам села Константиново из семейного архива план усадьбы. В описаниях тех лет говорится, что село насчитывало 58 дворов и 219 жителей обоего пола. Многие из них работали на местной фабрике. Но после преобразования её в суконную мануфактуру незнакомые с этим производством мужчины устраивались на московские бумагопрядильные фабрики, а также по

слесарному и токарному делу. А на местной фабрике работали в основном женщины и дети; среди них был и мой папа – судя по сохранившейся анкете, он работал фабричным счетоводом и именно тогда впервые соприкоснулся с суконным производством.

Жизнь в селе Константиново семьи Котляковых. Теперь о предках моего папы. Недавно удалось выяснить, что у крестьянина села Константиново Ивана Фёдоровича Котлякова в середине XIX столетия было четыре сына, в том числе два Андрея (тогда сыновьям-братьям давали иногда одинаковые имена). У одного из Андреев в 1874 г. родился сын Василий – это и был отец моего папы. Он женился на крестьянке Марии Константиновне, родившейся около 1870 г. В фонде Московской духовной консистории в метрической книге церкви Смоленской села Константиново Подольского уезда Московской губернии за 1904 год имеется актовая запись № 15 от 31 октября 1904 года о рождении 30 октября 1904 г. Михаила (родители: уже умерший отец – Василий Андреев Котляков, мать – Мария Константиновна). Всего она родила ему, насколько нам известно, семерых детей, но четверо из них умерли в младенческом возрасте, и только трое – Иван, Пелагея (в детстве я звал их дядя Ваня и тётя Поля) и Михаил прожили относительно долгую жизнь.

История села Константиново определила выбор профессии моего отца – он стал специалистом по шерстяному делу. Отец моего папы, как и многие мужчины из села, был токарем в Московско-Казанских железнодорожных мастерских, где, по рассказам, и погиб в 1904 г. (за полтора месяца до рождения папы). Правда, в найденных позже документах говорится, что он умер в возрасте 30 лет от чахотки и погребён на отведённом кладбище.

Мой папа так и не увидел своего отца Василия, и всю свою недолгую жизнь горевал об этом. Когда мы вместе навещали мою бабушку в Константиново, я нередко находил своего папу сидящим в слезах у могилы своего отца, похороненного на небольшом кладбище рядом с деревенским храмом. Однако впоследствии земля церковного погоста была передана под промышленную застройку, а останки захороненных здесь ранее теперь были погребены в общей могиле, над которой поставлен памятный крест в память о всех ранее усопших здесь христианах. В их числе упокоен и мой дедушка.

После смерти мужа бабушка Мария Константиновна осталась одна с тремя детьми и всю свою жизнь провела в старом кирпичном доме с огромной русской печью, широкой горницей с тремя окнами, двумя

каморками с кроватями и иконой Николая-чудотворца в красном углу. Каждое утро бабушка молилась перед этой иконой, рядом с окном, обращённым к стоящей неподалёку деревенской церкви, и с Божьей помощью она справлялась со всеми сложностями, выпавшими на её долю. Летом уже в 5 часов утра она провожала корову в деревенское стадо для выпаса, а вечером встречала свою кормилицу. В нашем доме сохранилась бабушкина икона 1904 года, вероятно, приобретённая с связи со смертью дедушки Василия и рождения моего отца Михаила.

Из сохранившегося опросного листа от 15 июля 1925 года мы узнали, что мать моего папы была крестьянка, а отец – токарь, а в хозяйстве было три десятины земли. Старший брат папы – дядя Ваня, как я его называл в своём детстве, – был рабочим, и в те годы жил со своей семьёй и работал в Москве (адрес дяди Вани: ул. Садово-Триумфальная, д. 16, кв. 29). А первые годы жизни папы в деревне Константиново были связаны со здешней фабрикой, построенной в деревне ещё в первой четверти XIX века.

История фабрики в селе Константиново. В 1825 г. владелец села Константиново статский советник И.Ф. Похвиснев построил на своей земле на правом берегу р. Рожай первую в Московской губернии и одну из первых в России бумагопрядильную фабрику. Она включала трёхэтажный кирпичный производственный корпус и две спальни для рабочих, а в качестве двигателя использовался водяной привод. В начале 1850-х годов на фабрике было занято 685 человек, и за год выработано 22 тысячи пудов пряжи.

В последующие годы новые хозяева фабрики Ремизовы решили преобразовать фабрику в суконную. В 1854 г. они получили свидетельство о переоборудовании фабрики, из которого известно, что на фабрике было шесть аппаратов, семь мюль-машин, шесть ровничных, три трепальных, сто двадцать станков, девять стригальных, двенадцать ворсовых, четыре промывных, две бастовальных машины, четыре пресса и водяное колесо. Так как фабрика потребляла до тысячи сажень дров, с владельцев фабрики взята подписка о том, что они будут «всячески стараться заменить дрова торфом». В 1860 г. фабрика прекратила выпуск пряжи и стала полностью суконной.

В 1871 г. на суконной фабрике было шесть паровых котлов, три паровые машины, водяная турбина, три щипальных, три трепальных и 23 ваточных машины. В эти годы на фабрике работало 665 мужчин, 205 женщин и 251 малолетний. Открывшуюся при фабрике школу

начали посещать 17 ребятишек из фабричного посёлка и до десятка крестьянских детей из близлежащих деревень. В начале 1880-х годов на фабрике трудилось много молодёжи: двое моложе 10 лет, 11 – от 10 до 12 лет, 19 – от 12 до 14 лет и 43 – от 14 до 18 лет. Рабочий день начинался в 4 ч. утра и оканчивался в 8 ч. вечера. В 8 ч. утра был полу-часовой перерыв для завтрака, а с 12 ч. до 13 ч. 30 мин. – второй перерыв, на обед. Таким образом всё рабочее время занимало 14 часов.

В феврале 1895 г. семнадцать десятин земли со всеми находившимися на ней фабричными корпусами бывшей фабрики были приобретены у И.Д. Ремизова за 28 тыс. руб. инженером С.А. Лебедевым и крестьянкой Н.Н. Синицыной. Новые владельцы приступили к перестройке фабрики. На первом этаже главного трёхэтажного каменного корпуса были оборудованы трепальное, чесальное и ремонтное отделения. Здесь же были установлены два новых паровых котла, а с лицевой стороны корпуса пристроена небольшая котельная с ещё одним паровым котлом. Второй этаж заняло прядильное отделение с шестью прядильными машинами, а третий этаж остался свободным. Рядом с этим корпусом был ещё один одноэтажный каменный корпус красильного отделения со своей котельной. В отдельном двухэтажном корпусе находилась спальня рабочих, а на первом этаже размещались кухня и столовая. В 1896 г. впервые появилось электрическое освещение.

В самом начале XX века, в 1902 г. при новом владельце фабрики Роберте Адольфовиче Кёлере здесь был трёхэтажный производственный корпус, кузница, несколько одно- и двухэтажных каменных, смешанных и деревянных подсобных помещений, а также двухэтажное здание с квартирами для служащих фабрики, восемь одно- и двухэтажных жилых построек. К концу 1903 г. на фабрике было занято двести сорок рабочих.

Краеведы села Константиново, изучая историю села и местной фабрики, хотели найти могилу фабриканта Р.А. Кёлера, и это им удалось сделать как раз к 200-летию основания Константиновской фабрики. Светлана нашла в московских архивах информацию о дате и месте захоронения Роберта Кёлера (4 февраля 1839 г. – 17 октября 1905 г.) и его жены Евдокии Васильевны Кёлер (10 февраля 1844 г. – 4 декабря 1907 г.) на Введенском кладбище Москвы – это место оказалось недалеко от могилы моего отца, захороненного на этом же кладбище. Мы были очень рады этой удаче, позволившей прояснить место погребения владельцев фабрики.

В 1907 г. строения фабрики состояли из трёхэтажного корпуса, на первом этаже которого размещались ткацкая и ремонтная мастерские и контора. К нему были пристроены одноэтажные паровая и котельная. На втором этаже находилась шерстопрядильное, а на третьем – льнопрядильное отделения. Рядом была водонапорная башня с баком на десять тысяч вёдер. Рядом с фабричным зданием находилось одноэтажное каменное жилое строение для квартир служащих и такое же здание для женских спален, был ещё двухэтажный смешанный корпус со спальнями для мужчин, столовой и кухней, а также собственная больница с помещениями для ожидания, перевязочной, аптекой и амбулаторией, мужским и женским отделениями, родильной палатой, комнатами для прислуги и фельдшера.

24 августа 1915 г. было учреждено акционерное общество Константиновских мануфактур с годовым оборотом в 1 млн руб. и 300–400 рабочих. Правление общества находилось в Москве на Старой площади, а на фабрике акционерного общества имелись ткацкое, сновальное, крутильное, льнопрядильное, шерстопрядильное и механическое отделения; здесь находились 76 ткацких станков, 20 прядильных ватеров, 14 мотовалов, 6 крутильных, 4 сновальных, 12 чесальных и 2 трастильных машин. На фабрике акционерного общества в этот год было 548 рабочих. В 1915 году с фабрики в центральные губернии России, а также в Томск, Екатеринодар, Баку, Тифлис, Андижан, Батум, Одессу, Ригу и другие города было отправлено различной продукции на 1,1 млн руб., в том числе пожарные рукава и ремни, 278 тонн прессукна, очёсов, верблюжьей шерсти и льняной пряжи.

В марте 1917 г. общее собрание рабочих заявило о желании присоединиться к Совету рабочих депутатов. На фабрике был создан рабочий комитет; явочным порядком введён восьмичасовой рабочий день. В 1918 г. фабрика была национализирована. Известен ещё один знаменательный факт: слесарь фабрики А.М. Калабухов оставил в 1945 г. на стене рейхстага надпись «Калабухов из Домодедово».

В первые годы советской власти большинство жителей села стали работать в совхозе «Константиново», который с конца 1920-х годов специализировался на выращивании племенных свиней. Осенью 1941 г. ценное поголовье свиней эвакуировали, но затем постепенно восстановили; в первом послевоенном году было продано на сторону около 1,5 тысячи поросят. В 1950-х годах совхоз добился рекордных

надоев молока. В начале 1960-х годов совхоз был на первом месте по производству мяса и надоям молока в расчёте на 100 га сельхозугодий. Село Константиново было центральной усадьбой совхоза, и оно постоянно благоустраивалось: в 1964 г. здесь был построен первый пятиэтажный дом, а через 12 лет возвышались уже семь таких домов.

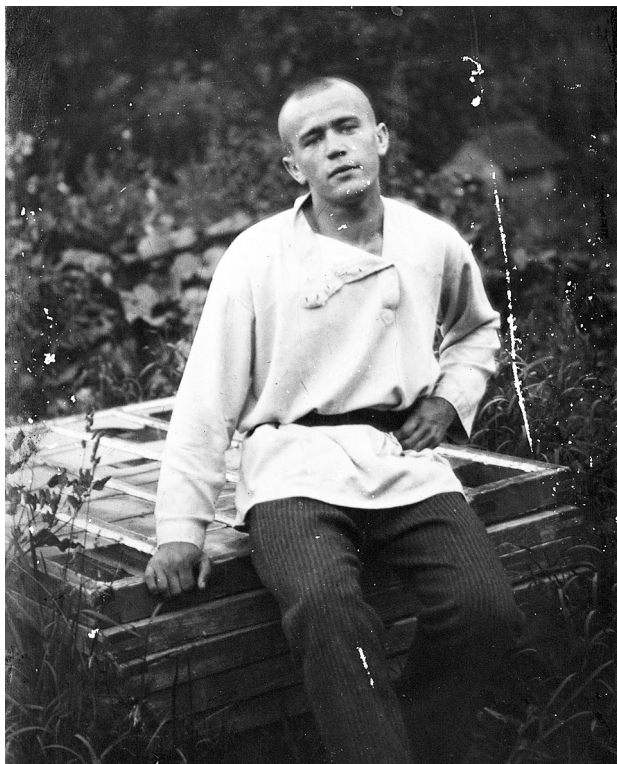
В наше время краеведы села Константиново, руководители местного отделения Русского географического общества Владимир Михайлович Шлёнсков и Егор Васильевич Боговик выкупили в США сканированные аэрофотоснимки Люфтваффе 1941–1942 гг. с изображением этих мест. На одном из них видно и село Константиново, каким оно было 26 августа 1942 года.

Константиновская шерстопрядильная фабрика,
снимок 26 августа 1942 года

Фото папы в оркестре, второй ряд сверху, четвёртый справа

Папа в 1925 г.

Знакомство папы с текстильным производством. Уже в восьмилетнем возрасте папа стал работать «мальчиком» на материальном складе текстильной фабрики в Константиново, впоследствии трудился здесь на пишущей машинке, а затем стал конторщиком. Судя по его анкете от 1925 года, с осени 1922 по весну 1924 года он закончил школу второй ступени.

Работая на текстильной фабрике «мальчиком», он, очевидно, познакомился со всем производством, которое его всерьёз заинтересовало и стало основой всей его дальнейшей жизни. Судя по сохранившимся фотографиям этого времени, работая на фабрике, папа интересовался музыкой и играл на флейте в самодеятельном оркестре. В 1925 году папа командирован Константиновской фабрикой в Строительный техникум имени Каменева, находившийся в Подольске, но уже через год, в 1926 г., в возрасте 22 лет, переходит в Московский

Папа на охоте, первый слева, 1928 год

текстильный техникум (МТТ). Заканчивает техникум он в феврале 1930 года и получает специальность техника по шерстопрядению. Здесь, в техникуме и происходит его знакомство с мамой.

Они учились одновременно в текстильном техникуме с января 1926 до конца 1929 гг. Здесь они познакомились и полюбили друг друга на всю оставшуюся жизнь. Одновременно с папой и мама получила свидетельство о техническом образовании с квалификацией техника по хлопкопрядению.

В 1930 году папа успешно закончил этот этап образования и был командирован на дальнейшую учёбу в Московский текстильный институт как «выдвиженец от общественной организации техникума на педагогическую работу». Он учился в институте с 1930 по 1932 гг., окончил полный курс по специальности «шерстопрядение». Ему была присвоена квалификация инженера-технолога.

В нашем архиве сохранилась фотография 1928 года, на которой мы видим папу с приятелями на охоте в окрестностях Константинова.

Приведём ещё одну фотографию, на которой мы видим папу в составе членов профкома текстильного техникума тех лет.

28/29 уч. год фотография 1929 года «по совместной работе в профкоме МГТ». Папа в первом ряду сверху, третий слева

Родословная моей мамы (об Абрамовых)

Истоки фамилии Абрамовых в Тульской губернии. На протяжении всей своей жизни я ничего не знал о предках моей мамы и семье Абрамовых. И лишь в мои девяностые годы картина стала проясняться. Выяснилось, что Абрамов Николай Авдеевич – мамин дедушка, у которого был второй сын Абрамов Александр Николаевич – отец мамы.

В ответ на наши запросы мы получили справки из архива Тульской области, в которых содержится следующая информация.

Справка № 1. О рождении Николая Авдеева. В документах Государственного учреждения «Государственный архив Тульской области», в архивном фонде «Тульская духовная консистория», в метрической книге Спасской церкви села Спасское-на-Уперте Крапивенского уезда Тульской губернии за 1851 год устанавливается событие рождения 1/2 декабря 1851 года младенца по имени Николай, № 24, пол мужской. Родители новорождённого: «...села Спасского помещика ротмистра Григория Петрова Ивашкина крестьянин Авдей Елизаров (фамилия не указана) и законная жена его Анна Тимофеева, оба православного вероисповедания...»*. Восприемники: «...села Спасского помещика Григория Петрова Ивашкина крестьянин Дмитрий Николаев и того же села помещика Ивашкина дворовая его девица Параскева Феодорова...»*. Основание: Ф. 3. Оп. 15. Д. 955. Л. 231 об.

Николай Авдеевич Абрамов — отец моего дедушки

Примечание: *Фамилии, имена, отчества и географические названия приведены в соответствии с записью в метрической книге.

Справка № 2. О рождении Сергея Николаевича (Абрамова). *Первый сын.* В документах «Государственного архива Тульской области», в архивном фонде «Собрание метрических книг Тульской и Калужской губерний», в метрической книге Спасской церкви села Спасское-на-Уперте Крапивенского уезда Тульской губернии за 1873 год устанавливается событие рождения/крещения 3/4 июля 1873 года младенца по имени Сергей*, № 14, пол мужской. Родители новорождённого: «...деревни Гришенки крестьянин-собственник Николай Авдеев (фамилия не указана)** и законная жена его Марва (так в документе) Дмитриева, оба православного вероисповедания...» Восприемники: «...села Спасского крестьянин-собственник Стефан Дмитриевич и деревни Гришенки крестьянина-собственника Василия Иоанова жена Евдокия Иовлева...***»
Основание: Ф. 93. Оп. 1. Д. 2722. Л. 98 об. 99

Примечание:

*Сергий, -я, м. Старая форма имени Сергей; (Словарь русских личных имён. Н.А. Петровский. Изд. 3-е. М., «Русский язык», 1984. Л., 1990).

**Фамилии крестьян формировались на протяжении второй половины XIX века, у значительной части крестьян они появились в конце указанного столетия.

***Фамилии, имена, отчества и географические названия приведены в соответствии с записью в метрической книге.

Справка № 3. О семье и хозяйстве Н.А. Абрамова. В документах Государственного архива Тульской области, архивном фонде «Тульская губернская земная управа», в карточке подворной переписи крестьянских хозяйств за 1910–1912 гг. по деревне Гришенки Спасской волости Крапивенского уезда Тульской губернии значится хозяйство Николая Авдеева Абрамова, № 33.

Состав семьи:

Мужчины – 1) хозяин, 62 года, женат, грамотен, положение в промысле – рабочий, повар в Москве, работает 40 лет, круглый год с отрывом от земледелия, зарабатывает в год 144 рубля;

2) сын, 40 лет, женат, работает в Москве 20 лет с отрывом от земледелия, зарабатывает 1386 рублей (Сергей Николаевич Абрамов, 1873 года рождения – сын от первого брака);

3) сын, 27 лет, женат, грамотен, учитель в Московском уезде Московской губернии, работает 5 лет, круглый год с отрывом от земледелия,

зарабатывает в год 900 рублей (Абрамов Александр Николаевич – мой дедушка);

4) сын, 25 лет, женат, грамотен, работает в Москве с отрывом от земледелия, зарабатывает 490 рублей;

5) сын, 23 года, женат, грамотен;

6) внук, 7 лет, от сына № 2 (Абрамов Сергей Александрович, 1907 года рождения, мой дядя, которого я называл дядя Серёжа);

7) внук, 4 года;

8) внук, грамотность – 0 (так в документе);

9) внук, 7 лет (Абрамов Сергей Сергеевич, родился 23 мая 1907 г.)

Женщины: 1) жена, 50 лет, грамотна, работает 30 лет с отрывом от земледелия (Ольга Петрова – вторая жена Николая);

2) дочь, 24 года, девица, грамотна, работает круглый год с отрывом от земледелия;

3) дочь, 16 лет, грамотна, работает круглый год с отрывом от земледелия;

4) сноха, 35 лет, замужем, работает 10 лет с отрывом от производства (Варвара Сигизмундовна Вилимовская, 1876 года рождения, жена Сергея, первого сына);

5) сноха, 30 лет, грамотна, замужем, работает 10 лет с отрывом от производства; (Абрамова/Шведова Анна Ивановна – 1882 года рождения, моя бабушка);

6) сноха, 25 лет, замужем, грамотна, работает 5 лет с отрывом от производства;

7) внучка, 10 лет, грамотна;

8) внучка, 5 лет (Абрамова/Котлякова Елена Александровна 1908 г. – моя мама);

9) внучка, 3 года.

В хозяйстве у него одна изба. Скот, инвентарь, транспорт не указаны. Семья выселилась в Москву 40 лет назад.

Основание: Ф. 4. Оп. 3. Д. 3312. Л. 93–39.

Примечание: 1 десятина равна 1,09 га.

Получив приведённые справки из Тульского архива, мы добрались к истокам фамилии Абрамовых. До отмены крепостного права крепостные крестьяне фамилий не имели. Авдей Елизаров был записан без фамилии Абрамов. Но, по-видимому, с переездом семьи Абрамовых из Тульской губернии в Москву в документах появилась фамилия Абрамовых.

На основании архивных документов получается, что родителями дедушки были: отец – Абрамов Николай Авдеевич и мать – вероятно, Марва Дмитриева, т.е. те же родители, что и у старшего брата Сергея. Вторая жена Ольга Петрова венчалась с Николаем Авдеевичем уже после рождения Александра Николаевича Абрамова. Второй брак Николая Авдеевича и Ольги Петровны состоялся 1 октября 1882 года.

Об отце моей мамы. Отец мамы Александр Николаевич Абрамов родился в Москве в Набилковской богадельне 25 августа 1881 г. по старому стилю (7 сентября 1881 г. по новому стилю). Так случилось, что его первый брак был расторгнут Козловским судом 16 мая 1924 года (сохранилась справка о расторжении их брака). Но теперь стало известно, что мой дедушка скончался 14 февраля 1942 г. в эвакуации во время Великой Отечественной войны в Ташкенте в возрасте 60 лет (это информация из справки, полученной из Ташкента). С 1893 по 1897 г., т.е. с 12 до 16 лет он учился в Заиконоспасском духовном училище, находившемся в д. 79 на Никольской улице в Москве. Это училище было открыто в 1814 г., после того как Славяно-Греко-Латинская академия была преобразована в Духовную академию и переведена в Троице-Сергиеву лавру, а в корпусах Славяно-Греко-Латинской академии разместилось Заиконоспасское духовное училище. История же образования в этом монастыре началась в 1660 г., когда Симеон Полоцкий начал по царскому указу обучать молодых подьячих Посольского приказа. Училище предназначалось главным образом для детей духовенства Москвы, было закрыто в 1917 г. Дедушка не был сыном священника, но его отец Николай Авдеевич Абрамов, будучи крестьянином, после отмены крепостного права, оставив свой дом в деревне Гришинки, приехал с семьёй в Москву и всем своим детям дал образование. Для того времени это была исключительная история.

В 1890 г. обучение в этом училище было бесплатным. Мой дедушка окончил первое отделение с правом поступления в 1-й класс семинарии без приёмных испытаний (Разряд 1-й). В 1897 г. он поступил в Московскую Духовную семинарию, находившуюся в доме графа Остермана, который в 1834 г. продал дворец и землю Священному Синоду. В семинарии он проучился шесть лет, окончил её в 1903 г. и в том же году был направлен в Баньковскую школу. Сейчас в здании бывшей духовной семинарии (в районе станции метро «Новослободская») находится Музей декоративно-прикладного и народного искусства. Информацию об учёбе дедушки мы узнали из книги А.Ю. Дубинского

«Московская духовная семинария. Алфавитный список выпускников 1901–1917 годов (генеалогический справочник)». М.: Прометей, 1998. 123 с.

В книге собраны сведения о выпускниках в XX в. Характерный набор сведений: фамилия, имя выпускника, год окончания семинарии, какое училище окончено перед поступлением в семинарию, год поступления в семинарию, дата рождения, затем фамилия, имя, отчество, место службы и должность родителя (обычно отца). Интересно, что нам невероятно повезло: фамилия Абрамов оказалась первой в многостраничном списке и содержала все необходимые сведения. Из этой же книги мы узнали, что его отец Николай Авдеевич Абрамов был крестьянином в Тульской губернии, Крапивненского уезда, Спасской волости, деревни Гришинки. В статистическом списке населённых мест 1859 года Гришинка числится как владельческая деревня. Местонахождение описывается как «при колодцах» и «полевою сторону Муравского тракта (параллельно Тульскому шоссе, с севера на юг)». Всего было восемь дворов, в которых значилось: мужчин – 75, женщин – 77».

Николай Авдеевич Абрамов (родился 1 декабря 1851 г. по старому стилю, родители: крестьянин помещика – ротмистра Григория Петрова Ивашкина – Авдей Елизаров, мать – законная жена Анна Тимофеева; до 1862 г. фамилии крестьян не указывались) был женат вторым браком на Ольге Петровне (рождённой в 1862 г.). Второй брак был зафиксирован 17 апреля 1882 г. уже в Москве в церкви Троицкой Набилковской богадельни (находившейся в Протоповском переулке, рядом с нынешней станцией метро «Проспект Мира»). В 1828 г. в дом московского купца Ф.Ф. Набилкова на 1-й Мещанской улице была переведена богадельня; братья Набилковы дополнительно к этому дому скупили соседние незастроенные участки земли и к 1831 г. был построен каменный двухэтажный корпус богадельни. В дальнейшем богадельня существенно расширилась, а в 1869 г. на территории богадельни была открыта Троицкая начальная школа. Николай Авдеевич Абрамов был поваром в Набилковской богадельне. Он переехал с семьёй в Москву после отмены крепостного права, его дом и «прописка» остаются в Тульской губернии, деревня Гришинки, т.е. он и его дети по-прежнему числятся крестьянами деревне Гришинки). У Николая Авдеевича Абрамова был старший сын Сергей Николаевич Абрамов (родился 3 ноября 1873 г.), который женился в 1901 г. на Варваре Сигизмундовне (1876 г. рождения) – дворянке Белостоцкого уезда.

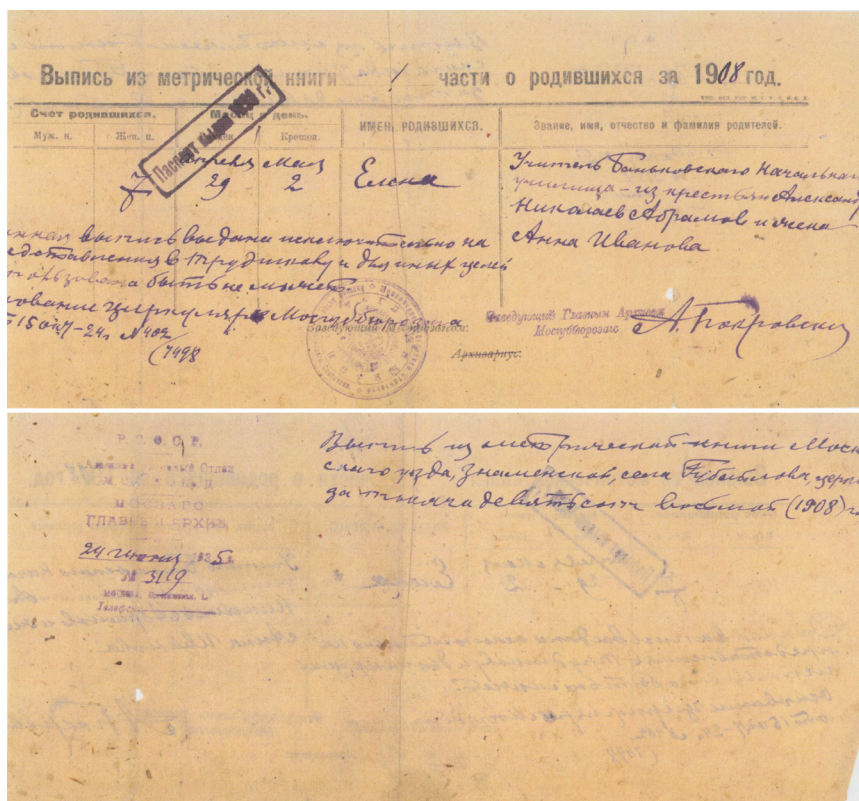
Свидетелем этой женитьбы был мой дедушка Александр Николаев Абрамов – воспитанник Московской духовной семинарии. У Сергея и Варвары 23 мая 1907 г. в селе Владыкино родился Сергей Сергеевич Абрамов, крёстным родившегося мальчика был мой дедушка Александр Николаевич Абрамов – учитель Баньковской фабричной школы.

У Николая Авдеевича Абрамова и Ольги Петровны 6 апреля 1887 года родился сын Георгий, его крестили в церкви Набилковской богадельни – впоследствии он имел запасной нижний чин Тульской губернии Крапивинского уезда деревни Гришинки.

3 ноября 1906 г. в Знаменской церкви села Губайлово-Знаменское Московского уезда Московской губернии состоялось венчание Алек-

Свадебная фотография Анны Ивановны Шведовой
и Александра Николаевича Абрамова

Выписка из метрики о рождении мамы

сандра Николаевича Абрамова (учителя Баньковского начального училища) и Анны Ивановны Шведовой – учительницы Митинского начального училища Московского уезда. Это были мои дедушка и бабушка. В это время дедушке было 25 лет, а бабушке 24 года.

Брат моей мамы Сергей Александрович Абрамов родился 11 мая 1907 г.; крёстными этого события были старший брат дедушки Сергей Николаевич Абрамов и Евдокия Николаевна Абрамова – домашняя учительница.

29 апреля 1908 г. у них родился второй ребёнок – моя мама Елена Александровна Абрамова. Крёстным мамы был Сергей Николаевич Абрамов – старший брат моего дедушки. Запись о рождении мамы была сделана в метрической книге Знаменской церкви села Губайлова-Знаменское Московского уезда Московской губернии.

Село Губайлово в начале века

До Октябрьской революции важнейшие события жизни человека (рождение, брак и смерть) записывались в метрических книгах, которые велись в приходских церквях. Благодаря сохранности этих книг в архивах мы узнали о всех упомянутых здесь моих родственниках – их общественном положении, жизненных датах, местах рождения, проживания и пр.

Таким образом мы выяснили, что в семье Абрамовых было шестеро детей, и все они были грамотные. Николай Авдеевич Абрамов, будучи крестьянином, был человек сильный, незаурядный и решительный – оставил дом с хозяйством в Тульской губернии и уехал в Москву, чтобы дать детям образование. И это определило дальнейший путь его детей, в том числе и моих предков.

О второй семье моего дедушки – Александра Николаевич Абрамова. Сведения о второй семье моего дедушки мы почерпнули из книги Геннадия Александровича Абрамова «Дедушкины записки» (М., Эдитус, 2017. 506 с.). Книгу эту мы случайно смогли купить на Avito; это произошло в мои 94 года. Только сейчас я узнал первые

Александр Николаевич Абрамов с двумя детьми от второго брака:
Геннадием и Александром

подробности о единственном моём дедушке Александре Николаевиче Абрамове – отце моей мамы. До знакомства с этой книгой, которую написал его сын Геннадий Александрович Абрамов, рождённый во втором браке, я далеко не всё смог узнать о своём дедушке из архивов. Я был очень рад знакомству с его книгой, интересно и содержательно рассказывающей историю его непростой жизни. Приведу некоторые страницы из этой книги.

«Я родился в селе Никольском; как написано в моей метрике, «Химкинского района Московской области». Это было большое село. Оно тянулось от окружной железной дороги и почти до теперешнего Химкинского речного вокзала. На дальнем конце села находилась существующая до сих пор, старая Земская Никольская больница, в которой мы с братом и появились на свет. Отец работал тогда инспектором РОНО, а мать – учительницей начальных классов в Никольской школе. В ней, этой школе, мы и жили на втором этаже вместе с семьями других учителей. Учителя были не старые, у всех росли дети...»

Дедушка в 1925 г. женился на Валентине Ивановне Верещагиной. У них родились два сына – Александр в 1926 г. и Геннадий 29 февраля 1928 г. (автор цитируемого текста).

Валентина Ивановна Верещагина с сыновьями:
Геннадием и Александром Абрамовыми

«Мы жили на втором этаже Никольской нашей школы. Вдоль казавшегося нам бесконечным коридора по обе его стороны шли двери комнат квартировавших там учителей. Отец с матерью были педагоги: мать вела начальные классы, отец же работал в «Районо» инспектором и мотался по довольно глухому тогдашнему Химкинскому району, конечно, пешком или в попутной телеге по деревенским школам со всякого рода «обследованиями»...

«Село Никольское... Сейчас на его месте, если ехать по Ленинградскому шоссе из Москвы, слева водный стадион «Динамо», справа высокие дома с рекламными щитами, станция метро «Водный стадион». Я же помню выложенную булыжником Питерскую дорогу, на которой только-только могли разъехаться две машины, да и то для этого они съезжали на обочины, лежавшую на них по щиколотку пыль, и исчезали на некоторое время в её облаках. И долго она потом висела над дорогой, медленно оседая на лопухи, росшие вдоль забора в деревенских усадьбах...»

«Мой отец, Александр Николаевич, по всем данным, должен был считаться благополучным человеком. Сын бедняка-повара богадельни в Протопоповском переулке, вступивший в партию по «ленинскому призыву», «первый учитель-коммунист». Как оборонялась мамаша от одолевших её коллег-стукачей и коллег-секретарей, когда меня посадили как «врага народа»! Что бы, казалось, могло ему угрожать? А получилось так, что в тридцать каком-то (но не в 1937-м) году его «вычистили» из родной большевистской партии, и мать рассказывала: она боялась, что он покончит самоубийством... Подвела отца тёща, бабушка наша Евдокия Ивановна. В Головине прикрыли женский монастырь, и монашки (видно не сразу нашли им новое пристанище) ходили по домам, прося Христа ради, милостыню. Были они, впрочем, старательные работницы и большие мастерицы-рукодельницы. Бабушка, по своей неутолимой доброте (сильны в ней были пережитки прошлого!), зазывала в дом их и кормила. А в благодарность шили они из полотна нижнее бельё...

Так вот, пункт первого доноса: «Якшается с монашками». Пункт второй: «Поощрение религиозных пережитков в семье». Это опять же бабушка, не имея сил держаться – не доставить радость своим внукам, набрала под Рождество ёлочных веток, украсила их сохранившимися дореволюционными игрушками и зажжёнными свечами. Я, как сейчас, помню благоухание горящих восковых свечек и восторг от вида красивых стеклянных бус, несколько лет пролежавших в заточении в сундуке.

Третий (а может быть и первый) пункт обвинения был: учёба отца в духовной семинарии. Я думаю, впрочем, обвинялся он не в самой учёбе (тогда и Сталина надо было изгнать из ВКП(б)), а в укрывательстве своего духовного происхождения: ведь кто учился в семинариях? Только дети попов. Тут опять пример Иосифа Виссарионовича отцу мог бы помочь: отцом гения был сапожник, переделанный, правда, в «рабочего фабрики Алиханова». Отцу удалось отвести клеузные обвинения, и высший партийный орган вернул ему партбилет. Рассуждать, хорошо это или плохо, не приходится: если бы исключение в 1933 году состоялось, в 1937–1938 гг. в биография отца была бы поставлена точка, а вслед за ней круто изменились и наши биографии. Я, вспоминая отца, иногда жалею его за то, что он вообще в эту партию вступил, но, поразмыслив, прихожу к выводу, что не вступить в неё он не мог: если бы он пренебрёг партией, партия не пренебрегла случаем истолковать его пренебрежение как затаённую враждебность.

Не побоюсь сказать, что отец был талантливым человеком: он был музыкален, артистичен, не лишён, видимо, и писательских способностей. Будучи человеком насмешливым, любил рассказывать всяческие истории – «в лицах» – как он говорил очень смешно. Мамаша, впрочем, обижалась: истории все были из баньковской жизни, которая не могла не представляться ей верхом благообразия и благополучия. «Бывало, в Баньках...» – это начало всех его воздыханий о детстве. До революции был настроен оппозиционно режиму, как, впрочем, и почти вся гуманитарная интеллигенция. Он рассказывал нам анекдоты про царя, а то и сам что-нибудь выдумает...

Мамаша рассказывала, что на другой день после свержения царизма из Финляндии, где проходил службу санитаром в госпитале, он прислал поздравительную телеграмму, заканчивающуюся словами: «Да здравствует Учредительное собрание!» Она поминала этот факт, чтобы подковырнуть отца как бы в уклоне от большевистской линии. Но это она по неведению: вышеприведённый лозунг был самым радикальным, его и большевики не уставали повторять почти до самого разгона ими этого, как оказалось, контрреволюционного сообщества.

А жалею я отца за его партийность потому, что утробил он партийными своими делами всю свою жизнь: то парткомы, то горкомы, то конференции, то раскулачивание, то партсобрания; дома мы его почти не видели. А был он хороший семьянин и любил нас, своих детей. В немногие часы, свободные от партнагрузок, он устраивал с нами разного рода представления, всё больше по сказкам. Во время прогулок интересно рассказывал о природе, из русской истории, которую он позже преподавал. Мне запомнился в его исполнении «Кавказский пленник» Толстого. Я как сейчас слышу его голос, повествующий о неудачной попытке бежать Жилина и Костылина, моё восхищение Жилиным, и досада на толстого, нескладного Костылина.

Отец сразу после семинарии был направлен в Баньковскую школу преподавать пение, он играл на скрипке, был регентом церковного хора и со школярами ставил сочинённые им же детские оперы. Он с гордостью об этом вспоминал и, помню, пел заключительный хор в одной из своих опер. Жаль, я не могу привести здесь ноты: мелодия запоминалась сразу. Слова его же, и думаю, уступают мелодии:

В нашем королевстве

Больно хорошо!...

– Трам! – это попытка изобразить оркестровый аккомпанемент.

Мой дедушка Александр Николаевич Абрамов на службе в Финляндии

Приходите вместе,
Больше ничего!
Трам!

Я думаю, он был бы намного счастливее, если бы вместо партийных своих занятий, занимался домом и детьми.... А отец (мать позже рассказывала) после раскулачивания не мог спать, вспоминая, как выволакивали они из родных домов стариков и детей, как сажали их на подводы и какой стон шёл по деревням.

Когда я уже сидел, мамаше встретилась одна из «раскулаченных» и принялась кричать во весь голос: «А сынка то посадили! Это за нас его и тебя Бог наказывает! Как муж то твой с партийцами над нами измывались.» Мать говорила: «Я не знала как от неё отделаться: ведь посадить её могли в два счёта за это». Донос, о котором я говорил, написал один из наших соседей по школьному коридору... Я не называю его фамилию, потому что не уверен, что подозрения моих родителей справедливы, хотя основания для подозрений у них, должно быть, были...

У нас дома, хоть отец и был партийным, ничем таким не пахло. Висел, правда, портрет Ленина, канонизированный покойник никакого беспокойства не причинял. Вообще-то, я много позже сообразил, как непросто было отцу уцелеть в ежовский террор: он и на собраниях за какую-то демократию всё ратовал. В нашем Красногорском районе всё партийное руководство во главе с секретарём Горновым во врагах народа оказалось. Правда, обвинили их, главным образом, во вредительстве в сельском хозяйстве: скот-де изводили, да на картофель тлю, что ли, какую-то напустили. Мы жили в Тушине, и сельское хозяйство отца уже не касалось.

О певческих способностях отца говорит случай из его молодости, о котором он любил вспоминать. Семинаристами они хаживали в Большой театр и в оперу Зимина подрабатывать там статистами. И вот однажды в «Борисе Годунове» надо было кому-нибудь из них поручить какую-то фразу из толпы. (Может быть, в диалоге: «Митюх, а Митюх! Чего орём?» – «Эва! А я откуда знаю?»). И бывший тут же Шаляпин указывал на него: «Пускай вот этот – он рот здорово разевает».

Правильно разевать рот при пении отец и в самом деле умел: ведь их этому в семинарии обучали. Да и мы тому очевидцы. Не было такой арии из всех шедших в Москве опер, от теноровых до басовых, которые он не смог бы напеть. Помню, наш класс повезли на оперу. Отец, узнав, спросил:

– Что слушать будете?

– «Дубровского».

– Ну-ну.

И пропел: «О дай мне забвенья, родная!

Согрей у себя на груди,

И детские сны навевая,

Дай прежнее счастье найти!»

Я и рот разинул от проникновенности мелодии и от неожиданной нежности отцова баса. И до сих пор эту арию слушаю с комом в горле. Хотя сама опера, надо сказать, показалась скучноватой, а заключительный дуэт Маши и смертельно раненого Дубровского и вовсе нас сморил...

Отец, понятное дело, знал наизусть все службы и церковные песнопения, и иногда (только после весьма умеренных возлияний) они вместе с приятелем его Кучеревским, учителем математики, бывшим казачьим офицером, отводили душу в пениях этих самых, благо соседей у нас не было. Забавный штрих: как-то купили пластинку с популярными тогда песнями Дунаевского: на одной стороне – «А ну-ка песню нам пропой, весёлый ветер!», а на другой – «Капитан, капитан...». Услышав красивое скрипичное вступление к «Капитану», отец воскликнул: «Да это же «Херувимская» Бортнянского!».

И напел, действительно, очень похоже.

Я потерял отца в четырнадцать лет. Он умер в Ташкенте в 1942 году в эвакуации... Относительно нас, детей, родители разделились в своих предпочтениях, которое, впрочем, тщательно скрывали не только от нас с братом, но и от себя. Дело не в любимчиках и постылых, а в том, что брат своей серьёзностью и собранностью был весь в мать, а я с чертами прямо противоположными был в отца без многих, впрочем, его достоинств. И мать часто и меня попрекала: «Вылитый папаша!» имея в виду нашу с отцом неспособность к рациональным поступкам. Она вообще не могла понять, как люди могут делать глупости. Что глупость, а что разумность, это ей представлялось очевидным, и она глубоко страдала, видя, как близкие ей люди не хотят идти ясным и прямым путём рассудка, предпочитая путаться в кривых переулках своих прихотей...

Строительство канала положило конец никольской сельской жизни, никольской природе. Вместо лугов и орешников повсюду появились канавы и кучи изрытой земли; люди как муравьи копошатся вокруг них. Издали они казались совершенно безликими, одинаково одетые во что-то серое. Заключённые. Это слово стало употребляться чаще других. «Заключённые украли», «Заключённые убили», «Заключённых ведут», «Заключённых увели».

Мы были с бабушкой большими друзьями. Отец был всё занят и только мелькал перед глазами, мать угнетали заботы по дому и по нашему телесному и моральному воспитанию. Бабушка жила вместе

с нами и трудилась не покладая рук, всегда была рядом. Если она пекла пироги или лепёшки, мы бежали к ней «помогать», и она хвалила наши кривобокие изделия, и мы были горды её похвалой. Если она садилась за шитьё или штопанье (ежедневное её занятие по вечерам), мы устраивались подле неё и слушали её сказки...

Последний привет от бабушки пришёл через 50 лет после её смерти... Решив поменять истёршуюся нижнюю наволочку на подушке, пересыпали перо в новую. Тут и обнаружились две справки о нашем с братом крещении в Головинской церкви; всё честь по чести; таинство совершал такой-то, приёмные родители такие-то и церковная печать. Они пролежали в подушке шестьдесят с лишним лет, и даже мама, видимо, ничего о них не знала. А бабушка значит предвидела, что вернутся ещё времена, когда не крестившихся, а нехристей власти потянут к ответу! И молодым не хотела причинять неприятности: если бы факт нашего крещения стал известен отцовскому партийному начальству, в партии ему было бы не восстановиться...

Со строительством канала старому милому Никольскому пришёл конец. Всюду возникали ограды из досок и колючей проволоки... Теперь исчезло из людской памяти и само это название, всё залила вода Химкинского водохранилища...

1 ноября 1935 г. мы переехали в Тушино, в ещё не оконченную строительством школу. Отец должен был стать её директором. Прощай Никольское! Недолго ему оставалось жить. Голёнковы, Слюсарёвы, Комоловы, Горьковы, Бочковы – какие фамилии! Все куда-то исчезли, и мне больше не приходилось слышать таких пахнущих древней фамилий; всё какие-то без цвета и запаха: Ивановы, Петровы, Сидоровы.

Когда мы переехали в Тушино, не ведавшие ещё настоящей секретности власти гордо именовали его авиагородом. Два авиационных завода, детища второй пятилетки появились рядом с деревней Тушино, среди лесов, лугов и болот, между речками Химкой и Сходней. И получили № 81, рядом с нашей школой, и № 82, ближе к Волоколамскому шоссе.

Отец, как я уже говорил, был всё время занят, и виделись мы с ним на бегу. Но несмотря на это, чувство близости и симпатии к нему было в нас глубоким и сильным. Думаю, отсутствие возможности больше уделять времени детям из-за всяких там общественных и партийных нагрузок лишило не только нас, его детей, а в особенности его самого,

Школа в Тушино № 1, её директор А.Н. Абрамов,
в первом ряду снизу пятый справа

быть может главного, самого большого счастья в жизни. Мы с братом, впрочем, многое от него получили: своими рассказами о жизни, о людях, своим пониманием добра и зла, да и просто наконец поглаживанием по голове он поддерживал в нас добрые наши наклонности и заставлял стыдиться дурных. А они были: мы были избалованы предвоенной лёгкой беззаботной нашей жизнью; мать и домработница Манеша не оставляли на нашу долю никаких забот. Учись и валяй дурака. На моей обязанности было ходить утром за хлебом...

Отец, глядя как мы ковыряемся в еде, с негодованием ругал нас: зажрались! И вспоминал о своих детских годах и об одной паре сапог на шестерых детей: у него было двое братьев и три сестры (кажется). Мы мало общались с его роднёй; видимо, мамаша не очень-то сошлась со свекровью. Мы у отца были второй семьёй: он оставил первую с нашими братьями и сёстрами. Мамаша поставила видно условием порвать с первой семьёй самым радикальным образом. Я не помню, чтобы видел кого-нибудь из своих сводных братьев и сестёр, и не ведаю их судеб. А жаль.»

Эвакуация семьи Абрамовых. Итак, мы уезжаем. И тётя Рая с Милой (мамина родная сестра с дочерью), и Манефа Федоровна, ещё жившая у нас наша домработница. Все готовы к отъезду. Мамаша пыталась предусмотреть все возможные случаи жизни. Нас же, безмозглых, такое обилие вещей раздражает. Мобилизованы все чемоданы, саквояжи, баулы, связаны и узлы постели и тёплая одежда; два или три корыта приспособлены в качестве тары под посуду. Отец в раздражении очень метко называет их гробами. И наконец сундук. Этим

окованным железными полосками сундуком мы побили все рекорды размеров багажных мест...

И вот 1 ноября. Вечер. Мы сидим на вещах и ждём: должна подъехать машина. На станции Тушино уже почти в непроглядной тьме (освещения на улице из-за бомбёжек не было), мы присоединились к множеству таких же людей как и мы, кучками сидевших рядом с путями на своих узлах. Отец был оформлен на парашютный завод табельщиком и в качестве такового лишался всех своих партийных и административных привилегий. Почти повсюду работали бывшие отцовские ученики; начальник станции оказался одним из них. Энергичный мужик в полувоенной форме громко объявил, что не подаст состав, пока Абрамову не будет предоставлена возможность первому занять вагон. Это была последняя привилегия, полученная отцом. В вагоне во время долгого нашего путешествия, месячного ожидания жилья в Ташкенте и лежания в больнице отец был возведён на самую низкую ступень социальной лестницы; он лишился всего, чего с таким трудом достиг за свою жизнь; никому не было теперь дела, что он образованный интеллигент, член Тушинского горкома, депутат горсовета, директор школы, орденоносец. Спасибо ещё, что его оформили табельщиком. Всё-таки рабочие принимали его за своего.

От Москвы до Ташкента они ехали тоже около месяца. Мы завершаем путь всё с тем же гнетущим осознанием сделанной нами большой непоправимой ошибки и страшимся ближайшего будущего. Отец, может быть чувствуя свою вину, стал раздражительным, особенно раздражали его мы с братом: ничего не делали, ничего не умели. Он был прав: мы и в самом деле были избалованы и не приучены ни к чему, кроме того чем нам нравилось заниматься. Брат всю дорогу читал взятые им с собой математические книги, премии за победы в московских математических олимпиадах; я же вообще пребывал в тумане младенческих своих фантазий. А ведь могли бы вместо отца дежурить ночью у печки. Мамаша защищала нас от его раздражительных попреков, а мы делали вид, что держим в их спорах нейтралитет. Отец как-то ночью уже на подъезде к Ташкенту, задремал у печки, протянув к ней, чтобы согреться, ноги. Он проснулся, когда загорелся ботинок, и большой палец на ноге уже сильно обгорел. Рана загноилась, нехорошо пахла, ему приходилось ходить без ботинка, обмотав ногу материнским вязаным платком.

В вагоне он рассказывал нашим спутникам разные исторические сюжеты, но и тут стал повторяться, так что рабочие без всяких це-

ремоний, хотя и уважали его учёность, начинали разговоры о своих делах прямо во время его лекций. Отцу конечно было тяжелее всех: он переживал всё происходящее как итог всей своей жизни, представлявшейся ему полным крахом. Он во всём винил только себя, хотя вины его никакой не было.

Уже в Ташкенте пассажиры нашего телячьего вагона устроили что-то вроде прощального банкета. Дружно по-семейному разливали всем по чашкам и кружкам водку. «Николаич, а ты чего ж?» Митрич протянул отцу бутылку с остатками водки. Отец стал искать подходящую посудину, но тут неожиданно вскинулась мать: «Прошу Вас, не надо ему! Не надо! Умоляю!» Лицо её и надрывный голос выражали такое отчаяние, словно отца не вином угощали, а собирались резать на куски. Все остолбенели от неожиданности и с сожалением и сочувственным пониманием старались не глядеть на отца: вот, мол, как человеку тяжело живётся... Как она оскорбила и унизила отца этими своими воплями. Чтобы случилось, если бы он выпил рюмочку водки.

Все ждали выгрузки и расселения в какое-там-нибудь, но каждый в своё собственное жильё. Но оказалось, что всех нас ожидала ташкентская тюрьма. Она специально была освобождена от заключённых для нас – эвакуированных москвичей. Эта тюрьма на улице Энгельса оказалась барачным посёлком. Здесь мы прожили почти весь декабрь. И ещё яснее поняли, с какой высоты и в какую грязь мы свалились. Лишь к концу декабря эвакуированных стали развозить «по квартирам». А были они сараями, курятниками или в лучшем случае подвалами больших домов.

Но отцу не пришлось пожить в полученной им квартире. Он заболел, подхватив местную амёбную дизентерию и слёг в больницу. Больше мы с братом его живым не видели. Он просил привезти нас к нему, но мамаша больше всего на свете боялась, что мы заразимся и в больницу нас с собой не брала. Между тем, рассказы матери о болезни отца становились всё более зловещими. Она пробовала его обнадёживать, но он только махнул рукой: «Отсюда никто еще не вышел». Последние же дни у него стало путаться в голове: спросил, как учиться Шура в университете. А потом он просил нагнуться к нему пониже и прошептал: «В Христа и Пресвятую Богородицу – верую!»

Такой для нас конфуз! Я поспешил списать эту его слабость на ослабевший его рассудок. А между тем это был закономерный итог всей жизни отца и его мировоззрения. Не помутившимся, а просвет-

лѣнным рассудком, который ему, вопреки всем усилиям политпросвета, удалось сохранить, понял он наконец, что всё, во что он верил и чему служил, было ложью, обманом и злом. И что великая эта ложь ограбила прежде всего его самого, его душу и отняла у него подлинное счастье – служение своим близким, семье, детям. 14 февраля, как раз в день рождения Шуры, я придя вечером из школы, застал мать и брата растерянно друг с другом переглядывающимися. Потом мать сказала: «Умер отец». И они смотрели на меня, что я буду делать. Плакать я не мог, потому что не мог понять: как это отца больше нет? Может ошибка? Да нет, вот и справка о смерти. 17 февраля мы шагали за высокой арбой, вѣзшей отцов гроб через весь город от Беш-агача до Ташкентского медицинского института на Паркентской улице, где и умер отец. А рядом с институтом было кладбище, где отца и похоронили».

Так что оба моих дедушки покоятся в нескольких тысячах километров друг от друга – один недалеко от Домодедова, а другой – в крупнейшем городе Средней Азии, в Ташкенте.

Родословная моей мамы (о Шведовых)

Из истории люберецких мест. Шведовы – предки и родственники мамы – жили в деревнях вдоль Рязанской железной дороги: в Вешняках, Люберцах и Краскове. Перед отменой крепостного права, т.е. в 60-х годах XIX века Люберцы были удельным селом – здесь существовала православная церковь и насчитывалось около 60 крестьянских дворов и более 500 жителей, а в соседней деревне Подосинки было 33 двора с 250 жителями.

В те далѣкие годы газета «Московские губернские ведомости» писала: «Если б да проехать несколько верст, например, серьезным обозным трактом «Старым Касимовским», по которому проезжает вся Гжель, все Гусляки и др. огромные вотчины, а также транспорты знаменитой Хлудовской мануфактуры, множество купцов, прикащиков и помещиков, проходят несколько десятков тысяч голов прогонного рогатого скота – так тут на первой же гати и мосту от почтовой станции Люберцов, что на Касимовском шоссе, в селе Красково можно полюбоваться на реку Пехорку с высоты двухсаженного моста, в двухаршинные щели, куда целиком проскочить может лошадь...»

По переписи 1869 года в Люберцах на 69 дворов приходилось 60 лошадей. Вообще в той российской жизни лошади играли исклю-

чительно важную роль. Было немало чисто «лошадиных» профессий: конюхи, ямщики, возницы, табунщики, объездчики, коновалы, конюгоны, конокрады... А сколько было лошадиных повозок! Лошадей запрягали в телегу, возок, дилижанс, повозку, почтовую карету, тарантас, бричку, линейку, колымагу, рыдван, сани, катались на тройках с бубенцами, скакали верхом. Вся деревенская жизнь, да и городская тоже, были неразрывно связаны с лошадьми.

Да и в биографиях многих людей нередко встречаются эпизоды, связанные с лошадьми, а особенно большой интерес в России возник в конце XIX века к лошади Пржевальского – эта порода была открыта во время многочисленных путешествий Н.М. Пржевальского по Азии. Она отличается от домашних лошадей короткой стоячей гривой и крупной головой.

С родными местами моих бабушек по маминой линии связана богатая биография «короля репортеров» конца XIX века В.А. Гиляровского, который в своей яркой жизни был бурлаком на Волге, пожарным, циркачом, провинциальным актёром, спускался в подземелья, летал на воздушном шаре... В 1884–1886 гг. он снимал дачу в селе Краскове, недалеко от Люберец. В своей книге он подчеркнул «дурную славу» селения: «Под самым Красковым, на реке Пехорке, над глубоким омутом, стояла громадная разрушенная мельница, служившая притоном «удалым добрым молодцам». Вот такими беспокойными были родные места нескольких моих бабушек по маминой линии.

Семья Шведовых. Перейдём теперь к семье моей бабушки Анны Ивановны Шведовой (после замужества Абрамовой). Она родилась 8 июля 1882 г. в деревне Подосинки и была предпоследним ребёнком в этой семье. Её родителями были крестьянин Иван Петров Шведов и его жена Татьяна Семёнова Шведова. Запись о рождении была сделана в Преображенской церкви села Люберцы Московского уезда Московской губернии. Родителями И.П. Шведова были Пётр Андрианов Шведов и Татьяна Никифорова (28 марта 1859 г.).

Семья родителей моей бабушки была многодетной: я знал пять своих бабушек по маминой линии: Александра Ивановна (тётя Саша) родилась в 1867 г., Екатерина Ивановна – в 1875 г., Мария Ивановна – в 1879 г., Анна Ивановна (моя бабушка) – в 1882 г., Ольга Ивановна – в 1885 г., Вера Ивановна – в 1888 г.; был ещё и Яков Иванович Шведов 1871 года рождения.

Мария Ивановна Шведова 9 ноября 1897 г. вышла замуж за Василия Ивановича Барляева – крестьянина деревни Выхино (они жили по адре-

Моя бабушка Анна Ивановна Шведова 1899 г.

су: деревня Выхино, д. 2026). Ольга Ивановна Шведова 19 октября 1903 г. вышла замуж за Петра Ильича Докучаева (крестьянина из Московской губернии, Подольского уезда, Островской волости, деревни Дроздовой). Брак был зарегистрирован в церкви села Беседы. Ольга Ивановна Шведова-Докучаева родилась 2 июля 1885 г., а скончалась 6 февраля 1984 г., т.е. прожила почти 100 лет. Из писем мы узнали, что они похоронены на Старолуберецком кладбище, но их могилы не сохранились.

Яков Иванович Шведов (24 года) венчался с Евдокией Васильев-ной Ремизовой (18 лет) 12 ноября 1895 г. На Старолуберецком кладбище мы нашли могилу Евдокии Васильевны и их детей и потомков Шведовых. Екатерина Ивановна Шведова родилась 21 ноября 1875 г. в деревне Подосинки, мужем Екатерины Ивановны был Иван Васильевич Мотов и жили они в Краскове. У Екатерины из Краскова было

Деревня Подосинки: семья Шведовых на крыльце своего дома.
Первый ряд сверху, вторая слева Александра Ивановна Шведова,
второй ряд сверху: первая слева Анна Шведова. Конец 1890-х годов

трое детей: Александр 1903 года, Екатерина 1907 года и Михаил (род. 1 ноября 1916 г.). Я хорошо знал Михаила и Клавдию (не была замужем) Мотовых. Михаил бывал и в нашей квартире на Профсоюзной.

Среди архивных бумаг сохранился документ от 10 апреля 1915 г. о покупке О.И. Докучаевой участка земли № 31 с половиной дома в деревне Подосинки, принадлежавшего крестьянину А.Н. Силаеву. Этот документ подписан Сельским Старостой деревни Подосинокъ Яковом Шведовым (вероятно, родным братом моих бабушек – тёти Саши и её сестёр). Именно в этом доме я нередко проводил летние дни, гостя у тёти Оли. К сожалению, о доме семьи Шведовых (в деревне Подосинки) я так ничего и не знаю. На Старолуберецком кладбище есть родственное захоронение семьи Якова Шведова, а сам Яков Шведов захоронен в братской могиле «Памятник борцов двух революций» в Люберцах (ул. Инициативная, д. 30).

Деревня Подосинки, Александра Шведова у родительского дома

В моём детстве я в летнюю пору многократно бывал у тёти Оли и иногда проводил здесь по несколько дней. У тёти Оли и дяди Пети не было своих детей, и они были рады, когда я гостил в их доме. У них был старый, уже почти слепой кот Пушок, с которым я частенько играл в саду около дома тёти Оли. Самые тёплые воспоминания об этом времени я сохранил на всю жизнь.

О самой любимой из моих бабушек – тётке Саше (Александре Ивановне Шведовой). В своём детстве и юности я особенно тесно был связан с тётёй Сашей, жившей в Москве в знаменитом жилом доме на площади Маяковского (ул. Горького, д. 32/1, кв. 54, комната 3, телефон: Д1-80-36). К сожалению, вот уже долгое время мы занимаемся активными поисками в архивах свидетельства о рождении Александры Ивановны Шведовой – и безрезультатно. Недавно мы узнали, что это свидетельство требует Введенское кладбище для узаконения её

Александра Ивановна Шведова — 1907 год

могилы. Преображенская церковь села Люберцы была построена ещё в 1632 г. и в начале XIX века был построен каменный храм, который по легенде сложили из материала заброшенного дворца князя Меншикова. В 1936 г. каменный Преображенский храм был снесён. В 1990-е годы новую церковь Преображения Господня решили построить примерно в 2 км от исторического места, а об уничтоженном храме в Люберцах напоминает сегодня стела, установленная возле городского стадиона «Торпедо». Долгие поиски свидетельства о рождении тёти Саши привели к тому, что у нас собралось большое количество информации из архивов не только о тёте Саши, но и о других родственниках – так возникла идея о написании этой книги.

Из служебной карты – анкеты-заявления тёти Саши от 12 декабря 1924 г. мы узнали следующее: Александра Ивановна Шведова родилась 17 апреля 1867 г. в деревне Подосинки (теперь город Люберцы)

Ухтомской волости Московского уезда Московской губернии (станция Ухтомская по Казанской железной дороге). Национальность – великоросс. До 1917 г. была русской подданной, а с 1917 г. гражданкой СССР. Социальное происхождение – крестьянка, отец – крестьянин, земледелец. Тётя Саша – служащая. Имущественное положение – жильё служебное, учительское. Родители – земледельцы, работают для личного пользования в Подосинках Московского уезда. Живёт в служебном помещении, учительница школы № 79 в Бутырском районе г. Москвы. Семейное положение – одинокая. На иждивении – мать (очевидно, отец уже умер). Образование среднее, окончила женскую учительскую семинарию Чепелевской, которая находилась в Москве по адресу (1886 год): Хамовническая часть 1, дом Чепелевских, № 13 (в адресной справочной книге «Вся Москва» за 1882 год адрес обозначался так: Хамовническая часть, 2-й участок, Зубовская площадь, д. 13, собственный дом). Тётя Саша окончила учительскую семинарию и посещала педагогические курсы несколько раз в Москве. Родной язык – русский, иностранных языков не знала. За границей не бывала. Делала учительские экскурсии в Крым, Финляндию и на Волгу. Беспартийная. Не в каких партиях не состояла. Подвергалась репрессиям за политическую деятельность: в 1906 г. сидела в тюрьме. Участвовала во многих педагогических съездах, устраиваемых Московским земством, во Всероссийском учебном съезде. Состояние здоровья – хронический бронхит. Служебный и практический стаж с момента первого самостоятельного заработка:

1886–1887 гг. – 1 год, учительница в земской школе, дер. Раево Московского уезда

1887–1889 гг. – 2 года, учительница в земской школе, дер. Митино Московского уезда

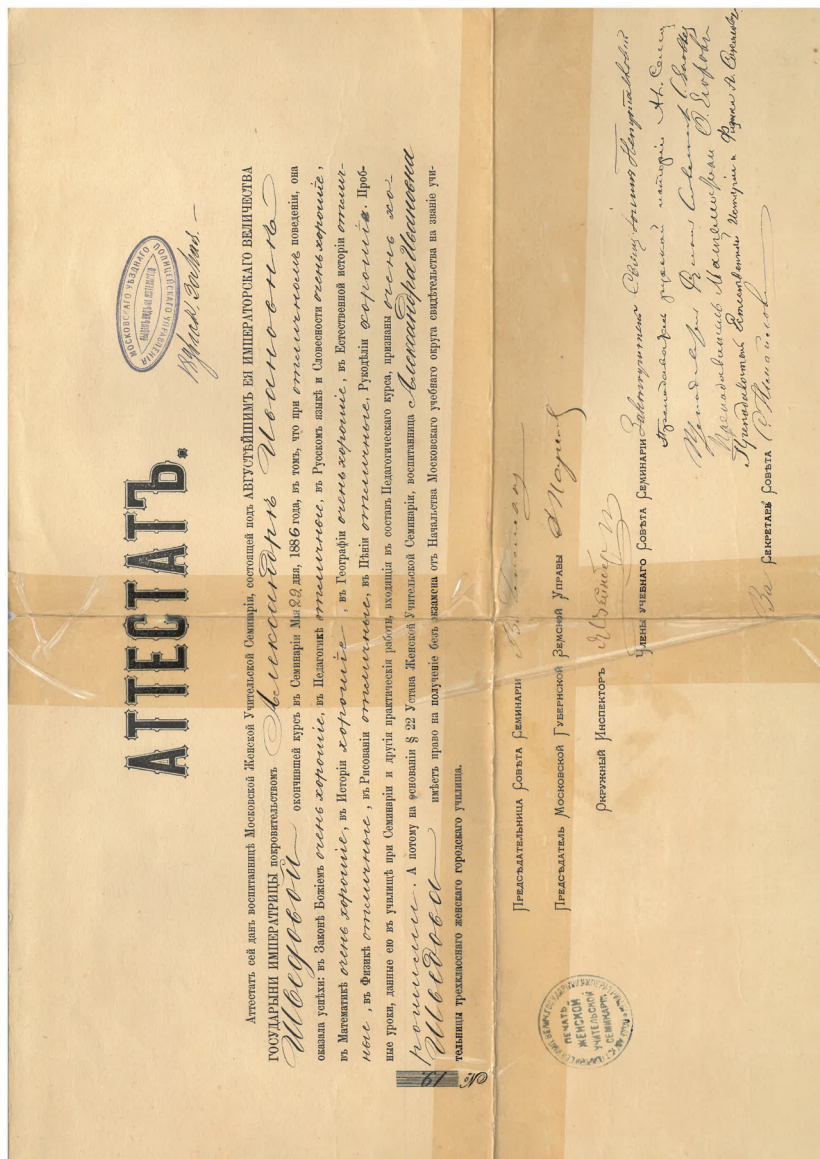
1889–1891 гг. – 2 года, учительница в земской школе, с. Бол. Мытищи Московского уезда

1891–1897 гг. – 6 лет, учительница в земской школе, дер. Раево Московского уезда

1897–1911 гг. – 14 лет, учительница в земской школе, с. Троицкое-Кайнарджи

1911–1924 гг. – 13 лет, учительница в 79-й школе первой ступени, Бутырский р-н, Москва.

В аттестате тёти Саши, сказано: Аттестат дан воспитаннице Московской женской учительской семинарии, состоявшей под августейшим её императорского величества государыни императрицы, АЛЕК-

Аттестат Александры Шведовой, 1886 год

САНДРЕ ИВАНОВНЕ ШВЕДОВОЙ, окончившей курс семинарии 29 мая 1886 г., в том что при отличном поведении она оказала успехи:

Закон Божий – очень хорошо

Педагогика – отлично

Русский язык и словесность – очень хорошо

Математика – очень хорошо

История – хорошо

География – очень хорошо

Естественная история – отлично

Физика – отлично

Рисование – отлично

Пение – отлично

Рукоделие – хорошо.

На основании устава женской учительской семинарии воспитанница Шведова Александра Ивановна имеет право на получение без экзамена от начальства Московского учебного округа свидетельство на звание учительницы трёхклассного женского городского училища. Сохранились книжки для баллов воспитанницы старшего класса Мариинского Ризоположенского женского училища А.И. Шведовой от 1881 года, из которых видно, что училась она успешно и по всем предметам оценок ниже четвёрки не было.

Учительские семинарии и школы в 1860-е годы стали самым распространённым типом педагогических учебных заведений. Епархиальные женские училища возникли по инициативе дочери императора Николая I, великой княжны Ольги Николаевны, ставшей впоследствии королевой Вюртембергской. 20 сентября 1868 г. императором Александром II был утверждён Устав епархиальных женских училищ с расширенной программой преподавания общеобразовательных предметов. В 1870 г. Министерство народного просвещения приняло «Положение об учительских семинариях», в соответствии с которым уже через два года широко развернулось создание сети таких учебных заведений. Это были полузакрытые школы среднего звена. В 1865 г. Воспитательное отделение для девиц из духовного сословия было преобразовано в женское духовное училище. В этом же году оно было переведено в специально выстроенное для него здание в Малом Харитоньевском переулке, дом 5.

В классах училища воспитанники изучали такие предметы: чтение, письмо, катехизис, Священная история, учение о богослужении, краткая история Вселенской церкви, краткая русская история, русская

и славянская грамматика, арифметика, география, краткая теория словесности, история русской литературы, черчение, рисование узоров для рукоделия и церковное пение. В старших классах преподавались естественная история, понятия о воспитании детей и христианские наставления, впоследствии физика, алгебра, геометрия и космография, а с 1867 г. ещё и педагогика. Главным предметом был Закон Божий, и на него отводилось 25 учебных часов в неделю. Из светских предметов изучались: русский язык и русская словесность, арифметика и общая геометрия, всеобщая и русская гражданская история, общая физика, педагогика и чистописание. В 1868 г. в программу преподавания Московского Филаретовского епархиального женского училища вошли новые предметы: французский язык и музыка (фортепьяно). Во внеклассное время занимались домашним рукоделием, кройкой, шитьём, вязанием и ведением хозяйства.

Училище было связано с деятельностью Братства святой равноапостольной Марии Магдалины, занимавшегося оказанием помощи в образовании и воспитании представительниц духовного сословия. Пенсионерки Мариинского епархиального женского училища полностью содержались на попечительские средства. Братство организовало стипендии в женской учительской семинарии П.И. Чепелевской для бедных девиц. Но при поступлении в семинарию нужно было иметь предварительную подготовку. Для этого были открыты три подготовительных училища, в том числе трёхклассное Ризоположенское училище, располагавшееся в здании бывшей церковно-приходской школы при храме Ризоположения на Донской улице. Позже оно было преобразовано в шестиклассное Московское мариинское епархиальное училище с образцовой церковно-приходской школой при нём. В 1885 г. училище переместили в специально купленное и перестроенное для него здание на улице Большая Ордынка, д. 22 (?).

Пенсионерки училища полностью содержались на средства попечительства о бедных духовного звания, а также получали стипендии от свечного завода. В одном учебном классе занимались от 9 до 13 девочек. В среднем по 8 часов у воспитанниц были умственные и физические занятия, 6 часов уделялось на молитву, отдых, прогулки, принятие пищи и до 10 часов на сон. Учебный год обычно продолжался с 2 августа по 15 июня, летние каникулы продолжались всего шесть недель. В июне проходили выпускные экзамены по всем предметам, на которых присутствовал епархиальный архиерей.

В целом женские церковные учебные заведения вывели на новый уровень не только женское образование, но и расширили сферу деятельности женщины, дали ей возможность получить не просто духовное образование, но и применять его в практической и трудовой деятельности: преподавать в начальных школах и училищах, повышая свой образовательный и профессиональный уровень. Именно такой путь прошла тётя Саша. В семейном архиве сохранилась фотография тёти Саши среди учителей.

С 1886 г. она работает учительницей в земских школах Московского уезда (деревня Раево, деревня Митино, село Большие Мытищи, деревня Раево и село Троице-Кайнарджи). С 1911 по 1924 г. она работает в школе № 79 первой (I) ступени в Бутырском районе г. Москвы. Именно в 1911 году она стала москвичкой

В семейном архиве, оставшемся у тёти Саши, мы нашли её биографию, написанную собственной рукой. Возможно, какие-то факты могут повторяться, но мы считали важным оставить тексты, написанные ею, без изменений. Она пишет, что «...родилась в 1867 г. в деревне Подосинки Московского уезда, Выхинской (теперь Ухтомской) волости. Родители – крестьяне этой деревни И.П. и Т.С. Шведовы, по бедности не могли мне дать образования, но как способной ученице мне была дана стипендия Московского земства в Женской учительской семинарии Чепелевской в Москве, обязывающая службою в земстве. Окончила курс в 1886 году. С 1886 по 1911 г. служила учительницей в земских школах Московского уезда: в 1886–1887 гг. в Раеве, с 1887 по 1889 г. в Митине, в 1889–1891 гг. в с. Бол. Мытищи, с 1891 по 1897 г. опять в Раеве, с 1897 по 1911 г. в с. Троицкое-Кайнарджи (деревни Фенино, Павлино, Руднево). В 1911 г. переведена в Москву во 2-е Бутырское земское училище, которое впоследствии перешло в ведение города и ныне называется 79-я школа 1 ступени Краснопресненского района. За всё время своего учительства я старалась развивать в детях гражданское самосознание, также работала и среди взрослых, читая и разъясняя им политические события. С 1903 по 1906 г. я принимала активное участие в типографии Центрального комитета РСДРП, издававшей газету «Голос Труда» под редакцией В.Л. Шанцера и М.Н. Покровского, сведения о чём имеются в Истпарте. В учительской забастовке 1918 г. участия не принимала». Эта биография написана ею собственноручно 27 февраля 1925 г.

Мы нашли также и ещё одну «исповедь» тёти Саши, датированную 20 апреля 1947 г. В добавление к уже рассказанному она описывает со-

Тётя Саша в кругу учителей, первый ряд снизу — первая слева

бытия 1905 года и последующих лет. «В это время я работала на своей родине, в Троицко-Кайнарджийской земской школе в 20 км от Москвы. Семеновцы расстреливали революционеров по Казанской железной дороге: на станциях, в рабочих посёлках Перова, в Люберцах, где был застрелен Ухтомский с группой дружинников. 33 человека похоронены в братской могиле, на кладбище в Люберцах. На Пресне, на фабрике Трехгорной мануфактуры, был застрелен семеновцами юный рабочий, мой бывший ученик Сеня Коротков, давший свою комнату под собрание дружинников. Другой мой бывший ученик, Коля Новиков, разбрасывал на Пресне прокламации большевиков среди рабочих. Это были способные мальчишки, которых мне удалось устроить в Прохоровское (теперь Трехгорная мануфактура) профессиональное училище. Туда принимали только отличников. А я с 1903 по 1906 г. принимала активное участие в типографии Центрального Комитета РСДРП, издававшей газету «Голос труда». О ней напечатано в № 6 журнала «Пролетарская революция» 1925 г. Несколько экземпляров этой газеты находятся в Музее Революции. Печаталась эта газета в подпольной Ржевской типографии, в группе Евг. Мих. Комарова. В 1903 г. Комарова взяли на Японскую войну, и я его заменила. В летние, зимние и весенние каникулы я ездила во Ржев, в типографию, где была наборщицей. Вследствие Японской войны революционное движение развивалось, потребность в литературе росла. Я привозила из Москвы шрифт и другие предметы для печати. Когда, по необходимости, свернули работу в Ржеве, я нашла квартиру для типографии у своей сестры в дер. Выхино, станция Вешняки по Казанской железной дороге. Группа устроилась под видом дачников. Заказаны были в различных механических мастерских отдельные части типографского станка и кассы. В перевозках помогал мой брат Я.И. Шведов, убитый белогвардейцами 27 ноября 1918 г.

Когда в 1905 г. на Казанской железной дороге громили семёновцы, Выхинскую типографию свернули и отвезли в Москву. После этого квартиру заняла военная организация с тов. Ярославским во главе. Сюда вошел и Е.М. Комаров. Здесь печаталась газета «Жизнь солдата». В ночь на 4 апреля 1906 г. военная организация была предана провокатором Пуцято. Группа, после шестимесячного тюремного заключения, была выслана в Якутскую область. Я отделалась тюрьмой. Комаров был убит в Якутской области в 1911 г. при попытке к бегству.

В 1911 г. я рассталась с Троицко-Кайнарджийской школой и переехала в Москву, в Бутырскую земскую школу. При расставании учени-

ки много плакали, и после писали мне трогательные письма, что они помнят все мои советы – читают книги русских классиков. Один даже прислал своё стихотворение; он был убит в империалистическую войну в Смоленске. Жалко и мне было покидать моих учеников, воспитанных, сознательно дисциплинированных. Переехала я в Москву, чтобы пополнить свои знания. Я поступила на вечерние занятия в университет Шанявского. Но вскоре, в 1914 г. началась империалистическая война, вторая революция, гражданская война. События быстро менялись, школьные занятия усложнялись, началась во всём революция.

Итак, мой педагогический стаж 43 года, революционный – 4 года. С 1886 по 1911 г. я работала в деревне, с 1911 по 1929 г. – 18 лет – в Москве. В 1929 г. я, по болезни сердца, перешла на пенсию. За революционную работу мне дали персональную пенсию республиканского значения».

Интересны заметки тёти Саши о Московском восстании в 1905 году.

«В то время как я работала в подпольной типографии в Выхино, случились важнейшие исторические события, свидетельницей которых я была. В декабре 1905 г. произошла первая революция, восстание в Москве, в связи с чем пришлось свернуть Выхинскую типографию, находившуюся около станции Вешняки по Казанской железной дороге. Во время всеобщей забастовки остановились все железные дороги, кроме Казанской, по которой ежедневно ходил поезд с боевой дружиной Ухтомского из Голутвина в Москву и обратно. Усмирить восставших из Петрограда прибыли семёновцы, и началась жестокая расправа. Дни и ночи слышались выстрелы в рабочих районах Перово, Люберцы и др. по Казанской железной дороге. Были расстреляны все начальники станций за то, что пропускали поезд с боевой дружиной. Ухтомский с товарищами (33 человека) были расстреляны в Люберцах и похоронены в общей братской могиле на Люберецком кладбище.

На Пресне погибло много рабочих, женщин и детей во время расправы жестоких семёновцев. Среди них были и два моих ученика. Как известно, восстание было жестоко подавлено, последовала ужасная реакция, империалистическая война 1914 г. А в октябре 1917 г. произошла Великая октябрьская революция».

Следующие воспоминания тёти Саши называются так: «Подпольные типографии Московского комитета в Ржеве и деревне Выхино Московского уезда, 1903–1906 гг. (Воспоминания о моей работе в них)». Она пишет:

Портрет Алексея Ивановича Тёпина (1842—1916 гг.), г. Ржев

В 1904–1905 гг. большое значение среди рабочих Московского промышленного района имела группа газеты «Голос труда». Организатором этой группы был известный Евгений Михайлович Комаров, принимавший участие в Московском восстании 1905 г. как член военной организации. Типографский станок был изготовлен ржевским столяром Ал.Ив. Тёпиным, вроде станка для печатания офортов: между двумя валами проходил набор. Вал приводился в движение лебедкой. Печатали до 50 оттисков в час, но платформа со шрифтом производила сильный шум. Это было большим неудобством в конспиративном отношении. Шумный станок променяли на шрифт эсерам в Быкове, а себе сделали новый, по типу газетных корректурных станков с тяжелым металлическим валом, катящимся по рельсам. Этот вал был выточен из канализационной трубы слесарем Пономаревым. Внутренность его заполнялась дробью. Деревянные части изготовил Алексей Иванович Тёпин из крепкого букового дерева.

В этом году (1903) были напечатаны: «Программа партии», «Кто чем живет» Динштейна, «Что делать», «К деревенской бедноте» В.И. Ленина в 1,16 долю по 1500 экземпляров и сборник «Песни борьбы». Их отвезли в Москву. Осенью наша типография стала называться «Типография Московского комитета». В 1903 г. в типографии работали: Е.М. Комаров (потомственный дворянин, революционер и студент), Я.А. Тёпин, крестьянка Федосья Пегасова из села Сытькова Ржевского уезда. Весной 1904 г. Комарова мобилизовали на Японскую войну, его заменила я, исполнявшая отдельные поручения еще в 1903 г. Я встала за станок, наборщицей проработала все летние каникулы и опять ездила на святки. В дальнейшем я неразрывно связываюсь с судьбой этих типографий. К осени, вследствие Японской войны, революционное движение развивается, потребность в литературе растет. Наша типография получает из Москвы новые части типографской машины и большое количества шрифта от В.И. Сытина, который становится членом нашей группы. Решено было печатать в Ржеве рабочую газету для Московской окружной организации. С октября мы приступили к изданию газеты «Голос труда». В ней разоблачались тогда причины Японской войны, цинизм, злоупотребления в интендантстве, выяснялись вопросы социал-демократической тактики в очень популярной форме и помещалась хроника московских фабрик. За недостатком наборщиков группа успевала выпускать в месяц только два номера в количестве 2000 экземпляров, в 1/4 печатного листа. В ноябре Московский комитет прислал в качестве наборщика нелегального Ал. Портнова, который в декабре 1905 г. поехал с литературой в Москву, там вступил в боевую дружину и был убит.

Типография помещалась в Ржеве на Екатерининской улице в доме Комаровых, в небольшом деревянном флигельке. В передней части его помещался писчебумажный магазин, в средней части жильё, а в задней – типография. Три раза в течение 1905 г. приостанавливалось печатание газеты: 23 января, когда стало известно о выступлении Гапона и пришлось вместо газеты печатать экстренно многочисленные листовки; 7 марта, когда узнали, что в нашу типографию послан наборщик, оказавшийся провокатором; и 3 (17) октября, когда во Ржеве был организован черносотенный погром и охота на Комаровых.

Благодаря обнаруженной провокации ржевская типография была временно свёрнута, а открылось её отделение в Москве. Средства для новой типографии были: шрифт от Сытина и деньги от сына фабри-

канта Н.П. Шмидта, который потом завещал и всё своё состояние до 500 000 рублей фракции большевиков и умер, замученный в тюрьме. Наша группа находилась тогда в непосредственных сношениях с центром.

Для новой типографии нужна была квартира. Я устроила группу под видом дачников у своей сестры М.И. Барляевой в деревне Выхино, но близ станции Вешняки Казанской жел. дор., в 10 км от Москвы. 14 марта 1905 г. приступили к устройству типографии. Заказаны были в различных механических мастерских отдельные части типографского станка и кассы, и затем всё это было соединено и подогнано на месте. В перевозке существенную помощь оказал мой брат Я.И. Шведов, крестьянин деревни Подосинки (теперь г. Люберцы) Московской области Ухтомского района. Он был убит белогвардейцами 27 ноября 1918 г.

С апреля здесь начали печатать газету «Голос труда» как орган МК и продолжали его до конца 1905 г., выпустив 23 номера. Газета издавалась в $\frac{1}{4}$ печатного листа средним корпусом и расходилась в 2000 экз. в Московском фабричном районе. Летом этого года наша группа очень разрослась и получила серьёзное значение как техническая организация. В Выхинской типографии в качестве наборщиков работали, кроме Тёпина и меня, ещё двое – Ал. Новиков из Подольска и Александра Валерьяновна – фамилии не помню.

С марта 1905 г. возобновил свою работу и Ржев – типография в доме Комарова. Здесь печатались: «Две тактики» В.И. Ленина, «Программа партии» с главнейшими резолюциями II съезда РСДРП, «Песни борьбы». Ржевская типография просуществовала пять лет, Выхинская – год. Ржевская типография, во избежание обыска, была зарыта со всеми произведениями и библиотекой во дворе дома Комаровых, где пролежала полтора года. Совершенно неожиданно в 1907 году она была открыта. Сарай, где она была зарыта, загорелся. Пожарные разворотили землю, загорелась бумага. По этому делу были привлечены к суду все три брата Комаровы, Соколов и Кривошеин. Младшие братья, после четырёх лет предварительного тюремного заключения, были оправданы, а Евгений Михайлович был сослан на поселение в Якутскую область, где и был убит в 1911 году при «попытке к побегу». Соколов приговорён к одному году крепости, где и умер. Корюгин умер в Москве в октябре 1923 года.

Выхинская типография претерпела иное превращение: после 30 (17) октября 1905 г. Московский комитет передал эту типографию

военной организации, в которую вместе с Ем. Ярославским, В. Антоновым, Павловичем и членом ЦК Любичем вошел и Е.М. Комаров. Эта организация использовала типографию для печатания листовок и газеты «Жизнь солдата». Выхинскую типографию, согласно приказу, Тёпин перевез на склад в Кокоревское подворье. В этой же квартире, в Выхине, та же организация устроила склад оболочек для взрывчатых снарядов. Тёпину тогда же было поручено паспортное бюро Московского комитета, которое он принял от Лунина.

В ночь на 4 апреля 1906 г. военная организация была предана секретарем Московского областного бюро, провокатором Пуцятю. Наряду с квартирой провалилось и паспортное бюро. Вместе с Корюгиным, после шестимесячного тюремного заключения, Тёпин был выслан на три года в Якутскую область, а В.И. Барляев (хозяин квартиры в Выхине – муж Марии, родной сестры тёти Саши) и сама тётя Саша отделились несколькими месяцами тюрьмы в Москве.

За революционную работу тётя Саша получила персональную пенсию республиканского значения. (Эти воспоминания составлены тётей Сашей по выдержкам из статьи Я. Тёпина «Газета “Голос труда”», помещённой в журнале «Пролетарская революция», 1925, № 6).

Все приведённые здесь рукописные материалы тёти Саши об упомянутых событиях, записки и некоторые фотографии тех лет мы с моей супругой Светланой передали в краеведческий музей г. Люберцы (именно здесь в недалёком прошлом жила семья Шведовых и происходили события, о которой идёт речь в этих воспоминаниях).

О Якове Алексеевиче Тёпине. На рубеже веков в жизни тёти Саши появился молодой человек Яков Алексеевич Тёпин. Он родился 19 апреля 1883 г. и в ранней молодости был втянут в революционную деятельность. Обладая навыками художника-гравёра, он занимался изготовлением подложных документов для боевой организации РСДРП. Вместе с тётей Сашей они работали в подпольных типографиях РСДРП в революционный 1905 год. Основная типография находилась на родине Тёпина во Ржеве, а после её провала типография действовала в Вешняках, в доме сестры тёти Саши. Печатались прокламации для революционно настроенных рабочих, работы В.И. Ленина, некоторое время издавалась периодическая газета для рабочих.

С начала 1900 г. имя тёти Саши встречается в письмах Я.А. Тёпина. О начале их знакомства нам не известно, но кое-какие факты удалось установить. На грани веков во Ржеве проходил съезд учителей, на

Старая открытка: г. Ржев, мельница и плотина
на Князь Дмитровской стороне

который приехала и тётя Саша. Именно здесь состоялось её первое знакомство с Яковом Алексеевичем Тёпиным, который вместе со своими товарищами вскоре привлёк тётю Сашу к революционной работе в подпольной типографии, организованной в Ржеве. Тётя Саша была связана с Тёпиным со времени их работы в подпольной типографии во Ржеве до конца его жизни. К этому времени ей уже было 37–38 лет, а Тёпин был совсем молодым человеком – всего около 20 лет. В те годы он был втянут в революционную деятельность. Вместе со своим отцом, ремесленным головой Ржева, искусным столяром Алексеем Ивановичем Тёпиным, они соорудили компактный типографский станок. Осенью 1903 года уже действовал новый станок с тяжёлым металлическим валом, катящимся по рельсам. Производительность его была 50 оттисков в час, но диким лязгом неконспиративно разрывал тишину ночного Ржева, и Яков приложил немалые усилия, чтобы сделать станок более «нежным».

Типография находилась под строжайшей конспирацией, много раз ей грозил провал. Заказчиком был сам Центральный комитет РСДРП, в типографии печатали статьи и брошюры – работы самого вождя – В.И. Ленина «Две тактики», «К деревенской бедноте», «Что делать?»,

проект программы РСДРП. Сама типография осенью 1907 г. неожиданно была обнаружена полицией при пожаре.

Используя свои навыки художника-гравёра, Тёпин также занимался изготовлением подложных документов в интересах московской боевой организации РСДРП. Когда печатный станок во Ржеве был обнаружен, он сумел увернуться от обвинений в сотрудничестве с «опасной» организацией и получил лишь недолгую ссылку в Красноярск. Здесь в 1902 г. Тёпин познакомился с В.И. Суриковым, а вернувшись в Москву начал учиться изобразительному искусству. Он окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества, а в 1910 г. проявил себя как критик по вопросам искусства: печатался в журналах «Аполлон», «Рампа и жизнь», газете «Биржевые ведомости».

В 1918 г. Я.А. Тёпин становится сотрудником отдела по делам музеев и охране памятников Наркомпроса – одним из активных участников деятельности по выявлению, учёту и вывозу историко-культурных ценностей в Москве, Московской губернии, Туле, Смоленске. В октябре 1918 г. он вывез из Московского дома С.П. Рябушинского и передал в филиальное хранение Румянцевского музея коллекцию икон, книги, собрание изделий из фарфора, хрусталя и бронзы. А в мае 1919 г. он был командирован в Смоленск с поручением «подробно исследовать Тенишевский музей, развернуть его и затем передать в ведение местного подотдела по делам музеев». С января 1920 г. стал старшим хранителем открывшейся в Смоленске первого мая картинной галереи, в создании которой сыграл важнейшую роль. В Москву вернулся осенью 1922 г. и работал в эти годы как художник, публиковался в журнале «Красная нива». Приведём здесь фотографию Я.А. Тёпина, сохранившуюся в нашем архиве.

1921 год полон невероятных событий в жизни Я.А. Тёпина. В это время он живёт в Смоленске и организует здесь художественную галерею, но наездами нередко посещает Москву. 14 февраля в Москве он женится на Маргарите Христиановне Бальцер и в этом же году у них рождается сын Алексей, упоминание о котором есть в сохранившихся у нас письмах тех лет от тёти Саши. В этом же году он женится на Татьяне Григорьевне (урождённой Зенгер, в первом браке Вельц, во втором Тёпина, а в третьем браке Цевловская).

В нашем повествовании важно вспомнить, что, познакомившись в 1902 г. с В.И. Суриковым в Красноярске, Я.А. Тёпин стал его почитателем и встречался с ним и после возвращения из ссылки. Из архивных

Яков Алексеевич Тёпин

писем мы узнали, что существует портрет тёти Саши кисти Сурикова. Спустя время удалось выяснить, что этот акварельный портрет был написан В.И. Суриковым в 1905 г. самого портрета мы пока найти не можем, но сохранилось его изображение, опубликованное в монографии Г.Л. Васильевой-Шляпиной «Сибирские красавицы В. Сурикова» (СПб., 2002, с. 339). О портрете упоминает и сам Я.А. Тёпин в сборнике «Письма. Воспоминания о художнике» (Л., 1977, с. 205).

Сведения о портрете мы получили в конце мая 2024 г. После нашего запроса об этом портрете в Третьяковскую галерею был получен ответ от многолетней сотрудницы Третьяковской галереи, бывшей заведующей отделом живописи второй половины XIX – начала XX веков, куратора выставки Василия Сурикова в Третьяковский галереи

Портрет Александры Ивановны Шведовой, 1915 г. В. Суриковъ

в 1998 г. Галины Сергеевны Чурак: «Суриков исполнил акварельный портрет в 1915 г. (бумага, акварель, итальянский карандаш, размер 27,2×21,8). Справа внизу подпись: В. Суриковъ. 1915. Портрет воспроизведен в черно-белом варианте в монографии Г.Л. Васильевой-Шляпиной «Сибирские красавицы В. Сурикова», Санкт-Петербург, 2002. С. 339. Местонахождение портрета неизвестно». Третьяковская галерея рекомендовала нам обратиться в Красноярский художественный музей В.И. Сурикова и Музей-усадьбу В.И. Сурикова (также в Красноярске).

Эту книгу «Сибирские красавицы В. Сурикова» издания 2002 года с портретом тёти Саши Светлана нашла и смогла купить на Avito, и теперь эта книга хранится в нашей домашней библиотеке. А изображение тёти Саши пера Сурикова мы разместили на надгробном памятнике тёти Саши на нашем родственном захоронении на Введенском кладбище.

Дочь В.И. Сурикова Наталья Кончаловская в 1983 году опубликовала книгу «Дар бесценный» и в ней есть такие строки: «Он (Суриков) уезжал в Петровский парк к одному из своих почитателей – критику Якову Тёпину. Там можно было сидеть в садике, на чистом воздухе, под солнцем»...

7 марта 1924 года Яков Алексеевич Тёпин, работавший учителем рисования в 79-й школе, пишет рукописную книгу (27 страниц) «Уединённый домик на Бутырках». В этой книге, написанной и иллюстрированной Тёпиным, он рассказывает о своей жизни того времени на Бутырках и упоминает тётю Сашу: она тоже работает учительницей в 79-й школе первой ступени Краснопресненского района. В то время учителям предоставлялось жильё в самих школах, где они работали. Насколько нам известно, тётя Саша пригласила Якова Тёпина поработать в этой школе учителем рисования, и ему тоже было предоставлено жильё. Так она оказалась близкой соседкой с семьёй Тёпиных.

Сотрудница Государственного музея имени А.С. Пушкина Татьяна Борисовна Тишунина рассказала нам о том, что она занимается исследованием творчества Я.А. Тёпина и собирает материалы о его жизни. С её помощью нам стали известны годы жизни Я.А. Тёпина – он родился в г. Ржеве 19 апреля 1883 г., а скончался 8 октября 1953 г. и похоронен во Ржеве на Смоленском кладбище рядом со своим отцом Алексеем Тёпиным. В семейном архиве сохранились несколько писем Я.А. Тёпина тётё Саше, присланных из Ржева, куда он уехал из-за плохих отношений со своим сыном в надежде приобрести здесь какое-то жильё в конце своей жизни – в 1950-е годы.

Память о Я.А. Тёпине сохранилась и в нашем доме: в гостиной висит картина кисти Тёпина, названная им «Волга у Ржева». Эту картину нам подарила родная сестра Тёпина Елизавета Алексеевна. На склоне лет она работала смотрительницей в Третьяковской галерее и получила эту картину из запасников Третьяковки при выходе на пенсию. Елизавета Алексеевна была очень дружна с моей мамой, она жила летом вместе с мамой на нашей даче того времени, которую я построил в посёлке Семхоз недалеко от Загорска, вложив в это строительство значительную часть своих денег, заработанных в Антарктиде.

Поездка в Ржев в 2024 году на родину Я.А. Тёпина. 14 августа 2024 г. мы побывали во Ржеве, где перед революцией 1905 года бывала тётя Саша, работавшая здесь в свои летние каникулы в подпольной типографии вместе с тогда ещё молодым человеком, а впоследствии

известным художником и устроителем художественного музея на заре советской власти в Смоленске Я.А. Тёпиным.

Впервые Ржев упоминается в летописи 1216 года: стоит при впадении в Волгу реки Холынки. Ржев – первый город по течению Волги. В давние годы он назывался Ржева-Владимирова; до революции левобережная часть города носила название Князь-Фёдоровская, а правобережная – Князь-Дмитровская сторона.

В первый день во Ржеве у нас была запланирована трёхчасовая автомобильная экскурсия по городу. Мы посетили многие интересные городские районы и побывали там, где была подпольная типография 1905 года (в которой работали тётя Саша и Я.А. Тёпин), сейчас здесь установлен памятный камень. Мы увидели два моста через Волгу, которая здесь удивительно маленькая – пожалуй, в два раза уже Москвы-реки в черте Москвы. Нас сопровождала краевед Наталья Георгиевна Дронова, рассказавшая о древнем и недавнем прошлом города; вместе с ней мы посетили единственный сохранившийся в городе старообрядческий храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы, а на следующий день в экскурсии в краеведческом музее познакомились с богатым прошлым города (хотя мы, к сожалению, на экскурсии по музею ничего не услышали о ржевском художнике Якове Алексеевиче Тёпине – талантливом человеке, который родился и умер во Ржеве).

Замечу, что Ржев сыграл ключевую роль в начальный период Великой Отечественной войны. Ведь именно здесь состоялась знаменитая Ржевская операция Красной Армии, в результате которой враг был отброшен на запад, а в этой битве полегло более 200 тысяч бойцов Красной Армии. Мы увидели новый прекрасный памятник павшим воинам недалеко от города, окружённый гранитом с указанием имён всех павших в великой Ржевской битве. Побывали мы и у небольшого старинного домика, называемого сейчас «Ставка Сталина». Здесь 4–5 августа 1943 г. Иосиф Виссарионович провёл почти сутки, разговаривая с генералами в дни Курской битвы.

Берега Волги во Ржеве связывают два моста; перейдя так называемый «новый мост», мы оказались на другом берегу реки и дошли до того места (на высоком левом берегу Волги), где писал свою картину Я.А. Тёпин, назвав её «Волга у Ржева». Картина хранится в нашем доме. Мы смогли найти то место, где была написана картина, и сделали фотографию этого пейзажа, который в точности совпадает с картиной, написанной около ста лет назад.

В архиве краеведческого музея мы увидели фотографию одной из картин Я.А. Тёпина, которая прежде экспонировалась в этом музее, и сохранившуюся рукопись самого Тёпина об истории Ржева.

Тётя Саша становится москвичкой. В 1911 г. тётя Саша переезжает в Москву и учительствует в школе № 79 в Бутырском районе вплоть до середины 1920-х годов. В 1912 г. она поступила на вечерние занятия в университет Шанявского. Но в 1914 г. началась империалистическая война, вторая революция, гражданская война, события быстро менялись, школьные занятия усложнялись, началась во всём революция. Поэтому учёбу в этом университете тётя Саша не завершила.

А.Л. Шанявский (1837–1905) – генерал русской армии, колонизатор Дальнего Востока, впоследствии сибирский золотопромышленник, завещал всё своё состояние на создание университета, открытого для всех, независимо от пола, вероисповедания и политической благонадёжности. Его мечтой было вложить все свои средства на такое высшее учреждение, где могли бы свободно учиться и мужчины и женщины, и русские и нерусские, одним словом, все, кто учиться желает. Летом 1905 г., когда он уже был тяжело болен, начинаются работы по устройству народного университета. Альфонс Шанявский умер 7 ноября 1905 г., успев подписать дарственную Университету на собственный дом, находившийся на Арбате.

В 1912 г. университет Шанявского переехал на Миусскую площадь. Университет имел два отделения: научно-популярное и академическое. На научно-популярном учились лица, не получившие среднего образования, а курс обучения занимал четыре года; на академическом отделении слушатели по собственному выбору проходили тот или иной полный университетский курс по циклам естественных и общественно-философских дисциплин, а курс обучения составлял три года. При университете работали и курсы элементарных знаний для слабо подготовленных слушателей. Очевидно, именно на этих курсах и занималась в те годы тётя Саша.

Сохранилось поздравление ей с 60-летием, датированное 5 марта 1925 г., от благодарных товарищей, в числе которых есть и подпись Якова Тёпина. Рукописную открытку эту нарисовал сам Тёпин. В ней мы читаем такие слова: «По случаю официального чествования Вас как ГЕРОЯ ТРУДА мы, Ваши товарищи по 79 школе, дружески приветствуем Вас как нашего милого и усердного товарища. Мы ценим Вас не только как опытного и талантливого педагога, знатока детской

души, положившего на школу двадцать пять лет, но и как приятного и ценного человека. Желаем Вам от души счастья и здоровья на долгую и благополучную жизнь».

Из почтовой открытки от 7 июня 1928 г. мы узнали адрес местожительства тёти Саши: Москва, за Бутырской заставой, 3-я улица Бебеля, д. 27, кв. 2. Первого мая 1928 г. тётя Саша стала пенсионеркой (ей была назначена пенсия в 75 рублей в месяц). Но и будучи пенсионеркой она какое-то время продолжала работать в школе (сохранился её отчет за второе полугодие 1928/29 учебного года, из которого следует, что в её группе – IV группа А – училось 18 мальчиков и девочек). Названия тем, прорабатываемых с учениками, отражали тогдашнее мировоззрение: это было строительство новой жизни, борьба с прошлыми традициями, включая и отношение к церкви – например, антирождественская компания с 19 по 26 декабря 1928 г., или антипасхальная кампания в другие даты.

Судя по письму тёти Саши моей маме от 7 июня 1928 г., она продолжает работать в школе. Мои родители очень тепло и с уважением относились к тёте Саше, часто бывали у неё в гостях и писали ей письма во время поездок на Кавказ.

Жизнь в селе Губайлово семьи Абрамовых. А теперь вернёмся к семье моей бабушки. Анна Ивановна и Александр Иванович Абрамовы после венчания 16 ноября 1906 г. в церкви при селе Знаменское-Губайлово Павшинской волости жили и работали учителями в этих местах. Сохранились две почтовых открытки от 1917 года с адресами (близ Москвы, по Виндавской железной дороге, станция Павшино, фабрика Полякова) – из Финляндии из действующей царской армии от писаря А.Н. Абрамова. В этих открытках почему-то нет совсем упоминания о его сыне Сергее. Где он находился в то время, неизвестно. Сохранилась и одна открытка мамы, когда она ещё была ребёнком, написанная отцу в армию в Финляндию – писарю Александру Николаевичу Абрамову.

Здесь уместно сказать несколько слов из истории Красногорска: бывшая земская школа была построена на деньги купца Полякова, владельца усадьбы Знаменское-Губайлово. Моя бабушка Анна Ивановна работала в этой школе.

Нынешняя судьба этих мест, к сожалению, плачевна: «На повороте с ул. Ленина на Полевую стоят два одноэтажных кирпичных дома постройки 1880-х годов. Здесь была Губайловская школа № 5, закрытая

Свадебное фото Абрамовых: моих бабушки и дедушки

в 1970 г. В обезображенном по крайней мере снаружи здании под вывеской «Стройдвор» узнать то здание крайне сложно и хочется надеяться, что здание когда-нибудь будет оценено с исторической точки зрения и отнесено к памятникам архитектуры, как и некоторые другие здания города «Поляковской поры».

В начальные годы двадцатого века Александр Николаевич Абрамов после окончания семинарии в 1903 г. был направлен учителем

Письма в период службы дедушки в Финляндии

Город Нейшлот до революции, Финляндия

Баньковского начального училища, а Анна Ивановна служила учительницей Митинского начального училища. 11 мая 1907 г. у них рождается сын Сергей Александрович Абрамов, а 2 мая 1908 г. – дочь Елена Александровна Абрамова.

Сохранилась открытка от 1914 года, в которой мама пишет своему папе в Финляндию о том, что учится в Губайловской школе. Из открытки, датированной 14 августа 1917 года, следует, что в это беспокойное время он находился в Финляндии (тогда это была часть России) в городе Нейшлот и служил в консистории Управления второго строительства Северного фронта Русской армии. В семейном архиве сохранилось свидетельство о разводе Анны Ивановны и Александра Николаевича, выданное Козловским народным судом (ныне – это город Мичуринск). А после развода он женится на другой учительнице – Валентине Ивановне Верещагиной (она была родственницей фабриканта Полякова).

Сохранилось и удостоверение Московского уездного отделения Союза Рабпроса, выданное работнице Губайловской школы I ступени Павшинского района от 21 сентября 1925 г. Анне Ивановне Абрамовой в том, что она действительно оставила службу по семейным обстоятельствам. Насколько мы поняли из сохранившихся писем, её

сын Сергей женился 17 декабря 1925 г. на тётё Варё и у них 24 августа 1926 (или 1927 г.) родилась дочь Светлана (по-видимому, в г. Павлове-Посаде Московской области); это и стало поводом для бабушки оставить работу и переехать к своему сыну. С тех пор бабушка никогда не работала и жила с кем-то и у кого-то.

Учёба мамы

Пятилетняя учёба в Сухановской школе. В 1920 г. мама кончила учёбу в школе села Губайлово и поступила в Сухановскую школу (около станции Расторгуево по Павелецкой железной дороге), где жила и училась с 1920 г. по июль 1925 г. После этого она поступает в Московский текстильный техникум имени М.С. Токарева, который находится на ул. Большая Калужская, д. 63, переезжает в Москву и живёт в общежитии техникума. Почему она выбрала текстильное производство, мы не знаем, но можно предположить, что жизнь непосредственно на ткацкой фабрике Полякова в Красногорске могла повлиять на выбор будущей профессии мамы (в детстве она видела текстильное производство и жила среди текстильщиков, а её родители учили их детей).

Во время учёбы в техникуме мама познакомилась с моим папой, они вместе проводили свой досуг, живя в Москве в общежитии техникума, ходили в московские театры, и здесь большую роль в их жизни играла тётя Саша, она доставала для них театральные билеты. Моя мама попала в текстильный техникум после учёбы и жизни в течение пяти лет в известном в те годы интернате – Сухановской школе, находившейся в Подневском районе под Москвой, куда она поступила в 1920 году, а окончила эту школу в 1925 г. (Сохранилось Свидетельство об окончании школы от 30 июля 1925 г.). По рассказам мамы, это было очень интересное время, фактически это была легендарная Сухановская школа.

В начале 1920 г. Московский отдел народного образования принял решение об организации в опустевшей подмосковной усадьбе Суханово, родовой вотчине князей Волконских, «Сухановской школы второй ступени» с интернатом для подростков, потерявших родителей в первой мировой и гражданской войнах. 8 июля 1920 г. в Сухановскую школу прибыла первая ученица, направленная сюда В.И. Лениным, дочь коменданта Горок Альма. Эта дата считается днём основания Сухановской школы. Учащиеся прибывали в Суханово из Москвы и

Подмосковья, в начале августа 1920 г. здесь было 124 ученика. С каждым новичком педагоги проводили беседу, выясняя его биографию и интересы. В начале 1921 г. школу посетила сестра В.И. Ленина Мария Ильинична Ульянова. Напомню, что в последние годы жизни Владимир Ильич с семьёй жил в Горках – по соседству с Суханово.

В учебный план Сухановской школы второй ступени входили: русский язык, литература, математика, черчение, физика и космография, химия, естествознание, география, история древнего мира, средних веков и новая, обществоведение, физкультура, иностранные языки – немецкий и французский, рисование и ознакомление с памятниками искусства, пение. Почти все имеющиеся учебники были, естественно, дореволюционного издания. День в школе строился следующим образом. После подъёма все шли на утреннюю зарядку, в летнее время независимо от погоды до завтрака обязательно купались, а зимой были прогулки на лыжах и катание на самодельных коньках. Затем следовало три часа занятий. По два часа отводилось на подготовку к докладам, физические работы и общественные мероприятия. Ещё три или четыре часа занимали «культурные развлечения» и отдых – как правило, активный. Бывшую княжескую столовую превратили в гимнастический зал, где были установлены трапеции, кольца, канаты, бревно, шведская стенка. В парке оборудовали беговую дорожку, места для прыжков в высоту и длину. Серьёзное внимание уделялось музыкальному воспитанию, на уроках музыки обучали хоровому пению и основам музыкальной грамоты. Жизнь в Сухановской школе была хорошо организована, насыщена и интересна, это была прекрасная подготовка к взрослой жизни.

Так в труднейшие для послереволюционной России 20-е годы была открыта школа в родовой вотчине князей Волконских. Здесь пекли хлеб и учились музыке, вели серьёзные археологические изыскания и ставили «Принцессу Турандот». Выбрал это учебное заведение и устроил сюда свою дочь Елену, очевидно, её отец – Александр Николаевич Абрамов. А вот где учился мамин брат Серёжа, который был на год её старше, нам выяснить не удалось.

После завершения учёбы в интернате, с января 1926 г. по май 1929 г. мама живёт в общежитии техникума и плотно общается с тётёй Сашей, иногда остаётся у неё ночевать после спектаклей. Эту информацию мы почерпнули из сохранившихся почтовых открыток тёти Саши, адресованных маме – тогда студентке текстильного техникума.

Елена Абрамова (третья справа) на практике в Ярославле

Любопытно, что в этих открытках тётя Саша пишет о событиях, которые предстоят буквально на следующий день (например, предлагает билеты в театр на завтрашний спектакль). Это значит, что местные почтовые отправления в те годы доставлялись адресатам буквально на следующий день! В этих открытках тётя Саши нередко упоминается и Я.А Тёпин – он работает (до 15 февраля 1928 г.) в редакции журнала «Красная Нива».

Годы студенческой жизни мамы. В открытках 1928 года тётя Саша способствует участию мамы в активной московской театральной жизни. В одной из открыток, датированной 1 апреля 1928 г., тётя Саша приглашает маму пойти с ней 4-го апреля в Большой театр на балет «Красный мак» (в открытке она упоминает Я.А. Тёпина, который не смог в этот день пойти в театр). А в следующей открытке, датированной 3 мая 1928 г., она приглашает маму на спектакль «Дело» с Чеховым (известнейший актёр МХАТа того времени). И в обоих письмах она предлагает маме заночевать у неё после возвращения из театра. Всё это свидетельствует о близких отношениях мамы и тётя Саши, сохранившихся на всю жизнь.

Лето 1928 года мама проводит на практике в Ярославле – на фабрике «Красный перекоп» (Починки, 3-я линия, д. 5), о чём свидетель-

Е.А. Абрамова, 1928 г.

ствует её переписка с друзьями того времени. Сохранилось письмо мамы из Ярославля от 12 августа 1928 г., адресованное её маме (моей бабушке Анне Ивановне), дяде Серёже, тёте Варе и недавно родившейся у них Светлане. В письме она пишет о практикантской жизни в Ярославле, которая будет продолжаться ещё месяц – до середины сентября. А затем она собирается на Кавказ, но упоминает и о возможной поездке в Германию (они ждали визу), которая, насколько я понимаю, так и не состоялась. Судя по письму, в Ярославле было интересно: ходили на танцы, бесплатно смотрели кино, гуляли по Ярославлю и кое-что покупали на небольшие полученные здесь деньги. Ей понравилось в Ярославле, но она всё равно очень хотела поскорее вернуться в Москву.

В домашнем архиве сохранилась фотография мамы. Сохранилась и выписка из протокола от 28 марта 1928 г., в которой отражена тогдашняя жизнь в техникуме: о злобно не посещающих учебные занятия и нарушающих дисциплину – этот протокол писала мама, которая, очевидно, была в числе дисциплинированных и послушных студентов. Она участвовала в борьбе за успеваемость студентов, за прилежное и

Елена Александровна Абрамова, 1929 год

правильное отношение к учёбе. Судя по сохранившимся протоколам, написанным рукою мамы, она была активной в общественной работе и всячески помогала в налаживании нормальной учебной жизни. Уже в те молодые годы мама вступила в Коммунистическую партию (большевиков), и всю свою жизнь была активной участницей общественной жизни страны и конкретно своего коллектива.

1927 год: Жизнь бабушки у сына С.А. Абрамова в Павлово-Посаде. Сохранилась открытка мамы от 20 июля 1927 г., отправленная по адресу: Нижегородская дорога, Павлово-Посад, Ленская фабрика, Сергею Александровичу Абрамову. В это время мама учится в техникуме и на каникулах отправляется в путешествие в Ростов-на-Дону, Новороссийск, Новый Афон. В этой открытке она обращается к своей маме, которая живёт с дядей Серёжей и тётёй Варей. Дядя Серёжа, по-видимому, работает на Ленской фабрике в Павлове-Посаде.

Полное название этой фабрики тех лет – Павлово-Покровская прядельно-ткацкая хлопчатобумажная фабрика; местные жители называли фабрику очень просто: Париж. Причина такого названия в том, что ещё в 1881 г. было основано Общество французо-русских

заводов с основным капиталом в 12,5 млн франков, которое и построило это крупнейшее в Павловском Посаде предприятие: в пору расцвета здесь трудилось около четырёх тысяч человек. В начале века рядом с заводскими корпусами появились три больших трёхэтажных каменных корпуса казарм, ставших жилыми домами для рабочих. Вероятнее всего, и семья дяди Серёжи жила в одном из таких домов.

Бабушка с дедушкой развелись, но судя по сохранившимся письмам, дедушка приезжал на деревенские праздники у бабушкиных сестёр. Просматривая письма тех лет, мы видим, что дядя Серёжа больше общался со своим отцом, чем моя мама. Вероятно, в ней глубоко «осела» обида на его уход из семьи, и мне она о своём детстве и об отце ничего не рассказывала. Более того, для меня была придумана легенда о их жизни и работе в школе в Финляндии...

Сохранилось письмо бабушки Анны Ивановны, написанное 28 апреля 1928 г. маме об их житье, уже со Светланой, в Павлово-Посаде (в письме упоминается о том, что они собираются гулять в Корнево – известном месте в этом городе). В письме она упоминает, что Сергей был в Доме отдыха, не уточняя его название и местонахождение. Из её рассказа следует, что неподалёку от дома отдыха живёт её бывший муж Абрамов Александр Николаевич (отец моей мамы) в новой семье, где растут двое ребят – мальчики Александр и Геннадий: «ребята хорошие, толстые, против Светланы нашей». «Что же ты не приехала туда, в дом отдыха, а они пошли в гости к отцу, тебя все ждали». Бабушка зовёт маму в гости и горюет, что та не приезжает даже на праздники. Недавно мы выяснили, что дом отдыха находился в Химкинском районе, рядом с селом Никольское.

Переезд мамы из Москвы в Красную Поляну в 1929 году. Судя по сохранившейся переписке этих лет папы с мамой, по возвращению из Ярославля мама поступила (после техникума) на работу на текстильную фабрику в Красной Поляне, а папа поступает в Московский текстильный институт (МТИ), продолжает учёбу и живёт в Москве. Очевидно, уже в 1929 году они становились всё ближе друг другу, но вынуждены были находиться в разных местах – папа в Москве, а мама в Красной Поляне. Они активно переписываются и, очевидно, нередко видятся друг с другом: папа приезжал в Красную Поляну, а мама ездила в Москву, чтобы попасть в театры и увидеть папу. Но, судя по письмам этого времени, отношения между ними ещё окончательно не определились.

На Ильин день 2 августа 1929 г. собрались в Выхино все родственники – и тётя Оля, и тётя Саша, и родные из Краскова, приходил и отец мамы Александр Николаевич Абрамов (на целых три дня – с отцом общались, играли в карты и пр.). Но в другом письме бабушка вновь упоминает о появлении отца на очередном празднике в Выхино и сетует, что «все три дня» отец был пьяненьким.

В письмах мамы к бабушке от 5 и 11 июня она пишет, что только что приехала в Красную Поляну, работает седьмой день подряд, без выходного, живёт в общежитии в двухкомнатной квартире с тремя девочками, есть дрова, уют, рядом магазин, баня, близко к фабрике. О Сергее – он работает посменно – от 6 до 10 часов – трудно. Бабушка приглашает маму приехать на Троицу, приедет и тётя Саша и отец и др.

12 июля 1929 г. мама пишет папе: «Мой распорядок дня – днём фабрика, до восьми по хозяйству, читаю, вечером собрание или кино». Мама работает с дядей Васей, который видел приезжавшего Мишу в качестве проверяющего, который ему понравился – «Хороший мастер выйдет».

Близкой подругой моей мамы была Валентина Кузнецова – тётя моей первой жены Норы, которая и познакомила нас впоследствии. В своём письме от 15 июля мама пишет: «Валя Кузнецова живет и работает на фабрике в Болшеве, живет как на даче: много народу, весело». В письме мама называет себя провинциалкой, а папу москвичом. Вспоминает Суханово (они с Валею Кузнецовой собираются туда: до Расторгуева, а там рядом), это место называют одним из подмосковные княжеских гнёзд. Вспоминает их годы сухановской жизни: *каждую дорожку когда-то чистила своими руками, каждую скамеечку, каждый кустик – всё это так близко и родно – очень хочется побывать. и посмотреть и тебя познакомить*. Мама выписывает журнал «Текстильные новости». Но, насколько я помню, папа так и не побывал в Суханово.

Путешествия папы на Кавказ

В письме папы от 11 августа 1929 г. упоминается о посещении им своей родины – села Константиново. Папа спускается с горки к речке Рожайке и видит, что деревня «гуляет»: много народу на улице, катаются на карусели. А через пять дней он пишет маме, что они уже едут на поезде на Кавказ через Ростов, Минводы во Владикавказ. А из письма от 20 августа следует, что они прошли свой пешеходный путь от Владикавказа до Казбека, а затем с половины восьмого и до трёх

часов дня поднимались на Казбекский ледник. Папа пишет: «Путь наш великолепен!» Вокруг прекрасные горы, шумит Терек, раздаются голоса ингушей, осетин, грузин; «однообразия нет» – заключает папа.

В Тифлисе они появились 23 августа 1929 г. и провели здесь один-два дня; папа с восторгом пишет о городе («лучше многих городов России»); особенно ему понравился проспект Руставели со всем своим окружением. Из Тифлиса они отправились в Батуми, к морю, которое папа увидел впервые в жизни, и провели здесь целых пять дней. Это была первая поездка папы на Кавказ, который стал любимым его уголком на всю жизнь; и последняя наша с ним совместная поездка в 1946 году тоже была кавказской.

Итогом первой поездки папы на Кавказ стал небольшой рассказ, написанный им как литературное произведение. У папы безусловно были наклонности к писательскому труду, и он планировал (или мечтал) написать большую монографию о шерстопрядении и шерстяной промышленности, начиная с самого начала, т.е. с овец – и в нашей комнате на Якиманке появились фотографии породистых овец и баранов, дающих то самое сырьё для шерстяных тканей. Мне помнится, что папа даже делал некоторые наброски текста, но, к сожалению, впоследствии я ничего из этого наследия найти не смог.

Сохранившийся текст рассказа папы о походе из Владикавказа к Казбеку интересен и описанием замечательной кавказской природы, и рассказом о развития туризма в советской стране. Приведём здесь полностью этот небольшой рассказ – наследие первой его поездки в горы и к морю.

Рассказ папы: «Владикавказ – Казбек (Военно-Грузинская дорога)». «Когда смотришь вперед своей дороги с террасы Владикавказской базы – кажется, что ты ногами стоишь еще в надоедливой равнине, а глаза твои витают на вершинах Кавказа, закрытых горизонтом.

Не замечаешь приземистых зданий и кустарника Владикавказа. Впереди темно-зеленые холмы, как бы поднявшиеся альпийские луга, желтеющее в разреженном пространстве. Каждый лишний метр высоты придает лугам большую желтизну, а потом они становятся безжизненными и на них надвигается горный массив разноцветного камня – черного, серого, зеленого...

Сочетание разноцветности придает вершинам коричневую окраску, которая на предельной высоте линяет в извилистый контур гор, переплетается лысынами, моренами, ледниками...

В ясное прозрачное утро выступает матовый Казбек и молчаливо манит к себе...

И вот прояснилось утро. Жаль терять время на уборку за собой и на складывание дорожных вещей. Спешим, бегаем, острым... Вереницей спускаемся по лестнице вниз, здесь общее оживление усиливается хлопотами туристов с утреннего поезда.

Полная сутолока... Заведующего загнали в круг туристов и их чемоданов:

- Сколько стоит автомобиль... линейка... арба...
- Когда отправляемся...
- Дайте место в Казбек... в Тифлис...

Нетерпение выбрасывает нас на улицу Владикавказа. Запасенная, передышкой с пыльной дороги, сила подхватывает и несет на Военно-Грузинскую.

Трудовой день владикавказцев начинается с раннего утра. Нас провожали извозчики в форменных костюмах, понукающие жиденьких лошадемок к утреннему поезду, бледные служащие учреждений с потертыми портфелями; осетины в широкополых войлочных шляпах, медленно плетущиеся из гор в свою столицу, в учреждения, на базар...

Заводским пролетариатом Владикавказ не богат. На долю этой небольшой группы ложится большая работа на единственном свинцово-цинковом заводе в СССР, где их день начинается в предутреннем мраке. Нас провожал доносящийся с другой стороны города шум и железный лязг завода...

Военно-Грузинская дорога – это шоссе, которое когда-то строил монарх для войны с горцами. Мы ее превратили в дорогу экономической и культурной связи с ними. На протяжении ее 214 километров, окрашенным в красный цвет, отдыхают сотни туристов, продвигающихся в обоих направлениях пешком, на арбах, линейках и автомобилях.

Начинается она простой вымощенной дорогой на последних улицах Владикавказа, – покидает его низким, молчаливым, окрашенным в красный цвет черепичными крышами домов, с выступавшими кое-где большими зданиями учреждений, школ и кирпичных мечетей...

Нас вышло двадцать три... Двадцать три майки с трусами, двадцать три пары тапок, двадцать две московских разноцветных кепи и одна широкополая шляпа на круглой как арбуз голове Вити Подтягина.

Легкость костюма, утренняя свежесть, омывающая полуобнаженное тело чистым горным ветерком, дальнозоркость глаз, устремлен-

ных к великанам гор, – все это улегковесило наши ноги, не чувствовавшие под собой камней дороги, и гордо, легко, проникновенно мы приближались к подножью настоящего Кавказа...

Говорить и думать о Военно-Грузинкой дороге нельзя, не сочетав вместе с нею реки, которой она обязана своим существованием.

Терек...

Узкий, мелкий, не многоводный потому, что течет с невероятной быстротой, шумный потому, что бежит по мелкому руслу, усыпанному камнями различной величины, сильный потому, что не знает препятствий...

Мы с ним встретились еще во Владикавказе и в городе разошлись. А за городом, в стороне красуется его многорукавное русло, переплетающееся водяной паутиной в низине.

Мы ушли вправо...

По сторонам дороги разбросаны кустарник, фруктовые сады; вот мы проходим мимо вывески последнего сада-ресторана, остатков прежних притонов путешественников, насажденных частниками в предвладикавказских садах. Но все это не занимает нас своей зеленью, листвой, фруктами, не привлекает красочными вывесками, и мы вступаем в ущелье.

Горы, казавшиеся еще недавно и близко и далеко, – теперь около нас, над нами уходят в небо...

Терек, шумевший в стороне, теперь бежит навстречу нам, около нас, над нами уходит в небо...

Два шага вперед, в ворота Кавказа, в ущелье, еще широкое, с многорукавным Терекком; два шага по извилистой дороге, слепо проторенной по руслу прихотливой от природы реки и мы окружены горами.

Всюду горы... Горы впереди, горы сзади, горы вверх... Напрасны попытки оглянуться...

Разноцветный камень сменил темно-зеленое подножье гор. Каменное русло реки: валуны, разбросанные по береговым долинам; дорога, вымощенная из камня и огороженная им; каменные сакли, башни; каменный массив гор...

Масса камня...

– х –

По дороге мы шли вереницей групп. Уклонов в нашем коллективе не было, но особые группировки существовали.

Миша Тимофеев с Лебедевым чувствовали себя отъявленными путешественниками и стремились вперед, забывая о других и руко-

водителе. Федя Розанов увлекал любопытных анекдотами и красноречивыми рассказами о его былом. Подтягин и Дерюгин заманивали к себе фотоаппаратом. А ведь каждому хочется занять выгодное место на скале и захватить своими глазами объектив, как говорится, попасть в фокус. Группа «умеренных» ютилась под ногами руководителя, осаждая его вопросами.

А километры уходили. Мы их не замечали, потому что великолепие окружающего несовместимо с расстояниями. Легкий горный ветер и раскаленное солнце, поднявшееся над головами к позднему утру, приумножали силы.

Фотографы лазили глазами по скалам в поисках этюдов, фонов для фотографирования; останавливали группу, усаживали, щелкали и чикали. Освобождали ребят, сползавших со скал с руганью и остротами.

Сережь, мы-то выйдем там... – любопытствовал Тимофеев, слезая с правой стороны скалы и поправляя ослабевшие трусы. (У него установилась еще в Москве привычка поправлять обеими руками брюки, когда он начинает говорить, хотя бы они и не спускались.)

А не выйдешь – пунктиром покажу... – острил Грачев.

Солнце целило в раскаленные камни дороги. Жажду испытывали все, и у каждого родника образовывалась очередь.

На полдороге ждали арбу с вещами. Полчаса валялись на зеленой долине; вытянулись, чтобы все тело дышало солнцем. Выдержали его южный полуденный накал...

Арбы не дождались. Изнуренная жарой лошадь догнала нас на второй половине пути.

А вместе с нами по дороге шло обычное движение. Мчались автомобили, оставляя за собой сплошную пыль; медленно передвигались арбы с вещами и семьями туристов. Мы нагоняли группы пешеходов, – среди них были студенты, рабочие одиночки, группы из Харькова, Кунцева...

Если попадалась группа с девушками – по их адресу бросали острые фразы, а Тимофееву всегда поручалось узнать их адрес, цель экскурсии и определить ценность их самих.

День шел на полдень... На своем пути мы прошли ст. Балты, пообедали на ст. Ларс и также уверенно продолжали путь...

Ущелье суживалось. Скалы становились таинственнее, грозно нависая над нами, образовывали крышу. Дорога выше поднималась над Терексом в хаосе камней. Шум его пронизывающе доносился до нас,

ударялся в молчаливые скалы и скользил по ним. Солнце спряталось за горы и бессолнечный мрак придавал большую таинственность окружающему.

Мы вошли в Дарьяльское ущелье...

Спустились к «Чертовой люльке» – незатейливому изобретению в борьбе со стихией жителей ущелья. Здесь Терек не широк, но быстроходен и грозен своим устремленным ревом. Через него совершенно невозможно перебросить какой-либо самодельный мост. Осетин натянул через реку проволочный канат и на люльке с роликом передвигался в воздухе на тот берег. Так он проникает в гору.

Группа смельчаков каталась на люльке. Веселый привал сопровождался рассказом руководителя о замке Тамары, сохранившемся в развалинах башни. Башня рассыпается в куски на срезанной горе перед нами на противоположном берегу. Простой рассказ рассеял в нас легенду и перед глазами осталось самое простое четырехугольное здание, напоминающее скорее «казенный» сторожевой пост, чем замок.

Лишний отдых, тем более после длинного пути, усиливает усталость. В горах начинает темнеть. Мы приближаемся к ст. Гвилеты, где предполагалась ночевка и совершенно неожиданно нас встретил Ронэ, ехавший верхом на лошади и озабоченно искавший нас в горах.

Приятная встреча. Свой парень, передовик Ронэ... Рассказы о первых группах, их экскурсиях, неувязках, катастрофах... (А между тем наш Володя-старший насторожил уши, осмысливал недостатки и планировал бесперебойный путь).

Пришли в Гвилеты красные, поджаренные... Стянуло плечи, грудь, ноги... Горит тело, раскаленное солнцем...

И попадаем мы под него такими простыми, но испытанными, жадными до его лучей. Глотаем его всеми порами тела, без разбора, без предела, словом, по-московски, а потом считаем деньки:

– А скоро ли окрепнет молодая кожа...

Ночь в Гвилетах была спокойной; организм отдыхал, а на утро «здорово» дышалось в горах. Делали первую тренировку восхождения на горы. Хотя костюмы наши и увеличились двадцатью тремя парами брюк, закрывающих от солнца вчерашние ожоги ног, всё же мы шли легко и скоро.

Взобрались к Гвилетскому водопаду.

Приятно подставить обнаженную грудь под водную пыль, разлетающуюся в стороны от водопада. Столько свежести, прохлады

около падающей воды. А какая сила летит сверху на двадцать метров вниз. Сколько пропадает энергии... Взгляды бегают за каплями воды и вместе с ними ударяются в подножье. Вверху водяной скат утопает в голубом небе. Там все широко, глубоко, бездонно...

Мы рассыпались, а фотографии с объективом нас собирали.

Спускались еще быстрее. Отдыхали у озера, купались и этим нарушили его молчание. В сторону разлетались брызги от плавающих тел. Солнце преломляло в них свои лучи и брызги кусками перламутра возвращались в воду.

Дальше в путь...

Второй день шли по Военно-Грузинской... Восемь километров каменных стен, десятки горных вершин, и мы вступили в казбекскую долину.

Казбек – цель нашего пешеходного пути. Здесь мы делаем привал на два дня. Переполнили базу своей группой, внесли в нее оживление, а обрадованная и испуганная нашим здоровым шумом заведующая базой – грузинка, с удивленными глазами, кричала:

– Тишце, щто вы шумите... Нельзя щюметь...

Мы причадили к базе. Оставался кусок свободного дня. Завхоз заботливо бегал по Казбеку в поисках столовой и хлеба. Беззаботные футболисты гоняли мяч на площади перед базой, а группа впечатлительных ребят писала дневники и письма в Москву. Вечером обсуждали дальнейший путь: сделали выговор Тимофееву и Лебедеву за убегание вперед и тем самым предупредили их на случай восхождения на монастырь и ледник.

Ночь в горах наступает скоро...

Сперва она Казбек окутала темной пеленой, во мраке которой можно видеть только контур вершин, открывающий поле звезд; потом из-за лысой горы показалась луна и впилась своими матовыми лучами в монастырь, в снежный Казбек...

Таинственными, загадочными кажутся они в лунную ночь. Нужно взобраться туда, чтобы разгадать, откуда был слышен звон колоколов, встречавших нас в Казбеке, откуда падают водопады и текут ручьи, приумножая быстроту и шум Терека, откуда сползают ледники, облизывая скалы и засыпая камнем дорогу...

– х –

Вторая тренировка.

Утром направились в монастырь.

Только в этот день мы увидели жителей гор. На пути в Казбек нам попадались аулы, отдельные сакли, станции, а обитатели их трудились... Их можно видеть черными точками в ячменном поле на высоких долинах, или среди серых точек овец, копошащихся на склонах гор.

Сегодня какой-то местный праздник. Черные горцы, в войлочных рубашах и шляпах, с крепкими палками в руках собирались в Казбек, потому что здесь их Совет, почта, рынок...

Мы шли через Гергеты – аул каменных саклей у подножья Казбека. Нас встречали чумазые малыши, обступали кругом и просили:

– Слышь, дай карандаш... Дай копейка...

– Слышь, дай, слышь...

Хорошие ребяташки обижали нас своими просьбами.

Пересекали аул. Дома образовывали лестницу. Их строили один на крыше другого, вдавая верхний в горы. Воздух аула был насыщен бараниной. Это специфический запах горных домов и селений.

Поднялись на два километра над уровнем моря. Перед нами древняя церковь с христианскими крестами и головой барана. Пробрались в священный алтарь и облокотясь на «престол» беседовали об истории храма.

Максим взобрался на колокольню и пономарил. По его примеру последовали все.

Обратно сползали с горы сидя на зад... Ноги с руками превратили в тормоз. По скользкой траве очень быстро спустились вниз...

– х –

На второй день пошли на ледник. Снаряжение увеличилось двадцатью тремя плащами и двадцатью тремя горными палками. Впереди вышли полсотни туристов разных возрастов и различных комплекций. Нам с ними не по пути. Тяжело дышала эта группа, когда мы их обгоняли.

Десятки холмов оставили внизу. Также жгло солнце, но пронизывающе дул ветер. Воздух становился разреженнее. Пахло сыростью приближающегося ледника.

Взобрались на последний холм и ледник оказался ниже нас. Глыбой камней и вереницей ручейков прорвались к моренам, а когда вступили на ледник – просияли лица ребят, защелкали фотоаппараты.

Цель достигнута. Молчаливо впились глазами в фотоаппарат. Нас запечатлели...

Спустились обратно по близкому и хорошо знакомому нам Кавказу, потому что лазили уже по его плечам...

– х –

Хорошо отдыхать после большого пути и трудных препятствий. Не хочется чувствовать усталости.

Наш организм устает, когда мы нехотя работаем, зато он крепнет, напрягается и излучает бесконечную силу и энергию, когда мы делаем большое и полезное дело.

В последнюю ночь в Казбеке не хотелось засыпать, как мы засыпаем всегда, теряя на ночь силы и чувства.

Думалось...

На потолке базы, тускло освещенной ночной керосиновой лампой, я глазами срезал хребты Кавказа и искал наших ребят, разбросанных по обнаженным мною ущельям, станциям, столицам кавказских республик.

Вот они...

Девчата обступили Чулпанова у батумской столовой и просят улучшить меню обеда, заменить котлеты мацони...

Салихов пробирается без очереди к кассе столовой и просит отпустить срочно обед для экскурсии ВСНХ.

Александровская на улице Тифлиса пытается сфотографировать пару буйволов, но ленивые животные спокойно передвигаются вперед, отмахиваясь хвостом от аппарата... Попытка не удалась...

Чернавский докушивает последнюю из килограмма вкусную грушу и хриплым голосом повторяет излюбленную фразу: «Ставок больше нет».

Хмарук с растянутым ртом стоит на фруктовом базаре и изучает язык продавцов. От безденежья часто отплевывается в сторону...

Кружков от природной привычки крепко спит, среди батумских клопов.

Любимов в ночной тиши подсчитывает деньги и просматривает план экскурсии. Он сильно возбужден, потому что полчаса убеждал ребят о невозможности изменить план, написанный в Москве.

Тимофеев жметя у девчат, выслушивая рассказы об их турнэ по Кавказу.

Сергей Сергеич важно сидит в кресле председателя Казбекского Совета и пальцем манит его к себе:

– Эй, Лукашвили, поди-ка сюда. Чтож хлеба не дают, а то мы уедем... В этот момент он чувствовал себя москвичом. Простой этот Серега...

Миша Лукьянов пишет в письме на фабрику: «Сначала ехали по железной дороге, потом прошли пешком верст пятьдесят, а потом поездом и на автомобиле...»

Иных картин на потолке не улеглось... Засыпалось...»

Из писем папы и мамы тёте Саше 29 июля 1930 года. Добрый день, тётя Саша! Весь наш путь настолько прекрасен, что поистине нужно исписать три листа, чтоб сказать о нем хотя бы немного!

Главное – разнообразие! Когда уходишь с Лёлей из Дарьяльского ущелья, ей кажется, что лучшего не встретишь, когда же она вступает в долину альпийских лугов, или снижается в область лесов, – все это ей теперь кажется прекрасным!

Это прекрасно, к тому же на сороковом пешеходном километре. И поистине путь хорош!

Когдаходишь в горы из Владикавказа, кажется, что они поглощают, впитывают в себя и незаметно, очарованные грандиозностью их, мы сейчас же окружены ими! Сколько не стараешься охватить их своими жадными и пытливыми глазами, не охватишь и не окинешь взглядом! Сколько вершин, скал, ущельев, уходящих в стороны от нашей дороги, и каждое их сопряжение, каждая скала дает бесконечное число горных пейзажей на фоне уходящих в облака вершин!

Природа большая мастерица! Как хорошо и уместно в этом ущелье бежит шумливый Терек, роясь в этой груде камней, также стекающих в его русло потоками с разрушающихся гор.

После двух экскурсий по этому страшному и настолько же красивому заманчивому Дарьяльскому ущелью я не могу вспоминать и представлять его без Терека!

В Тереке половина красот дороги! Его быстрое течение, как бы стремящееся убежать в равнину; его шум, бьющийся о скалы и возвращающийся эхом, но усиленным шумом в ушах; его и узкое и местами широкое русло, усыпанное и мелким щебнем, и крупными валунами, – все это настолько противоречит окружающему, что без Терека дорога потеряла бы половину своего прекрасного.

А в противоречиях все прекрасное в нашей жизни!

Здесь быстроходность Терека противоречит этой устойчивости массивов. Шум Терека противоречит их молчаливости, а стремящееся расшириться русло Терека суживается этими массивами скал и часто до размеров узкого, но еще шумливого ручейка!

Вот в этом-то вся прелесть первых наших 40 километров.

За Казбеком дорога поднимается на высоту около 2,5 километров, и потом за так называемым «Крестовым перевалом» мы все время спускаемся.

Здесь нет подобных Дарьяльскому ущелий, но также по-своему хорошо. Альпийские луга, а потом начинающаяся растительность, к которой мы вчера спустились.

Вполне солидарен с Леной – хорошо здесь!»

А вот что мама пишет тёте Саше в том же почтовом конверте:

«Уже 7 дней как мы на Кавказе, а сколько нового и красивого, приятного и неприятного было нами испытано.

Во-первых, Владикавказ как первая пристань на Кавказе. Особенного, правда, в нем нет. Здесь мы впервые встретили бушующий Терек, сегодня он многоводный; здесь же начинаются высокие Кавказские горы. Самое прекрасное, тётя Саша, когда впервые ты попадаешь на Военно-Грузинскую, подходящую вплотную к высокой отвесной скале. Какое-то приятное чувство, наконец ты поистине среди гор. С одной стороны это бесконечно уходящая ввысь скала-стена, по другую сторону быстро мчащийся ревущий Терек, отлогие, то зеленые, то коричневые горы.

Первый день был самым прекрасным по красоте своей дороги. Дарьяльское ущелье – это прекрасное место. Дорога все время идет прижатая к таким отвесным скалам. Здесь самое узкое ущелье – поистине ущелье! Здесь себя чувствуешь маленьким-маленьким. Горы вместе с Терекком поглощают тебя в свое глубокое и узкое пространство. И идешь ты по этой извилистой дороге-змее. Идешь уж много, а горы все не отстают от тебя. И в результате идя по такой извилистой дороге, ты со всех сторон увидишь эти прекрасные горы.

Тут нам встречались и «пронеси господи», и замок «царицы Тамары», и «Чертова люлька», по которой рисковать своей жизнью не хотелось. Первый день 30 км проехали на машине до Гвилети. Миша, правда, километров восемь шел пешком, загорал.

Здесь мы ходили на водопад, высотой примерно 20 метров. Такая красота! С такой силой падает вода, что внизу получается сильный ветер и брызги мелкой россыпью на разгоряченные тела.

Дальше начинается наше и приятное, и неприятное. Пешком прошли 30 км до Казбека. Еще издали увидели эту высокую громаду – воеводу с белой шапкой на голове. Казалось – нет больше сил,

подкашиваются ноги – стоп! Но этого не было. Какая-то внутренняя сила подталкивала и направляла вперед. Ледник, конечно, был одолен. А оттуда идти было гораздо легче. В некоторых местах было настолько скользко, что каждый шаг грозил падением вниз. Но и тут мы оказались победителями. Но устали очень. Это самый тяжелый путь.

На следующий день мы отправились дальше в Гудаури – 30 км. Дорога тоже прекрасна, но прекрасна по-своему. Тут уж не было отвесных горных скал, они заменились горами, покрытыми зелеными альпийскими лугами. На этих лугах высоко высоко пасутся стада барашек беленьких. Издали они кажутся кучкой муравьиных яиц. Миша всю дорогу ими любовался, говорит: «Наше сырье ходит по горам».

Сама станция Гудаури расположена в прекрасном месте. Стоит она на высоте, а под ней где-то низко низко расположено ущелье–долина. В середине ее протекает извиваясь ленточкой горная речка Белая Арагва, получающая свое начало с вершины горы «7 братьев», расположенных здесь же на большой высоте. В середине этой долины, как бы отдельным островком стоит священный лес, к которому приютился небольшой осетинский аул. Это место мне так понравилось! Оно по-своему прекрасно так же как и прекрасно по-своему Дарьяльское ущелье.

От Гудаута мы снова двинулись пешком 35 км до Пассанаури. Дорога совершенно другая. Здесь уже горы с альпийскими лугами. Склоны постепенно заменялись горами, покрытыми мелким кустарником, который все дальше укрупняясь превратился в настоящие большие деревья. Ты, тетя Саша, не можешь представить, какое приятное чувство появляется, когда после нескольких дней невиданных растений встречаешь настоящие деревья, под сенью которых можно спасти свои обгорелые лица. Если бы ты, тетя Саша, сейчас увидела нас – ты бы ужаснулась. Мы, вернее наши лица сплошь обгорели. Сейчас с нас сходит кожа. Особенно некрасиво это у меня. Понимаешь, на лице несколько цветов. Тут и будто красный, и свежий розовый, в общем настоящие петрушки. К концу этого пути я устала, и Миша весь остаток дороги занимал подробным рассказом любимого «Онегина», отгоняя усталость.

Вчера мы пришли в Пассанаури и сегодня мы здесь отдыхаем. Местечко очень хорошее. Завтра последний трудный путь: 40 километров пешком, а там линейки, поезд и Тифлис, потом Батум. Насчёт продовольствия здесь неплохо. И «серебра» тоже. Всюду оно есть. Только и приходится сказать: «Не так страшен черт, как его малюют». Здесь

Зелёный мыс в Аджарии. Ботанический сад.
Совместный отпуск Елены и Михаила перед заключением брака

сейчас очень много наших из техникума. Всюду то мы их, то они нас перегоняют. В общем, тётя Саша, так хорошо здесь. Я очень довольна. Крепко целую тебя. Всего хорошего. Твоя Лёля.»

1929 год: Поступление папы в Московский текстильный институт

В письме маме от 16 февраля 1929 г. (?) папа сообщил, что он уже собирался после техникума с 15 февраля на работу на Даниловскую фабрику помощником мастера в банкаброшный отдел, так как оба

прядильных отдела забиты работниками. В общем на этой фабрике ему работать хотелось, но буквально накануне выхода на работу выяснилась возможность зачисления в Московский текстильный институт (МТИ), и он немедленно собрался это сделать. В своём письме маме он пишет: «Главтуз дает отношение о зачислении нас в институт и мы решили сейчас же начать заниматься. Вчера и сегодня почти закончили бюрократизм с подачей документов и завтра в 8 часов утра переступаем порог лабораторий института. Опять за грамотой! Глубокой и серьезной! Вопрос о нашем материальном благополучии пока открыт, но мы берем работы, которые нас в некоторой степени удовлетворят».

И в том же письме мы находим другой яркий эпизод: «Был 12/II в Константинове, ходили на охоту. И охота, нужно сказать, была великолепная, хотя, как и всегда, не удачная. Гоняли двух лис, но так как животные очень хитрые, сумели провести нас 5 человек с ружьями в руках и ушли. Хотя поле преследования их было велико и впереди нас на 2 версты была река, на лед которой они спустились, ушли низом в сторону и через некоторое время показались взади нас, уходящими обратно в лес.

Мне не жалко! Охота была хороша тем, что она была напряженной и, к тому же, погода располагала к такому здоровому отдыху. Свежий и крепкий мороз! Утро нас встречало розовым и узористым от мороза востоком. День оказался светлым и безветренным. Не хотелось уходить домой, хотя мы и устали в беготне за животными».

Из письма тёти Саши маме из Зубцова (16 августа 1930 г.):

«Пишу на балконе второго этажа. Перед глазами кругом крымские виды: горы, заросшие кустарником и деревьями, скалы с многовековыми наслоениями; Волга, принявшая в себя здесь, в Зубцове, реку Вазузу, сам Зубцов, живописно расположившийся по берегам обеих рек – всё здесь мне нравится. А тишина такая, какой я нигде еще не встречала, разве вот в Плёсе. Людей как-то не видишь. Женщины сидят в садах и огородах, а мужчины как-то тихо рыбу ловят с лодок, или достают со дна реки камни для замощения дорог. Дети и те как-то не шалят. О хулиганстве здесь не имеют понятия. Фабрик нет. Город беднеет. Лавки только кооперативные. А недавно здесь процветала торговля. Поэтому здесь, рядом с высоким двухэтажным домом с огромным фруктовым садом, лепится маленький игрушечный двухоконный домик, но тоже с садом и огородом. В прежние годы здесь можно было очень дешево купить ягод, а нынешний – все вишни и

сливы померзли, яблок нет, была малина, впрочем, я застала. Весь город с садами и огородами широко раскинулся по двум рекам. Куда ни повернешься – всё новая красивая картина. Каждый день купаемся в Волге, гуляем много. В пяти минутах базарная площадь, где три дня в неделю приезжает из деревень множество возов с сеном и дровами. И все кооперативы (все они называются «Смычка») бывают полны крестьян. Но я не слыхала ни пьяных выкриков, ни звонких гармошек и песен, как под Москвой. Удивительно! Вот где можно вполне отдохнуть. Я очень довольна. Самых необходимых продуктов достаю: молоко, яйца, мясо. Купила даже янтарного мёду. Хлеб печет сестра Якова Алексеевича. Комната моя окном выходит на балкон, стоит всего 8 руб. Дом большой, чистый, с садом, баней, чуланом и погребом. Хозяйка аккуратная, заботливая по отношению к жильцам. Станция в 2 верстах. Через неделю пойдут пароходы по Волге. Можно съездить во Ржев, в Старицу. Жалко, что поздно приехала. Вернусь домой или 26 августа, а если Яков Алексеевич сюда приедет, то и я может быть задержусь до 1 сентября. Если 19-го поедешь в Подосинки, то захвати письмо и прочти там. Поклонись от меня всем. (Там праздник, по-старому, Преображение).

Наш двухэтажный дом стоит на самом высоком месте в городе, и улица раньше называлась Нагорной. Далеко видно кругом: Волга и Вазуза, горы и овраги, деревни с пестрыми полями и лугами, и бор. По берегу Волги он тянется на много верст. А воздух в нем, как в крымском бору, где-нибудь около Алупки, или Гурзуфа. Погода все время солнечная, изредка, по ночам, дожди и грозы, освещающие природу. Очень хорошо... Я чувствую себя уже поздоровевшей (как бы не сглазить!).

Дачников немного (по недостатку продуктов), а то бывало приезжали из Москвы, Ленинграда и др. Но все равно и тогда тишина не нарушалась. Таков уж город Зубцов.

Очень рада за тебя, что едешь на дрезине. Вероятно, она приходит к ночному поезду из Москвы и забирает полуночников.

Ну, всего доброго, Лёля. Целую тебя. Кланяйся в Подосинках, в Павлове, и Мише. Когда вернусь, напишу тебе. Тётя Саша.»

А из письма бабушки моей маме явствует, что живёт она в эти годы с тётей Варей, дядей Серёжей и Светланой. Та растёт, очень умненькая, память у нее прекрасная, помнит о Лёле (моей маме) и «едет» к ней «на поезде».

Портрет Александры Ивановны Шведовой кисти Я.А. Тёпина, 1925 г., хранящийся в нашем доме

Из документов об учёбе папы. Приведём некоторые сведения из сохранившихся документов о годах учёбы папы.

Из справки от 14 марта 1925 г. в Строительный техникум им. тов. Каменева следует, что Подольское отделение Союза текстильщиков просит принять в этот техникум тов. Котлякова как члена н/союза и

просит зачислить данного товарища на стипендию. Спустя три месяца, 15 июня 1925 г. Комитет Константиновской фабрики командировует М.В. Котлякова, через Подольское отделение Союза текстильщиков, в Строительный техникум имени Каменева. Но в другой справке говорится, что М.В. Котляков является выдвиженцем на научную работу М.Т.Т. (Московски текстильный техникум – ?) и получает стипендию в размере 100 рублей в месяц. В свидетельстве об окончании Московского текстильного техникума им. М.С. Токарева от 1 февраля 1930 г. и в справке от 31 января 1933 г. записано, что М.В. Котляков действительно учился в Московском текстильном техникуме с 1926 по 1930 гг., получил квалификацию техника по шерстопрядению и по окончании МТТ был командирован на дальнейшую учебу в Московский текстильный институт как выдвиженец от общественной организации техникума на педагогическую работу. Наконец, из диплома № 575760 следует, что М.В. Котляков в 1930 г. поступил и в 1932 г. окончил полный курс Московского текстильного института по специальности шерстопрядение и ему присвоена квалификация инженера-технолога.

Добавим к этому несколько строк из опросного листа от 15 июля 1925 года при поступлении в техникум: родился 30 октября 1904 года; национальность – русский, мать – крестьянка, отец – токарь (умер в 1904 г.). На текстильную фабрику поступил мальчиком при материальном складе в возрасте 8 лет. Потом работал на пишущей машинке и затем конторщиком. (Во время учёбы планирует жить при брате, который работает в Москве, занимает одну комнату, семья его в деревне). Член профсоюза текстильщиков с 1917 г., членская книжка № 303, член ВЛКСМ с 2 февраля 1925 г., номер членского билета 130037. Учился в школе второй ступени с осени 1922 г. по весну 1924 г. (всего два года).

Возникновение семьи в октябре 1930 г.

В письме мамы папе от 26 декабря 1930 г. впервые написано «Целую тебя, Миша», и здесь же присутствуют непонятные мне медицинские беспокойства мамы.

А в 1930 году образовалась семья (12 октября 1930 г. мои родители зарегистрировали свой брак в Москворецком ЗАГСе г. Москвы); в это время папе было 26 лет, а маме – 22 года. 6 ноября 1931 г. в

Краснополянском родильном доме (он действовал с конца XIX века до 1984 года) родился мальчик, которого назвали Вовой, и потекла замечательная – интересная и полная событий – семейная жизнь. Однако первые два года (1932 и 1933 гг.) семья жила «на два дома» – мама трудилась мастером на фабрике в Красной Поляне, а папа учился в Москве в институте, а потом работал на камвольно-прядильной фабрике имени М.И. Калинина в Москве – Варшавское шоссе, д. 25а (ранее это была Даниловская мануфактура, основанная в 1878 г. под названием Даниловская шерстопрядильная и прядильная фабрика товарищества Даниловской камвольной прядильни).

Из истории Красной Поляны. Здесь уместно немного рассказать о городе Лобне, в состав которого ныне входит и Красная Поляна. В 1814 г. купец Козьма Крестовников приобрёл земли пустоши Поляна у реки Альбы (Мещерихи), а его сыновья основали там ткацкое производство. Сначала это была контора, куда купцы привозили из Москвы пряжу, которую раздавали крестьянам из окрестных деревень, а местные женщины ткали на дому разные ткани. Позже Крестовниковы построили в Поляне домики-светёлки, где поставили ткацкие станки для крестьян, приходивших сюда работать. А в 1850 г. братья основали на Поляне бумагопрядильную фабрику, которая проработала 167 лет. С 1879 г. началось бурное развитие рабочего посёлка – на территории фабрики появилась казарма, баня, торговая лавка. На рубеже XIX–XX веков были построены госпиталь, ещё три казармы, дома для руководства фабрики и мастеров. В конце XIX века в деревне Пучки местными крестьянами при поддержке купцов Крестовниковых была возведена часовня в честь императора Александра II, отменившего крепостное право. А в начале XX века она была перестроена в храм Архангела Михаила.

В 1901 г. была открыта железнодорожная станция Лобня Савёловской железной дороги. Станция была названа по речке Лобня, вокруг неё начал формироваться пристанционный посёлок, в справочнике 1911 года он назван «дачной местностью Лобня». В 1912 г. в нескольких километрах от железнодорожной станции началось освоение лесного участка под учебно-показательное хозяйство Петровской сельскохозяйственной академии. В 1917 г. Озерецкая и Марфинская волости были объединены в Лобненскую волость, которая в 1918 г. была переименована в Трудовую. В сентябре 1947 г. Лобня получила статус рабочего посёлка, а 18 декабря 1961 г. была преобразована в го-

род. 14 марта 1975 г., с присоединением Красной Поляны Лобня стала городом областного подчинения с населением почти 50 тыс. человек.

В апреле 2018 г. в целях увековечения памяти защитников Отечества городу Лобне присвоили почётное звание Московской области «Населённый пункт воинской доблести». В ходе битвы за Москву во время Великой Отечественной войны в районе Лобни велись ожесточённые бои с войсками нацистской Германии. Посёлок Красная Поляна стал известен как точка, где враг ближе всего подошёл к столице. Освобождение Красной Поляны стало переломным событием битвы за Москву.

В Красной Поляне мама жила в доме 56 (ныне ул. Текстильная, д. 1А), построенном купцами братьями Крестовниковыми ещё в начале века рядом с хлопкопрядильной фабрикой. В это время в Красной Поляне вместе с мамой жила и моя бабушка, переехавшая к маме, чтобы помочь ей с только что родившимся ребёнком. В наш приезд в Лобню местные краеведы организовали для нас экскурсию по городу, и мы побывали у дома, где прошли первые два года моей жизни. Дом прекрасно сохранился и напоминает о Красной Поляне столетней давности.

Папа работает на фабрике Калинина. И лишь в конце 1932 г. или в начале 1933 г. мои родители воссоединились в комнате жилого дома рядом с камвольной фабрикой Калинина на «Зелёных горах» по тогдашнему адресу: г. Москва, Варшавское шоссе, д. 13/16, кв. 19, комната 2. Неподалёку (по адресу Варшавское шоссе, д. 8а) находился мой детский сад. Здесь я проводил практически все дни, так как родители ежедневно (кроме воскресенья) весь день были на работе. В семейном архиве сохранилась моя фотография, по-видимому, сделанная в 1933 году.

На фабрике Калинина папа работал последовательно в нескольких должностях: в 1933–1934 гг. зав. бюро рационализации, в 1934–1935 гг. инженером производства, в 1935–1936 гг. старшим инженером, с декабря 1936 по 1938 г. начальником крутильного отдела и до 15 августа 1938 г. начальником ремонтного отдела, а в августе 1938 г. он был переведён в Главное управление шерстяной промышленности Министерства текстильной промышленности СССР.

2 мая 2024 г. исполнилось наше давнишнее желание побывать в доме на «Зелёных горах», где прошли первые годы моей московской жизни, когда папа работал на здешней шерстопрядильной фабрике имени М.И. Калинина. Нам даже удалось побывать в доме моего дет-

Фотография Вовы в 1932—1933 году

ства (ныне Варшавское шоссе, д. 25), который мало изменился с тех пор и выглядит и сейчас скорее как казённый жилой дом с общим коридором и комнатами с одной общей кухней в огромной коммунальной квартире. Побывав в этом доме и поговорив с немногими оставшимися жильцами (остальных жильцов давно выселили, так как планируется капитальный ремонт этого дома), отправились найти детский сад, в который я ходил в начале 30-х годов, но подъехав к этому месту, выяснили, что буквально несколько месяцев назад здание, где располагался детский сад (Варшавское шоссе, д. 8а или 10а),

Котляков Михаил Васильевич в 1932 году

было снесено в связи с планами застройки этой территории новыми жилыми домами. Именно в этих местах начались мои первые шаги по Москве.

Немного о жизни семьи брата мамы Сергея Александровича Абрамова. Мамин брат Сергей Александрович женился 17 декабря 1925 г., его жену звали Варвара. 24 августа 1926 (или 1927) г. в Павлово-Посаде, где они тогда работали, у них родилась дочь Светлана. И бабушка Анна Ивановна, навсегда оставив работу учительницей, уехала жить в их семью, чтобы помогать с родившимся ребёнком. В те годы учителям полагалось служебное жильё в той школе, где они работают, но вместе с завершением учительства заканчивалось и казённое жильё.

Жизнь семьи дяди Серёжи оказалась очень непростой. В 1936 г. за какое-то политическое нарушение закона он был привлечён к от-

Светлана Сергеевна Абрамова — моя двоюродная сестра

ветственности, осуждён и выслан из Москвы на поселение в город Дудинку без семьи, что случалось в те годы нередко. Тётя Варя со Светланой оставались в Туле, во время войны они жили в эвакуации на Урале, а дядя Серёжа не был призван в армию и все эти годы работал в порту города Дудинки. Все эти подробности от меня держали в секрете – такое уж тогда было время.

Совсем недавно в интернете мы нашли краткую информацию о судьбе дяди Серёжи: «АБРАМОВ Сергей Александрович родился в 1907 г. в с. Губайлово Красногорского района Московской области. Русский. Из служащих. Проживал в Горношорском районе Новоси-

Моя дядя Сергей Александрович Абрамов и его жена Варвара,
Дудинка, август 1949 г.

бирской области. Помощник ткацкого мастера. Арестован 15.09.1936. Обвинение по ст. 17-58-8, 58-11 УК РСФСР. Осуждён 12.04.1937 на 8 лет ИТЛ и 5 лет лишения политических прав. Срок отбывал в Норильске, прибыл 17.07.1939 из Маринской тюрьмы, освобожден 15.05.1945».

Светлана выходит замуж, и 21 апреля 1951 г. у неё рождается сын, которого назвали Володей. Но дальше её постигла трагическая судьба – в припадке ревности её убил собственный муж (это случилось 26 апреля 1953 г.). Уже родившийся у неё ребёнок Володя фактически остался без родителей и был усыновлен тётей Варей и дядей Серёжей (маминым братом), и они стали его «родителями», которые вырастили его как родного сына. После смерти Светланы (она похоронена в Туле) тётя Варя вместе с внуком (а теперь сыном) Володей уезжает в Дудинку к дяде Серёже, и до 1966 г. они живут здесь втроём, воспитывая Володю.

Ещё живя в Дудинке они строили кооперативную квартиру в Туле, чтобы наконец вернуться в родные края. В 1965 г. в Дудинке дядя

Серёжа болеет раком, и они несколько лет борются с этим его недугом. К моменту переезда в Тулу болезнь дяди Серёжи уже достигла крайней степени; они с большими сложностями переезжают из Дудинки в Тулу осенью 1966 г., но уже 29 апреля 1967 г. дядя Серёжа умирает в Туле (недавно мы получили свидетельство о его смерти); его могила находится рядом с могилой Светланы. Все подробности жизни семьи дяди Серёжи стали известны нам из большого количества писем, сохранённых мамой в домашнем архиве. Из всего сказанного здесь ясно, какой тяжёлой оказалась судьба тёти Вари. Её последнее письмо 1987-го года было адресовано мне, когда моя мама уже находилась в больнице, за год до своей смерти.

Завершение учёбы мамы в текстильном техникуме. 1 января 1930 г. маме вручили свидетельство об окончании Московского текстильного техникума им. М.С. Токарева – она получила квалификацию техника по хлопкопрядению. В удостоверении личности, выданном маме в этом году, говорится, что она постоянно живёт в Красной Поляне и работает помощником мастера на Краснополянской фабрике. А папа практически в то же самое время, 1 февраля 1930 г. получил свидетельство об окончании того же техникума и квалификацию техника по шерстопрядению. И не теряя времени в том же году поступил сразу на второй курс Московского текстильного института. А 12 октября 1930 г. в Москворецком ЗАГСе был зарегистрирован брак папы с мамой.

После важных событий 1930 года, произошедших у моих будущих родителей, мама заканчивает техникум и уезжает работать и жить на фабрику в Красную Поляну, а папа остаётся в Москве учиться в текстильном институте. Они заключают брак и при этом фактически разъезжаются более чем на два года, и лишь в начале 1933 г. папа получает комнату в Москве, и они наконец съезжаются для совместной жизни.

Поездка папы в Крым летом 1931 года. После первого курса текстильного института 12 августа 1931 г. папа, будучи студентом, едет на поезде в Крым через Харьков и Лозовую. А 19 августа в письме из Ялты он сообщает, что участвовал в нескольких экскурсиях – в Балаклаву, в Севастополь и в окрестности Ялты. В Севастополе он посетил музей обороны Севастополя, музей революции и панораму города времён Крымской войны. Побывал папа и в музее А.П. Чехова в Ялте, где экскурсию проводила «очень убедительно и с большим темпераментом» сестра Антона Павловича Чехова Мария Павловна». А по поводу фруктов он сетует, что на базаре всё очень дорого.

В письме маме папа пишет подробно о посещении Бахчисарая, и его повествование почти целиком совпадает с моими воспоминаниями о Бахчисарае, который я посетил во время академической практики после второго курса моей учёбы в университете, т.е. в 1951 году (как раз спустя 20 лет после крымского путешествия папы). «Бахчисарай – татарский город и в прошлом и теперь. Сейчас его населяют 11 000 жителей, из них 75% – татары. Когда идешь по городу – он представляется полумертвым, и не потому, что там так мало жителей, а потому что и этих 11 тысяч трудно заметить на улицах. Оказывается, жизнь татар замкнута в четырёх стенах, обнесённых высоким каменным забором. Даже больше – у старых домов окон на улицу нет, и поэтому с внешним миром обитатели дома почти не общаются. В городе есть главная улица, идущая вдоль всего города. На ней расположены все торговые и главным образом кустарные учреждения («Здесь я починил свои тапки, которые в Севастополе снова начали принимать свой обычный рваный вид»).

«Останавливались мы в ханском дворце, где имеется музей с экспонатами, рисующими жизнь, промыслы, труд жителей города. Сам дворец тоже является музеем-памятником времен ханства. В нем еще сохранились приемная послов, комната отдыха хана, гарем, фонтаны, которые считаются священными и строились ханами с целью попасть в рай. Среди них – один «фонтан слёз», построенный ханом в память умершей жены (символ оплакивания, а цель та же: быть самому потом в раю).

Мы имели две экскурсии: одна по городу, и одна в «город мертвых». В первой экскурсии мы посетили артель женщин-татарок, работающих на ручных ткацких станках очень красивые ткани. Были на шерстяной суконной фабрике, оборудованной двумя сельфакторами и ручными трикотажными машинами. Небезынтересно тебе отметить положение женщины-татарки в прошлом. Она была на всю жизнь заключена в свой дом и не только с мужчинами, но и с женщинами почти не встречалась. Мы посетили древнюю женскую городскую баню (она функционировала до 1926 года), которую татары поистине превратили в клуб. Здесь они только и могли встречаться, говорить о своем житье. Баня имеет даже комнату-буфет, где они беседовали, угощались чаем и фруктами и даже занимались рукоделием. Самая интересная экскурсия была в Чуфут-Кале – «город мертвых», расположенный на горе, в 4–5 километрах от города. На пути мы прошли мимо очень красиво-

го Успенского монастыря с маленькой молельной в пещере, а рядом в окружении прекрасной растительности расположились кельи монахов. Сейчас в них живёт и тут же работает артель инвалидов-стариков.

Чуфут-Кале сейчас – развалина старого города, который населяло когда-то племя караимов, очень родственное евреям, но давно отделившееся от них. Теперь это племя вымирает. В городе сохранилась стена, одна гробница, выстроенная каким-то ханом в память своей жены, одна глубокая пещера, где пытали и казнили политических преступников, одна мечеть и два дома, в которых теперь живут две семьи караимов. Следы улиц в городе еще свежи, но от домов остались развалины – груды камней. Ну вот кратко о Бахчисарае. Сейчас жители его и района коллективизированы на 82%. Основное занятие: садоводство, табаководство и кустарничество, есть две школы-семилетки татарские и одна русская.

Ну надо собираться в Ялту. Сейчас в 11 часов утра едем на пароходе и в 3 часа дня будем в Ялте. Крым – 17 августа 1931 г.»

Интересно, что ровно через 20 лет, в 1951 году я во время академической практики после второго курса впервые побывал в Бахчисарае, ночевал одну ночь непосредственно у стены ханского дворца и должен констатировать, что по сравнению с описанием папы в ханском дворце мало что изменилось.

Рождение Вовы. Сохранилось письмо мамы, адресованное папе, из Павлово-Посада, куда в конце сентября заехала мама к дяде Серёже, в семье которого в то время жила бабушка Анна Ивановна и подрастала Светлана. Мама сожалеет, что именно в это время дядя Серёжа мобилизован на хлебозаготовки и дома почти не появляется, а Светлана растёт, очень хорошо говорит, но ужасно непослушна. А дальше в её письме папе такие слова: «А вот Вовка с каждым днем дает все больше и больше себя чувствовать. Стал еще больше шевелиться и иногда чувствуешь, что колотит или ножонкой или ручонкой. Да скоро это неведомое будет наяву. Остался один месяц. И страшно, и хочется!!!»

Папа в ожидании моего рождения приезжал в Красную Поляну. В первом же письме в роддом маме он поздравляет её «с 14 годом Октября и с сыном – настоящим октябренок! Ты поправляйся! Не грусти о празднике, гордись тем, что в эти дни даешь сына Республике!!!»

В следующем письме папа упоминает, что он прошёл мимо «красного дома», и в окне «увидел Вовку – он очень толстый, румяный с большими голубыми глазами. Хороший мальчуган». И дальше: «Из-

учай сына и подробно пиши о нем. Ты знаешь, в свое время я больше чем ты желал его! Пиши о Вовке всё!!!» И сообщает маме, что отправляется в Константиново «хвалиться родившимся октябрёнком», а с возвратом 11 ноября постарается достать «качку».

Из письма бабушки маме в родильный дом видно, что папа в эти дни побывал в Константиново и рассказал о рождении Вовы, а приехав обратно поведал, что дядя Ваня (Иван Васильевич Котляков) с семьёй зиму собирается провести в своей московской комнате на ул. Садово-Триумфальная, д. 16, кв. 29, телефон Д-3-01-66 (я помню этот дом на Садовом кольце – всего в одном-двух кварталах от площади Маяковского и дома, где жила тётя Саша, на улице Садово-Триумфальной).

Бабушка пишет маме письма в роддом ежедневно, сообщая о всяких жизненных подробностях, особенно связанных с подготовкой к зиме (например, о дровах для печки), и в одном из писем спрашивает: правда ли что Вовка родился длиною 72 см? Такого ведь не бывает?! И приводит в пример других новорождённых у близких людей: 45 см и 55 см.

Сохранилось письмо тёти Саши от 17 ноября 1931 г., адресованное маме и бабушке. В этом письме она сообщает свой новый адрес: Садово-Триумфальная, д. 1/2, кв. 54, ком. 9 (впоследствии дом имел адрес по ул. Горького и другой номер дома), в письме сквозит радость о теперешнем житье в этой, новой для неё комнате. Тётя Саша также упоминает, что у неё уже два месяца живёт старуха-мать (Татьяна Семёновна Шведова). Она две ночи не спала, когда ей сказали, что у Лёли нет детского белья; порывалась сшить распашонки и прочее, но не знала размеров, и выкроек не было. «Да и старческая голова не соображает уже».

Мамин дневник со дня рождения Вовы до 5 февраля 1938 г. До сих пор сохранилась мамина записная книжка, которую я помню со своих детских лет. Это своеобразный **дневничок моего детства**. На первой странице в нём записано: Вовка Котляков. 6/XI-1931 в 12 час. дня, Поляна, Коммунистический район.

Измерения:

1931 год

18.11 – длина 54 см, объём головы – 36,5 см, вес – 3.520 грамм

27.11 – вес – 3980 граммов (прибавка 460 гр.)

7.12 – вес 4330 граммов (прибавка 350 гр.)

18.12 – вес 4600 граммов (прибавка 270 гр.)

28.12 – вес 4950 граммов (прибавка 350 гр.)

1932 год

18.01 – вес 5630 граммов (прибавка 680 гр)

8.02 – вес 6200 граммов (прибавка 570 гр)-

3.03 – вес 6700 граммов (прибавка 500 гр), рост 65 см (прибавка 11 см)

18.03 – вес 7150 граммов (прибавка 450 гр), привита оспа

16.04 – вес 7930 граммов

17.05 – вес 8800 граммов, рост 68 см

18.06 – вес 9450 граммов

30.06 – вес 9800 граммов

1. 7,5 месяцев – начал ползать-

2. 6 месяцев – пошли первые зубы

3. К 8 месяцам было 7 зубов

4. Сидит с шести месяцев

30.08 – вес 10000 граммов

За неделю до года прекращено грудное питание

22.11.1932 – 1 год 16 дней начал ходить

10.12 – вес 11 250 грамм

31.12 – к одному году и одному месяцу выросло 12 зубов (8 резцов и 4 клыка)

Первое слово, которое произнес Вова, было *гуи* и *си*, затем *молоко*, «*ма-ма*»

Произношение: *аба* – шапка, лопатка; *ка-ка* – каша; *те* – книга; *го-го* – шахматы; *у-у-у* – паровоз; *ня* – камень; *бом-бом* – часы; *и-ца* – цветы; *ха* – сахар, сухари; *хо* – хвост; *ко* – кофе; *ся* – еще, сесть; *не* – нога, нож; *га* – горшок; *мя* – мячик; *моко* – мокро; *кака* – какао. Добавлю к этому, что мои первые вьющиеся волосы были пшеничного цвета и впервые постригли их, по-видимому, в 1933 году, т.е. в возрасте примерно полутора лет. И что интересно и даже, я бы сказал, значительно, что до сих пор сохранились золотистые завитки моего детства. К этому уместно добавить, что Светлана хранит и мои волосы нынешнего времени (30 июня 2025 г.) – седые, белые и без завитков.

10.03.1935 – Вове 3 года 4 месяца: считает до 16, хорошо рисует паровозы. В апреле 1935 г. вылил себе на руку горячий чай, стал заикаться; три месяца ездил на амбулаторное лечение, в октябре стал говорить нормально.

4 августа поехали вместе с Вовой на Кавказ, жили в Хосте, мы с Вовой в приморской гостинице, Миша в палатке–«шалаше». Вова

себя чувствовал там хорошо. Когда бывали большие волны – купаться боялся. В спокойное море с удовольствием входил. Любил с папой на пляже играть в «метро». Мы с ним собирали хорошие камешки. Были в Хосте 20 дней, 22 августа приехали в Москву.

24 октября заболел scarlatinой. Вове 4 года и 4 месяца – считает до 50, самое большое число – 100: «Когда я буду учиться в школе – папа купит сто тетрадей».

9 ноября 1937 г. Вове 6 лет и 4 дня. Вова говорит всё, хорошо считает до десяти. Начал учить азбуку, половину букв знает, слова из знакомых букв складывает. Ходит в новый детский сад. Папа купил Вове на день рождения лото «Сказки Пушкина», а мама из Наркомата принесла «летающие колпачки». Сейчас мы в них будем играть, папа спит.

5 февраля 1938 г. Вове 6 лет и 3 месяца. Знает все буквы, читает и пишет. Когда с ним едешь в трамвае, читает все вывески. Например, прочел: дамская парикмахерская, но чаще у него слышится: «пиво – воды». Говорит: вместо уколол – уколил.

Из писем и документов 1931–1934 гг. 15 июня 1931 г. папа получил справку такого содержания: «М.В. Котляков является выдвиженцем на научную работу М.Т.Т. и получает стипендию в размере 100 руб. в месяц». В сохранившемся комсомольском билете мамы от 1932 года сказано, что она вступила в ВЛКСМ в мае 1926 г. Этот комсомольский билет мамы мы передали на хранение в краеведческий музей города Лобни.

Из письма тёти Саши маме и бабушке от 10 марта 1932 г. (У неё тётя Оля бывает часто): «Вот 12 марта мы с ней идем в Большой на "Баядерку". А 11 марта ко мне хотели приехать Сережа с Варей и Светланой. Едут в цирк Дурова с его тюленями. Новость о Сергее: он вскоре уезжает в Кузбасс или Новосибирск, сначала один, а потом выпишет и семью. Конечно, он молод, и его тянет на новые места. Но боюсь, что тамошний климат будет суров для них». А в письме от 16 марта 1932 г., адресованном маме и бабушке, тётя Саша пишет, что передаст Серёже купленное масло (значит, пока он ещё в Москве). И ещё: Купила одеяльце для Вовы, мать живет у тети Саши, часто болеет (сердце, желудок, одышка). Телефон Сережи 45, далее 20.

Сохранилось обширное, на 12 страницах (но не полное), письмо дяди Серёжи из Новосибирска с описанием тамошней жизни. Дядя Серёжа отвечает за заочное обучение в Кузбассе, тётя Варя работает в тресте Льнострой: организация строит в Сибири льнозаводы, она

отвечает за научную работу. Светлана ходит в детский сад. Живут в меблированной комнате как в Павлово. Питание в столовой, дома не готовят. Был период, когда приходилось продавать личные вещи на барахолке. Они – пайщики жилкооперации с 1925 года. Предлагают свой пай (около 400 рублей) использовать Михаилу т.е. семье Котляковых. Пай принадлежит Варе. В ноябре 1932 г. собирается в командировку в Москву. Передаёт приветы отцу (А.Н. Абрамову), Я.А. Тёпину, тётке Саше, тётке Оле и дяде Пете. Дядя Серёжа работает в здании Кузбассугля (есть открытка).

В письме мамы от 15 апреля 1934 г. уже указан адрес нашего жилья на Варшавском шоссе., д. 13/16, кв. 40. А в выписке из домовой книги известно, что я и мама стали москвичами в 1933 году (точный месяц неизвестен). С 5 по 12 января 1935 г. мама находится в командировке в Высшем Волочке на текстильной фабрике, сохранилась переписка с описанием этих событий.

Из трудовой книжки мамы. До поступления в ЦНИХБИ в январе 1938 г. стаж мамы уже составлял 8 лет и 7 месяцев работы на Краснополянской фабрике. 31 января 1938 г. мама зачислена в Центральный научно-исследовательский институт хлопчатобумажной промышленности (ЦНИХБИ), где она работала до эвакуации во время Отечественной войны. В эвакуации она работала в Барнауле с 3 декабря 1941 г. на Гос. Всесоюзном Барнаульском меланжевом комбинате сначала в должности старшего инструктора учебного комбината, с января 1942 г. – преподавателем, а с июля 1942 г. переведена на должность заведующего учебной частью. Освобождена в феврале 1943 г. ввиду отъезда на постоянное местожительство в Москву.

Следующая запись в трудовой книжке мамы относится к ноябрю 1949 г. – зачислена на должность библиотекаря в Московском текстильном институте, но в марте 1950 г. переходит на работу в ЦНИХБИ. Здесь она трудится в прядильной лаборатории на должности старшего научного сотрудника, с 23 мая 1955 г. до января 1966 г. (вплоть до ухода на пенсию) в должности старшего научного сотрудника сырьевой лаборатории. Но уже будучи пенсионеркой она работала там же ещё два месяца – с марта по май 1967 г.

События 1935 года. В августе 1935 г. мы втроём – папа, мама и 4-летний Вова – отдыхаем в Хосте, живём с мамой в гостинице, питаемся трижды в день. А вот где живёт папа, может быть отдельно в палатке – до конца не ясно. Бываем в Сочи – там очень красиво, много

Вова с родителями на пляже в Хосте

парков (очевидно, по сравнению с Хостой). Посетили дендрарий, купили билеты на обратный поезд на 26 августа. Адрес в Москве – уже не Красная Поляна, а: Варшавское шоссе, д. 13/16, кв. 19.

Сохранилась грамота папе от Всесоюзного совета научных инженерно-технических обществ, подписанная Председателем ВСНИТО акад. Г.М. Кржижановским, от 1 июля 1936 г. за энергичное оперативное руководство работой ячейки фабрики имени Калинина, за вовлечение в общественную работу широкого научного-технического актива. И ещё сохранилась выписка из приказа директора фабрики им. М.И. Калинина от 18.09.1936 г.: «Для усиления работы отдела технического контроля и качества продукции старшего инженера М.В. Котлякова назначить Начальником отдела технического контроля. Вопросы исследовательского порядка передаются в ведение Отдела технического контроля».

По окончании института в 1933 г. папа получает распределение на фабрику имени Калинина – на Зелёных горах, и мы переезжаем в фабричный дом, где папе дали одну комнату в коммунальной квартире. Здесь мы живём вчетвером, вместе с бабушкой, но уже очень скоро выясняется, что такая жизнь нелегка, и папа ставит условие

маме – жить отдельно от тёщи. Бабушка переезжает в дом на площади Маяковского к тётке Саше, которая согласилась её прописать в своей комнате и сохранить мир и спокойствие в нашей семье. Это свидетельствует о большой доброте и великодушии тёти Саши к людям, которое проявлялось на всём протяжении её жизни.

Около пяти лет (с 1933 по 1938 гг.) мы живём в фабричном доме на Варшавском шоссе, где находится конечный круг трамвая № 33. Я хожу в детский сад, находящийся в одной автобусной остановке в сторону Москвы, и из окон этого дома видна Павелецкая железная дорога, по которой мы довольно часто летом ездим в Домодедово к бабушке.

В мае 2024 г. мы со Светланой по её инициативе приехали к тому месту (Варшавское шоссе, д. 8а), где был мой детский сад. Территория эта обнесена высоким глухим забором. Оказалось, что буквально за несколько месяцев до этого здание, где располагался детский сад, было снесено в связи с реконструкцией всего этого квартала. Но ещё 20 лет назад здесь находился мой детский сад с прекрасным парком из каштанов.

В 1935 году я обжёгся кипятком и начал заикаться. Помню, что для лечения от заикания я ходил в специальную группу заикающихся детей, которых просили говорить нараспев, что постепенно отучивало от заикания. Я был не очень послушен на этих уроках, любил залезать под стол и оттуда разговаривать нараспев, что и было главным способом лечения от заикания.

Сохранилась справка от 7 июня 1935 года о моём заикании. В ней написано, что «Вова Котляков страдает заиканием и лечится в речевом отделении поликлиники. Лечение продлится до 1 августа, после чего ребенку необходимо выехать в деревню». Действительно, спустя несколько месяцев заикание прекратилось, но иногда оно проявляется в моей жизни, когда я начинаю спешить или нервничать. Повидимому, моя нервозность, возникающая время от времени, также является следствием этого ожога в детстве.

Некоторые подробности нашей семейной жизни в 1936–1939 годах

Июль 1936 года – папа в Крыму, в Алушке-Саре. В июле 1936 г. папа по путёвке отдыхает в Крыму, в Алушке-Саре, а мама пишет ему 16 июля 1936 г. письмо в Крым из Красной Поляны, где мы живём на съёмной даче. В числе прочего мама упоминает, что у Вовки есть

теперь товарищ – мальчик трёх с половиной лет Гриша, живёт в соседней даче, так что он теперь целый день с ним (между прочим, говорят, что он сын киноартиста Андрея Абрикосова, который в фильме «Парт-билет» играет роль вредителя). Вовка очень орёт – что не по нему – берёт буквально «горлом». Кличка «нулявый» так за ним и осталась. Вова очень мало купается – он почему-то боится. Замечу, что Григорий Андреевич Абрикосов (рождения 30 августа 1932 г.) – артист театра имени Маяковского, а затем ведущий актёр театра имени Вахтангова, много снимался в кино, исполнитель роли пана-атамана Грициана Таврического в известном фильме «Свадьба в Малиновке».

В открытке папы в эти же дни – виды Алупки и крымской магнолии. А в письме мамы в Крым она спрашивает папу, не бросил ли он курить – ведь обещал. Но вообще сколько я помню – папа курил всю жизнь. Ещё, что важно – почти во всех письмах папы этих лет упоминаются головные боли, в той или иной степени мучавшие его. Позже стало ясно, что это был врождённый недостаток – слабые сосуды и какой-то порок кровообращения, который в 1947 году завершился смертельным кровоизлиянием в мозг.

В письмах есть упоминания и обо мне: уже в пять лет у меня было прозвище «НУЛЯВЫЙ». Когда оно появилось и почему, я не помню, но это моё свойство – быть перед первым – очень многое определило в моей жизни. Именно благодаря этому свойству мне удалось сделать много полезного и многого добиться в жизни.

Итак, папа в это лето живёт в Алупке-Саре в доме отдыха для театральных работников (всего в 1 км от Воронцовского дворца, до моря 10 минут ходьбы), которых почему-то на отдыхе нет. Только к концу его пребывания здесь начали появляться работники театра. Из письма папы: «Из Севастополя в Алушту ехали в открытом автобусе». Папу продуло (насморк, небольшая температура, вчера даже не ходил на море).

Характеристика по почерку гражданина Котлякова М.В. (по моему, очень верная): «Дедуктивный образ мышления: логика, любовь к фактам, склонность к анализу. Воля развита хорошо, упрям и настойчив в своих желаниях. Характер не злой, гневается редко, если вспылит, то быстро отходчив. Резко обрывать отношения ни с кем не любит, умеет быть дипломатичным. Несмотря на темпераментность склонен к тихой, спокойной жизни, в привычках своих не прихотлив, но менять их не любит. Любознательный, наблюдательный, в спорах или в разго-

воре умеет подметить слабые места «вопроса», умеет подметить детали. В работе любит быть самостоятельным, взявшись за что-нибудь, не успокоится, пока не сделает и не доведет до конца. По-видимому, начал рано, чуть ли ни с детства жить и работать самостоятельно. Не скупой, самолюбивый. Нервность заметна по почерку, но незначительная, заметна также внутренняя усталость, но умеет крепиться по характеру. Говорит ясно, просто, определенно, но не болтлив. Друзей имеет мало, с кем-бы вполне сошелся по характеру. Заботлив о близких, о семье, вспышки эгоизма сравнительно редкие и не длительные. Подпись показывает развитость общественных тенденций и административные способности или умение легко ориентироваться в любом «деле» и в любой работе». *Подпись и дата – 27 июля 1936 г.*

Альбом с рисунками моего детства. В моём детстве родители несмотря на свою занятость проводили со мной довольно много времени. С тех лет сохранился альбом с рисунками папы, сделанными рядом со мной: на страницах альбома мы видим нарисованный папой деревенский дом, надрезанный арбуз, кипарис, пальму, а я рисовал в основном паровозы с вагонами, номерами и светофорами. Может быть, это было свидетельство моей будущей любви к путешествиям и даже выбора специальности географа. Альбом этот сохранился, и на большинстве страниц почерком папы поставлены даты моих и папиных рисунков (с 1932 по 1936 гг.). Видимо, к этому же времени относится и листок с написанными папиным почерком столбиками цифр, которые я складывал ещё в дошкольное время. И рукою папы выведены оценки – в одном столбике «хорошо», а в другом «отлично».

Сохранилось и ещё несколько листов из тетрадок со следами моих первых письменных «работ». На одном листочке – написанный моей детской рукой заголовок: Русская сказка «Иван – дурак», с указанием автор: Котляков В.М. Действующие лица: Иван, мать, Гриша, барин, кучер, врач, публика, продавцы, кантонисты, царь. На следующем листочке моей детской рукой нарисованы три фигуры человечков в шляпах и над каждым надписи: «Вова, мама, папа», а на обороте этого листочка – уже известные мне слова: Вова, Вава, Валя, Серёжа, Нина, Тома, Толя, Надя, Москва, Ленинград. Из моих первых рисунков чаще всего встречаются зарисовки паровозов с вагонами, иногда автомобили и автобусы. Судя по записям родителей, эти первые мои рисунки относятся к декабрю 1935 г. и началу 1936 г. Ещё на одном моём рисунке сохранился контур большого парохода с надписью «Украина»,

по-видимому, я увидел его в 1935 г., когда мы втроём отдыхали в Хосте. И, наконец, мой первый рисунок (паровоз с вагонами) относится к декабрю 1935 года – мне всего четыре года.

В семейном архиве сохранилась всего одна памятная семейная фотография – единственная, где мы сфотографированы все вместе. Маме не понравился свой портрет на этом снимке, она отрезала эту часть фотографии, и всю жизнь мы могли видеть только двоих – папу и меня. Но недавно мы всё-таки нашли оригинал этой фотографии – его передал нам Владимир Борисович Морзинов – внук папиного брата Ивана Васильевича Котлякова, он по-прежнему живёт в доме моей бабушки в селе Константиново (д. 21), где родился и вырос мой отец и я привожу здесь семейное фото целиком.

Говорят, что в раннем детстве я был очень живой и подвижный ребёнок, не всегда слушался своих родителей, а иногда и вмешивался в текущую жизнь семьи. Ещё в далёком детстве, когда мне не было и четырёх лет, я оказался свидетелем разговора папы с мамой в ожидании приглашённых гостей. Родители обсуждали, какие закуски ставить на стол и сомневались в свежести только что нарезанной рыбы. Двух- или трёхлетний ребёнок в этом разговоре, конечно, не участвовал, но с приходом гостей я заявил: «Не ешьте эту рыбу, папа сказал, что она испортилась». А однажды, увидев на руке соседки порванный локоть, я заявил: «Тётя, а у Вас здесь пятка».

В моём детстве немалое место занимал театр. Я регулярно ходил с родителями, а иногда и со школьным классом в кукольный театр Образцова, который в те годы находился на площади Маяковского в здании как раз напротив дома тёти Саши и её подъезда. Нередко в этом театре я бывал и в студенческие годы на спектаклях «для взрослых». До сих пор я помню полюбившиеся мне спектакли: «По щучьему велению», «Волшебная лампа Аладина» и многие другие.

Некоторые справки и документы 1936–1938 гг. В 1936 году папа – председатель бюро ячейки НИТО шерстяной фабрики им. Калинина; получил грамоту Всесоюзного совета научных инженерно-технических обществ за энергичное оперативное руководство работой ячейки фабрики имени М.И. Калинина и за вовлечение в общественную работу широкого научного инженерно-технического актива. В сентябре 1936 г. папу назначают начальником отдела технического контроля, куда одновременно передаются вопросы исследовательского порядка.

Ноябрь 1936 года, Вова в пятилетнем возрасте с родителями

Из официальной справки: М.В. Котляков действительно УЧИЛСЯ в Московском текстильном техникуме с 1926 по 1930 г. и по окончании МТТ был командирован на дальнейшую учебу в Московский текстильный институт как выдвиженец от общественных организаций техникума на педагогическую работу.

Сохранилось удостоверение мамы о том, что она в 1937–1938 гг. заочно училась в Московском текстильном институте. Писем за 1937 год я не обнаружил. А вот справка Камвольной прядильной фабрики им. М.И. Калинина: «Котляков Михаил Васильевич работал на фабрике с 1933 по август 1938 г. в следующих должностях: зав. бюро рационализации с 1933 по 1934 г.; инженер производства с 1934 по 1935 г.; старший инженер с 1935 по 1936 г.; начальник крутильного отдела с декабря 1936 по 1937 г.; начальник ремонтного отдела с декабря 1937 г. по 15 августа 1938 г. В августе 1938 г. переведён в Главное управление шерстяной промышленности Наркомата текстильной промышленности».

Сохранился пропуск № 299 тов. Котлякову И.В. (*брат папы*) для входа на Красную площадь в день международного праздника трудящихся 1 МАЯ 1937 г. (вход со стороны Москва-реки через Васильевский проезд). В этот день дядя Ваня взял и меня с собой на Красную площадь, мы увидели на трибуне мавзолея И.В. Сталина и других вождей нашей страны.

Наш дом на Якиманке. Вместе с переводом папы с фабрики в Министерство текстильной промышленности СССР изменилось и наше местожительство: папе дали комнату в 20 м² в центральной части города, на улице Большая Якиманка, на последнем, пятом этаже большого жилого дома – в коммунальной квартире, где ещё в одной комнате жила семья Гончаровых с одним ребёнком, а в двух смежных комнатах обитали две многодетные родственные семьи Тимониных. В квартире было несколько детей предшкольного возраста, для которых я организовал театр теней и показал несколько постановок. В те годы коммунальные квартиры были основным видом городского жилья, люди привыкли к этому, жили дружно, нередко помогая друг другу.

Наш адрес начиная с лета 1938 года: г. Москва, Большая Якиманка, д. 37, кв. 14. Наша четырёхкомнатная квартира находилась на последнем, пятом этаже пятиэтажного кирпичного дома, и в подъезде был лифт. Комната выходила окном во двор, и был небольшой балкон, на котором, впрочем, могли размещаться два человека лёжа. С балкона

был виден большой запущенный сад французского посольства – таким не сильно ухоженным он остаётся и в наше время.

Квартира на Якиманке, куда мы переехали в 1938 году, была со всеми удобствами по тому времени: в ванной комнате была газовая горелка для нагревания воды, но изредка мы всё-таки ходили с папой в баню – в ближайшие к нам Даниловские бани, а раза два были и в Сандунах, где я помню даже бассейн для купания и плавания.

Я помню, что в летние дни у нас бывали родственники, иногда с ночёвкой, и тогда они ночевали на балконе. В комнате общей площадью около 20 м² было всё необходимое для жизни. Слева в углу у окна стояла тумбочка с радиоприёмником, далее диван – моё спальное место ночью, а за ним книжный шкаф, обращённый лицом к окну. Рядом с окном стоял письменный стол, а далее и обеденный стол со стульями, а боком к стене на уровне письменного шкафа стоял посудный шкаф, так что комната как бы разделялась на две части; в её задней части, ближе к двери, по одной стороне стояла высокая двуспальная кровать, на которой спали мои родители, а по другой – сундук с вещами (или платяной шкаф). Несмотря на всю перечисленную мебель в комнате не было тесно, и оставалось место для моих детских игр. Впрочем, в квартире был довольно широкий общий коридор, который дети, а их было немало в квартире, использовали для своих игр.

В другой изолированной комнате жила семья Гончаровых – родители с одной дочкой, а вот две другие смежные комнаты были полны людьми – здесь жили две родственные семьи Тимониных, у которых в числе прочих родственников были две девочки моего возраста и чуть старше, с которыми я дружил и устраивал кукольные спектакли (впрочем, так случилось во всей моей жизни, что в числе близких моих друзей чаще были девушки, чем ребята). На кухне, выходявшей окнами, как и наша комната, во двор, была газовая плита и три кухонных стола (помню, что над нашим столом висел ещё шкафчик с посудой). Была и ванная комната с ванной и газовой колонкой, которая, впрочем, не всегда работала, так что мыться приходилось нередко с водой, разогретой на кухне.

В нашем подъезде 37-го дома на Якиманке жили давние знакомые папы – на третьем этаже семья Седовых с одним уже взрослым сыном, который на моей памяти погиб, когда ехал стоя в кузове грузовика и не увидел вовремя шлагбаум, ударивший на ходу машины в его голову. А на 4-м этаже жила семья Клейнов, которая, судя по

сохранившимся письмам моих родителей, тоже была эвакуирована во время войны в Барнаул.

Наш большой дом на Якиманке (под тремя номерами; № 35, 37 и 39) находился на той же стороне, что и французское посольство, размещавшееся в красивом историческом особняке из красного кирпича – это был дом московского купца Игумного, построенный ещё в XIX веке. А напротив здания посольства возвышалась старинная православная церковь Ивана Воина, которая не закрывалась никогда в годы советской власти. Своё название улицы Якиманка получила по названию одного из пределов церкви Иоанна Воина (Якиманка – это Яким и Анна, т.е. имена родителей богородицы, девы Марии, родившей Иисуса Христа). А всего в одной остановке в сторону от центра Якиманка вливалась в Калужскую площадь – тогда имевшую круглое очертание. В нижнем этаже окружавших площадь двухэтажных домов находились магазины и большая сберегательная касса, которой мы пользовались в незатейливых финансовых операциях того времени, включая получения денег на выигравшие облигации обычных тогда государственных займов. Помню я и большой рыбный магазин, где покупали судака, навагу, селёдку, а иногда и красную икру по доступной цене. На углу Калужской площади и Якиманки возвышался высокий храм Казанской иконы божьей матери. Храм был построен в память об освобождении Болгарии от Османского ига в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С 1935 г. в бывшем храме размещался кинотеатр «Авангард», а в 1972 г. он был снесён. Ныне сбоку на этом месте находится лишь небольшая часовня, построенная в 2000 году.

Велосипедное путешествие папы на Кавказ летом 1938 г. Папа в свои молодые годы был хорошим велосипедистом, но это его увлечение, увы, не возникло в моей жизни. Папа участвует во многих велосипедных соревнованиях, в том числе и в велосипедных путешествиях на Кавказ. В письмо маме от 31 июля 1938 г. он пишет из Пассанаури: «Мы прошли самую тяжелую часть пути. Это велосипедная поездка, велосипеды были отправлены из Москвы поездом отдельно. С опозданием на два дня 29 июля выехали из Орджоникидзе. Путь до Казбека по ущелью был очень тяжелым, до Ларса ехали на велосипедах, но далее пришлось идти пешком, причем дул сильный ветер. Из Орджоникидзе выехали в 6 часов утра и в Казбек прибыли в 2 часа дня. Погода в Казбеке очень холодная с сильным ветром и сплошной облачностью. Здесь ночевали и на другой день выехали в Пассанаури.

Первая половина пути была также очень тяжелая. От Казбека до Крестового перевала шли пешком, а далее до Пассанаури ехали на велосипеде, совершенно не работая педалями. В Пассанаури уже значительно теплее, ветра нет, но также сплошная облачность. Жажда к солнцу и морю заставляют нас сегодня ехать в Тбилиси. В этот раз её суровость, т.е. груды камней, обнаженные скалы, шумливый Терек сопровождалась сильным ветром и густой облачностью.

Конечно, очень красиво Дарвазское ущелье. С каждой минутой новый горный пейзаж и новые очертания «горного горизонта». Путь от Крестового перевала до Пассанаури также своеобразно красив. Из альпийских лугов мы постепенно спускались в богатую растительность. Погода с каждой минутой становилась мягче. Очень красивый вид с высшей точки Млетского спуска к селению, расположенному на берегу Арагви. Военно-Грузинская дорога с 1930 года ничем почти не изменилась, чаще лишь попадают группы рабочих, которые ремонтируют дорогу, да кое-где идет разработка камня.

Как живете вы, как чувствует себя Вова? Скажи ему, что в Пассанаури в доме туриста есть маленький мишка, ему всего пять месяцев, поймали его в месячном возрасте в пассанаурских лесах. Просит передать привет матери, Ив.Вас., Толе, Шурке, Коле и Вале. (Это – дети папиного брата Ивана Васильевича).

А вот текст моего письма (мне шесть с половиной лет): «Мама, купила ли ты мне 3 оплсина, 100 грамм раковых шеек, 300 грамм сосисок, 1 коробку земленики в шоколаде и последнюю ... шоколада Три поросёнка. Письмо папи: дорогой папа, вам не пройти через фабрику, вы идите через синий городок. Папа и мама преежайте 30 марта»

В семейном архиве сохранилась фотография папы в команде велосипедистов с подписью После парада физкультурников в Москве 30 июня 1935 года. Фабрика им. Калинина».

Следующее письмо папы от 3 августа 1938 г. из Сухуми: «Мы уже благополучно третий день отдыхаем в Сухуми. Погода, как и всегда здесь, стоит очень хорошая. Мы уже успели немножечко «подгореть», но как будто без злокачественных последствий. Дом туриста здесь очень хороший, питание также. Завтра очевидно поедем в Новый Афон.

От Пассанаури до Сухуми наш путь следовал следующим образом. 31 июля в 12 часов дня мы выехали. После сурового Дарьяльского ущелья дорога была очень красивой своими зелёными и с каждым километром всё расширяющимися ущельями. Ограждающие их горы

После парада физкультурников в Москве 30 июня 1935 года.
Фабрика им. Калинина. Папа — шестой справа

постепенно снижались, но растительность на них становилась все гуще и зеленее. В 6 часов мы приехали в Мцхету, наскоро пообедали и далее в Тбилиси.

В Тбилиси сейчас же сдали в багаж велосипеды и с поездом в 9 час. 40 мин. вечера выехали сами на Сухуми. Так быстро билет мы смогли достать без плацкарты и в «общем» вагоне, ехали в отвратительных условиях, но это лучше, чем ночевать в Тбилиси и беспокоиться о билете. Мы уже 1 августа были в Сухуме и через два часа вкушали удовольствие морского купания.

Чувствую я себя в Сухуме очень хорошо. Жару переношу значительно лучше, чем прежде и в особенности здесь. Очевидно, сказывается велозарядка. Режим нашего отдыха здесь такой: в 8 час. встаем на завтрак. После завтрака идем на море, где загораем и купаемся до 12–13 часов. Затем 1–2 часа отдыхаем в тени, если не идем в город. После обеда мертвый час и опять на море. Ужинаем примерно в 9 часов и спать. Спим мы в маленькой палатке на 2 персоны вместе с Сергеем. Палатка хорошо благоустроена.

Здесь много фруктов и сравнительно недорого: груши – 2 руб., яблоки – 1,5–2 руб., персики – 2–2,5 руб., сливы – 1–1,5 руб. Экскурсиями по городу и в другие места мы не занимаемся. Предпочитаем отдыхать на Военно-Грузинской, а также набираемся сил на дальнейший путь».

В письме папа несколько раз упоминает Константиново – несмотря на занятость, он часто приезжал и виделся с бабушкой, дядей Ваней, да и с тётей Полей в Беляево тоже. Сколько я помню, бабушка никогда не приезжала в Москву, она была «привязана» к своему дому и хозяйству, и я помню её в Москве только на похоронах папы.

И, наконец, последнее из этой поездки письмо папы из Хосты 9 августа 1938 г.

«Сегодня ночью мы закончили свой маршрут, отдыхаем еще четыре дня здесь и в ночь на 13 августа едем в Москву.

Домой!!!

7 августа совершенно неожиданно в почтовом отделении в Гаграх я получил твоё с Вовой письмо, за что вас сердечно благодарю, особенно Вову за его прекрасную записку.

4-го вечером мы выехали в Новый Афон, где переночевали одну ночь и так как на следующий день была пасмурная погода, выехали дальше в Гагры. В конце пути в Гагры нас помочил немного дождь, но всё же мы доехали благополучно. Отдохнув в Гаграх, мы вчера к вечеру решили ехать в Хосту, но здесь пошли на нас напасти. До 7 часов вечера была закрыта камера хранения. К этому времени мы сдали постельное бельё, оформили выбытие и, оказывается, переднее колесо моего велосипеда имеет прокол. Сменили камеру на запасную, опять прокол, а времени уже около 8 часов вечера. Решили остановиться ночевать в Гаграх, но мест для нас не оказалось (в Гаграх очень переполнен Дом туриста).

В 8.30 вечера мы всё-таки решили ехать, как говорят, «на шоссе». Ехали с очень медленной скоростью и только в 1.30 ночи прибыли в Хосту. И на последнем участке пути у меня была небольшая авария. В начале Адлера мы ехали по одному спуску, мой велосипед пошел с очень большой скоростью вниз по шоссе и метров за 5–6 я увидел очень крутой поворот. Сообразив, что с этой скоростью повернуть трудно, я начал тормозить; тормоз мой сразу не взял, и это принудило меня соскочить. «Пропахал» я вместе с велосипедом около метра пути. В результате немного ушиб правую ногу (в коленке), со-

драл правую ладонь руки и разорвал рубашку. Велосипед больших поломок не имел, мои ушибы тоже очень лёгкие, и через пять минут мы продолжили путь.

Знаешь, Лёля, очень красиво ехать по этой дороге лунной ночью и в смысле ощущений это, пожалуй, был хороший заключительный участок нашего пути. Об этой маленькой аварии ты, пожалуйста, не беспокойся, мне уже она напоминает только маленькой ссадиной на правой руке.

Хосту я еще осмотреть толком не успел, хотя сквер, приморская гостиница, столовая в доме туриста мне живо напомнили 1935 год. Я себе очень ясно представил перебежку «потерявшегося» Вовы...

Лёля! 7-го мы в Гаграх купили билет на Москву. Наш поезд № 22, отходит из Сочи 12-го в 22 час. 17 мин. и прибывает в Москву 14-го в 7 час. 38 мин. вечера. Вагон № 9. Если у вас всё благополучно, приезжайте встречать.

Вова! Я получил твое письмо. Написал ты очень хорошо. Сейчас я пишу письмо из Хосты, как раз в том месте, где ты пил нарзан с сиропом и однажды сшиб себе ногу.

Моя поездка с мамой в Анапу летом 1939 года. В письме мамы папе от 12 августа 1939 г.: «Доехали поездом до Новороссийска, а оттуда автобусом в Геленджик. Там встретились со знакомыми, пошли на море и тут началась неприятность. В Геленджике, собственно, и моря то нет. Бухта очень длинная, пляжа совершенно нет; берег каменный, дно или вязкое, или острые камни. В общем, это не купание». В целом Геленджик маме не понравился, она решила на следующий же день ехать в Анапу. Ночевали за 5 рублей у одной хозяйки в очень «чистенькой» комнате. На следующий день уже пароходом отправились в Новороссийск. Вова не согласился ехать автомобилем, потому что в предыдущий день нас дорогой «укачало». Местный пароход был небольшой, ехали 2,5 часа, Вова все время лежал, но море было относительно спокойно. Здесь пересели на большой теплоход «Николай Островский», который довёз до Анапы, в 8 часов вечера. Пароход к берегу не подходит, нас высаживали на большой моторной лодке, и в это время начался сильный дождь. Спускались с корабля по длинному трапу, у мамы в обеих руках были вещи, так что «я Вову не могла взять за руку, а он сам нес маленькую сумку». Мама боялась, как бы я не «нырнул» в море. Но всё обошлось. Вещи сдали в камеру хранения и пошли в гостиницу. Там нам наотрез отказали. Там такие же порядки,

Вове пять лет

как и на железной дороге: чтобы попасть, люди записываются и ходят на перекличку. Но все говорят – бесполезно. Нам ничего не оставалось, и мы пошли к Иссинским. Только мы вышли, начался очень сильный дождь, по улицам текли целые потоки. Они нас приютили, их хозяйка дала нам кое-что подстелить, и мы спали на полу. Я им была очень благодарна, а хозяйке дала пять рублей. На следующий день нам удалось снять комнату, комната хорошая, стоит 200 рублей. Анапа про-

извела впечатление не плохое, вся в зелени. Пляж здесь необычный, песчаный; и на берегу песок, и под ногами песок. Я еще не купалась, а Вова купался, и ему очень понравилось. Вову взвесили – 26 кг 800 г. Обедаем в ресторане, обеды неплохие, цены умеренные, сегодня с Вовой наобедали на 10 рублей. Правда, на обед затрачивается 1,5–2 часа. Базар здесь бывает каждый день, на базаре можно достать почти всё. И куры, и яйца, и цыплята. Виноград едят уже вовсю, есть сливы, яблоки, арбузы, дыни, продают и картофель, можно достать молоко. Погода сейчас не совсем хорошая, дует сильный ветер и солнце светит не жарко. Я хожу в одном сарафане без страха сгореть.

Правда, Миша, приезжай. За жильё тебе не платить. Стоимость питания не дороже Москвы и только 150 рублей дорога, скоро виноград будет дешёвый. Вова вчера взгрустнул, говорит, хочу к папе и пусть папа сюда приедет. Наш адрес в Анапе – улица Ленина, д. 66.

В письме мамы к папе 14 августа 1939 г.: «Погода стоит неважная, дует норд-ост. Говорят, это характерно для Анапы. Вечером очень холодно – нужна жакетка. Но сегодня светит солнце, и мы идем на пляж загорать. Пляж песчаный не очень нравится – лежать на песке немножко сыrovато, ветер задувает песок прямо в глаза. Но купаться, наверное, хорошо. Здесь много ребят. Надо далеко уйти в море, чтобы достичь определенной глубины. Дно прекрасное – песок. Вова прибежал из воды – говорит, вода теплая. С пляжа пошли прямо на почту.

Утром варили какао и яйца дома на мангале, обедаем в ресторане. Вчера вечером заходили в кафе, можно выпить кофе с разными булочками, есть и молочная. Здесь есть так называемый «высокий берег», куда по вечерам курортники выходят гулять. Место хорошее – набережная, с которой видно безграничное синее море. Есть здесь и «курзал», т.е. сад, где бывают танцы, оркестр. Вове очень хочется, чтобы ты приехал. Он тебя прямо ждет. Здесь с Москвой можно говорить по телефону – стоит 6 рублей».

Письмо мамы от 16 августа: «Погода стоит хорошая, солнце палит вовсю, «норд-ост» кончился. Купаться здесь хорошо, Вову прямо-таки не выгонишь из воды. Мы ему купили лопатку, и теперь он строит из песка метро, тоннели и прочее, так что время на пляже проходит незаметно. Мы с Вовой ходим на женский пляж, народу очень много, нравы упрощены, женский от общего пляжа отделяет веревочка. Вчера мы с Вовой прошли по берегу моря вокруг Анапы, на берегу расположено много санаториев.

Мама с Вовой в Анапе, 1939 год

Здесь, в Анапе есть хлопкоочистительный завод, вчера с Вовой были у его ворот, видели кипы хлопка. Сейчас он остановлен на капитальный ремонт, с 1 сентября будет пущен. Здесь в 6 км имеются хлопковые поля. Жизнь понемножечку налаживается. Сегодня утром жарили яичницу с колбасой, пили какао. Здесь даже можно купить курсовку на питание и лечение в санаторий. Стоит 20 руб. в день. Наши соседи, семья из отца, матери и двоих ребят купили 2 путевки по 600 руб. за месяц и питаются все четверо, говорят вполне достаточно. Хочу и я зайти в какой-нибудь санаторий и взять одну курсовку на двоих, вначале на несколько дней, если можно. Виноград постепенно дешевеет, теперь он стоит 2 рубля. Здесь колхозники на рынке продают свое виноградное вино – 5 руб. литр, говорят – вкусное».

Письмо мамы от 18 августа: «Уже определилось впечатление от Анапы: для ребятшек здесь действительно прекрасно. За восемь

Вова в Анапе, 1939 год

дней здесь ни разу не видела волн на море; оно очень мелкое и спокойное, дно и пляж песчаные. Здесь красиво и хорошо, но всё-таки сказывается отсутствие тропической растительности. Нет аромата, который ощущается в Хосте. Да и моря здесь не слышно, нет прибоя, волны... Здесь, в Анапе живут преимущественно семьями. Чаше мать приезжает с ребенком раньше, а потом подъезжает папаша. Виноград подешевел до 1 р. 50 к., но Вова мало ест его. Мы вчера заходили в подвальчик, выпили виноградного вина – кисленькое, но ничего...»

Из письма папы в Анапу 18 августа: «Вчера был в Константиново, пишет, что «молокосос» Анатолий действительно женился. Был в цирке, но ушёл со второго отделения (джаза лилипутов). Пишет, что был на даче у И.К. Французова (папин приятель, которого и я знал). Дача в 2 км от станции в лесу, принадлежит, как и прочие, фабрикам

нашей промышленности. Ходили с 5 часов утра в лес (береза, дуб, ель, сосна и мох) за грибами, набрали почти полную корзинку грибов, в том числе 20 белых. Пишет, что после завтрака поедет к каким-то приятелям играть в преферанс.

Конечно, он не сможет поехать к морю, так как загружен и отпуск взять не может (сколько я помню, именно с этого времени до конца Отечественной войны, т.е. подряд семь лет, папа не имел вообще никаких отпусков, и это, совершенно очевидно, сказалось на его здоровье и привело к раннему уходу из жизни).

Письмо папы от 24 августа: Был на ВСХВ – в восторге, он пишет маме: Потом я внимательно осмотрел павильоны, где представлены лучшие экземпляры овец, разводимых в СССР (конечно, преобладает меринос во всех его разновидностях), благодаря чему эти павильоны становятся не только очагом внушительного показа достижений, но и мастерской для изучения нашего овцеводства. В 9 час. 30 мин. поспешил к выходу, так как павильоны закрываются в 10 часов, и с этого времени очень трудно быстро уехать с выставки. Как видишь, я осмотрел на выставке очень маленькую часть, но хочется одним словом выразить свое впечатление: хорошо!!! Здесь показаны не только достижения сельского хозяйства, но и прекрасные плоды советского строительного искусства и архитектуры.

Мама посылает папе из Анапы виноград посылкой, пишет, что приходит на четвёртый день. 27 августа бабушка пишет мне в Анапу: «Были у нас тетя Варя и Светлана. Она очень большая, умная девочка. Ей хочется тебя увидеть». Чтобы попасть на ВСХВ, надо в 5 часов утра вставать в очередь, а в 8 часов начинают давать билеты. Очень трудно их брать.

В письме из Анапы от 28 августа мама пишет, что каждый день в 6 часов утра ходит на ж/д станцию отмечаться в очереди за билетами в Москву, и в 5 часов вечера тоже, ее номер в очереди 598. Дали дополнительный поезд, но на какое число у мамы будут билеты – пока не известно (без плацкарты можно достать без большой очереди). С отдыхом всё неплохо, только погода стоит облачная и бывают дожди, хороших дней мало. Вова здоров, ест неплохо. Утром варю манную кашу, с вареньем, которую он ест с удовольствием, пьём кофе или какао, покупаем сливочное масло, обедаем в ресторане. Вова съедает полный обед. Вечером сидим у моря, но Вова очень уж рано хочет спать. Так что из-за этого так и не удалось увидеть на море «лунную дорожку». Сегодня день солнечный, но дует сильный норд-ост.

29 августа папа пишет маме, что купил билет на 1 сентября на «Евгения Онегина» в Экспериментальный театр. Работы очень много, и он сильно устает от неё. «В эти дни вся Москва живет событиями международными. Судя по сегодняшним газетам, война очевидно на днях разразится». В последнем письме из Анапы 1 сентября мама пишет, что продолжает каждое утро к 6 часам ходить на переключку очереди за билетами. Сегодня у нее 123 очередь. В этот день давали билеты на 7 сентября, было 95 плакатных билетов. Как-то чувствуешь себя неловко из-за Вовина пропуски школы. Погода установилась, солнышко палит вовсю. Вчера ходили гулять вдоль моря, на протяжении всего пути чудесный песчаный пляж: кристально чистый белый песок, местами скопляющийся дюнами. Вова с огромным удовольствием валялся в этом песке, почти всю дорогу шел по воде и собирал ракушки. Вчера вечером были в кино – смотрели «Золотой ключик», Вове понравилось. Начали продавать виноградный сок, Вова с удовольствием его пьет.

Конец 1939 года – первые выборы в местные советы. Из газеты «Текстильная промышленность» от 4 декабря 1939 г.: «24 декабря трудящиеся Советского Союза отдадут свои голоса за лучших людей нашей родины – изберут их депутатами местных Советов. По нашему 219-му избирательному округу выдвинут кандидатом в депутаты Ростокинского райсовета беспартийный инженер Котляков Михаил Васильевич. Тов. Котляков на каждом участке порученной ему работы проявляет себя стойким непартийным большевиком. Я уверена, что т. Котляков оправдает высокое звание слуги народа и призываю избирателей отдать свои голоса за верного сына нашей родины Михаила Васильевича Котлякова. Да здравствует нерушимый блок коммунистов и беспартийных».

Из газеты «Московский большевик»: «Тов. Котляков Михаил Васильевич родился в 1904 г. в селе Константиново, Подольского района, Московской области. Отец до 1904 г. работал токарем в Моск.-Казанских железнодорожных мастерских, мать – крестьянка. В 1904 г. отец умер. В 1917 г. т. Котляков окончил сельскую школу, поступил работать на Константиновскую фабрику. Работал мальчиком при материальном складе, потом работал на пишущей машинке, а в последние годы конторщиком.

В 1926 г. был командирован на учёбу, в Московский текстильный техникум, который окончил в конце 1929 г. По окончании учебы в

техникуме дирекцией и общественными организациями был послан на дальнейшую учебу в текстильный институт. По окончании учебы в Текстильном институте в 1933 г. поступил работать на камвольную фабрику им. Калинина в Москве, где работал начальником бюро рационализации, ст. инженером, нач. ремонтно-механического отдела.

В августе 1938 г. был направлен начальником планового отдела Главшерсти, где работает и сейчас. Тов. Котляков – активный общественник, пользуется заслуженным авторитетом. В 1939 г. т. Котляков отмечен наградой правительства – медалью «За трудовое отличие».

1940 год. Из письма тёти Саша в октябре 1940 г. мы узнали, что она находится в санатории «Народного комиссариата социального обеспечения старых большевиков» на станции Кратово, приглашает бабушку навестить её и захватить кое-какие лекарства.

Писем 1940 года в семейном архиве совсем нет. По-видимому, причина в общей предвоенной обстановке в стране. Папа без отпуска. Я помню, что летом 1940 и 1941 гг. мы жили на казённой даче недалеко от платформы «43-й километр» по Ярославской железной дороге. Здесь нас и застало выступление В.М. Молотова в 12 часов дня в воскресенье 22 июня 1941 г. о начале войны. В вагоне электрички по дороге в Москву было много людей, но стояла тревожная тишина.

22 июня 1941 года начинается Великая Отечественная война

Уже через месяц после начала войны в мои 9 лет нас эвакуировали в город Иваново (к ССВ от Москвы), бабушка Анна Ивановна приехала в Иваново на месяц позже нас.

Из писем военных лет, 1941 год. В письме мамы из Иваново в Москву *от 30 августа 1941 г.* она пишет: «Уже десять дней от папы нет писем, в прошлый раз он прислал немного масла, но оно уже кончилось. А Вова любит хлеб с маслом, белого хлеба нет – только черный. Еще нужны тетради для школы, и вообще бумага – писать совершенно не на чем. Мама кроме работы – копала щель, это у нас в обязательном порядке. Мы получили материал для затемнения, но затемнять пока нечего – огня всё ещё нет. Ложимся в 9 часов. Хочется узнать поподробней о Москве, о твоей жизни. Могу сказать только одно – страшно хочется в Москву. Если бы ты знал, Миша, с каким удовольствием Вова по утрам ест печенье – я ему даю по три-пять штук, но сегодня оно кончается. Если бы ты ему еще прислал...»

Из письма Вовы: «Ты меня спрашиваешь, как я учусь. Я еще не учусь. Директор сказал, что учиться будем через месяц. Я записался в библиотеку, уже прочитал три книги».

Из письма мамы от 6 сентября (исполнился месяц, как мы расстались с папой, значит, из Москвы в Иваново мы уехали 6 августа 1941 г.). «Прежде больше чем на месяц мы с тобой не расставались. А сейчас дорого не то, что мы получили какие-то материальные ценности, а твоя забота о нас, и это самое главное. Ты знаешь, Миша, мне сейчас так хочется много и обо всем написать, так много мыслей, что я даже предварительно на бумажке записала, о чем я хочу поговорить.

Миша, масло твое, даже «первое» твое, в баночке, не испортилось, и перетапливать его не будем – а в погреб. Теперь мне хочется сказать о дальнейших твоих посылках. Чая у нас теперь много, так что больше не присылай. Крупа пока также есть, да при том иногда удастся достать картофель, так что крупу нам в Иваново пока не присылай. Сладкова у нас тоже пока достаточно, нам даже выдали карточки на сахар, но пока не выдают. Вот что хотелось бы получить – немножко белой муки. У нас в столовой продают манную кашу, мы могли бы ее брать, немного подмешивать мукой и печь оладьи или какие-нибудь лепешки. И еще хорошо бы, если бы ты переслал нам белую алюминиевую кастрюлю. Тогда мы могли бы варить на 3–4 дня. При отсылке хорошо бы наполнить ее помидорами (говорят, в Москве они по 3 рубля, а ведь здесь по 12–13 рублей. Но все это, конечно, в том случае, если можно без труда достать и удобно послать. Смотри, тебе виднее, мы его покупаем редко, а кашу очень хорошо есть с компотом, который заменял бы молоко. Не знаю, продают ли сейчас в Москве компот, а то молоко стало дорого, мы его покупаем редко, а кашу очень хорошо есть с компотом, который заменял бы молоко.»

6 октября, когда немцы оказались совсем рядом с Москвой и в Москве в этот день была ситуация, близкая к панике, работникам Министерства текстильной промышленности было предложено уехать в Куйбышев, где в то время находились многие союзные власти. По рассказам папы, он добирался до Куйбышева самостоятельно, «на перекладных», и пробыл там (в Куйбышеве и близлежащем городе Кинели) около трёх месяцев, а затем вернулся в Москву, где находился безвыездно всё военное время. В течение этих полутора лет он так и не смог навестить нас в Барнауле, но в то время почта работала исключительно чётко, так что папа регулярно присылал письма по почте

и, как говорили тогда, «и с оказией», включая и какую-то нашу одежду и прочие вещи, годные здесь для обмена на продукты.

Папа – в Иваново 23 июля 1941 г. Первые бомбёжки в Москве – через месяц после начала войны (в первые «боевые ночи»); папа с 10 час. вечера до 4 час. ночи – в бомбоубежище под наркоматом (т.е. Министерством текстильной промышленности). На следующую ночь второй налёт. Немцы бомбили замоскворецкий район. Папа прошёл после бомбёжки: на Вальной улице сгорели три небольших дома, фугасные бомбы разрушили хлебозавод и кинотеатр «Спорт» (бывший «Великан»), дотла сгорел Зацепский рынок.

Из письма папы в Иваново 8 августа 1941 г. Ночевал в Софрине на 43 км. Все дачи заняты знакомыми людьми. Ездил ночевать в Константиново; на Якиманке в квартире клопы. Ночью немцы не прилетали.

Из письма папы от 14 августа 1941 г. По ночам воздушные тревоги, но не каждую ночь. В Константиново и в Люберцах всё благополучно. Во время воздушной тревоги спускаются в щель. В Москве жить «без дома» и при ежедневных поездках – очень дорого. По ночам – воздушные тревоги, но народ привык. Неприятное известие – немцы уже под Смоленском, «не верится».

Письмо папы от 20 августа 1941 г. Налёты продолжаются – по 3–5 самолётов. В Люберцах беспокойно – каждую ночь воздушная тревога, приходится сидеть в щели. Папа ночует не в Москве – в Константиново, Софрино (здесь находятся дачи наркомата текстильной промышленности СССР), Люберцах. С «нарочным» посылает немного масла и деньги.

Письмо папы от 29 августа 1941 г. «С оказией» посылает 0,5 кг масла, немного манной крупы и риса, конфеты, сахара купить не удалось; папа в основном ночует в Софрино, навещал Петра Ильича в Люберцах и был у матери в Константиново. Квартира тётки Саши отремонтирована после бомбёжки и она переезжает в неё.

Письмо папы от 2 сентября 1941 г. (из Люберец). Папа побывал у тётки Оли. «Приехал я в 9 часов к ним, а они мирно сидят в саду у клумбы и с ними тётка Саша – приехала подышать свежим воздухом. Тётка Саша шлёт вам печенье, а тётка Оля – сушки».

Из письма тётки Саши 8 сентября 1941 г. Она живёт на Первой Миусской улице. В её дом попала бомба: теперь (работают рабочие) надо исправить дверь, вставить стёкла, заштукатурить стены (кры-

ши ещё нет, а пошли дожди – пролило насквозь 3 и 4 этажи). Вода за диваном стояла на вершок. Приходится ходить в убежище – ведь уже 24 раза были налёты. Но уже более недели нет бомбёжек.

Из письма папы 12 сентября 1941 г. в Иваново. Дважды в неделю – по средам и пятницам – занимаемся военным делом.

Из письма папы 30 сентября 1941 г. в Иваново. Мать и Иван Васильевич в Константиново – но нет ни полена дров.

Из письма папы в середине октября 1941 г. (нет четырёх первых страниц). Видимо, упоминает отъезд из Иваново на восток. О Москве: жизнь течет как обычно. Налётов, как прежде, сейчас нет, но зенитки ухают каждую ночь и прилетает несколько фугасных бомб. Очевидно, до Москвы долетают 1–2 самолёта, и поэтому тревоги не дают. Вчера папа дежурил по дому с 10 до 1 часа ночи и стрельба была непрерывно почти 1,5 часа за время его дежурства и продолжалась, когда он лег спать. На днях один самолёт на Солянке днём стрелял из пулемёта с бреющего полета. Вчера говорили, что есть решение о немедленной эвакуации всех оставшихся детей.

С продуктами в Москве очень плохо: сахара и конфет нет совсем. Масло изредка продают, но очереди на 4–5 часов, и дают по 100 грамм. По карточкам дают по объявленным талонам. Посылаю вам 1,5 кг колбасы и 100 грамм масла. Больше ничего достать не смог.

Что бы ни случилось со мной – мысленно я всегда с Вовой и с тобой.

Цитата из письма: «Я чувствую, что столь мрачное письмо тебя сейчас расстроит, но написал всё как «на самый худший исход событий. Может ведь завтра всё пойти к лучшему. Неужели на самом деле нам нечем удержать немцев? Не может этого быть!!!»

Передаю привет от тёти Оли, дяди Пети, матери, Ивана Васильевича.

Из письма папы в Иваново 14 октября 1941 г. Немцы уже под Москвой. Наркомат эвакуируют из Москвы. Из Иванова тоже будут эвакуировать – либо в Ташкент, либо в Барнаул. Сегодня ночью (в 3.30) в парке культуры была сброшена огромной силы бомба. На Якиманке все окна были разбиты, но наше цело, т.к. выходит во двор.

Из письма мамы папе 19 октября 1941 г. Едем из Иваново в Барнаул. Эшелон примерно из 50 вагонов, в основном товарных. В нашем вагоне 22 человека. Спим в шубах, а Вова – в валенках. Пока держимся присланными тобой продуктами, да варим картофель. Но всё это ничего с тем беспокойством, которое вызывает твоё положение. Со всеми семьями едут мужья, и только тебя нет, Миша.

«Может, никогда больше не увидимся. Во всяком случае мы с Вовой в мыслях всегда с тобой, чтобы ни случилось».

О Москве и вообще о фронтах ничего не знаем... как это грустно. Последние приехавшие из Москвы 17/XI рассказывали о Москве ужасное. А сегодня поговаривают, что как будто положение улучшилось. Так ли это? В дороге, говорят, будем не меньше месяца. Едем через Барнаул.

Из письма папы нам с мамой из Куйбышева 2 ноября 1941 г. Путь мой от Москвы до Куйбышева был весьма извилистым и довольно трудным.

Вначале мне было предложено остаться в оперативной группе в Москве, но 17/XI по распоряжению наркома мы все выехали на грузовых машинах и одном автобусе в направлении Горький – Ульяновск – Сызрань. Чувствуя, что я могу застать вас в Иваново, – во Владимире я своих сослуживцев и спутников покинул и направился в Иваново. Вначале моя попытка сесть на одну из попутных грузовых машин не увенчалась успехом. Около часа я «голосовал» на шоссе, но бесполезно. Потом пешком до Суздаля, рассчитывая там сесть на какую-либо машину до Иванова. На 10-м километре моего пути один шофёр посадил меня на свой грузовик, и с ним я за 25 руб. доехал до Иванова.

В 6 час. вечера я уже был на улице Красных Зорь, совершенно серьёзно думал застать вас дома, но... вхожу в комнату... совсем иная обстановка!

Страшная досада!

В одной семье, жившей в этом доме при вас, я узнал, что накануне вечером вы все погрузились в эшелон в направлении Барнаула. Здесь осенила меня мысль попытаться вас догнать.

Побыв в доме около 10 минут, я незамедлительно поехал на вокзал и с поездом в 10.30 всё «зайцем», без билета выехал в Новки. В Новках вашего эшелона не было. Через час по приезде в Новки на платформе одного из очередных поездов доехал до Коврова – там эшелона тоже нет. Вечером с поездом (также без билета) доехал до Горького, – там на городской станции вашего эшелона тоже не было. Здесь уже все надежды на встречу вас потерял.

Пошёл на пристань, чтобы поехать в Сызрань, но часа через три встретил около пристани Чернова и Жохова, которые также едут со Скулановым. Таким образом я вновь нагнал свой «эшелон».

Из Горького на второй день я попал на сортировочную станцию поискать вас и по пути на вокзал встретил Хмелевского, который и передал твоё письмо. Это уже было невероятно приятным. От него я узнал условия вашей жизни в эшелоне.

На сортировочной вас также не было. Затем там сказали, что был Двонченко и сказал, что эшелон уже за Ивановым.

В Горьком мы прожили около 4-х дней и выехали дальше. Большая часть людей с машинами поехали баржей, а мы шесть человек – паромом. В Куйбышеве т. Заворуев и я сошли, чтобы поискать Д.М. Хазан, и она действительно оказалась здесь.

(Дора Моисеевна Хазан – заместитель министра текстильной промышленности, непосредственный – высший – начальник моего папы; она жена Андрея Андреевича Андреева, председателя профсоюзов, члена политбюро Компартии СССР).

Теперь (вот минут 10 тому назад) решено ею – меня временно оставить здесь в оперативной группе наркомата, а Заворуеву лететь на некоторое время в Москву. Моё бельишко и валенки уехали в Сызрань с машинами на барже. Питание моё в дороге состояло преимущественно из хлеба и помидор. Здесь в Куйбышеве два дня обедал.

Вот, Лёля, как-то неожиданно, хотя и по распоряжению, мы уехали из Москвы. Перед отъездом я ни с кем не мог проститься – до сих пор мысль о матери не выходит из головы. В воскресенье (последнее) я занимался проводами Щукина в Иваново и прямо с вокзала приехал в Сызрань за своими вещами. В среду в 8 час. вечера пошёл на вокзал, чтобы поехать в Константиново – не ходили в этот вечер поезда, а в четверг уже началась московская «суматоха».

Как устроились вы – не представляю. Всё время беспокоюсь – не заболел бы в дороге Вова. Лёля, как только получишь письмо, сейчас телеграфируй о вашем здоровье и адрес, чтобы перевести и куда деньги. Крепко тебя и Вову целую. Ваш...

Из письма мамы папе из Барнаула 23 ноября 1941 г. Наконец-то я узнала, что ты жив и место твоего пребывания. А как страшно была эта неизвестность о тебе, сколько слёз... Бедный, сколько тебе пришлось пережить по дороге, как жаль, что ты нас не догнал. Теперь о нас. Ехали мы целый месяц, причём особенно медленно до Свердловска (25 дней) и 5 дней от Свердловска. В общем ехали неплохо, нас снабжали хлебом, кое-какими продуктами. В дороге покупали мясо, молоко, картофель. Поскольку ты говорил, что надо ехать в Барнаул, мама в Свердловске

пересела в другой вагон, направлявшийся в Барнаул, а вагон, в котором мы ехали прежде, отправился в Ташкент. В Барнауле нас разместили так: нас трое и Шилову с дочерью поместили в 15-метровой комнате одного комбинатовского дома. Условия бытовые таковы: голландское отопление, вода есть, но нет в доме уборной и канализации. К этому мы, конечно, не привыкли, но наши условия для Барнаула не так уж плохи. Жизнь здесь очень дорогая. Я пока без работы.

В эшелоне ехали со знакомыми, но все три семьи были с мужьями, им было значительно легче, а маме приходилось всё делать самой – и дрова пилить, и за водой и продуктами ходить. В дороге упала с лестницы и ушибла ногу, которая пока даёт о себе знать. Но ты нашёлся, и всё это пустяки. Погода сейчас хорошая – около 20° мороза, а было уже и 30° с бураном. А у нас всего одни валенки на двоих, да и те холодные. У Вовы тоже валенки плохи – худые и малы. Не знаю, как проживем здесь зиму – валенки здесь стоят 200–250 рублей.

Вот, Миша, как все получилось. Мы здесь, ты там. Я не дождусь теперь от тебя весточки, а она нужна очень скоро. Мне уже теперь надо принимать определённое решение.

Из моего письма папе: «...Мои валенки прохудились. Очень рад что ты папа нашёлся. Папа когда мы ехали у нас в поезде было крушение. По дороге из Горького в Киров на станции Пижма мы стояли на стрелки и вечером на нас наскочил паровоз и у одного вагона сорвало дверь».

Из письма папы нам с мамой из Куйбышева 27 ноября 1941 г. Папа, как и другие эвакуированные из наркомата, живёт в Мелекесе, недалеко от Куйбышева, и рекомендует маме не уезжать из Барнаула в Ташкент, а при желании и возможности перебираться в Мелекес.

Из письма мамы папе 3 декабря 1941 г. Сегодня мама начала работать в учебном комбинате при Меланжевом комбинате старшим инструктором, для начала её послали в г. Барнаул по средним школам вербовать ребят в школу ФЗУ. В общем это конечно не то что в НИТИ, но ведь надо как-то зарабатывать. Конечно, откровенно говоря, мне для работы лучше всего был бы Ташкент, там бы я росла в работе. Но 1) твой совет (а это всё-таки для меня главное), да и связь с тобой я, будучи в Барнауле, буду иметь большую; 2) здесь мы уже устроились с бытом и всё-таки неплохо и 3) для Вовы здешний климат при условии тёплой одежды очень здоров. Если бы ты посмотрел, какой он красненький приходит с улицы домой. А там – боязнь малярии. Мы

уже привыкли к Барнаулу; продуктов здесь много на рынке, главным образом мяса (20–30 руб.), имеется картофель (2,5–3,5 руб.), капуста. За очень большие деньги 80–100 руб. можно достать масло. Здесь по карточкам вместе с чёрным хлебом дают белые сайки (200 грамм – 1 р. 4 к.) Вот мы для Вовы берём одну сайку, он её ест без масла. Но есть и белый хлеб по 1 р. 50 к. – очень вкусный. В общем, с ассортиментом хлеба здесь гораздо лучше Иванова. Получаем мы на трёх 1 кг 300 г – получается с натяжкой, уж очень здесь на морозе хороший аппетит.

Вова учится в 3-м «В» классе 25-й средней школы. Школа в трёх минутах ходьбы от дома. Здание не школьное, а приспособленное на время войны. Там очень душно, поэтому я одеваю Вову очень легко, пускаю без кашне, без хороших варежек, а то может пропасть. На днях ходила к его учительнице, она мне показала его контрольный диктант, который он написал очень чисто, красиво и без ошибок – заработал «отлично». Видно, он не так уж отстал. Если бы ты послушал, как он склоняет: имен. кто, что?; родит. кого, чего? и т.д. В нашей квартире есть 11-летний мальчик Шурик (4-й класс), с которым Вова сдружился и играет. Сегодня, например, они играли в почту. На днях он запишется в детскую библиотеку. Мы то, Миша, устроились, а вот как устроился ты – мы не знаем. Я хочу послать тебе пару белья, есть у меня и вторая пара.

Вова завёл такой порядок, что я ему каждый день даю по 20 коп., он кладет в спичечный коробок и уже имеет 2 р. 10 к. От тебя мы ещё денег не получали. Вообще то тут денег надо много. Но говорят, что там у вас жизнь ещё дороже. Ты, Миша, со своим здоровьем уж не отказывай себе с питанием. Сейчас у нас пойдут большие расходы по покупке валенок. Мои и Вовины худые, а у мамы совсем нет, а ей придётся ходить по очередям; поэтому я должна купить Вове и одни взрослые. Это будет стоить рублей 400–500, да еще подшить имеющиеся. Погода сейчас стоит очень хорошая. Небольшие морозы – очень сухо и солнечно. Страшно беспокоит фронт и главное Москва. Целую тебя крепко, крепко. Твоя Лёля

А вот моё письмо: Здравствуй, дорогой папочка. Как ты живешь? Мы живём хорошо. Я учусь в школе, только что пришёл. Папа, тут очень хорошо. Я учусь на хорошо и отлично. 30 ноября кончилась первая четверть, но мне отметки не поставили, потому что я только недавно пришёл в школу. Папа, я учусь каждый день. Вот сейчас гудит меланжевый комбинат, это значит, что сейчас 12 часов дня. Мама вче-

ра поступила работать и сегодня пошла на работу. Она стала работать старшим инструктором на учебном комбинате. Этот учебный комбинат находится в меланжевом комбинате. Вся мамина работа заключается в том, чтобы ходить по школам и собирать учиться. Вот только что предо мной она зашла домой, взяла сумку и пошла в город ходить по школам. Папа, мы живём от города километра на четыре в посёлке меланжевого комбината. К нам от города ходит автобус. Мы живем с тётей Верой Шиловой. Бабушка ушла за колбасой. Папа, приезжай ко мне, я по тебе очень соскучился. Вова Котляков. Твой сын

Из письма папы нам с мамой из Куйбышева 12 декабря 1941 г. Я до сих пор не получил от вас ни одного письма. Последние дни каждое моё утро начинается с поисков твоего письма у входа в здание, где валяется много писем и открыток живущим в этом доме; многим есть – а мне нет! Я ведь ничего не знаю, как вы устроились и живёте там. О жизни в Барнауле я пока составил весьма смутное представление из рассказов приезжающих оттуда в Куйбышев, в оперативную группу наркомата. Дня четыре назад я говорил по телефону с Калиновским, который сказал: «...видел сегодня твою жену... Наверное, устроились неплохо...» А как – не знает.

Очень хочется вас увидеть, но как и когда это может случиться – не в состоянии сейчас определить. Я пока живу в Куйбышеве. Вот уже целую неделю пытаюсь уехать в Мелекес, но не могу, так как не ходит автобус из-за заносов. Если до воскресенья он не пойдёт – буду пытаться уехать поездом, хотя это далеко и с пересадкой. На автобусе мне нужно ехать 180 км, а по железной дороге около 700 км если не больше. Но ехать надо! Здесь, в Куйбышеве, я, правда, без дела не сижу и до конца прошлой недели мне нельзя было ехать.

Теперь несколько слов о себе. Живу я в общежитии, в том же доме, где и работаю. С питанием обстоит благополучно: завтракаем и обедаем в столовой (опять в том же доме), а вечером пью чай в своей постели в общежитии. Белье чистое на исходе, а здесь стирать без мыла никто не принимает, а с мылом у меня дела обстоят плохо. Вчера одолжил полкуса детского у А.А. Гусева умыться утром. Надежду в этом деле возлагаю на Мелекес, может там лучше с мылом, хотя точно не знаю.

Совсем плохо с табаком. Но в этом деле ты меня не поймёшь. Наверное, подумаешь сейчас: «Кончить, и всё!». А вот кончить трудно. Нет носок. Взять бы с собой две пары... Но уехали с моим чемоданом

в Мелекес. Вот кажется и всё об условиях. Работаю я до 10–11 часов, потом спать.

Здесь, в Куйбышеве работает Большой театр. До вчерашнего дня он давал отрывки опер в концертном исполнении и концерты, а вчера впервые шла опера «Травиата». Я был на концерте со Скулановым и Гусевым, а вчера смотрел оперу с А.И. Богатовым. Исполняли Барсова, Хромченко и Норцов. Хорошо!

Но всё же скучно. Надоело одиночество без вас, и, кстати, не знаю, что с матерью и Иваном. Просил я Воронова сходить на квартиру к брату – узнать о нём, – он мне написал открытку, в которой, по сведениям соседей, сообщает, что он уехал в Киров и о матери не написал ни слова.

Ну, на фронтах дела наши поправляются. Это хорошо! Теперь о вас. Ты телеграммой спрашиваешь, что делать? Пока живите в Барнауле. Работы нет? Ничего не поделаешь. Займись пока с Вовой! Весной, я думаю, вам придётся переезжать, наверное, в Мелекес. Денег я тебе перевёл: 27/XI – 500 рублей почтовым переводом, 30/XI – телеграфом молнией. Далее я тебе буду переводить 15 и 1 числа почтовым переводом.

Как Вова? Меня очень беспокоит его здоровье, в особенности после вашего месячного пути в теплушке и, наверное, со скудным питанием. Что теперь он днями делает? Учится ли в школе, или этот год пропал?

Это письмо ты, наверное, получишь в самом конце декабря, поэтому я от души поздравляю вас с Новым годом. Желаю, чтобы новый год принёс нам больше радостей, чем их было в 1941-м. Желаю (и надеюсь), чтобы во второй половине его мы праздновали победу над разрушителями человеческой жизни и семейных очагов во всей Европе и начавшими теперь это злое дело даже в далёкой Америке! Эти бандиты безусловно дорого заплатят за все разрушения, которые они сделали в Европе и особенно на нашей советской земле.

Желаю в новом году вам здоровья! Ну целую, Лёля, крепко тебя и Вову.

Пишите мне. Ваш Михаил

Здравствуй, дорогой Вова! Как твоё здоровье? Чем ты теперь занимаешься? Гуляешь ли и есть ли у тебя санки, чтобы кататься на улице? Если нет, попроси маму купить (конечно, если не опасно кататься у вашего дома). Напиши мне обо всём этом.

Вова! Если ты в школе не занимаешься, то тебе необходимо и нужно заниматься дома с помощью мамы, а то ты забудешь, что знал и тебе трудно будет быть отличником. Запишись в библиотеку и также читай книги.

Здесь, в Куйбышеве настоящая холодная зима. Все дни дует сильный ветер и метель. В этой области очень мало лесов, поэтому зимой бывают сильные и долгие метели. Напиши мне, какая погода у вас. Крепко тебя целую. Твой папа.

Из письма папы нам с мамой из Куйбышева 20 декабря 1941 г.

После разгрома немцев под Москвой в конце 1941 г. многие эвакуированные начали думать (или мечтать) о возвращении в Москву. Но это, конечно, по многим причинам было невозможно. Но уже поступило распоряжение о возвращении работников наркомата в Москву – ведь все подчинённые шерстопрядильные фабрики находятся в Московской области или где-то недалеко оттуда. Так что в Мелекес папа так и не попал. Письмо заканчивается фразой: «Светлое будущее нашей советской родины и наше семейное – недалеко впереди». В письме мне 20 декабря папа пишет, что завтра уезжает в Москву.

Из письма тёти Оли в Барнаул 25 декабря 1941 г. Пишет, что узнали у наших московских соседей по квартире, что папа живёт в Куйбышеве. А тётя Саша живёт в комнате у Якова Алексеевича Тёпина.

Из письма папы нам с мамой из Куйбышева 29 декабря 1941 г.

Пишет о возвращении в Москву, хотя полной определённости с этим нет. Но многие его сотрудники уже перенаправлены обратно в Москву: «Те, кто ехал в Мелекес из Барнаула, задержавшись на один день в Кинели, поехали в Москву.» «Очень хочется вас увидеть, но видно это случится не скоро». Думает, что в январе всё же уже будем в Москве. Чувствую я себя в последние два дня неважно. Болит голова и опять оглох на правое ухо. Но завтра мне обещали устроить посещение «кремлёвской» поликлиники.

Из моего письма папе из Барнаула, конец декабря 1941 г. Здравствуй, папочка. Мы живём очень хорошо, вместе с тётей Верой Шиловой. Я только что встал. Мои валенки прохудились. Очень рад, что ты, папа, нашёлся. Папа, когда мы ехали, у нас в поезде было крушение. По дороге из Горького в Киров на станции Пижма мы стояли на стрелки и вечером на нас наскочил паровоз и у одного вагона сорвало дверь. Ну папочка досвидание. Крепко тебя целую. Вова

1942 год. В давних бумагах мы нашли мою рукописную карту, датированную 16 февраля 1942 года. На ней нарисованы контуры Московской области и все одиннадцать тогдашних железных дорог, сходящихся в городе Москве. Судя по этой сохранившейся рукописной карте, делал её я с большой любовью и по всем картографическим правилам, с указанием масштаба и прочими атрибутами карты. Уже в то далёкое время, в свои 11 лет, у меня пробудилась неосознанная любовь к географии.

Из письма мамы папе из Барнаула от 5 января 1942 г. Тётя Саша ей пишет из Москвы, что пайка и хлеба хватает. Мама узнала через московских соседей, что в нашей комнате в Москве живут какие-то военные командиры; и ещё я узнала, что в Москве в целях экономии жителей стесняют в площади и комнаты эвакуированных занимают. Говорят, было постановление, что эвакуированные москвичи должны за свои квартиры посылать 50% квартплаты. Пожалуйста, напиши об этом, и как у тебя с жильём. Пиши нам почаще, м.б. раз в пять дней, чтобы я не волновалась.

Я работаю в учебном комбинате в ФЗУ. Принимали меня на должность инструктора, но так мне в этой должности и не пришлось быть (мне страшно не хотелось). Первые две недели я ходила по школам для мобилизации ребят в ФЗУ, потом предложили читать в одной группе спец-дело 15–16-летним девочкам – фабзайцам – ватерная группа. Будет ли ещё группа – не знаю, но сейчас мне платят по 5 р. 30 к. за час. Я с удовольствием согласилась, так как мне пригодится для моих занятий по хлопкопрядению в нашем институте, в котором я ещё надеюсь буду учиться. Занимаюсь с 3 ч. 50 м. до 7 ч. 25 м. вечера. Вова учится, имеет хорошие и отличные отметки. 10 января у него кончается четверть и ему выставят баллы. Мне думается, Вова немного похудел, быть может потому, что он сейчас растёт и всё же очевидно недостаточно ест жиров. Мясо купить можно, но он его не ест, а масла сливочного нет. Только молоко, которое мы здесь достаём по 8 р. литр. Всё больше едим картошку, которая на рынке стоит 3 р. Сегодня, правда, получили 48 кг по 55 копеек через наркомат. Крупа ещё немного есть, но мы её экономим. Хуже с сахаром – подходит к концу, Вова теперь кладет одну чайную ложку без верха, и когда берёт сахар – весь верх стряхивает. Говорит, что ему и так сладко. В декабре мы получили 500 грамм на всех, видно, придётся учиться жить без сахара. Здесь нас выручает тесто, которое продают в разном ассортименте от 2 р. 20 к. до 8 р. за килограмм в зависимости от белизны муки.

Теперь о деньгах. Здесь тебя внесли в список сотрудников, которым там на месте не будут доплачивать определённую сумму, так как на месте будут выдавать семьям. Иван Климентьевич (Французов) пометил, как и у себя, 400 руб. Деньги по почте приходят аккуратно. Живем мы в одной комнате с Шиловыми, стоит 40 руб. да дрова в месяц и керосин еще рублей десять, так что по 50 руб. мы за неё платим. Конечно, дорого (без уборной и канализации). Да, без мужей хорошей квартиры не дают.

Из письма мамы папе 17 января 1942 г. Сегодня у нас праздник – получили от тебя деньги и весточку (из Куйбышева от 5 января). Судя по извещению, папа уже вернулся в Москву. Почти все наши соседи живут в квартире, мама передает им через папу привет. Маме дали уже вторую группу – девочки и мальчики 15–16 лет, программа с этой группой рассчитана на 60 часов, ежедневно по два часа. Маму беспокоит, что она мало зарабатывает, пока второй группы нет. Вчера удалось купить сливочного масла 1,5 кг на две семьи по 150 рублей – большая удача! А сегодня на только что полученные от папы деньги купили 2 кг белого теста. Так что пришла я домой, напекла лепёшек, сварила кофе – так что у Вовы получился настоящий московский «выходной» завтрак.

Из письма тёти Саши в Барнаул 20 января 1942 г. Прежде всего, мы москвичи стали спокойнее: проклятую немчурку наши герои гонят и гонят на запад. Народ и История не забудут их достойных подвигов. В такие морозы им приходится идти по опустошённой земле. Что сделали с нашей страной эти тупые, дикие варвары-немцы!! Ну потерпите немного: война кончится победоносно для нас, и вы торжественно въедете в любимую Москву, и начнётся новая, светлая жизнь! Лёля, ты тревожишься о квартире. Успокойся. Оля ещё до приезда Миши была на вашей квартире: всё благополучно, никто её не занял. А 18 января от Исполкома было извещение, что за эвакуированными квартиры остаются за ними, и будут выселять из них новых жильцов. А теперь и Миша дома. Немцы были в 15 км от Москвы, была слышна орудийная стрельба. Но я верила нашему т. Сталину, который говорил, что врагов не пустят в столицу, и не очень волновалась. Так оно и вышло. Сколько же было радости, когда их повернули на запад! Радость омрачается только страшными рассказами о зверствах фашистов в оставленных ими городах и сёлах. Многие города и сёла сплошь уничтожены, а люди убиты или уведены куда-то варварами. Среди населения Москвы и подмосковных

деревень идёт сбор одежды, обуви и пр. в пользу пострадавших. Оля отнесла в Люберцы 22 вещи, и все хорошие, а Маша выхинская тоже целый большой узел. Их благодарили, что так много принесли.

Я выписываю «Известия», слушаю радио, хожу в очереди за продуктами по карточкам. На рынок не хожу, там цены безумные. Хожу в столовую, в закусочную в нашем доме, где получаю обед в два блюда от 2–4 руб. Карточку-пропуск в столовую получить нелегко. Живу я пока в 63 квартире, тут же живёт и Лёша – сын Якова Алексеевича. Температура в комнате от 8–9 градусов, прохладно. А мороз от 25–30 градусов вот уж более двух недель! Очень холодно. Оля меня навещает, а я никуда не хожу. Один раз была в театре у Василия Ивановича. Смотрела «Парень из нашего города». Труппа из театра Ленсовета, но это не то что Художественный театр.

Мою квартиру отремонтируют весной. Отопление не исправлено, крыша железом не покрыта. Осенью, после дождей, в моей комнате набиралось воды на полу по 15–20 вёдер. Стены и потолок до сих пор не просохли. Судаковы, Павликовские и я живем в 63 квартире в комнатах, из которых хозяева эвакуировались. Ремонт надо было начинать с крыши, а строители начали с нижнего этажа.

Из письма мамы папе 24 января 1942 г. Живём мы по-старому. Со своей группой ФЗУ я заниматься кончила. Мне эта работа педагогическая вроде бы по душе пришлась, но групп то больше пока нет. Что будет дальше – не знаю... А очень бы хотелось побольше иметь часов. Сегодня получила письмо от Вали из деревни, оказывается, твоя мама в деревне – это хорошо. Вова закончил четверть круглым отличником

Из моего письма папе от 25 января 1942 г. Я не болею. Моё здоровье хорошее. Я учусь в третью смену, делаю уроки, играю, гуляю, читаю. Санок у меня нет. Папа, санки не продаются. У нас 25–30 градусов мороза. 25 градусов – значит очень тепло. В школе я своих товарищей догнал и теперь отличник. Папа мы думали, что будем справлять елку и я купил игрушки: хлопушку и яблоко. Ёлки у нас не было и игрушки висят на коврике над маминой кровати.

Из открытки мамы папе из Барнаула 29 января 1942 г. Из писем Любы и Мани Тимониных нам стало известно, что ты, Миша, в Москве. Очень хотелось бы узнать о нашей комнате. Всё ли там сохранилось?

Из открытки тёти Саши в Барнаул 1 февраля 1942 г. У нас всё время были сильные морозы, даже до 30 градусов иногда. В прошлое

воскресенье был у меня Миша, выглядит он хорошо. Я прикрепилась к столовой на обеды в нашем доме. Не всякому это удаётся, персональных пенсионеров обязаны прикрепить. Надоело мне в чужой комнате жить. Никак не дождусь весны, тогда перейду в свою комнату. Я здорова, Олю давно не видела. Теперь нельзя приехать, ни им, ни нам без справок.

Из письма и открытки мамы папе 8 февраля 1942 г. Без Вовы я не видела бы для себя цели жизни здесь, в Барнауле. Ничего не написал о нашей комнате, а я так по ней соскучилась! Условия нашей жизни не самые худшие (ведь живут и в землянках), но большинство наркоматовских семей, о ком заботилось начальство, живут сейчас в условиях гораздо лучших. Чего у нас не хватает? Я тебе уже писала: уборной нет, канализации нет, приходится заботиться о дровах, доставать их, колоть, носить. А у них настоящая московская квартира со всеми удобствами, вплоть до ванны. Но всё это ерунда, переживётся, лишь бы вы были в безопасности. Мы то в общем живём всё-таки не так уж плохо. Теперь несколько тяжелее стало с питанием. Молоко 10 руб. литр. Но я беру потому, что кроме молока без масла Вову нечем кормить. Работаю я в ФЗУ и имею сейчас одну группу и пока до 1 марта работой обеспечена. Я веду уже вторую группу, и мне легче готовиться. Эта работа мне нравится, работа эта пришлась мне по душе.

Вова несколько дней болел, но это в первый раз за всё время после отъезда из Москвы. Он немного похудел и побледнел, наверное, потому что долго не был на улице. Я теперь работаю с 7.30 утра до 11, так что смогу с ним гулять на улице. Если не будет сильных морозов – будем гулять. В школу он уходит к 4 часам вечера (третья смена!) Вчера у него из кармана вытащили варежки, да две пары. Не знаю, где теперь доставать. Я очень беспокоюсь за тебя, ведь каждый день под Москвой сбивают немецкие самолёты. Мы очень рады нашим успехам на фронте. Скорее бы этих извергов прогнали с нашей земли. Ты что-то ничего не пишешь и даже не намекаешь о нашем возвращении. Я, конечно, понимаю, что это делать рано, но хотя бы черкни, какая перспектива со всем этим.

Ну, Миша, до свидания. Крепко, крепко тебя целую. Будь здоров. Пиши чаще. Привет всем.

Из письма тётки Саши в Барнаул 15 февраля 1942 г. Поздравляю вас с победоносным наступлением наших чудо-богатырей на проклятых зверей-фашистов. Скоро-скоро их выгонят, и тогда все заживут

счастливой, спокойной жизнью. Я получила все ваши письма и 5 открыток от Вовы. Спасибо. Трудно вам было ехать: устали, измучались. Ну, а теперь? Отдохнули? Соскучились о Москве, о родных? Ну потерпите немного. В Москве никого не прописывают, кто сам приедет, без разрешения. Живите там, пока есть возможность и работа.

Вчера уехала от меня Оля. Приезжала в баню и за продуктами. Но в Москве купить ничего не пришлось. На рынке всё страшно дорого. Я и Яков Алексеевич ходим в столовую обедать, но обеды не удовлетворительные. Проклятые немцы всё пожрали. А вы подумайте, сколько надо хлеба и других продуктов, чтобы прокормить наших дорогих защитников, а также изголодавшееся освобождённое население. И мы всё это учитываем и терпим. Папа один, очень занят, недавно переехал в Москву, был у меня и в Подосинках. Выглядит ничего. А в настоящее время заболел, должно быть, гриппом. И у меня тоже грипп. У Я.А. бронхит и одышка. Оля привезла капустки и картофеля. У нас нельзя получить и по карточкам. При наступлении тепла я перейду в свою комнату. Очень трудно у нас с питанием вообще. Будущее немного пугает, но я надеюсь, что всё устроится, что мы не будем без помощи. А вам советую не скучать и не стремиться в белокаменную.

Я получила 14 февраля закрытое письмо от Вари. Они со Светланой эвакуировались на Урал. Адрес: Молотовская область, город Лысьва, ул. Мартеновская, дом Горбачева № 36. Морозы там 49°, а одежки и обуви то у них нет (известно, что на Косой Горе побывали враги). Светлана учится в седьмой группе.

Из письма дяди Пети Докучаева папе 19 февраля 1942 г. Несколько раз звонил тебе на службу, всё говорят, что нет. 18 февраля сообщили, что наверное болен и не выходит на работу. Сообщи, в чем дело?

Из письма мамы папе из Барнаула в Москву 21 февраля 1942 г. Маме стало известно, что в Киров уехал один Иван Васильевич, а бабушка с ребятами остались в Константиново. Они купили козу. Анатолия взяли в армию. А вот по рассказам одного подольчанина муж сестры папы из Беляева припровожали куда-то колхозное стадо, но оттуда снова хотели вернуться. Миша, пиши чаще, Вова тебе часто пишет открытки. Теперь о нас: до 1 марта я имею одну группу, с которой занимаюсь по 4 часа в день. Это уже вторая моя группа. С продуктами становится труднее. Цены высокие, но всё-таки ниже, чем в Москве. Масла и сала всё время не было, а сегодня мне неожиданно удалось купить 1/2 литра русского масла за 65 р. Сегодня же купила четверть молока за 30 руб., а завтра

буду добывать картофель. У нас он здесь 35–40 руб. ведро (примерно 7–8 кг). Видимо, придётся проехать куда-то в деревню: может быть, за деньги или какие-то вещи удастся сменить. У нас здесь был буран, скорость ветра 17 м/сек, он намел большие заносы, хотя снега было мало. Вчера и сегодня видела тебя во сне – очень приятно.

А вот что пишет Вова. Я записан в библиотеку клуба меланжевого комбината и уже прочитал много книг (перечислил больше десяти); хожу в кино (то же перечислено около десяти фильмов). Сейчас стоит хорошая погода, а потом буран продолжался три дня. Я учусь в третьей смену с 3 ч. 45 м. до 6 ч. 50 м. У нас выступали Юровская, джаз Утёсова, А.Погодин. Учительница сказала, что моя работа по грамматике самая лучшая из всех работ третьих классов. Мама работает в ФЗУ с 7 ч. 30 м. утра до 11 часов. У нас дают по сахарной карточке сахар и мыло. Сахар полагается на маму и бабушку по 300 грамм, на меня по 400 грамм, всего получается 1 кило. Дают по карточкам хлеб: на меня 400 г полагается, на бабушку тоже 400 г, а на маму 500 грамм, так как она служащая. Итак, всего мы хлеба получаем на один день 1 кг и 300 грамм. Мыло на одного человека по куску. У меня есть игры; лото с бочонками, дорожные шашки и стереоскоп. У меня есть виды Москвы, ЦПКО имени Горького, ВСХВ. Тут даже продаётся киноаппарат как у меня – аლოსкоп. Ну до свидания. Крепко тебя целую. Котляков Вова

Из письма тёти Саши папе 25 февраля 1942 г. Я слышала от Петра Ильича, что Вы больны и хотела навестить Вас, но сама была больна – повысилась температура, бронхит. Это прошло, но теперь езжу на Ильинку в поликлинику ежедневно на уколы – повышенное давление крови. К Вам на пятый этаж мне теперь трудно подняться. Будет полегче – навещу Вас. Изредка я перекликаюсь с Лёлей и Вовой; они очень соскучились о Вас, о Москве.

Из письма Вовы папе из Барнаула в Москву 28 февраля 1942 г. Папа, у нас сегодня первый день весны, везде тает. На бугорках показалась Сибирская земля, которую мы видим только первый раз в жизни. Идёт долгожданная весна! Папа! Мы твою посылку получили 21 февраля 1942 года. Спасибо за неё. И спасибо за куйбышевский ножичек. Он оказался очень острым и мы им чиним всё время карандаши. Я учусь хорошо, в 3-ю смену. Вчера получил по чтению отлично. Папа, извини, что я пишу то синими, то чёрными чернилами. У нас кончились синие чернила, а в Барнауле их нет. Хорошо, появились сейчас чёрные чернила. Говорят, что в воскресенье будут принимать

нас в пионеры. Я буду учить торжественное обещание. Папа, если найдешь пионерский галстук, пришли обязательно. Ну досвидание. Крепко тебя целую. Котляков Вова. Пиши чаще письма.

Из письма папы маме из Москвы в Барнаул 3 марта 1942 г. Я питаюсь в столовой фабрики, меню: суп лапша, овсяный (конечно, без мяса), и второе – лапша, овсяная каша, картошка и очень редко одна мясная котлета. На утро и вечер мне достаётся лишь карточный паек. За февраль я получил – масло сливочное 300 гр., колбасы 300 гр., конфет – 300 гр., 3 коробка спичек, 400 грамм соли и кажется всё. Достал себе кг 20 картошки и в последние дни варю её в мундире. Хлеба получаю 500 гр. в день – вот все мои ресурсы. Дом наш в феврале почти не отапливают. Температура всё время поддерживается от 7 до 10°. В воскресенье до 12 часов был дома (а с 12 час. до вечера работал), делал генеральную уборку в комнате и одновременно наблюдал, как утреннее солнце подняло температуру в комнате до 11° с 9°. Жаль, что в понедельник опять началась пасмурная погода.

Досадно, что изредка, а на этой неделе вот уже 6–7 дней подряд нет огня. Очевидно, в Москве тяжело с топливом и конечно не так уж страшно у нас здесь как тебе сейчас кажется.

Теперь кратко о родных. У тёти Саши я был пока один раз. У дяди Пети раза три. К матери собираюсь. Вопрос её жизни меня страшно беспокоит. Она очевидно с двумя ребятами живёт на одной картошке. По карточкам в таких районах дают только хлеб.

Из письма мамы папе из Барнаула в Москву 13 марта 1942 г. У нас здесь начинается весна. На улицах большие лужи, солнце греет вовсю, с крыш течёт. Потекло и у нас с потолка. Мы с Вовой здоровы, Правда, у Вовы сейчас насморк, а вот мама плохо – у неё очень часто болит желудок. Она похудела и часто лежит с грелкой на животе. Видимо, теперешнее питание отражается на её желудке. Мы сейчас получаем централизованно только 1400 грамм чёрного хлеба, на март сегодня получили 600 грамм сахара – и всё. На «лестнице» покупаем картошку по 45–50 руб. ведро, это получается 6–7 руб. кило. Молоко берем по 35 руб. за четверть, получается 3 руб. стакан. Мясо продают по 60–70 руб. кило, масло достать трудно. Сегодня я получила получку 153 руб., завтра пойду на «лестницу» за картошкой. По утрам Вова ест стакан простокваши (я ему делаю).

Посоветуй, пожалуйста: дело в том, что здесь имеется возможность весной заняться посадкой картофеля. Я не знаю, как ещё будет

с семенами, но земельный участок можно получить. Сомнения у меня возникают потому, что я не знаю, когда мы будем возвращаться в Москву. Вообще-то это дело для местных жителей выгодное. Соседи у нас всю зиму и весну едят свою картошку.

Мы не так давно получили Валино письмо, из которого узнали, что ранили Толю.

Из письма тёти Саши в Барнаул 17 марта 1942 г. После того как отогнали от Москвы несметные полчища диких зверей-немцев, мы – москвичи зажили беспечно, т.е. спали спокойно. Но покой наш неожиданно был потревожен. В ночь на 6 марта, именно в 1 час ночи появился вражеский самолет и бросил фугаску на наш дом. Мы ещё сидели за столом. Вдруг трах! Наш дом дрогнул, стол с лампой закачался. Звук гораздо сильнее, чем от первой бомбы под 23 июля. Что такое? Где-то близко. Посмотрели: фугаска, а м.б. две попали в вышку, разгромили магазин, закусочную и несколько квартир со стороны площади Маяковского. Когда разорвалась бомба, мы не знаем, но только на месте брошенной бомбы начался пожар уже в 6 часов утра. Горело несколько суток с 6 марта, люди копают до сих пор там. Из окна всё видно: разрушено со двора, с площади стена цела. В нашей квартире ничего не повреждено, даже стёкла целы. Какой крепкий дом! Твёрдо стоит, хоть бы что. В разрушенной квартире есть жертвы. Ведь все уже спали. Теперь пока мороз от 20 до 32°, метель, а днём подогрывает солнце, на тротуарах сыро. После несчастья нашего нас навещали: Миша, Пётр Ильич, Клавдия, Вера и др. Миша шастал свою шубу! П.И. и Оля живут неважно в смысле питания. Мы с Яковым Алексеевичем имеем по пропуску в двух столовых. Кое-как насыщаемся. Нет жиров, молока, овощей. Всё очень дорого. На деньги достать трудно, всё в обмен. Но мы не ропщем: война. Лишь бы на фронте были сыты. Там жизни своей не жалеют наши герои. Они смело идут на врагов, освобождая от них сотни наших селений. Какая ужасная война! Какие невыносимые страдания переживают наши в оккупированных местах. 12 марта вдруг получила от Вари сто рублей по телеграфу. Никакой приписки, никакого письма объяснительного. Зачем она прислала, ума не приложу. Может быть она думает, что в Москве можно купить что-нибудь. Нет, ничего нельзя купить. Всё по карточкам. У меня есть карточка на полгода до июня. Некоторые уехавшие из Москвы беспокоятся о своих квартирах. Отбирают комнаты у тех рабочих и служащих, которые имели комнаты от учреждения. Эти

переселенцы получили комнаты на новых местах. А их московские квартиры заселяют вновь набранными рабочими и служащими.

Из письма папы маме из Москвы в Барнаул 18 марта 1942 г. В Москве в последнюю неделю очевидно в связи с заносами (был сильный буран) и сильными морозами трудно с топливом, поэтому дома нет огня, газа и отопления. Температура у меня в комнате +1–2°. Сплю под двумя одеялами и двумя пальто и этой температуры в кровати не чувствую. Был у матери – она действительно осталась в деревне со всеми тремя ребятами. Не везёт ей в жизни: нас без отца растила и сейчас её жизнь стала ещё труднее, плюс к этому с ней оставил брат (и конечно по непонятной глупости) отъявленного хулигана и вора Сашку. Плохо у неё с питанием, живёт только помощью Алексея Моисеевича, который при сборах в эвакуацию многое из картофеля, зерна и мяса продал. А потом отъезд отменил и продолжает вновь обогащать свой колхоз. Как будто закупает скот и организует вновь ферму. Как дальше мать будет жить – не знаю! Хочу поговорить с Алексеем Моисеевичем о том, чтобы он как-нибудь своими личными запасами протянул хотя бы скудно и мать с ребятами.

Я работаю по-старому и там же. Питаюсь в столовой на работе и дома вечером варю картошку. Вот в последние дни газ подводит. Надеюсь, к началу апреля, с наступлением тёплой погоды всё это выправится. Я очень рад, что Вова идёт в ногу по учёбе со своим классом и теперь кажется определенно – год у него не пропал. В марте на Москву был один лишь налёт немецких бандитов, о котором сообщалось в газетах. И вот – не везёт тёте Саше, опять бомба упала в их дом, но к счастью её комната нисколько не пострадала. Я об этом узнал на следующий день утром в трамвае ещё на пути на работу (дом то для рассказов очень приметный) и сейчас же с разрешения С.М. поехал к ней. Ехал с весьма мрачными предположениями. Приезжаю, и вот счастье – она жива, невредима и живёт по-старому. Хорошо. Дальнейшие подробности она напишет тебе сама.

Из письма мамы папе из Барнаула в Москву 22 марта 1942 г. Теперь у меня две группы: одна – съёмщиц ватеров, а другая – мотальщиц. Я имею по восемь часов, да приходится ещё 4 часа дома тратить на подготовку, так что время почти не остаётся. Миша, от тебя очень продолжительное время не было никаких известий. И только 18 марта получили твою телеграмму и деньги от тебя. А 19 марта неожиданно получаем от тебя посылку с письмом. Очень кстати полу-

чили Вове кашне. Ты пишешь, что будешь посылать мне 500–600 рублей, а получаешь всего 550 руб. А как же будешь жить сам? Пока я сейчас работаю, у меня немного денег есть. Сделай так, чтобы у тебя было нормальное питание. У нас здесь всё по-старому. Иногда кое-что достаём, правда, дороговато, но что же делать... С сегодняшнего дня в городе начался базар, т.е. по решению горторга устраивается встречная торговля, т.е. колхозникам будут продаваться промтовары. Поэтому предполагают большой наплыв сельхозтоваров по сходным ценам. Мне самой некогда пойти, может быть, завтра мама сходит, хорошо бы подешевле достать продуктов.

Вова теперь у нас пионер и ходит в красном галстуке. Миша, Вова наш так вырос, ведь ты его уже шесть месяцев не видел. Он несколько похудел. Видно, усиленный рост отражается на его худобе. На днях я ходила в школу к учительнице. Она его хвалит и говорит, что и учится хорошо, и поведение хорошее; говорит, что она его в пример другим ставит. Он прикреплен к слабому ученику и помогает ему.

У нас здесь уже началась чувствоваться весна, а сегодня снова мороз. Утром было 25°. Никто нам сюда не пишет. Изредка получаю письма из Ташкента от сослуживцев. Что-то от соседей ничего нет, даже девочки Вове перестали писать. У Вовы с 25 марта начинаются весенние каникулы, а числа 20-го они заканчивают учебный год. Крепко тебя целую. Будь здоров. Пиши. Твоя Лёля.

А теперь в этом письме мои слова: Здравствуй, дорогой папочка. Как ты живёшь? У нас с завтрашнего дня каникулы. Отметки я напишу в следующем письме. У меня в стакане на окне растёт лук. Он уже намного вырос. Ну до свидания. Крепко тебя, папочка, целую.

Из письма папы маме из Москвы в Барнаул 2 апреля 1942 г. Как будто на 11 апреля намечается наш переезд на Кировскую. Дома по-прежнему. Со светом и отоплением положение не изменилось, а плита с перебоями слабенько работает. На апрель я опять получил карточку на обед. Вечером через день варю себе картошку.

Теперь о родных. Был я недели три назад у матери. Плохо у неё и ей страшно тяжело. Оказывается с ней брат оставил всех троих ребят и разумеется прокормить ей их теперь чрезвычайно тяжело. Большое спасибо Алексею Моисеевичу и Поле, которые ей привезли несколько картошки и муки. Помимо этого её удручает Сашка. И на кой чёрт такого вора Иван оставил здесь. Ворует он и в деревне и из дома. Мать плачет больше от его проказ. Ох, как ей в жизни не везёт. Нас

без отца растила и теперь обуза и в такое тяжёлое время. Собираюсь к ней поехать не следующей неделе.

У тётки Саши был в начале марта и у неё было благополучно, хотя ехал я к ней и думал: или её не застану в живых, или же у горящего дома. Дело в том, что в налет с 4 на 5-е (о нём было напечатано в газете) в их дом упала бомба, сделала чувствительные разрушения, но их комната оказалась совершенно невредимой. Я узнал об этом на следующий день утром из разговоров (их дом-то больно приметлив) и сейчас же обернул к ней. Оказалось всё в порядке. Хорошо!

К Петру Ильичу я езжу часто, примерно раз в неделю. На их дороге вот уже как недели три восстановлена электричка. Живут они по-прежнему, картошка ещё ведётся. Оба здоровы.

Буду всеми силами стараться посылать тебе 600 рублей в месяц. Теперь хочу ответить на твои вопросы. Об огороде. Если дают участок и можно приобрести семена, безусловно этим делом займись, не думая пока о будущем местопребывании.

Из письма мамы папе из Барнаула в Москву 4 апреля 1942 г. Сегодня получили письмо от 20 марта от Анатолия. Он оказывается ранен был в спину под Наро-Фоминском и лежал в госпитале, а три дня назад был у бабушки и написал нам письмо. Пишет, что бабушка каждый день плачет из-за Сашки. На днях получили письмо от Вари. Они живут со Светланой в Лысьве Молотовской области. Они страшно похудели. Кушать там нечего, так как на деньги достать ничего нельзя. А Светлана не обута, не одета. У нас тоже тяжелее стало доставать картошку и молоко на деньги. С большой охотой отдают на хлеб или промтовары. В прошлое воскресенье была «на лестнице», ничего не достала. Но пока всё-таки не голодаем. У нас здесь все сами ездят в деревню. Может быть, и я как-нибудь соберусь. Мы все здоровы, вчера ходили смотреть «Сто мужчин и одна девушка». Нам с Вовой очень понравилось.

Как живут наши соседи – Гончаровы, Тимонины, Клейны? Никто нам не пишет. А весна нас не веселит, так как Вове не в чем ходить. У него разорвались калоши, и теперь немного пройдёт, и ноги мокрые. Миша, может быть как-нибудь можно тебе достать для него калоши. Видишь ли, я ему и башмаки не даю, боюсь износит в этих калошах, а здесь ни калош, ни башмаков не продают. У нас в учебном комбинате дают на работника 0,03 га земельного участка. Думаю взять, но нет ещё семян – надо добывать.

Из письма тётти Саши в Барнаул 10 апреля 1942 г. 6 марта в час ночи в дом тётти Саши ещё раз попала фугаска со стороны площади Маяковского. Произвела разрушения с жертвами. Её квартира уцелела. Не известно теперь, когда я перейду в свою квартиру. Надо исправить новые повреждения в водопроводе, электричестве. Недоделана крыша. Всё это нервирует. Хотелось повидать сестёр, да не пришлось. Живут невесело. Ну да ведь у всех теперь сильные переживания: восторги от героических подвигов наших бойцов и оплакивание умерших.

Тётя Варя со Светланой живут в эвакуации по адресу: Молотовская область, город Лысьва, ул. Мартеновская, д. 36. Горбачевы. Миша часто бывает в Подосинках у тётти Оли. Целую вас и желаю быть здоровыми, сытыми и спокойными.

Из письма папы маме из Москвы в Барнаул 11 апреля 1942 г. Вчера вечером собрал тебе маленькую посылочку (конфеты вам к празднику, Вове галстук и краски, зубной порошок и три пары чулок). Живу по-старому, питаюсь до 1 мая в ресторане (как будет дальше, не могу сказать). По карточке за март ещё ничего не получил. Очевидно, транспорт занят поставками на фронт, поэтому в марте ничего не давали. Лишь 5 апреля объявили по мартовской карточке 200 гр. масла и 200 гр. мяса. В Москве всё по-старому. Сейчас более недели стоит пасмурная погода, поэтому налётов нет. Передай Вове, что галстук и краски – мой подарок к 1 мая. Я очень рад, что учительница даёт о нём хороший отзыв. Целую его и тебя крепко.

Из письма тётти Оли маме 12 апреля 1942 г. Давно собиралась вам написать, да днём некогда, а вечером огня нет. Жизнь у нас тревожная, временами бомбят. И когда этих извергов от нас выгонят! Холода ужасные были, а сейчас уже неделю тепло, особенно сегодня весенний день. Вы там живёте спокойно, во всех отношениях лучше. У нас всё очень дорого, пока загородникам по карточкам дают только хлеба 500 г и 400 г и больше ничего.

Из письма мамы папе из Барнаула в Москву 12 апреля 1942 г. Сегодня в воскресенье я ходила с мамой на «лестницу», удалось купить два ведра картошки за 160 руб. и четверть молока за 46 руб. Теперь я работаю в ФЗУ, теперь наша школа переехала в новое помещение, так что имеется возможность для каждого преподавателя иметь свою аудиторию. Во вторник заканчиваю – будут испытания. Сегодня часа два сидела составляла «билеты» для экзамена. Я к своей работе вполне привыкла. Страшно хочется знать о твоей, Миша, жизни. Хоть на

немножечко заглянуть в твою комнату и посмотреть на тебя. Вова теперь у нас пионер, а на днях приходит и говорит, что его выбрали председателем отряда в его классе. А сейчас у Вовы такой возраст, который требует помощи со стороны взрослых, и я очень жалею, что ты так далеко от него. Скорее бы кончилась эта ненавистная война. Сколько она унесла жизней здоровых и молодых людей.

Из письма Вовы папе 13 апреля 1942 г. Прежде всего поздравляю тебя с 1 мая. Я пойду с мамой на демонстрацию. 10-го нас разделили на звенья и отряды. Я председатель отряда, и я во втором звене. У нас очень хорошая погода: светит солнышко, маленький мороз. Тихо.

Из письма тёти Саши из Москвы в Барнаул 14 апреля 1942 г. 6 марта в наш дом ещё раз брошена фугаска. Наша квартира уцелела. Всем живётся очень трудно в смысле питания. Цены на продукты высокие. Погода стоит тёплая, но грязно. Бедный Вова – как он ходит в школу без галош. Миша часто ездит к Докучаевым, он здоров. У вас базар, покупайте картофель, а то будете жалеть.

Из письма Вовы папе 16 апреля 1942 г. Папа! Нам дали около нашего дома огород и бабушка посадила картофель и редьку. У нас работает Московский камерный театр и Днепропетровский государственный театр. В нём уже шло: «В степях Украины», «Партизаны в степях Украины», «Разлом».

Из письма папы маме из Москвы в Барнаул 18 апреля 1942 г. С питанием до 1 мая дела обстоят благополучно. О соседях по квартире: заболели Тимонины, во второй приход у Лины врач определил свиной тиф, она уже недели две лежала дома, потом заболел и Толя, их одновременно увезли, но в разные больницы. Плохо чувствовали себя Люба и Маня, и через несколько дней их тоже увезли с тифом в больницу. Ну то что вся семья заболела тифом, это естественно – грязь и всегдашнее наличие у них вшей дало свой результат. Временно поселиться у Петра Ильича я не решился – можно занести заразу. Решил дней 7–8 ночевать в служебном помещении. Так и сделал. Но страшно неудобно. Спал на столе в пальто и помещение в это время не топились.

Спустя 8 дней начал ночевать дома. Но через 4-5 дней заболевают Нюра и Митя. Врач также определяет тиф и их увозят в больницу. Остаётся в квартире Граня с двумя ребятами и я. Теперь не ездить домой стало и не опасно с точки зрения заболевания, но опасно из-за боязни того, что могут квартиру обокрасть. Тётя Саша продолжает ночевать дома с осторожным посещением кухни.

К сегодняшнему дню вот уже как пять дней Лина и все её ребята из больницы возвратились. Нюра ещё пробудет недели полторы – две. Ну, Москва, кажется, самое трудное время с точки зрения быта прожила. Сейчас вот уже с неделю горит регулярно огонь, газ тоже. Солнце начинает обогревать и воздух, и дом. У меня в комнате сегодня уже 12°. Понемножку начинают давать продукты за март, я получил 200 грамм мяса (я взял куру и варил себе лапшу) и 200 грамм сладкого. Я купил себе 400 грамм джема (дают 400 г за 200 г сахара) и кушаю утром с хлебом и чаем, но очень неэкономно получается. Брал – думал хватит на месяц, а кончается это удовольствие, кажется, за неделю – полторы. Погода в Москве устанавливается солнечная. Налётов за апрель пока было только два. Был я в прошлое воскресенье у матери. У нее также плохо. Немножко в марте привёз Алексей Моисеевич картошки и муки – недели на три ей хватит, а что дальше – не знаю.

Как у Вовы с бельём? Ведь он растёт. В Москве по промтоварной карточке кое-что из детского белья и одежды можно достать. Только пиши или размер, или еще какое-либо «определение».

Из открытки мамы папе из Барнаула в Москву 19 апреля 1942 г. У нас здесь весна, снега почти нет. Но по утрам и вечерам бывают морозцы. Это хорошо, так как хоть с утра Вова имеет возможность немного погулять. В полдень и к вечеру его выпускать не приходится, так как его калоши развалились.

Из письма мамы папе из Барнаула в Москву 28 апреля 1942 г. Нам на апрельские карточки дали на троих 920 г сахара, начали давать по промтоварным карточкам мыло, но очередь жуткая. Я обедаю в столовой ИТР. Бывает иногда или колбаса – 70 г, или мясо – 60 г, или котлета. Я суп ем, а второе чаще несу Вове. Сейчас я получаю как эвакуированная из Москвы 800 г хлеба

Из письма Вовы папе 28 апреля 1942 г. Я 26 апреля 1942 г. выступал в госпитале, говорил стихотворение. 1 или 2 мая я опять пойду туда выступать.

Из письма тёти Саши в Барнаул 3 мая 1942 г. Свою комнату (третью) чищу, мою, убираю – скоро перейду туда жить. Центрального отопления нет, так Яков Алексеевич поставил железную печку, на которой я буду готовить обед и обогреваться. Некрасиво, да спасибо: керосину нет, надо как-нибудь приспособливаться. Не удалось мне пристроиться к столовой, и продукты доходят. Ну, надо потерпеть, лишь бы у бойцов было сытно. Недавно получила часть апрельского

пайка по карточке служащей: сахару 300 гр., масла 200 гр., круп кило, спичек 3 кор., соли 400 гр., хлеба ежедневно 500 грамм. Очень большие очереди. Оля недавно была у меня. Кроме хлеба ничего не получает, и картошка вышла, на семена не хватает. Не знаю, как она изворачивается. Миша ваш часто бывает в Подосинках, тётя Оля чинит порванное

В марте в наш дом опять брошена фугаска. Но стены остались целы. Водопровод и канализация ещё не в порядке, но обещают скоро исправить. Страна работает напряжённо, неустанно, всё для фронта.

Из открытки мамы папе из Барнаула в Москву 13 мая 1942 г.
Вчера мне исполнилось 34 года. С утра погода была мрачная, шел дождь, слякоть. И на душе было невесело. Прихожу с работы, а дома лежит от тебя перевод, погода тоже разгулялась – и стало легче. На днях очевидно получим земельный участок, и начнем копать и сажать картошку. У Вовы будут испытания и числа 18 мая он кончает учиться. Уже было несколько солнечных и тёплых дней – он немного загорел.

Из письма Вовы папе 13 мая 1942 г. У нас вчера было испытание по письму, сегодня будет по арифметике. У нас в городе открылся цирк, мы с мамой скоро хотим пойти. Вчера у мамы был день рождения, и бабушка купила белого пирога.

Из письма мамы папе из Барнаула в Москву 16 мая 1942 г. Я с 7 мая работаю в И.Т.К., имею три часа в день. В понедельник сдаю последнюю группу, что будет дальше – не знаю. Я там обедаю – обед стоит очень дёшево: 1 р. 20 к. – 1 р. 80 к., но довольно приличный – мясной, а на третье даже сладкий чай. Дали там еще 20 кг картошки по 75 к. за кило. У нас уже не было картошки, и вдруг целое богатство за бесценку (на деньги здесь картошка стоит 15 р. за кило). Все ездят в деревню на обмен, я еще ни разу не была. Вчера здесь в Барнауле удалось сменить на 3 метра бязи (я получила с комбината 10 м) три ведра семенного картофеля. Так что сажать есть что, но я еще не имею земельного участка, предлагают как комбинатовскому работнику участок за 12 км – очень далеко ходить. Пытаюсь просить в наркомате, не знаю – получу ли; сказали – если будут отказавшиеся, тогда дадут. Хорошо бы дали, так как эти участки ближе – примерно 3–4 км. Очень ждем тебя сюда, Вова вообще лелеет эту мысль, ведь мы уже не виделись 8 месяцев. Дрова у нас кончаются, керосина здесь нет, Вову одного в баню пустить нельзя. Электричества почти нет, а если и бывает электроэнергия, то в нашем доме настолько слабое напряжение, что чайник, если поставишь, стоит часами.

Сейчас мы подбились с продуктами: масла нет, о мясе и разговора быть не может, и картошка кончается. Я думаю на этой неделе попросить у своего директора командировку и поехать в деревню. Захвачу мануфактуру – здесь нам дали бязи 10 м и 2 кг лоскута белого сатина, думаю загнать свой зеленый бархат. А к тебе такая просьба – если в Москве можно достать какую-либо обувь, все равно какую – здесь с удовольствием и хорошо меняют на неё различные продукты.

Напиши, Миша, как ты смотришь на исход войны. Скоро ли конец всем этим зверствам, чинимым фашистами? Скорее бы конец, и возвратиться домой. Я способна и могу перенести все эти лишения, лишь бы все вы были живы и здоровы. Всё, конечно, потом можно восстановить и нажить.

Из письма мамы папе из Барнаула в Москву 16 мая 1942 г. Мне всё-таки удалось получить земельный участок с наркоматовскими семьями, примерно в 3–4 км от дома. Вчера мы с мамой по очереди ходили копать, а сегодня посадили. Земли 0,03 га, посадили 4 ведра. Картофель на семена сменила на 3 м бязи. А в прошлое воскресенье я ездила в деревню, удалось на 4 м бязи сменить 3,5 ведра картофеля – крупного, для еды. Мы сейчас прикреплены к базе, и немножко там кое-чего получаем: уже получили полкило солёного творогу, 75 г сливочного масла, по ложечке повидло и несколько пресных бубликов. Вчера купила за 72 руб. десяток яиц для Вовы и 2 литра молока за 56 руб. Если бы ты видел с каким удовольствием он ест яйца и всё приговаривает «Ой, как вкусно!». Вова тут взгрустнул и спрашивает: «Когда же к нам придет папа?» Что ему ответить – не знаю. Погода здесь у нас стоит очень холодная. В осеннем пальто и то холодно. Вова ходит в шубе.

Вова принес из школы табель. У него кругом «отлично». Переведен в 4-й класс. Вчера от Вари получили письмо. В нем она просит дать совет, какой путь выбрать Светлане: идти ли на производство, или ехать на лето в колхоз, а зимой поступать в техникум. Я думаю посоветовать второй путь. А сегодня получили письмо от Вали из деревни, в котором она сообщает, что Толя снова ранен.

Из письма папы маме из Москвы в Барнаул 24 мая 1942 г. Ты не ругайся, что чрезвычайно редко пишу тебе письма. В прошедший месяц я невероятно был загружен. С середины апреля я еще не имел выходного дня. Вечера загружены на работе до последнего трамвая и еще несколько дней пришлось переночевать здесь на работе. К тому же у меня все уменьшается штат за счет ухода людей в армию и на

трудовой фронт. Чувствую я себя, кроме некоторой усталости, нормально. Словом. здоров!

Вот с конца апреля собираюсь поехать к матери, чтобы свезти ей немножко огородных семян и не могу выбраться. Сейчас напишу тебе письмо (сегодняшнее задание на работе выполнено) и пойду в баню.

Твоя брошюра обсуждалась недавно у нас на совете и содержание её признано сегодня еще чрезвычайно ценным, поэтому они сейчас намечают её издать. Я очень рад за тебя!

Мои соседи все дома и здоровы. Кажется, тифозная опасность меня миновала. У Петра Ильича был вечером в прошлую субботу. Живут они по-старому. Кажется, у них не хватит картофеля до следующего урожая. Тётя Оля собирается куда-то по своей дороге съездить за картофелем. У тёти Саши не был давно.

Теперь о Москве. Жизнь в ней оживилась до такой степени, что как будто и нет войны. Много людей, все спешат как и прежде. Весна и солнце оживляют улицы и народ. На заборах пестрят афиши театров, клубов, лекционных залов. По-прежнему работают трамваи (до 11 часов), троллейбусы (до 10 часов) и метро (работало до 8, теперь с 18 мая до 10 часов). Сейчас в Москве функционирует Экспериментальный театр (филиал ГАБТа), оперетта, театр Ленсовета, имени Станиславского; открылись ЦПКО и Эрмитаж. Я пока нигде не был. Хочется сходить в Филиал, но некогда. Но с 12 ч. ночи и до 5 ч. утра Москва спит. Хождение по улицам без пропусков воспрещено. Налётов фашистов с начала апреля не было, так что мы отвыкли от тревоги.

Ну, а как вы живете? Очень хочется вас увидеть! Вова теперь уже почти на год старше, как я его видел, и пионер стал! Его невероятно хочется посмотреть, расцеловать, а главное поговорить с ним. Я недавно купил для него второй том «Жизнь животных» Брэма.

Из письма Вовы папе 3 июня 1942 г. Сегодня утром мама получила ордер на комнату в доме 72, там же где Французовы. Сегодня мама весь день таскала вещи и вот теперь уже в 9 часов вечера пошла за последним узелком. Комната ничего, окна выходят прямо на наш огород. В квартире две комнаты, кухня, уборная и душ (вместе). Живет нас всего в квартире 6 человек или две семьи. Мы живем на 4-м этаже, наш адрес: г. Барнаул, ул. Жилплощадка, д. 72, кв. 23. Я наверное 11 июня уеду в пионер-лагерь с Меланжевым комбинатом.

Из письма тёти Оли в Барнаул 3 июня 1942 г. Вчера был в Москве Петя, заехал к Саше, почти не узнал её – она всё болеет, стала

очень худая, больная, маленькая; за последнее время у неё два раза брали кровь – у неё сильное давление крови, так что она чувствует себя очень плохо и говорит, наверное, я скоро умру от склероза как покойный отец. Миша у нас бывает не так часто, хотя в месяц два раза бывает, говорит, что очень некогда, работников стало мало, а работы не убавилось. Ну что делать – война, лишь бы скорей покончить и выгнать людоеда Гитлера и Ко, а нам бы зажить по-старому. Надысь прислал нам письмо Михаил Красковский из Новосибирска, он был ранен и четыре месяца находился в госпитале в Красноярске, а теперь кончает учебу на политрука и скоро едет на фронт. У Пети здоровье не особенно хорошее, похудел – теперь питание плохое, особенно для него. Я пока ничего, огород посадила, кое-что всходит, погода стоит хорошая, дожди перепадают ежедневно.

Дядя Петя: Я работаю в Люберцах почти по-старому, только в другой конторе. Я очень доволен тем, что Вова учится хорошо, председатель какого-то школьного звена, поди, думает теперь как взрослый и ответственность имеет.

Из письма тёти Саши в Барнаул 4 июня 1942 г. Поздравляю вас с весной. У нас цветут черемуха, сирень, продают ландыши. Хорошо! Часто бывают дожди с грозой. Я и позабыла поздравить Вовочку с получением отличных отметок и переходом в четвертый класс, с чином председателя отряда. 24 мая я перешла в свою комнату. Здоровье моё неважное: сильное давление крови: 250, 230. Ну да авось увидимся. Война кончится, и вы вернётесь в Москву. Петр Ильич и Оля зовут в деревню. Очень хочется, но нет продуктов свезти туда, да и в столовой не хочется терять обеды. Съезжу денька на два, Миша бывает там часто. Варя спрашивает о Светлане, куда ей поступать? Я и Лиза советуем поучиться годок в 8-м классе, из которого без экзаменов примут в техникум. Теперь нельзя писать большие письма (не больше почтового листа), иначе не дойдет, было предупреждение.

Из письма мамы папе из Барнаула в Москву 7 июня 1942 г. Ты пишешь, чтобы в тяжелую минуту я загнала твой костюм. Нет, Миша, этого конечно я делать не буду. У нас еще нет такого тяжелого положения. Кое-что можно достать за деньги. Например, молоко, яйца. Теперь стали продавать здесь мелкую рыбу. Кое-что удалось выменять на мануфактуру. А ведь у нас в Москве есть много Вовиных вещей ненужных, мои туфли поношенные коричневые с ремешком, некоторые мои платья. Здесь спрашивают верхнюю одежду, мануфактуру (осо-

бенно в почете ткани с цветочками, темные ткани, головные платки). На один платок дают $\frac{1}{4}$ литра русского масла. В общем, Миша, мы пока не голодаем. Всё-таки у нас каждый день 1600 грамм хлеба. Добываем картофель; правда, кроме картофеля ничего нет. Откровенно тебе сказать, Вова стал есть больше и всё просит ещё. Очевидно, потому что растёт, да и питание не сытное.

Да, Миша, за это время Вова очень вырос. Сейчас он увлекается кукольным театром, рисует кукол, вырезает их, и затем они у него выступают на этих сценах. Мы вчера ходили в театр, смотрели «Егор Булычев» – это Днепропетровский театр. Играли очень неплохо – нам понравилось. А сейчас, в 7 часов вечера собираемся с Вовой идти в парк, вчера он открылся. В парке встретили твою двоюродную сестру Зину из Подольска. Они здесь с Подольским заводом. Как будто, собираются вместе с заводом ехать обратно. Погуляли до девяти часов, а взрослая разодетая публика только идет. Там сегодня концерт и танцы. От нашего дома до парка 10 минут ходьбы.

Из письма Вовы папе из Барнаула в Москву 10 июня 1942 г. Мама уехала опять в ту же деревню Шелаболиху. Наверное, что-нибудь привезет. На новой квартире хорошо, переехали и наши соседи. Отъезд в лагерь перенесли на 17 июня, так как в лагере кто-то заболел скарлатиной. В столовую и на площадку я хожу. Вчера пошел к 10 часам в школу и мы там играли. После пошли в столовую. Было: 1 – лапша, 2 – сырники со сметаной, 3 – кофе, 100 г черного хлеба и половина пирожка с мясом. Сегодня пошел к 11 часам в школу. Мы клеили конверты для госпиталя. Потом пошел обедать. Было: 1-е – лапша, 2-е – манная каша, 3-е – кисель, 100 гр. хлеба. Вот уже несколько дней болеет бабушка, нету лекарства. Если найдешь, то пришли. Нужно аспирина. Папа, приезжай скорее к нам. Ждем тебя с нетерпением.

Из письма папы маме из Москвы в Барнаул 10 июня 1942 г. По вечерам варю себе картошку, сейчас вся вышла. Но вот сегодня должен получить 20 кг. Мы здесь коллективом главка заготовили по 12 руб. за килограмм. Из других нормированных продуктов я получил 300 гр. сладкого, 200 гр. масла и 1,5 кг пшеничной крупы. Трудновато мне в выходной, так как столовая в этот день не работает. Как-то обхожусь домашним «жаркое» или еду в гости (чаще к Петру Ильичу или к матери и раз был в Беляево). Бельё стираю у матери. Плохо у меня с простынями – пытаюсь где-нибудь достать. Вот – будничная жизнь. Работы сейчас много; прихожу домой в 10–11 часов. Иногда ночую в

Наркомате, но это чаще всего тогда, когда дежурю по Главку или по пожарной охране. Вот в пятницу была объявлена воздушная тревога; сидел на крыше около 40 минут, но ни одного самолета не прорвалось и даже не было выстрелов наших зениток. Видно, задержали на далеких подступах.

А сейчас с нарочным посылаю вам посылочку – кое-какие просимые тобой и Вовой вещишки, а именно: его маленький костюм, маленькие тапочки, остатки плюша, твои туфли. Эти вещи, мне кажется, пойдут у тебя на обмен. Кроме того твои чулки, сорочку, кофту матери (наверное, она тоже подносила и нуждается). Кроме того по просьбе Вовы карандаши, перья, ластики, кисточки и шнурки. Весь прошлый выходной день я посвятил поискам по магазинам всех просимых вами вещей, и нет, не нашел.

Ты пишешь о прикреплении к базе. Ну поступок Французова меня страшно возмущает, но не удивляет. За последние два года я его очень хорошо узнал. То, что Двойченко теперь вас прикрепил – я очень радуюсь за вас. С квартирой у вас плохо!? Я вот что смог сделать. С этим письмом я тебе посылаю записку С.М. Екуланова к его племяннице. Пройди к ней, она работает секретарем Барнаульского горкома ВКП(б). Сходи к ней обязательно и о результатах мне напиши. Если ничего не выйдет с квартирой через неё, тогда попытаюсь что-либо сделать через Д.М. Хазан.

Лёля! И Вова! Ты пишешь, когда вы вернетесь в Москву. Я и сам этого очень хочу! Страшно надоело быть одному и хочется видеть вас, но сейчас очень трудно сказать, что будет к осени. Ведь с фронтом пока ничего не ясно. Решим это давай в конце июля – в августе, но с А.В. Богатовым я вот о чём договорился. Возможно, их Комитет будет возвращаться в Москву и следовательно в специально для этой цели выделенных вагонах. Конечно, очень удобно вам приехать с ними. Меньше тебе забот и хлопот, в особенности в дороге. Он эту любезность, т.е. прихватить вас с собой и обеспечить пропуск на выезд обещал сделать. Если будут осложнения с пропуском, в особенности с матерью, то напиши мне об этом. Я думаю, тогда, может быть, он на время выезда включит ее в штатный список Комитета (хоть бы уборщицей), а на тебя я дам телеграфный вызов Наркома. Ну, а ближе к августу мы спланируем о том, есть смысл ехать или нет. Я этого очень хочу, но пока страшусь двух вещей: во-первых, летом и осенью будут налеты при всяком ходе войны, и очень не хочется, чтобы это испытывал Вова, и во-вторых,

будет чрезвычайно сложно с пропиской, в особенности матери. Ведь она очевидно по дому числится как эвакуированная, а в Москве прописывают только через справки от учреждений по их лимитам на вызовы. А без карточки жить будет почти невозможно.

Ну, к августу всё это будет виднее. Напиши мне все свои сообщения по этому поводу. Ты пишешь о моей поездке. Пока не могу из-за занятости по делам и не хочу обещать. Может быть, в конце июля такая возможность будет.

Из письма мамы папе из Барнаула в Москву 18 июня 1942 г. Пошлю с ... 8 стаканов пшена и баночку масла. Поделись немножко с тётёй Сашей, а то она бедная одна и больная, и никто её не навещает. Вернулась из деревни 13 июня, удалось привезти 19 кг пшена и 3 и $\frac{3}{4}$ кг топленого масла. Всё в обмен. Теперь мы с кашей; будем сыты. Хочется запасти продуктов с собой в Москву. Теперь пойдем посмотреть наши огороды.

Из письма Вовы папе из Барнаула в Москву 23 июня 1942 г. Здравствуй, дорогой папочка. Как ты живешь? Тебе, наверное, трудно с питанием. И мы послали тебе с отъезжающим в Москву человеком маленькую посылочку. Мы послали тебе 2 кг пшена и 400 гр. масла. Ты немножко удели тётё Саше, так как она больная. Богатов приехал в Барнаул и привез нам посылку. Спасибо за всё. Мама сейчас хлопочет насчет квартиры. Я стал прихварывать. Погода у нас хорошая, только сегодня прошел дождь с бураном.

Из письма папы маме из Москвы в Барнаул 25 июня 1942 г. За прошедшие две недели моя жизнь и условия не изменились. Работы также много и в последние дни я заметно устаю. В позапрошлом воскресенье до 4 часов работал, а затем по пути заехал в баню. В прошлое воскресенье ездил в командировку в Щелковский район. Очевидно, послезавтра, в субботу и воскресенье опять поеду на Фрязевскую фабрику и Монинский комбинат. В Москве около месяца трёх недель стояла холодная и дождливая погода. Только последние два дня были тёплые, но дождь во второй половине дня также повторялся. И только в эти два дня я вылез из пальто.

Москва живёт настоящей столичной жизнью. Работа транспорта, магазинов совершенно нормализовалась. Заборы полны афиш, парки наполнены публикой. Я ни в театре, ни в парке не был, но очень хочется сходить в филиал и послушать оперу. Думаю в июле обязательно сходить.

Сегодня (сейчас) я дежурю в Главке и совмещаю второе дежурство по пожарной охране. Только что с час тому назад была объявлена воздушная тревога, и я с крыши Наркомата наблюдал Москву, погружающуюся в сумерки. Тревога длилась не более получаса. Ни одного бандита не прилетело и даже не было слышно выстрелов зениток на подступах к городу.

Недавно я узнал от одного работника московской шерстяной фабрики о том, что твой отец в феврале умер. Он, кажется, в октябре эвакуировался в Ташкент, но по пути или вскоре по приезде заболел, и вот видишь, болезнь окончилась смертью.

Как Вова? Он что-то мне очень мало пишет, я с большим удовольствием читаю его писульки! Жалею, что я ему не послал бумаги. Ведь я понял, что ему нужны именно тетради и лишь из последнего письма я понял, что он нуждается в бумаге вообще.

Из письма тёти Саши в Барнаул 26 июня 1942 г. В далеких сибирских степях наверное люди спокойнее, и добрее. Они не слышат разрывов бомб и стрельбы. Но я верю, что скоро будет конец этим ужасам. Я довольно спокойно стала переносить «тревогу». Живу в своей комнате: тихо, светло, чисто. Я теперь здорова, головных болей нет и сердечных тоже. Тяжело было: у меня давление доходило до 240 и больше, головокружение, слабость, нервозность и пр. В поликлинике у меня брали кровь по 200 гр. Стало легче, но я очень ослабла. Нужно было усиленное питание, а где его взять? Этот месяц я питалась в столовой и поправилась. Но с 27 июня не могу туда пойти, т.к. вышли все талоны, которые отрезают в столовой от карточки на крупу, мясо, рыбу, жиры. Ну 4 дня проживу и своими обедами. Пётр Ильич и Оля всё зовут меня в деревню, но с чем ехать? У них нет продуктов. Впрочем, у меня есть пшеничная мука – её могу взять. Еще вот очереди за продуктами задерживают. Хлеба дают только на два дня. У нас весь июнь был холодный и дождливый, как осенью. Сегодня я купила во фруктовом магазине полкило крапивы на суп за полтора рубля. Я такой высокой и толстой не видела – вышиной с аршин.

Иногда я хожу в кино. Вчера смотрела новый американский фильм «Мелодии вальса». Не понравилась картина: бессодержательная, и музыка грубая, резкая. А перед этим смотрела замечательную картину «Светлый путь». Здесь реальная жизнь опоэтизирована. Если удастся – посмотрите. Хорошие картины: «Весенний поток», «Музыкальная история», «Большой вальс», «Антон Иванович сердится», «Маскарад» и др.

Три недели до 25 июня мы жили спокойно более или менее. Это наши соколы не пускают к нам ястребов проклятых. Но скоро откроется второй фронт, и тогда враги наши получат жестокое возмездие за все тяжкие преступления. С двух сторон будут их колошматить. Самых заправил гитлеровцев надо достать и призвать к ответу. Недавно, т.е. 24 июня, проездом через Москву, побывал у меня Миша Мотов. Ехал он из госпиталя, из Красноярска на фронт. Выглядит здоровым, бодрым, политруком будет теперь воевать. Надеется вернуться с победой. Хорошо смотреть на таких героев. Одна нога стала у него короче после операции. Три часа только побыл у матери в Краскове. Клавдию не видел, меня навестил.

Из письма папы маме из Москвы в Барнаул 28 июня и 1 июля 1942 г.
Спасибо за посылку. Я думаю масло всё на этой неделе отвезти тёте Саше, а пшено разделить пополам тёте Саше и тёте Оле. Очень рад за твои покупки. Поездка с точки зрения московских условий по этой части крайне удачная. Сегодня у меня полдня выходной. Встал в 7 часов и тщательно вычистил свой черный костюм, так как серый уже отслужил своё.

С очередной оказией я посылаю тебе менее ценные, но необходимые вещи: миски, твоё платье и Вовино бельишко, из которого он вырос, но может тебе пригодиться для закупок. Живу по-прежнему, сегодня получил карточку на обед в ту же столовую (литер Б). Последние две недели нигде не был – некогда. В воскресенье собираюсь съездить к матери, а до воскресенья обязательно съезжу к тете Саше.

Очень хочется увидеть вас! Надоело жить одному! Вова, кажется, теперь больше ростом, как ты пишешь, и может встретишь его теперь, а он уже другой во всём. Помнишь, как он приручался после болезни скарлатиной?! Я все же не покидаю надежду осенью встретиться в Москве, или хотя бы в Барнауле.

Из письма мамы папе из Барнаула в Москву 5 июля 1942 г. Теперь могу тебе написать, что живем мы на новом месте. Дали мне комнату, 12 м, вполне достаточно для нас, со всеми удобствами: уборная есть, канализация есть, с потолка не течет и живем одни, без других. Квартира состоит только из двух комнат (такой же второй). На четвертом этаже. Правда, нет ванны, но есть душ. Сейчас он не работает, но зимой, говорят, будет работать. Теперь о том, как я её получила. Письмо Скуланова я передала А.И. Она звонила в коммунальный отдел, но дело до конца довести не удалось, так как прошедшее отчетно-выборное партийное собрание, состоявшееся в прошлое воскресенье, не избрало её в партком, она уже не стала секретарем парткома, и я просто больше к ней не обращалась,

а стала энергичнее действовать сама. Часто ходила в жилотдел, а затем решила обратиться к зам. директора по хозяйственной части т. Лойко (ленинградец). У него я постаралась привести все доводы: во-первых, говорила о себе как о работнике комбината и приводила в пример всех наших сотрудников, которые все размещены в лучших условиях. А во-вторых говорила о том, что приехала сюда с наркоматом, и между прочим сказала, что если бы приезжал сюда муж, я жила бы в лучших условиях. Он мне на это брякнул: «ничего» и после этого начал интересоваться тобой. Я всё рассказала о тебе, т.е. твою должность, упомянула, что ты депутат Совета, награждён правительством, а кроме этого заикнулась, что если ничего не выйдет, то может в этом деле принять участие Хазан.

В общем, Миша, после моего с ним разговора уже ночью в 12 часов ко мне приходит работник жилотдела и говорит, что комната, которую я просила, даётся мне. Я была страшно удивлена, потому что претендентов на неё было много. Всё же дали её мне. Что заставило дать её мне – не знаю. Моя ли работа на комбинате, твоё ли положение, или и то и другое вместе, но факт тот, что я теперь живу в хороших условиях. Конечно, успех получился благодаря массовому отъезду наших. 15 семей уехало в Кострому, так что освободилось сразу несколько комнат. Так что видишь, Миша, это письмо было как бы толчком для меня самой. Но если бы не мои энергичные действия – я бы комнаты не получила.

После того жилья мне здесь кажется очень хорошо. Кроме всего здесь прекрасно горит огонь и можно пользоваться электроплиткой. Как замечательно быстро всё нагревается. С плиткой можно обходиться почти без дров.

Теперь относительно нашего переезда. У меня такая точка зрения. Перебираться в Москву с трамплином, как это делают некоторые, мне кажется, не имеет смысла. Здесь я имею в виде переезд в Иваново, Ярославль и прочее. Здесь мы уже устроены, я имею работу, получаю зарплату, а теперь устроились и с квартирой. Кроме того, нас сейчас прикрепили к относительно приличной столовой, где мы ежедневно получаем три обеда на дом, которые стоят 10–12 рублей. Как будто и на комбинате питание несколько улучшилось. Всё это удерживает от какого-либо переезда в другие места. Вопрос может стоять только о переезде в Москву. И то, Миша, надо всё взвесить.

Конечно, о Москве соскучились. Через три дня будет год, как мы расстались. Но я, откровенно говоря, хотела бы вернуться главным образом из-за тебя. Я представляю все твои трудности со стиркой,

с приготовлением пищи, с питанием в праздничные дни, с добычей продуктов и прочее. И хотелось бы облегчить твоё положение. Но опять-таки не знаю, насколько оправдаются мои надежды. Быть может, присутствие нас в такое тяжёлое время с тобой наоборот будет тебе в тягость. Могут прибавиться лишние заботы.

Напиши, пожалуйста, свою точку зрения. Однако, Миша, мы по тебе соскучились и очень хотелось бы с тобой увидеться. Все наши жены (Главшерсти) говорят, что твоя очередь. Ты, Миша, постарайся всё-таки приехать. А если вопрос с отъездом будет отнесен на более поздний срок – обязательно приезжай. Да ты и сам встряхнешься. Можешь у нас немного отдохнуть, теперь есть тому условия. Приезжай.

Если действительно наш отъезд затянется, то нам вот что необходимо обязательно: калоши Вове и мне; 2) нет пимов у Вовы совершенно, а у меня худые. Без теплых сапог здесь зимовать невозможно. А потом, Миша, если поедешь сам, привезешь нам кое-какое барахло, о чем я тебе писала в ряде предыдущих писем.

Я, Миша, 11 июля отправляю Вову в пионерлагерь недалеко, за 8 км, но говорят, что там очень хорошо и сытно кормят. Поедет он на 21 день. Стоить это будет рублей 200. Сейчас он на несколько часов ходит в отряд в школу и там обедает – довольно прилично.

Миша, какая жалость – только что перегорела плитка.

Из письма папы в Барнаул 10, 15 и 21 июля 1942 г. 10 июля: У меня так же очень много работы, и поэтому каждый день ухожу с работы не раньше 9–10 часов вечера. В прошлое воскресенье до 3 часов работал, а к вечеру поехал в деревню к бабушке. Живет она плохо. Валя целый день на улице, Колька работает на фабрике на ткацком станке, Шурка почти ничего не делает и хулиганит.

15 июля: На моей работе «дыхнуть» некогда. Я живу по-прежнему. Обедаю в той же столовой, дома имею еще немного картошки; плохо со сладким, но что делать – привыкли. В позапрошлом воскресенье ездил в Домодедово. У матери с питанием так же плохо, но дня за два до моего приезда ей сестра привезла мешок картошки и немного муки. В понедельник вечером заезжал к тёте Саше и отвез ей всю твою посылку. Она здорова и в последнее время чувствует себя хорошо. Собирается на этой неделе поехать к Петру Ильичу на несколько дней. Я у них не был уже недели три.

В Москве с полетами в последние 2 месяца почти совершенно спокойно. Было лишь несколько тревог, но до Москвы самолеты не до-

летели. Только вот на той неделе в 6 час. вечера залетел один самолет (очевидно, разведчик). Стрельба из зениток по нему была сильная, хотя и не было тревоги.

Я тебе в посылке посылаю один кусочек туалетного мыла, последние покупки тебе белья и старую юбку. Кроме того тётя Саша посылает Вове шоколад. Ботинки Вове никак найти не могу. В последние дни отдал свою промтоварную карточку Любе с условием, что она купит что будет на Серпуховке из обуви себе и Вове. О теплых вещах пока заботится было некогда.

21 июля: Я получил твое и Вовино письмо, из которых узнал, что вы переехали в новую комнату. Очень рад – поздравляю. Это очень хорошо, в особенности если придется вам еще зимовать зиму в Барнауле. Теперь о себе. Живу я по-прежнему. Обедаю в литерной столовой, а завтракаю и ужинаю дома. Первое преимущественно состоит из чая и хлеба. Второе – картошка. К такому ежедневному меню я уже привык. Пока живу, работаю и здоров. Конечно, меня в этой части выручает обед.

Подносился также в костюмах. Серый вышел совсем из строя, а черный с заплатанными собственной рукой локтями. Надо к осени шить! Работы также много. Прихожу обычно в 9–10 часов, а иногда к 12 часам. В такие дни приходится ходить до дома пешком. Позже 12 уже на улице быть нельзя. На прошлой неделе в понедельник был у тётки Саши. Она здорова и чувствует себя сейчас хорошо. Свёз я ей всю твою посылочку. В среду на той же неделе ездил к П.И. У них уже распустился огород и я покушал у них свежую морковь и молодую картошку. П.И. сейчас чувствует себя неважно. Видно, сказывается отсутствие жиров.

В воскресенье 19 июля ездил к матери. Ну, у неё совсем плохо. Помогает ей всё время сестра, но ведь непрерывно кормить дополнительную семью в 4 человека Ал.М. и Поле так же трудно. Тем более осенью, при злосчастной подготовке к эвакуации, они почти все основные запасы второпях продали. Ал. Моисеевичу я безмерно в душе благодарен за все его заботы о ней. С самым тяжелым впечатлением я уехал из деревни!

Достаточно тебе сказать: получает она по карточке лишь 300 грамм на душу хлеба. Больше ничего. Я приехал, а она стряпает лепёшки, состав которых: свекла (молодая), картофельные очистки и граммы муки. Вот это их добавок к пайку хлеба и плюс немного картошки. Собираюсь 26 июля или 2 августа поехать в Беляево.

Теперь о перспективе. Учитывая обстановку на фронте, рекомендовать тебе настойчиво стремиться в Москву я не могу и прошу тебя без окончательного моего и твоего (обоюдного) решения не выезжать. Я это пишу не только из-за боязни дальнейшего продвижения немцев, сколько из-за страшной неизвестности положения зимой в Москве. Ведь на сегодня отрезан Донбасс и следовательно с топливом в Москве положение еще более усугубится, а в связи с этим не известно, будет ли в квартире свет, отопление и газ. Кроме того, с исключением Воронежской ж/д линии пути к Москве с востока уменьшаются и учитывая потребности фронта, питание в Москву очевидно тоже будет поступать в ограниченном количестве. Всё это вместе взятое может иметь свое отражение на здоровье Вовы. Но сейчас еще июль. В августе–сентябре видно будет. Решающими на фронте будут грядущие два месяца.

Прошел я на днях перерегистрацию в военкомате – бронь продлили до 31/XII-42 г.

Из письма мамы папе из Барнаула в Москву 17 июля 1942 г. Я опять ездила в район, но теперь в смысле транспорта менее удачно. Пришлось туда в первый день пройти 40 км пешком, а вторую часть дороги 50 км ехали на конях. Рассчитывали мы на машину, но ни одна машина не ехала.

Там мне удалось достать следующее: за Вовин костюмчик дали 8 кг муки и еще за два лоскута (2 м) дали 4 кг. На 3 м льняного полотна, которое мне удалось получить по карточкам в закрытом магазине (заплатила я за него 21 р.), мне дали 8 кг пшена, да еще на два початка пряжи получила 4 кг. За отдельные куски ватина (около 4 м) получила 1,7 кг сливочного масла, да 800 г купила топленого масла по цене 300 руб. за кг. Затем за две вовиных поношенных трикотажных рубашечки дали 32 яичка, за 13 початков пряжи – 35 яиц, за кусок сатина 22 яичка, да за сатиновые кусочки 15 яичек, так что удалось поменять 104 яичка, из них 94 яйца привезла домой. Вова, конечно, больше всего радовался яйцам. Правда, мы дня три не могли оттуда выбраться, так как прошел дождь. Возвращаться пришлось пароходом, но до пристани ехали на лодке. В общем, уехала я в пятницу 10 июля, а приехала в среду 15 июля. За эту поездку мы здорово устали; главное, были большие волнения из-за транспорта, а кроме того, были большие тяжести.

Знаешь, Миша, откровенно говоря, если бы у тебя была изнеженная жена, и не привыкшая к труду и некоторым лишениям, то

не видать бы твоему сыну каши и блинов. Нелегко приходится, но я нисколько не жалею. Было бы что возить, а то не пожалела бы себя – и повезла. Да вот теперь кажется, что и менять-то больше нечего.

Сегодня Вова уехал в пионерлагерь на 21 день – недалеко отсюда, километрах в 8–10. Говорят, что там хорошо, и питание хорошее. Заплатила я за него 200 рублей. На работе у меня новость – назначили меня заведующей учебной частью нашего уч. комбината. Мне страшно не хотелось, но говорят, что в военное время с желанием не считаются. Оклад 675 руб., работать надо 8 час. Конечно, преподавателем работать гораздо лучше, ту же зарплату получаешь за меньшее число часов. Но самое главное – здесь больше ответственности. У меня пока есть одна группа. Буду вести, а вообще-то преподавательская работа гораздо интереснее, но что делать?!

Живем мы на новой квартире, комната хорошая. Вчера и сегодня нам её покрасили, теперь чисто, только здесь много клопов. Думаем повести с ними отчаянную войну. Устроились мы здесь хорошо, спим теперь отдельно. Имеем стол и пять стульев. В общем, Миша, приезжай – посмотришь и немного отдохнешь. Мы сейчас получаем в столовой три обеда, они выручают. Картошка у нас растет, у старого нашего дома, скоро начнем подкапывать.

Из моего письма маме в Барнаул из пионерлагеря 18 и 30 июля 1942 г. Наш адрес в Барнауле: Барнаул 2, Жилплощадка, д. 72, кв. 23.

Наш лагерь расположен на небольшой горе. Я ушел из дома в 10 часов утра, сдал вещи и потом пришел обратно домой. Потом меня осмотрели, но в пропускнике я не мылся. Нас возил автобус, я попал на третий автобус и уехал из Барнаула в 4 часа. Когда я приехал, нас накормили сметаной с хлебом. У меня из вещей вытащили весь хлеб с маслом. Ужинать нам дали: 1) лапша со сметаной и укропом; 2) кружка молока и 100 г хлеба. Вечером нас разделили на отряды и в 10 часов легли спать. Утром в 8 часов был горн на подъём. Мы занимались зарядкой, а потом убрали кровати и умылись. На утро было творог со сметаной, чашка кофе и 100 г хлеба. В общем тут очень хорошо, здесь 4 павильона, один двухэтажный. Наш адрес: Барнаул, Нагорная часть, пионерлагерь Меланжевого комбината, отряд № 2.

У нас 5 августа будет закрытие и костер до 12 или до 2 часов ночи. Я спою песню «Скворец».

Из моего письма папе из Барнаула в Москву 22 июля 1942 г. Я уже пятый день в лагере. 17 июля утром в 10 часов мы пошли в клуб

Меланжевого комбината в санпропускник. Там нас проверили и дали справки. Я вешу 30,5 кг. Потом в 3 часа дня ребят начали возить на автобусе, я уехал на третьем автобусе. Когда я приехал, нам дали кружку сметаны и 100 гр. хлеба. У нас тут есть 4 палаты для сна, пионерская, столовая, сцена, где выступать, изолятор. 26 июля будет открытие лагеря. Папа, у нас сегодня утром была клубника со сметаной и чай; в обед картофельный суп, блины со сметаной, простокваша.

Из письма тёти Саши в Барнаул 27 июля 1942 г. С 19 по 25 июля гостила у тёти Оли в Люберцах, очень хорошо у них в огороде и садишке. Овощи и пр. хороши, но картофель плох – не было навоза, да и семена немного заморозились, так что какую ветку оторвёшь – клубнику оторвались в земле еще. Лёля, не хотела я брать у Миши пшеницы и масла, но он так настоятельно просил, что я взяла. Получаю довольно порядочный обед в столовой и сыта. Утром и вечером чай с хлебом (500 грамм хлеба). Миша бывает в Подосинках, Оля ему стирает бельё. У Докучаевых очень чисто и приятно, да вот Петр Ильич очень кашляет, сильно похудел, а ходить на службу теперь далеко: час ходьбы, нервничает он, беспокоится и Оля. Мишу Мотова недавно отправили к Брянску связистом и политруком. От Оли узнала, что Ал.Ник. в Ташкенте умер (он был там с семьей).

Из письма мамы в Москву 27 июля 1942 г. Мы вчера ходили копать картошку. Накопали 26 ведер по 9 кг. У нас сейчас продавалось много ягод, я покупала для Вовы малины и клубники, а сейчас продают большое количество огурцов от 1,5 в ларьках и до 4–6 руб. у колхозников. Продается и свежая картошка 120–130 руб. ведро. Я работаю сейчас завучем. Понемножку осваиваюсь. У нас здесь организуется текстильный техникум с двумя факультетами: хлопкопрядением и хлопкоткачеством. Я тебя, Миша, как-то просила прислать мне программу по хлопкопрядению институтскую. Хочу начать заниматься.

Из письма мамы папе из Барнаула в Москву 4 августа 1942 г. Я у Вовы в лагере была три раза, два раза по воскресеньям и вчера вечером. Лагерь очень неплохой, расположен в бору, рядом протекает речка Барнаулка, просто детская, по колено, так что совершенно не страшно за ребят. Кормят их также неплохо. Бывает и сметана, и молоко, а иногда и ягодами кормят. Сегодня нам прислал с мальчиком письмо, буквально написано: «мама, жди меня послезавтра в обед», чему я очень рада, так как стало скучновато без него. Мы уже дней пять тому назад стали есть свою картошку.

Из письма Вовы папе из Барнаула в Москву 4 августа 1942 г.

Нам вчера выдали учебники. У меня теперь есть история, литература, география, хрестоматия, книга для чтения, сборник упражнений по правописанию, русский язык, задачник и атлас. У нас был вчера диктант. Я сделал одну ошибку. Мы вчера ходили копать картошку, накопили 26 ведер по 9 кг.

Из письма мамы папе из Барнаула в Москву 10 августа 1942 г.

Сегодня мы с Вовой ходили в город, смотрели кино «Ленинград в борьбе». На днях Вова вернулся из лагеря, был там 21 день, немного побаливал у него живот, и должно быть поэтому в весе он не прибавил. Я в субботу со своей приятельницей ездила в Топчиху, а в воскресенье вечером уже вернулась. Привезла молодой картошки 25 кг и два литра молока. Молоко здесь четверть 90 руб., а там я купила за 50 руб. Своя картошка у нас плохая, еще мелкая. С ужасом думаю, неужели опять зимой придется покупать по такой высокой цене. Я бы конечно осенью могла купить, но не знаю, где хранить.

Моя боевая задача для зимы – достать Вове валенки. Пока на него на рынке ничего нет. Кроме того ему необходимы калоши. Ботинки одна пара у него есть, а вот калош нет. Здесь их нет ни за какие деньги. Сегодня мы с Вовой из города принесли 3 кг огурцов – 3 руб. кило и свежей капусты по 10 руб. Завтра бабушка сварит щи.

Вова: Я 7-го приехал из лагеря Шестого вечером у нас было закрытие, был костер, торжественная линейка. У костра раздавали премии. Мне дали книгу «За родину, честь и свободу». Закрытие у нас кончилось в 12 часов ночи. На утро следующего дня мы встали в 8 часов утра, собрали вещи, немного погуляли, потом позавтракали. На завтрак было: сметана с луком, вареное яйцо, стакан кофе и 200 г хлеба. Потом у всех проверили вещи, выдали по 200 г хлеба и свои карточки. Потом мы пошли пешком домой. Сперва пошли в поликлинику, там взвешивались, я убавился на 50 грамм. В 3-й сезон мне ехать не хотелось, но когда я узнал, что в лагерь едет Нина Французова и мой товарищ, то мне захотелось ехать, но уже не было путевок. Ну до свидания. Крепко тебя целую. Котляков

Из письма тёти Оли в Барнаул 12 августа 1942 г. Пушок очень плохой, почти слепой стал.

Из письма мамы папе из Барнаула в Москву 15 августа 1942 г.

Миша, если достанешь, пришли необходимые лекарства на всякий случай – здесь ничего нет: аспирин, кодеин, салол, кальцекс и пр. Уз-

най у врачей – что необходимо для ребенка на всякий случай. Где-то в Москве – или у нас, или у тети Саши должен быть мамин желтый меховой воротник – пришли обязательно. Хорошо бы, Миша, сам к нам, очень многие приезжают, многие были по несколько раз. А мы с тобой уже почти год не виделись. Картофель в поле у нас не очень хороший – мы его пока не копали. Нам выдали заборную книжку для получения продуктов из магазина ОРСа. И пока мы получили 200 грамм сливочного масла и 200 грамм подсолнечного, а то давали только один хлеб. У нас был критический момент с мылом, но сейчас нам выдали на карточки по куску.

Зелень у нас сейчас продают – помидоры в городе по 20 руб. за килограмм. И я вчера принесла; Вова так и набросился – очень их любит. У Вовы появилась нехорошая привычка грызть ногти. Ты, пожалуйста, напиши ему об этом.

Из письма папы в Барнаул 22 августа 1942 г. Я здоров. Чувствую себя нормально, если не считать изредка появляющуюся головную боль, с которой я, как известно тебе, свыкся давно. Как всегда, у меня сейчас очень много работы, поэтому времени свободного почти не вижу. Работаю, как правило, до последнего трамвая, а иногда (1–2 раза в неделю) приходится ходить домой пешком, так как после 11 часов транспорт в Москве перестает работать. Загрузка моя еще увеличилась и потому, что Шунин мобилизован на заготовку дров. Он уже как недели две тому назад уехал вместе с Французовым.

Питаюсь я также в литерной столовой («Б»), но в августе мне приходится дольше ездить. Раньше я питался в столовой около Моссовета, а теперь за Белорусским вокзалом. Обеды там и здесь почти одинаковы. Дома изредка себе варю теперь щи и почти каждый день угощаюсь картошкой. В настоящее время я обладаю запасом около 15 кг молодого картофеля, 4 кочешками капусты и немного свёклы. Щи я научился варить вкусными, так что с удовольствием угостил бы тебя! Недавно мне привезли около двух десятков огурцов, которые я сейчас же засолил и около недели жил с малосольными огурчиками.

Белья хватает, плохо со стиркой, так как к матери я имею возможность очень редко ездить. На днях хочу заказать себе на пошивку костюм. Надоело ходить с рванными локтями. В комнате у меня беспорядок. Убираться могу лишь в выходные, и то не каждый, так как из трех два как правило работаю. За последний месяц был у матери, у сестры и у Петра Ильича.

Мать живет по-прежнему. Теперь ей немного помогает огород. Шурку мобилизовали на трудовой фронт. Уехал он, кажется, в Тульскую область. Это хорошо. Мать теперь вздохнет, и он начнет приносить пользу государству. Сестра живет хорошо. Все они работают от зари до зари в колхозе. Урожай ожидается хороший. Валя ушла добровольно в Красную Армию; сейчас где-то недалеко от фронта.

Петр Ильич и тётя Оля живут по-прежнему. Огород у них в полной силе. Был я у них недавно и угощался морковью, огурчиками и молодой картошкой. Плохо то, что Пётр Ильич стал в последнее время плохо себя чувствовать. Страшно тяжело дышит и плохо спит. Хотя работать продолжает. У тети Саши с тех пор не был. Собираюсь поехать к ней на этой неделе, хочу свезти ей килограмма 2-3 картофеля и один кочешок капусты. От брата ничего не имею.

Ну как вы живёте? Вова писал, что мама уехала в ту же деревню и что-нибудь нам привезет. Получил я от него из лагеря две открытки, передай ему спасибо за них. Напиши мне, как у него обстоят дела с учебниками для нового класса. Может быть нужно что-нибудь купить здесь? Как у тебя с новой работой? Работать завучем трудно конечно, но и работа интереснее.

Пишите мне. Ведь ваши письма мне нужнее, чем мои вам. Ведь я один, а вас там целая семья. Лёля! Дома страшно надоело одиночество. Страшно хочется увидеть вас с Вовой, но это видно еще не скоро осуществится. О своей поездке к вам я иногда мечтаю, но реально её осуществить пока не представляется возможным. Работы уйма!

Из письма мамы папе из Барнаула в Москву 24 августа 1942 г.
Только вчера приехала из Топчихи, куда ездила за продуктами, но неудачно – не было базара, так как в районе был объявлен воскресник. Удалось купить только 5 кг муки по 50 руб. за кило. Привезла еще 2 литра молока по 20 руб. за литр и 10 огурцов. Миша шил для обмена мануфактуру и другие вещи. С продуктами в эту зиму будет тяжело, потому что сейчас поступает много эшелонов с эвакуированными. Так что постарайся присылать уже сейчас наши вещи для обмена на продукты.

Я написала т. Саше, чтобы она к нам приезжала и серьезно думаю, что для нее это будет лучше. Здесь наши «жены» все ходят по рынку и продают вещи. Я, правда, еще не была, мне и продавать нечего. Единственное – мой бархат, который мне хочется обменять Вове на валеные сапоги. Не знаю, удастся ли?! А хорошо бы.

Дорогой Миша, как тяжело разворачиваются для нас события. Приезжающие эвакуированные из Ростова, Севастополя, Воронежа рассказывают ужасы... бомбежки, пожары, разрушения. Сколько гибнет народа! Когда же конец?! Что слышно у вас?

Миша, у нас в квартире есть телефон (96, 2 звонка). Звонить надо так: просить меланжевый комбинат, а затем сообщать этот номер. По нашему телефону разговаривают с Новосибирском, а может быть можно и с Москвой – не знаю.

Из письма тёти Саши папе в Москву 31 августа 1942 г. Дорогой Миша, не поедет ли кто в Барнаул, я бы послала ботинки Лёле или Вове, кому годятся; у меня лишние, ещё почти новые. Как Вы живете, здоровы ли? Оля говорила, что много работаете, очень похудели. Вы всегда много работали, а теперь приходится и за товарищей, взятых на войну.

Из письма папы Вове в Барнаул 1 сентября 1942 г. Сегодня ты очевидно вновь начал учиться. Поздравляю тебя с началом учебного года и желаю успехов. Какие предметы ты вновь начал изучать и как обстоят дела с учебниками. Я сейчас здоров, но прошедшие несколько дней болел желудком с немного повышенной температурой (доходило до 38,2°). Сейчас температура нормальная, но еще слабость. Я очень много вещей заготовил для посылки вам, но послать пока не с кем. Желаю тебе здоровья. Крепко тебя и маму целую.

Из письма тёти Саши в Барнаул 7 сентября 1942 г. Много времени отнимают очереди за хлебом, продуктами и столовая. Одна столовая держит часа по 2–3. В свободное от очередей время провожу за шитьём. Я распорол серую шубу, выстирала верх и подкладку, перевернула верх, и у меня теперь выйдет совсем хорошая шуба, как новая. Долго шью, без манекена трудно, и опыта нет, но всё-таки скоро кончу. К холодам будет готова. У нас погода всё ещё летняя, ходят без пальто – жарко. Очень сожалею, что у вас нет галош и валенок, но их и в Москве нет. Я писала Мише, что я могу вам послать почти новые ботинки, у меня они лишние. Кроме того Анютины старые галоши можно залить. Завтра попробую отдать уличным сапожникам, так как мастерские не берут. Спрашивала у одной около нашего дома, говорит, что только на хлеб возьмут заливать. Относительно твоего приглашения приехать к вам, большое спасибо за приглашение. Но ехать куда-нибудь далеко не хочется. Дома как-нибудь буду спасаться от холода. Если дадут дров, сложу кирпичную печку. А зима страшит.

Ещё эта война не даёт покоя, конца ей не видно. Союзники что-то медлят со вторым фронтом, а фашисты совсем очумели. Прут на свою погибель, кровопийцы. Очень жалко наших героев, воинов. Как они сражаются! Восторгаюсь ими и скорблю о них. В конце августа Михаил Мотов отправился на передовые позиции политруком. Больше недели назад была у меня тётя Оля, привезла овощей. Пётр Ильич болен, был у доктора. Уж очень он кашляет. Страшно похудел, устаёт от недоедания и большой работы. А ходить теперь далеко на службу, по дороге в Котельники. Оля тоже похудела, пожелтела, ночей не спит из-за П.И. Звали в Подосинки, да с чем мне ехать, и у них ничего нет. А у них хорошо. Всюду цветут прошлогодние цветы. В огороде овощи. Только картофель плох, не хватит самим на зиму. Это их огорчает: главный предмет питания. Трудно им приходится: заработная плата недостаточна, здоровьишко у обоих никудышное. Жалко их обоих, и помочь нечем.

Милый Володя, спасибо тебе за писульки. Ты пишешь всё такое жизненное, и я ясно представляю вашу жизнь. Зима и вас страшит. И я боюсь за вас, как вы будете ходить без тёплой обуви. В чём вы ещё нуждаетесь? Может быть у вас нет мыла: тогда я пришлю вам, если будет оказия. Еще пришлю опять шоколаду. Сегодня получила 300 гр. шоколаду за сентябрь вместо сахара, и могу с радостью поделиться с вами.

С Мишей я давно не виделась. Тётя Оля говорит, что он работает за четверых, очень похудел, устаёт; свободного времени совсем нет. Писала ли вам в последнее время Варя? Вы знаете, что они вернулись домой. Старая квартира разорена немцами, дали другую комнату на Косой горе, но вещей и мебели нет; есть стол, ящик, две кровати без матрацев. Как они приспособятся, бедняги. Недавно начальник Вари приезжал в Москву, привёз мне письмо от неё. Я послала с ним Варе: юбку для Светы, две пары носков, две катушки ниток чёрных и белых (если у вас нет, я бы прислала и вам), три тетради. Ответа еще не получила от неё. Светлана поступила в Туле в железнодорожный техникум без экзаменов. Будет там и жить в общежитии, и питаться в столовой.

Вражеские гости опять стали нас беспокоить, вчера, 6 сентября, в 7 часов вечера к Москве летели семьдесят самолетов, два прорвались в Москву, была стрельба. Этих двух уничтожили, а остальные повернули обратно. Я в это время была в театре у Вас. Ив. Смотрела «Беспокойная старость», где в пьесе выводится профессор Тимирязев. После первого действия пришлось уйти в убежище (под театром очень хоро-

шее убежище), а потом домой. 9 сентября можно досмотреть. Играет труппа Ленсовета довольно хорошо. Я также смотрела: «Дворянское гнездо» Тургенева, «Парень из нашего города», «Русские люди», «Во имя жизни» и «Давным давно». Все пьесы сыграны хорошо. Особенно интересно поставлено о 12-м годе. Как видите, я театр не забываю.

5 сентября Яков Алексеевич проводил сына Алёшу на военную службу. Пока в Ярославль, где он будет учиться военному искусству. А он только что окончил отлично библиотечный институт.

Из письма мамы папе из Барнаула в Москву в сентябре 1942 г.

Мы выкопали теперь всю картошку, примерно 220–230 кг, в общем обычных 4,5 мешка. В общем, урожай вышел «сам 6,5». Но у нас всё же очень мелкая картошка. Там, где сажали обрезки – была покрупнее, а там где сажали мелочь – там и сняли мелочь. Да и это подспорье. Правда, полмешка мы уже съели. Осталось три мешка, наполненные до краев – до января наверное хватит. А на январь–февраль–март хорошо было бы купить мешка три и положить в погреб. Пришлось мне с поля 4,5 км на себе перетаскать 3 мешка (18 вёдер) (а 8 мама донесла), по три ведра в раз. В это воскресенье с утра дотемна всё ковырялись, пришлось три раза пройти с картошкой. Последний рейд насилу одолела. Но ничего. Если бы было ещё что таскать – натаскала бы, но уже всё.

В деревню пока еще никуда не ездила. Нет «меня». Жду от тебя посылку. Если получу – может, удастся куда-то съездить. Надо запастись масла на зиму, а то его не будет, или будет очень дорого. Я очень рада, что ты питаешься в литерной столовой – хоть раз в день наедаешься. Как будто там вы получаете 200 грамм хлеба дополнительно. Правда это? А интересно, Миша, где ты берешь картошку и вообще овощи? Хорошо, что ты варишь себе ужин. Должно быть, работает газ, да?

Вове зимнего пальто теперь делать не будем. Хорошо бы ему воротник сменить, а то у него весь ободрался. Он уже учится в школе в четвёртом классе. Начинает в 8 часов утра и до 12. Вова очень вырос, стал большой. Мне на работу каждый день звонит по телефону. Живем мы в квартире с начальником телефонной станции. Между прочим, ей пишет муж, что скоро собирается приехать сюда в Барнаул. Ты, Миша, зайди к нему, может он что захватит от тебя.

Очень рада, что все родные живы и относительно здоровы. Ты всем им кланяйся.

Из письма мамы папе из Барнаула в Москву 9 сентября 1942 г.

Прихожу вчера с работы, а Вова такой радостный, говорит: «От папы

известие, значит папа жив». Вот по этой детской фразе ты можешь судить, что мы и в частности Вова очень переживаем твоё столь продолжительное молчание. И как нарочно за последнее время такая масса «мужей» приезжает из Москвы, и ни с кем ничего, даже письма. А я, признаться, жду и жду посылки с вещами. Знаешь, Миша, получается так что менять у меня больше нечего, а поэтому деньги летят невозможно. Молоко для Вовы я покупать не в состоянии, а также и масло. А хотя бы немного иметь надо было. Вот я жду с нетерпением посылки с вещами и главное с мануфактурой. На нее я могла бы достать и масла и мёда и еще кое-что. У нас нет бумаги.

Мы на своем огороде уже часть картошки выкопали. Нарыли два с половиной мешка, осталась плохая – очень мелкая. Не знаю, нароем ли еще с мешок. Если нароем 3 – 3 с половиной мешка, нам, конечно, не хватит и придется покупать. Я имею возможность у моей приятельницы положить в погребе в яму три мешка. Картошка эта закапывается и примерно до марта лежит в яме. Хорошо бы три мешка купить и положить туда.

Вова вчера начал учиться в 4-м классе, сейчас очень заботится и очень боится проспать. Я работаю по-старому завучем и 2 часа имею преподавательских. Мама у нас настоящий агент, прикладывает большие заботы по нашему снабжению. Стоит в очередях, добывает зелень. Огурцы у нас сейчас 8 руб./кг, помидоры от 15 до 30 руб. А ей удалось сегодня достать по государственной цене (2 руб. за кг).

Вова: Папа! Когда ты к нам приедешь? Я очень по тебе соскучился. Хочу домой.

Из письма папы маме в Барнаул 26 сентября 1942 г. Возможно, днями я приобрету тебе и Вове валенки. Живу я по-старому. Здоров. В прошлое воскресенье в комнате сделал генеральную уборку. Возился около пяти часов. Работы по-прежнему много, за последние три недели ни у кого из родных не был. Завтра еду на Купавинскую фабрику, поэтому в воскресенье тоже ни к кому не попаду.

Из письма мамы папе из Барнаула в Москву 27 сентября 1942 г. Несколько часов назад я вернулась из «небольшой» поездки. Ездила я на станцию «Алтайскую» (полчаса езды на поезде) на рынок с целью закупки картошки или каких-либо овощей. На рынок попали поздно, там я только сумела купить 7 реп на 10 рублей для Вовы... и больше ничего. Возвращаться пустой очень не хотелось, и я вместе с одним незнакомым мужчиной (вот какая я с тала смелая!) пошли в дерев-

ню за 4 км. Долго ходили, никто ничего не продавал, а потом как-то набрали на дом с капустой. Одна хозяйка продала нам по несколько вилок. Капуста очень хорошая, и купили мы очень выгодно. У меня 7 вилок весом все примерно кг 20 за 50 руб., а у нас в Барнауле стоит 12–15 руб. кг.

Всё это, конечно, было очень приятно, но одно дело купить, а другое – привести домой купленное. И вот 4 км на себе эти 20 кг капусты по грязи под осенним дождем. (Да, Миша, на улице страшная грязь, а у Вовы разорвались ботинки, нет и валенок; не знаю, что делать.)

Дело еще осложнялось тем, что я боялась опоздать на поезд (иначе пришлось бы ждать 8 часов под дождём). Нести было тяжело, но всё же донесла, на поезд не опоздала, и в 3 часа была уже дома. Тяжеловато возить, но запастись необходимо, иначе зимой ничего не достанешь.

Из письма Вовы папе 28 сентября 1942 г.

Папа, у меня прохудились ботинки. А тут обувь нигде не чинят. Калоши разорвались еще весной и ходить в них нельзя. А валенки носить нельзя, они еще в Иванове были мне малы, а сейчас если и зачинить, то нельзя будет их носить. А при нашей холодной зиме жить без валенок невозможно. У нас в гардеробе остались мамины калоши. Кажется 5 номер, на низком каблуке, с узким мыском. Они мне будут годиться как раз на ботинки. Хорошо бы ты их прислал мне. Папа! У нас нет совсем бумаги. Пожалуйста, пришли.

Из письма мамы папе из Барнаула в Москву 29 сентября 1942 г.

Только вчера написала тебе, а сегодня пишу снова. Погода у нас резко изменилась, третий день сыпет дождь. Грязь страшная, а у нас с Вовой нет галош. Я прихожу в ужас, как быть с Вовой. Калош нет, ботинки худые. Я его сейчас на улицу не выпускаю, и пока не подсохнет, в школу тоже ходить не будет. Но и дальнейшая перспектива тоже неотрадная, ведь пимов у него нет, а мои худые. Что делать? Не придумаю. Здесь на рынке валенки стоят 2000 руб. Никакого разговора о покупке быть не может. А без валенок здесь я просто не мыслю себе.

Прошу тебя, Миша, вот о чём. Где-то в Москве оставались мои галоши новые на низком каблуке; пришли их, пожалуйста, с кем-нибудь поскорее; быть может, они будут годны Вове. А уж как буду я – не знаю. Мои галоши порвались, а здесь никто не заливает.

У нас разбился градусник, может, где достанешь и пришлешь. Перегорела лампочка, может тоже достанешь и пришлешь, у нас 120 вольт. У нас здесь многие получают письма из Москвы, и все со-

общают, что в Москве очень хорошо: едят белый хлеб и прочее. Так ли это? Миша, если ты сможешь достать мыла – пришли нам. У нас осталось немного. Страшно хочется увидеть всех соседей. Напиши о них.

Из письма тёти Саши в Барнаул 4 октября 1942 г. В Подосинках Петр Ильич болен, ему предстоит операция серьезная. Доктор сказал, что необходима. Не знаю, что там теперь. А приближается зима, а у меня в комнате топить не будут; надо ставить железную печку, но нет дымохода, а в форточку... В нетопленной комнате жуть – замерзну (говорят, дым идет обратно в комнату!) В Подосинки ехать не с чем – им обузой не хочу быть. У меня почти каждый месяц берут кровь при давлении, но донором не делают – стара.

Из письма мамы папе из Барнаула в Москву 6 октября 1942 г. Опишу тебе мою поездку в Тальменку. Она находится в трёх часах езды от Барнаула к Новосибирску и представляет из себя районный центр с базаром. Удалось мне купить три ведра картошки на 20–22 кг по 60 рублей ведро и 11 кг луку, из которых 3 кг я получили за носки (у нас давали по ордерам в ОРСе), а также десяток огурцов и 4 громадных помидорины за 12 руб. – вот и всё. Но поездка была очень тяжелой, так как приходится не спать (почти) две ночи, а затем тащить на себе большую тяжесть, а, кроме того, был всё время дождь, под ногами грязь. И сейчас же после приезда надо идти на работу. Самое главное – не заболеть бы, а остальное ничего. Но вообще говоря, поездки эти очень тяжёлые.

Хоть бы вы, Миша, просили, чтобы нас, оставшихся в Барнауле, снабдили картошкой. На базе нам почти ничего не дают. Изредка кости и по одному пирожку на семью в две недели – просто смех. Дров нам не дают ни полена. Хорошо, у нас пока работает плитка, а то бы пропадать. Погода у нас сразу переменялась. Стало значительно холоднее.

Ты, Миша, пишешь, что может быть достанешь нам с Вовой валенки, – это было бы замечательно. А то я просто не представляю, как мы, а главное Вова в Сибири будет ходить без валенок.

Из моего письма папе из Барнаула в Москву 6 октября 1942 г. Только я собрался тебе писать, как пришел почтальон и принес твою открытку от 26 сентября. Я очень рад, если ты достанешь валенки, а то у нас уже наступают холода. Сегодня утром, когда я встал, кругом было всё бело. К полудню всё растаяло. У нас очень грязно. Я 4 дня не ходил в школу. Сегодня стало почище. Мама вчера ездила в Тальменку и привезла картошки.

Из письма мамы папе из Барнаула в Москву 13 октября 1942 г.

А я откровенно говоря скорее думала, что придётся зимовать здесь, в Барнауле. Правда, меня страшит зима из-за холода и голода. Если будут валенки, это еще полбеды, но здесь валенки я достать никак не могу. Они стоят 2500 руб., а у меня всего сейчас 20 рублей. О калошах уж я не пишу – ходим с сырыми ногами, но думаю, скоро подморозит и тогда эта трудность пройдет. Но ещё самое большое сомнение – это питание. Конечно, картошка. Надо было бы сейчас запастись, но у меня нет денег и ничего, на что можно было бы сменять. Сейчас имеем два мешка своей, но это от силы до января, а что потом?!

Когда нам в столовой иногда дают что-либо подходящее (например, кусочек белого хлеба), так я конечно стараюсь его принести Вове. Но это бывает очень редко. Он теперь каждый день встречает меня вопросом: «А что ты мне принесла?» И так прискорбно ответить, что «ничего». Главное – это запастись продукты. В воскресенье собираемся в Топчиху, говорят, там картофель немного дешевле. Я рассчитала, чтобы нам быть нормально сытыми, нам до мая нужно иметь всего мешков 7 картофеля, а у меня только 2, так что еще нужно 5 мешков.

Прихожу я сейчас с работы домой, а Вовы нет. Я в школу. Между прочим, познакомилась с Вовиной учительницей. Она отзывается о Вове хорошо, говорит, что он мальчик примерный. Учится хорошо. Пошла к товарищу, так как его в школе не оказалось. А товарищ мне сказал, что он пошел к мальчику, они хотели сочинять стихи. Так вот, Миша, на Вову как-то напало, он и дома всё занимается стихосложением, получается ничего, конечно, по-детски.

Из письма тётки Саши в Барнаул 17 октября 1942 г. Однако придется ещё зимушку провести вам не дома. Страшновато делается от грядущей зимы. Много ограничений в питании, топливе, освещении и т.д. Переживём ли? Боюсь я за Петра Ильича, которому на днях сделали серьёзную операцию. Исход благополучный, через восемь дней его выписали, и он ходит уже, 20 октября начнёт работать. Оля очень устала от всего этого: ночи не спала, похудела, побледнела. Картофеля нарыли только четыре мешка: мало и для еды, и нет на посев. Не знаю, как будут питаться. Вы запасайтесь на зиму продуктами, пока они есть (Миша пришлет на мену кое-чего). Вот Миша питается неважно – только обедом. В нетопленной квартире и чаю согреть не на чем, да и вообще холодно. Я тоже, пожалуй, буду зимовать в своей квартире без отопления. Сейчас в комнате 11 градусов, а мне уже холодно. Сегодня

была у доктора – давление 200. Надо бы отдать кровь, но у меня уже взяли из вены 800 гр. за 4 раза, а восполнять нечем – питание плохое. Доктор написал записку заведующему донорским пунктом, чтобы у меня там взяли и дали бы рабочую карточку и продукты. Да, пожалуй, безуспешно. Везде всё по знакомству. А холод надвигается.

Я, Лёля, посылаю вам ботинки № 6, носите, кому годятся; починенные галоши, по 1 куску простого и туалетного мыла и плитку шоколада Володе. Трудно быть без сладкого. На служащих дают только триста грамм – мало, а то бы послала больше. Я себе перешила серую шубу, да как хорошо вышло, даже удивляюсь... От Вари получила письмо. Пишет, что тоже перешивает старое на новое, Светлана учится в железнодорожном техникуме в Туле. Но плохое питание и плохо оборудованное общежитие. Завтра заедет Миша ко мне, Володя получит хорошие валенки.

Из письма папы маме в Барнаул 18 октября 1942 г. Наконец-то я могу послать вам посылку. Посылаю Вове и тебе фуфайки, тебе твои новые галоши и Вове на одну ногу, я думаю, что он их носить вполне может. Еще месяца три тому назад я купил ему полуботинки и тапочки – тоже посылаю. В этой посылочке идёт: две спиральки для плитки, немного медикаментов, мыло (мне его одолжила тётя Саша) и сладкое Вове – маленькая плитка шоколада от тёти Саши, побольше от Лины и конфеты – мой октябрьский паёк. В большой, кажется, идёт багажом: Вове валенки, твоё пальто, старые галоши и ботинки (эти две вещи посылает тётя Саша). Далее: Вовино бельё, из которого он вырос, для обмена; четыре платка (учти – с бахромой полушерстяные и без бахромы – чисто шерстяные, тоже для обмена). Два отреза х/б материи, из которых один рекомендую использовать для Вовы на костюм или на юбки, а другой для обмена. Один кусок ситца из лежащих дома, маленькую скатерть, три кастрюли, сода для питья, чёрный гуталин (жёлтого найти не смог). И, кажется, всё. Посылка получилась большая и боюсь, с учетом всех посылок, примут ли такой большой багаж. Забыл – в большой ещё – рис и сушек немного. Кажется, в маленькой – градусник. Самое досадное – я не смог к этой посылке достать тебе валенки. Со следующей думаю тебе их безусловно послать, так что ты там не покупай себе.

Теперь о дальнейшем. Последние месяцы меня часто занимает вопрос – когда вы вернётесь в Москву? И всё же, несмотря на то, что одному страшно трудно и материально и духовно жить, я думаю лучше вам зимовать в Барнауле. Почему? Во-первых, и это самое главное,

неизвестно, что принесёт нам будущая весенне-летняя кампания, и эта неизвестность плюс ваша относительная благоустроенность там и вынуждают прийти к решению о временном отклонении возврата в Москву. Во-вторых, московская зима безусловно будет суровее прошлогодней. Здесь я говорю о свете, газе и питании. Хотя это я считаю второй причиной, так как трудности переносить вместе легче и приятней. Как-нибудь, но голодны не будем.

Не знаю, какие в данный момент по этому вопросу настроения у тебя, но судя по твоим письмам, ты «чем-то» недовольна. Мне условно надоели все твои упрёки и намёки, выражавшиеся в твоих письмах, а именно:

– «тебе приходится в тяжелых условиях ездить за питанием!»

– «только потому, что у тебя такая жена, твой сын может кушать молока, яйца и т.п.»

– «все мужья приезжают и обеспечивают семьи на зиму» и т.п.

Зачем всё это, Лёля! Ведь виновником всех этих трудностей нужно считать войну! Что ведь у всех семей и мужей разные условия жизни, сообщения, возможности помощи и работы! Зачем ты в последние полтора года приучаешь себя указывать на других, у кого что-либо лучше устроилось, чем у тебя. Смотри лучше, у кого хуже и тебе будет лучше переносить трудности и будет меньше ненужных упреков! А ведь живущих хуже во всех отношениях сейчас людей больше, чем наоборот.

Ты, кажется, думаешь, что мне не хочется приехать к вам! Но ведь это выдумка, не на чем не основанная. Ты просто не представляешь характер и объём моей работы, и тебе так кажется. Ну об этом довольно. Ты не обижайся, но и поверь – надоело в твоих письмах и прямо и между строк это читать.

Лёля, возможно, Французов решит в Барнауле о возврате с собой семьи в Москву и у тебя обязательно встанет вопрос о себе. Своё мнение я выше тебе сказал, но ты серьёзно взвесь всё, и если уже будет настойчивое желание ехать, дай телеграмму. Может быть, я сумею сделать вызов. Только первый вопрос – сомнения по этому поводу серьёзные: чем здесь питаться, свет и газ. Эти трудности переживать вместе будет легче. Самое страшное, а вдруг вам ещё раз придётся эвакуироваться и ведь конец от Барнаула до Москвы большой.

Подумай сама, реши и если нужно, телеграфируй. Если же решишь ехать, у тебя будут трудности с деньгами на проезд. Я сейчас послать

тебе не могу. Чрезвычайно низкие получки (220+320 рублей) и мои затраты по этой посылке на все вещи, которые я вам купил, вывели меня окончательно из колеи и я порядком задолжал. Тогда кое-что продай и в первую очередь мой костюм. Днями я кое-где одолжусь и переведу немного.

Я живу также. Обедаю в литерной «Б» столовой, а завтрак и ужин – кое-как дома. Больше выезжаю на картошке. У матери не был давно. Почти все выходные работаю. Не знаю как она сейчас живет. В Подосинках был вечером на прошлой неделе. У него (у дяди Пети) оказывается сделали операцию по удалению грыжи. Прошла благополучно. Выглядит он худо, но заметно посвежел. Тётя Саша выглядит нормально.

Дома у нас имеется пока свет и газ. Топить не известно, будут ли. Ведь зимой много полопалось батарей, а ремонта их не видно. В последние недели мне дом почему-то порядком опротивел. Надоело одиночество в своей комнате. Плюс от понедельника к воскресенью всё увеличивается грязь. 2–4 часа на уборку и чистку комнаты, посуды и т.п. Часто отсиживаю вечер у Седовых. Менее скучно, чем одному дома.

Все соседи по квартире живут по-прежнему. Ребятишки конечно выросли. Все они, как только меня увидят, хором кричат: Дядя Мись, а когда Вова приедет!

Из письма мамы и Вовы папе из Барнаула в Москву 22 октября 1942 г. Дорогой Миша! Пишу тебе накануне отъезда в район на овощаготовки. Нас едет человек 40 для усиления государственных поставок картофеля для нашего ОРСа. Наша бригада 8 человек едет в Ребрахинский район в 180 км от Барнаула. Выезжаем завтра утром на машине. Очень досадно, что Французов приезжает очевидно завтра утром часов в 9–10, и я его пока не увижу. Отправляют нас дней на 10–15. Свою роль в командировке я ещё не совсем понимаю. Жизнь покажет. Сумею ли я что-нибудь заготовить для себя – не знаю. Во всяком случае кое-какие «монатки» я беру. Хорошо, что у нас здесь выдавали трикотаж, и я имела возможность купить.

Хотела тебе описать, как мы вчера с Ефимовой ездили с тележкой за 15 км за капустой, да уже поздно. Могу сказать только одно, что еще так как я устала вчера, я в жизни еще не уставала. Купила я 50 кг капусты по 6 руб. за кило, жаль, не в чем посолить, да и соли лишней нет. Ну Миша, всего хорошего; Вова допишет.

Здравствуй, дорогой папочка. У нас опять организован пионерский отряд. Меня выбрали председателем штаба отряда (это всё равно что председатель отряда). Теперь все пионеры кроме галстука носят звездочку. Она называется: Нагрудный значок юных пионеров. В середине её изображен пионерский костер, а наверху: «Всегда» и внизу: «...готов!» У нас девочки сейчас их делают из красной материи и вышивают желтыми нитками. Также еще начальники штабов отрядов, члены штабов отрядов и звеньевые носят знаки различия. Я буду носить две полоски на левой руке. Позавчера 13 человек из пионеров приняли в Тимуровскую команду, в том числе и меня. Мы будем помогать госпиталю. Все тимуровцы носят букву Т. Папа, я читаю книги (перечисляю уже прочитанное). Ну до свидания. Крепко тебя целую.

Из письма мамы папе из Барнаула в Москву 25 октября 1942 г.
Пишу тебе из далекой сибирской деревеньки. Эта деревня находится в 130 км от Барнаула. От железной дороги по прямой километров 70. Можешь себе представить, какая это глушь. Мужчины в армии, женщины все в поле. Сидим и грызём семечки и едим морковь. Остановились мы в жилой избушке, где живут старик со старухой, а 6 сыновей и 3 зятя на войне. И много здесь таких семей. В деревне здесь купить ничего нельзя. Хотелось нам молока, но так и не удалось купить. Хорошо, на маслозаводе нам продали полкило творога и литр отходов от молока. Еще мы купили тыкву, так что теперь у нас будет тыквенная каша.

Из письма Вовы папе 29 октября 1942 г. Очень рады всем вещам, которые ты прислал нам. Особенно рад валенкам и галошам и вообще всей обуви. А то бы мне не в чем ходить в школу и пришлось бы сидеть дома. Ботинки совсем разорвались и бабушка отнесла их чинить по маминому ордеру. Но для починки нужна целая подмётка, а её здесь нету. Так что делать будут из кусочков. У нас тут стало уже холодно, и валенки пришли кстати. Они мне немного велики, но это хорошо – будут годиться на следующий год. Калоши на одну ногу хороши, и я в них пока хожу в школу, надевая их на старые валенки. Особенно спасибо конфетам и сушкам. Я их оставил к моему дню рождения. Сушки понемножку поедаю.

Передай привет и скажи спасибо тёте Саше за посланное ею мыло, шоколадку. Спасибо тебе за фуфайки. Мама будет очень довольна, но её нету дома. Она уехала на заготовки картофеля для ОРСа столовой. И за вещи большое спасибо. Они очень нужны для обмена. Кстати,

ещё забыл: за бумагу и конверты очень благодарен. Они нам так нужны! Мы сейчас живём одни с бабушкой. Мама вот вторую неделю как уехала в командировку до 5/XI, но она наверное вернётся раньше и в мой день рождения будет дома. Бабушка здорова и благодарна за все вещи. Ну до свидания, крепко тебя целую. Привет всем родным.

Из письма тётки Саши папе 29 октября 1942 г. Вчера у меня была Оля из Подосинок и просила передать Вам, что вчера Петру Ильичу сделали вторичную операцию, очень сложную, серьёзную. Вот уж девять дней он лежит в той же больнице. Очень слаб. Она боится за печальный исход. Пётр Ильич просил, если можно, приехать к нему в больницу, он Вас очень любит. У меня поставили жел. печку. Вчера истопила – очень хорошо, тепло. Боюсь я и за Олю, она очень устала, всё одна, болят руки и ноги, одна рука как-то немеет... Я то по своей инвалидности никак ей не могу помочь, только буду лишней нагрузкой.

Из письма папы маме в Барнаул 2 ноября 1942 г. Вчера целый день был я в Подосинках и проводили мы Петра Ильича в мир вечного покоя. 29 октября он после второй и, по рассказам, более тяжелой операции умер. Вчера его похоронили. Как я тебе писал, он заболел грыжей и ему была операция, которая оказалась очень легкой и она его завезла в церковь, где после обедни приехал домой из больницы с хорошим самочувствием. Оказывается, через несколько дней он опять заболел (той же болезнью) и его опять отправили в больницу, где ему сейчас же сделали операцию, после которой спустя несколько дней он скончался. Схоронили его на люберецком кладбище. Как и нужно было ожидать, тётя Оля конечно по пути его завезла в церковь, где после обедни, которая, кстати говоря, очень долго длилась, его и отпели.

И вот Петра Ильича не стало. Жалко его. Хороший и редкий в этом отношении был человек. Я вот уже третий день нахожусь под тяжелым впечатлением его смерти. Но что же делать, такая участь неизбежна для нас всех.

Ты наверное уже получила мою посылку. Жаль только, что к этой посылке я не смог тебе достать сапоги, а ведь ты у нас самая холодобоязненная. Здесь, в Москве составляют списки для получения в Правительстве разрешения на возврат семей сотрудников Наркомата. Я на всякий случай вас включил. Что касается конкретного решения об отъезде – это решай сама на месте. Своё мнение на этот счёт я написал тебе в прошлом письме. Еще раз прошу, если решишь это в пользу отъезда, сейчас же мне телеграфируй.

Оборвался у меня костюм. Материал для него я имею, но сшить пока нет денег. Думаю, что после праздника осилю. Лёля! Пиши мне, не взирая на то, что я пишу редко. Ваши письма заполняют пустоту в моём одиночестве дома. Очень скучно быть дома одному.

Из письма тёти Саши в Барнаул 7 ноября 1942 г. С Великим праздником поздравляю. Эх, если бы не война, какое бы это было торжество! 25 лет Октября: сколько достижений во всех областях. Проклятая война, как ураган налетела и произвела непоправимые разрушения. Так грустно всё это. Из письма Миши вы уже знаете, вероятно, о большом горе у всех нас. 29 октября в 7 часов утра умер симпатичный, добрый дядя Петя, после второй операции паховой грыжи. Вторая операция продолжалась час 50 минут. Больного, кажется, еще простудили, воспаление лёгких (отёк лёгких). Оля очень горюет, до отчаяния; каждый день навещала, а к больному не пускали, говорили, что он хорошо себя чувствует. На похоронах было около сорока родных. После стало как-то грустно, пусто. У Оли масса хлопот и забот. Я уехала 4 ноября, приехала Катя на смену мне. Как будет жить Оля одна? Она плакала и причитала, чтоб и её П.И. взял с собой. После тепла сегодня выпал снег и сразу 15 градусов мороза. А у Оли (я и не знала) ни галош, ни ботишков, ни валенок. Очень жалко её. Она так похудела, постарела, что её сразу не узнать. Плохо питалась: всё несла в больницу. Чтоб обернуться, будет продавать что-нибудь. На зимние холодные месяцы я может быть поеду к Оле. Хотя у меня в комнате и поставлена железная печурка (дымоход над моей кроватью), но зимой будет холодно. Трудно пережить эту зиму. И всё война виновата. На ноябрь я не записалась в столовую – уж очень там срезают много талонов. Попробую дома как-нибудь. Варя пишет, что Светлана в железнодорожном техникуме учится хорошо, но питается плохо. Сшила Светлана юбку, шубку, связала перчатки, шапочку и пр. – вот такая мастерица она! Теперь себя обшивает. Военные занятия ей нравятся. Все здоровы, но худые, измученные. Миша был на похоронах, плакал о бедном Пете. Он перед смертью очень хотел видеть Мишу – он его любил. Привет всем вам и пожелания здоровья.

Из письма Вовы папе в Москву 8 ноября 1942 г. Поздравляем тебя с праздником. Жалко, нету мамы. Она еще не приехала, прислала нам две открытки. В первой пишет, что живёт в «далёкой сибирской деревне». Пишет, что дела идут неважно и приедет когда – неизвестно. Во второй пишет, что сейчас уезжает в другую деревню, за 18 км дальше

от этой. Для себя купить ничего не может, так как много очень работы. Сегодня мы от неё получили телеграмму, она беспокоится об нас. А мы беспокоимся об ней, потому что прошло уже три недели как она уехала. Она очень плохо одета, а на улице стало холодно. Ничего из белья она с собой не взяла и не знает, когда еще она приедет.

Папочка! У нас 6/XI – 42 года кончилась 1-ая четверть. Я единственный человек из класса, получивший по всем предметам отлично. У многих подкачал русский язык. У всех почти по русскому «хорошо». 8/XI мы уже были в школе. Нам давали так называемые подарки. Стоит 82 копейки. 1 большая белая сладкая булка и 2 столовых ложки сахара. День рождения не отличался ничуть от других дней. Только я много пил сладкого чая с пончиками и с сыром. Пончики бабушка купила по карточкам, а сыр давали в ОРСе.

Из письма Вовы папе в Москву 16 ноября 1942 г. Мама еще не приехала. Ну ничего. Лишь бы приехала жива и невредима. Папа! Мы очень по тебе соскучились. Вот уже третий праздник проходит без тебя и первый без мамы. В праздник нам было скучно и он прошел как обыкновенный день. В нашем ОРСе почти ничего не давали. В 10 часов утра была демонстрация. Много шло народу. Все со знамёнами и флагами, но конечно не как в Москве. Напиши, папа, была ли демонстрация у вас и как она прошла. Я слышал по радио речь т. Сталина, но я не дослушал её, так как было поздно. Сегодня исполнился ровно год после нашего приезда в Барнаул. Я вспоминал нашу жизнь: ночь, проведённую в клубе, жизнь в 4-м ИТРе, жизнь в 72-м доме, поездку в эшелоне. Конечно, в 72 доме жизнь лучше, чем в 4 ИТРе. Сегодня, когда мы шли с бабушкой из магазина, мы увидели 4-й ИТР. Он не был освещён. Я вспомнил вечера, как приходя из школы в 7 часов вечера я сразу ложился спать потому, что не было света.

Из письма мамы папе в Москву 18 ноября 1942 г. Вчера получили твоё письмо с извещением о смерти дяди Пети. Как ужасна эта новость! Как жаль нашего дорогого дядю Петю. Он у меня в памяти остался приветливым и хлопотливым. Бедная тётя Оля, она осталась совсем одна с Пушком, который тоже стар и скоро умрёт. Как она будет теперь жить?!

А то что мне приходится в тяжелых условиях ездить за питанием, я нисколько не жалею. Гораздо тяжелее, как говорят, носить пустые сумки. За посылки, Миша, большое спасибо. Я очень довольна, что у Вовы теперь есть валенки и галоши. Спасибо большое за шерстяную

кофту для меня. Она очень хороша: скромна, изящна и очень теплая. Спасибо за свитер, и за всё, за всё...

Ты, Миша, пишешь о деньгах. Нам можешь пока не пересылать, как-нибудь обойдёмся, а себе ты обязательно сшей костюм, я тебе давно уже об этом писала. Теперь о переезде в Москву. Мне, Миша, кажется, что зимовать нам лучше здесь, в Барнауле. Правда, вопрос с отоплением, дровами и светом здесь еще не ясен, но пока свет есть, слабенько, но топят, а теперь ты прислал спиральку, и я попрошу наладить плитку. Ну хлеба дают, кое-какие продукты есть, так что до тепла дотянем. А теперь и «обменный» фонд есть. При случае ненадолго и в деревню можно съездить, так что проживём.

Но меня пугает твоя жизнь в Москве. Как будешь жить ты? В холоде, голоде? Правда, ведь ты не один, таких много, но всё же... Из моих последних писем ты, Миша, вероятно уже знаешь, что я была в деревне по заготовке картофеля. Сначала нас послали на 15 дней, а потом командировку продлили еще на 10 дней. Работа здесь заключалась в том, что мы прямо обходили колхозников и колхозы, поторапливая их сдавать налог на картошку. Иногда это удавалось, иногда безуспешно. В течение месяца мы ни в бане не были, ни бельё не меняли, поэтому привезли с собой вшей.

Кроме этого я привезла 20 кг пшеницы (будем варить кашу) за 4,5 м белой ткани, 2,5 кг сливочного масла за бумажные фуфайки, полученные в Барнауле, 4 кг муки за 2 м зелёного бархата (который ты нам прислал), 1400 грамм бараньего сала и 2 кг жирной баранины. Пшеница будет дополнять недостающий картофель.

А на работе у меня новость. Наша школа в 4-м квартале должна набрать 1400 человек. Теперь объем работы значительно возрастет. Не знаю, справлюсь ли с работой. И вообще, Миша, наш комбинат приравнен к типу военных заводов со всеми выходящими отсюда последствиями. Вот, например, сегодня у нас сбежавших судят военным трибуналом. В связи с расширением нашей школы и потребности в большом общежитии у нас сейчас идёт большое уплотнение. Буду хлопотать, чтобы не уплотняли, но чем всё закончится – не известно.

Большое спасибо тёте Саше за заботу о нас, кланяйся ей.

Из письма мамы папе в Москву 22 ноября 1942 г. Я, Миша, по твоему совету, да и взвесив всё, решаю остаться зимовать в Барнауле. Неизвестность с фронтом, отсутствие каких-либо запасов питания в Москве – всё это удерживает меня здесь. Единственное, что меня бес-

покоит, это что тебе одному тяжело с бытом, тем более что к большинству семей возвращаются, а ты будешь одинок. У нас дома, наверное в гардеробе, лежат коньки с башмаками Вовины №33, они ему теперь малы. Так ты, Миша, отверни коньки, а ботинки Вовины пришли нам. Мы их здесь утилизируем – в обуви большая потребность.

Мы живем по-прежнему. Вова первую четверть закончил «отлично». Как будто один из всего класса. На днях получили письма от тёти Саши, Нюры Гончаровой и Вари. Нюра пишет, что она тебе предлагает свои услуги по уборке комнаты и стирке, а ты отказываешься. Напрасно, Миша, ведь самому-то некогда, а у неё есть время и она очень чистоплотна.

Из письма Вовы в Москву 23 ноября 1942 г. У нас вчера был сбор, посвященный встрече с участником Отечественной войны. К нам приходил раненый боец, он рассказывал про Сталинград. Потом была самодеятельность. Мы, 5 мальчиков выступали с пьесой.

Из письма мамы папе в Москву 26 ноября 1942 г. Мы живем по-старому. У нас сейчас на Жилплощадке идет большое уплотнение, хотели было уплотнить и нас, но мне удалось пока отстоять – вселять к нам пока не будут. Спасибо, Миша, за спиральки. А то у нас старая вся перегорела, а дров нет. А вчера соседка мне поставила новую спиральку, так что плитка заработала снова. Говорят, Главку в отдельных вагонах отказали. Они будут отъезжать партиями в обыкновенных поездах и будто брать можно с собой только 16 кг. Так конечно тяжело будет отъезжать.

Дорогой Миша, последние дни приносят такие блестящие успехи на фронте. Хоть бы скорее выгнать этих немцев и быть может весной мы спокойно и более уверенно возвратимся домой. Признаться откровенно, о Москве и обо всех вас страшно соскучились. Тут Вова как-то взгрустнулся, говорит: когда же к нам папа приедет или мы поедem домой? Говорю, что весной наверное, сынок, поедem. А приедешь ли ты – ничего не могу ему сказать. Думаю, что тебе так и не удастся вырваться. Наверное ты, Миша, очень устаёшь. Хоть бы немного тебе отдохнуть. Знаешь, Миша, иной раз так бы хотелось побывать в Москве. Походить по московским улкам. Всех бы родных обойти. Очень бы хотелось сейчас побывать у тёти Оли. Как сейчас ей наверное скучно. Ты, Миша, навещай её.

Очень хочется увидеть нашу милую т. Сашу. Как живёт она? Большое спасибо ей за всё. Ты, кажется, и у неё бываешь редко? Как живет

сейчас твоя мама с ребятами? Как у неё огород? Кланяйся ей от меня и от всех нас. Наверное, тоже постарела. Слышно ли что о Вале и Толе? Как живут беляевские? Как у них дела в колхозе? Знаешь, Миша, обо всех хочется знать. Напиши, пожалуйста, какое настроение сейчас у москвичей? К нам доходят сведения, что в Москве, вроде, всё по-старому.

Меня интересует, в каком костюме, Миша, ты сейчас ходишь. У тебя, наверное, уже оба худые. И.К. я здесь видела в стежених ватных брюках. Он говорит, что и ты ходишь в таких. Так ли это? А вообще говоря для зимы с валеными сапогами это очень удобно.

Из письма тёти Саши в Барнаул 29 ноября 1942 г. После второй операции умер дядя Петя – симпатичный, добрый человек. Тётя Оля каждый день его навещала, но к больному её не пускали. У Оли масса хлопот и забот. Я уехала 4 ноября, приехала Катя на смену мне. Как будет жить Оля одна, она плакала и причитала, чтобы и её П.И. взял с собой. Миша был на похоронах дяди Пети, дядя Петя его очень любил. Варя пишет, что Светлана в жел.-дор. техникуме учится. Сшила Светлана юбку, шубку; связала перчатки, шапочку – вот какая мастерица она!

Из письма тёти Оли в Барнаул (конец ноября – начало декабря). Пишу вам о своем большом горе, пишу и плачу, разорилось наше гнёздышко, плачу без конца, не могу себя в руки взять. Петя заболел 25 сентября, а 28 ему сделали операцию. 6 ноября он вышел и чувствовал себя хорошо, был весёлый, начал ходить в контору, ездил на лошади, начал было хлопотать о пенсии, а 16 ноября опять попал в больницу – получилось то же самое, неудачно первую операцию сделали. Сделали вторую очень серьёзную, он был ничего, ходила очень часто, но за три дня пришла и мне показалось, что ему хуже. Врач меня уверила, что всё хорошо и просила не волноваться. И я больше его в живых не видела. Очень я жалею, что не видела его три дня и не знала какое было у него состояние. Ему плохо сделалось ночью, быстро деятельность сердца падала, был он всё время в сознании и сказал, вот была бы моя старуха, поплакала, очень трудно было дышать за три минуты до смерти. Не знаю, сознавал он или нет, что умирает. Умирал очень тихо – как заснул; так жалко, что меня не было в это время, всё-таки ему легче было бы. Все его хвалили, говорили – очень симпатичный человек. 7 декабря будет 40 дней, придут Маша и Катя, а вот Миша ни разу не был после смерти, каждый день жду его, а всё нет, хотя обещал – видно, времени нет.

Из письма мамы папе из Барнаула в Москву 4 декабря 1942 г.

Миша, я тебе третье письмо шлю по рукам. И уже месяц ничего от тебя не имею. Последнее письмо было от 2 ноября. Что с тобой случилось? Может ты болен? Я страшно беспокоюсь. Сегодня я дала даже тебе срочную телеграмму, в которой прошу телеграфировать о своем здоровье. Мы живем по-старому. За моё отсутствие мне здесь за хлеб (они получали за меня) залили калоши и починили туфли, так что я хожу с сухими ногами. Как ни странно, уже декабрь, а у нас в Сибири еще совершенно нет снега, и погода стоит сравнительно тёплая. Временами даже идут дожди и на дворе бывает слякоть.

Я недавно расспрашивала о тебе и узнала, что очень часто бываешь небритым. Что же это за собой не следишь? Рассказывали, что как-то, когда к тебе пришли гости, тебе нечего было из посуды (вилки, ножи) подать к столу, так как посуда от предыдущих «гостей» осталась невытой. Представляю, как это там у тебя... Здесь «жены», собирающиеся ехать в Москву, с большим нетерпением ждут «человека со списками» из Москвы. Но этот человек что-то задерживается. У нас в школе сейчас очень много работы в связи с набором (мобилизацией). Мы уже приняли 150 человек... работы значительно прибавилось. Как живет тетя Оля, навещаешь ли ты её? Как живут все наши в Москве? Как живет мама с ребятами в деревне? Пиши нам, а то очень беспокоюсь.

Из письма Вовы папе из Барнаула в Москву 5 декабря 1942 г. Папа, приезжай к нам, хотя бы на несколько денёчков. Мы так о тебе соскучились! Все приезжают, а ты никогда не приезжаешь. Обидно ведь! Я в прошлый выходной ходил в Днепропетровский госдрамтеатр. Смотрел «Русские люди». Мне очень понравилось. И в тот же день я ходил в госпиталь, разговаривал с ранеными бойцами. Немножко мы там побаловались. А завтра пойду опять в этот же театр смотреть «Не всё коту масленица».

Папа! Как какой-нибудь человек поедет сюда, то пришли мне зубной порошок, цветные карандаши (как я писал, у меня их стащили в лагере).

Из письма мамы папе в Москву 16 декабря 1942 г. На днях как будто работники главка и «привилегированные жёны» отправляются в Москву. Они едут и как-то становится тоскливо... Откровенно говоря, Миша, домой хочется. Хочется вместе переживать все трудности и радости жизни. Мы остаёмся здесь на зиму, но у меня определённое желание весной вернуться домой. Я не знаю, Миша, как ты будешь

нас отсюда выбирать, но мне кажется, что этим вопросом нужно уже теперь тебе заниматься. Некоторые меня пугают тем, что вот сейчас Наркомат этим «списком» использует все лимиты, а остальным придётся жить до конца войны. Я, конечно, этого боюсь. Напиши своё мнение об этом. Из шерстяников, как мне заявили, в списке числятся только Французовы.

Теперь, Миша, напишу тебе о себе. Дело в том, что за последнее время я стала ощущать некоторую боль желудка. Видно, от неправильного обмена веществ. Очевидно, всё-таки повышенная кислотность. Никак не соберусь сходить в больницу, много работы.

С организацией «текстильного училища» работы у нас стала уйма. Комплектование групп, приём учащихся, воспитание их. Работаем по 10–12 часов. Работа такая нервная, напряжённая, до головной боли. Я начала страдать бессонницей – до 2 часов не сплю. Вот и сейчас 3 часа ночи, спать не хочу, решила «побеседовать» с тобой.

Вова стал очень большой. Ты, мне кажется, просто удивисься. Вчера он меня спрашивает; «Что ты, мама, будешь делать, когда приедешь в Москву?» Говорю: «Прежде всего уберу комнату, а потом пойду в баню». «А я, говорит, посмотрю, всё ли у меня в порядке, киноаппарат и другие подобные вещи».

Цены у нас здесь прямо ужасные стали. Рынком мы не пользуемся. Сколько не имей денег, всё равно не хватит. Живём своими запасами, которые я привезла из деревни. Погода у нас изменилась, второй день дует «ветерок». Выпал снег, но «сибирских морозов» пока ещё нет.

26 декабря. Вот с каким перерывом я пишу тебе письмо. За эти дни произошли некоторые перемены. Прежде всего разрешился вопрос с отъездом главка и жён. Они отъезжают в 6 вагонах, 2 уже отъехали. Погода у нас установилась сибирская, стоят большие морозы и «с ветерком».

Бытовая сторона наша несколько изменилась. В этом году в домах топят очень слабо, так что в комнате прохладно. Очень часто выключают свет, сидим с коптилкой, которую мне сделала приятельница. Выключая свет, мы лишаемся средств приготовления пищи (дров у нас нет), да еще пользуемся плитой, когда топят соседи. Они у нас очень хорошие.

Мы в воскресенье с Вовой ходили в Камерный театр, смотрели «Фронт». И Вова больше всего интересовался буфетом. В антракте все бегом смотрели, что дают в буфете. У нас сейчас так плохо с энергией,

что по целым дням комбинат простаивает – так жаль, что стоят станки... Мы уже в школу набрали 650 человек, у нас теперь громадная «армия».

Из письма тётки Оли в Барнаул 19 декабря 1942 г. Я живу одна, в квартире очень холодно, потому что дров очень мало. Картофеля нарыла семь мешков, очень мало так никогда не собирала, был подмороженный и не уродился. Для меня этот год ужасно тяжелый. Миша не был с похорон, не знаю, чем объяснить. Саша тоже говорит, что не видела его давно, очень уж у него работы много. Да скорее бы выгнать этих людоедов и бандитов и тогда бы зажили прежней хорошей жизнью. Мне назначили пенсию 70 руб. в месяц. Недавно был Миша красковский, на десять дней отпускали, очень хорошо выглядит.

Из письма тётки Саши в Барнаул 20 декабря 1942 г. И вас, дорогие мои, я поздравляю с большими победами на Дону, у Воронежа, Сталинграда и на Центральном фронте. А еще поздравляю вас с Новым годом. Авось 43-й год победоносно окончит эту ужасную бойню, уничтожит озверелых гадов. 19 и 20 декабря прослушала «о наступлении на «Среднем Дону». Сижу в шубе, писать неловко. Комната нагревается до 10° во время топки железной печки. А потом опять холодно. Утром из тёплой постели вставать не хочется (6° тепла). Хотела было я на три холодных месяца поехать к Оле, но у неё дров нет – ещё холоднее моего. Вчера она приезжала в баню и пробыла у меня до вечера. Я истопила при ней печурку. Она рассказала, бедная, что они с Верой ездят за дровами на саночках в лес за 5 км. Рубят мелкий лес и везут, каждая свои сани, 5 км по песку, так как снегу у нас нет. Недавно выпал снег и снова растаял. А на другой день лёгкий мороз. Скользко. Трудная жизнь у тётки Оли – всё одна везде. И нанять некого. Вот и плачет каждый день. И дядя Петя тоже не мог ни колоть дрова, ни ведра воды принести. Умер ночью, может быть закашлялся и захлебнулся мокротой. Доктор говорит, что пульс очень быстро падал. А сознание не терял до смерти. Просил послать за Олей, но была ночь. Оля очень сожалеет, что последние дни её не пускали к нему; говорили, что он чувствует себя хорошо. А вот умер. Отчего? Должно быть, сердце не выдержало. Для всех смерть его была неожиданной. Да, очень, очень жалко Петра Ильича. Как-то не хочется верить, что его нет и мы никогда больше его не увидим. Оля звала меня приехать, но я так теперь забнужу. Доктор велит больше лежать, не двигаться. А я не могу лежать: ведь я здорова, только голова болит и кружится.

А как ваше здоровье? Получил ли Вова валенки с почты? Я боялась, что они пропадут. А как вы обходитесь без тёплой обуви? Мише не удалось отослать вам кое-какой обуви. Лёля, ты спрашиваешь о Мише: бывает ли он у меня? Нет, не бывает, и у тёти Оли не был со смерти П.И. Он очень занят, работает без выходных. Я недавно звонила ему в учреждение, но попадала всё не вовремя: уезжал на обед. Телефона у меня в квартире нет, а есть у Якова Алексеевича. Я просила его позвонить Мише. Я хотела предложить Мише приезжать после занятий ко мне ночевать. Я всё-таки топлю печурку, варю себе обед, чай кипячу. А ведь у него ни дома, ни в наркомате нет тепла. Где ему погреться, попить горячего чая? Напишу открытку. Тётя Оля беспокоится о нём – здоров ли? Уж очень давно не даёт о себе весточки.

Скучаете о Москве. Ну, потерпите ещё немного, до лета. Мы тоже соскучились о вас. На шкапу кошка ждёт – не дожждётся Вовы. Помнишь? И альбом цел. А помнишь, Вовочка, как дядя Петя умолял тебя не мучать слепого старого кота. Пушок всё ещё жив. Может быть тоже скучает о хозяине и удивляется, что так долго его нет. В нашей квартире сейчас проживают: Судаковы, Павликовская с Ел. Вас., Фаина и я. А вокруг меня все комнаты пустуют, стёкол и рам нет – поэтому у меня и холодно. Ну, покойной ночи всем вам. Я звала Олю пожить у меня, но она боится, что растащат всё по брёвнышку. Вон в Малаховке дачи растащили. Питаюсь я так себе. С января, вероятно, опять буду ходить в столовую. Не знаю, что будет после Нового года. Мне хочется дожить до конца войны, до мира, до устройства, разрушенного врагами. Будет интересно и счастливо. Сердечный привет вам всем. Живите пока там.

Из письма папы маме в Барнаул 20 декабря 1942 г. За последний месяц я много получил вестей из Барнаула письменных и устных. Судя по всем рассказам вы там живете сносно и это меня весьма радует. То, что ты окончательно решила зимовать в Барнауле – это правильно. Помимо всех ранее высказанных по этому поводу соображений, за это решение также и то, что в Барнауле жизнь всё-таки легче и в особенности с питанием.

Как я живу? Прежде всего ноябрь и декабрь были у меня чрезвычайно тяжёлыми месяцами. Составляли дни и ночи план на 1943 год и на первый квартал 1944 г. И только днями вот эту работу закончили. В ноябре и первой половине декабря я выходных не имел и поэтому порядком запустил себя и своё домашнее хозяйство. Поехать за это

время к родным не имел возможности и сегодня также решил посвятить выходной день себе.

Лёля! Меня очень беспокоят твои финансовые дела, и я в последние два месяца не смог тебе нисколько послать. Собирался было переслать часть денег после получки 15 декабря, но пришлось здесь расплатиться за валенки тебе и телогрейку для себя. У нас в главке, принимая во внимание весьма низкую температуру в здании выдали по паре сапог и телогрейку. Так как я сапоги имею, я взял для тебя, и теперь они ждут случая поехать в Барнаул. Вчера я справлялся у Серебровской, когда она поедет обратно в Барнаул. Говорит, что примерно недели через две. Обещала она валенки тебе захватить.

Французов рассказывает, что Вова страшно вырос из зимнего пальто и мы не смогли ему сшить новое. Это досадно! Кстати, у него ничего нет и на весну. Хочу тебе посоветовать вот что: ты у какого-либо портного или же у знакомой швеи сними с него мерку для весеннего пальто, а я за зиму постараюсь здесь ему сшить и хотя бы к 1 мая прислать. Мерку с кем-либо мне пришли. А летом будем думать о зимнем пальто для него. Очень приятно читать, что Вова кончил первую четверть на отлично. Молодец, одним словом! Я ему приобрёл хороший кусочек шелка для пионерского галстука, но переслать, вернее положить в последнюю посылку забыл. Какая досада!

Ты беспокоишься о моем здоровье. Чувствую я себя пока здоровым, если не считать сильную усталость головы от большой нагрузки. Но вот днями выплусь и будет она чувствовать лучше. С питанием у меня дело обстоит по-прежнему. Имею карточку в столовую Литер-Б на обед, а остальное кое-как дома. Обед сносный, но слишком далеко ездить (за Белорусским вокзалом). Теряю на этом около двух часов. Ну что делать!

Лёля! Это письмо ты очевидно получишь к Новому году. Так, пользуясь случаем, поздравляю вас всех с Новым годом! Желаю на 1943 год всем вам здоровья, Вове успехов, закончить очередной учебный год и продолжить её с 1943-44 учебного года в Москве, а главное – успехов на фронте в пользу нашей Родины. Ну, крепко вас целую. Пишите!

Из письма Вовы папе из Барнаула в Москву 25 декабря 1942 г. Мы живем ничего. Я учусь, но только в первую смену. Очень уж рано приходится вставать. Но я привык. Начало занятий в 8 часов утра. Мама работает в ФЗУ, уходит в 9 часов утра. А приходит в 8–9 часов. Бабушка всё время стоит в очередях. Очень устаёт. Вчера у нас был пожар, горел

4 ИТР. Если бы мы не уехали, то сгорели бы. Сгорел весь дом. Он начал гореть вчера в 6 часов вечера, а кончил гореть только сегодня утром. Очень сильно горел, ни одной комнаты не осталось целой.

Погода у нас стала плохая, часто бывает пурга, сильные морозы, наметает большие сугробы. Морозы доходят до 30°. У нас в комнате тоже было холодно, теперь стало теплее. Я с мамой сегодня пойду в Днепропетровский драмтеатр смотреть «День живых».

Из письма папы мне в Барнаул 27 декабря 1942 г. У нас здесь уже давно зима. В Москве работают катки. Вот только что я ехал на метро, и на станции «Парк культуры» много ребят садилось с коньками. Все кинотеатры работают и также переполнены, как и до войны. Каждый день я вижу очередь за билетами у кассы. Школы также работают, из нашей квартиры учится в школе Маня Тимонина. В последние дни часто встречаются на улице люди с ёлками. Вот вчера Ина тоже мне лепетала, что ей мама хочет сделать ёлку. Трамвай и троллейбусы тоже нормально работают. Я езжу на работу на метро. На прошедшей неделе я был два раза в театре. Наш местком купил нам билеты. Я смотрел оперетту «Роз-Мари», а вчера мы пошли на «Евгения Онегина», был очень хороший состав артистов. Онегина исполнял Норцов, Ленского – Козловский. Вот видишь, Вова, жизнь в Москве течет по-старому. Налётов фашистских самолётов на Москву не было уже давно. Видно, наша Красная Армия их от этого отучила.

Вова, скоро я собираюсь к вам приехать в Барнаул. На этой неделе я со своим начальником об этом договорился, и мой отъезд из Москвы намечается между 10–15 февраля.

Из письма мамы папе из Барнаула в Москву 28 декабря 1942 г. Получили от тебя письмо, из которого узнали, что быть может скоро будем дома. И ты не можешь себе представить, как теперь нам хочется в Москву. Но для меня всё-таки не ясно, когда поедет и как мы поедет. Если действительно наш отъезд намечается на февраль, то я сейчас же хотела бы взять расчет, чтобы теперь же начать заниматься заготовкой продуктов. У меня сейчас все продовольственные запасы кончаются, а приобретать их можно в районе. Ехать же в район работая я не имею возможности. Кстати, я тебе уже писала, чтобы ты переслал нам Вовины ботинки от коньков. Всё равно они ему малы, а обувь здесь «в почёте».

Миша, бытовые трудности меня не страшат. Люди же живут в Москве, да и мы здесь привыкли к определённым лишениям и тру-

довой жизни, так что и в Москве в современных условиях создадим нормальную жизнь. А главная твоя бытовая сторона будет значительно облегчена. Ты пишешь, что с продуктами будет тяжелее. Не знаю, насколько действительно это так. Наверное, о нашем бытии ты информирован несколько иначе, чем это в действительности есть. Ведь Вова ни мяса, ни молока уж наверное с год не видит. Питаемся только картошкой, да изредка довольствуемся запасами пшена и пшеницы, и масло у нас доходит. А Вова так всегда хочет есть. А мы здесь централизованно не получаем ничего кроме хлеба. Ну, Миша, всего хорошего. Ждём тебя и очень хотим в Москву.

1943 год. Из письма папы маме в Барнаул 11 января 1943 г. Здесь в Москве говорят, что получено разрешение от правительства на ввоз в Москву 50 семей сотрудников Наркомата. Я в субботу тоже решил подать заявление о разрешении возврата вас.

1. Честно тебе говоря я чрезвычайно устал по работе и домашняя обстановка, которую можно охарактеризовать как пребывание в одиночестве и в захлавленной комнате, которая никак не создает хоть чуточку необходимого отдыха после столь напряжённой работы. Кроме того очень трудно самому дома обеспечить себе горячую хотя бы ужинную закуску и чай. Прихожу домой в 10–12 часов вечера и чтобы вскипятить чай на нашем современном газе, нужно 1,5–2 часа. Пока попьешь чая, уже времени 1–2 часа ночи.

2. Очевидно, в числе 50 будут выбраны семьи, как говорят, «самые ответственные» и забота об оставшихся будет уменьшена. Не знаю, включают ли вас в этот список, но если включают, я тебе рекомендую собираться и ехать. В Москве будет конечно с питанием труднее, но я думаю проживём! Были бы хорошие дела на фронте. Сейчас сообщения очень радуют. Если будет разрешён ваш приезд, практически он очевидно осуществится в марте–апреле, так что основную часть зимы вы пробудете там и вас минует холодная московская зима.

Теперь несколько слов об условиях домашних. Это не как предупреждение о трудностях, ибо к вашему приезду они будут позади. Наступит весна. Электрический ток нам теперь обычно дают с 10 часов вечера и позднее и примерно до 7 часов утра. Расход его лимитирован. На нашу квартиру разрешено расходовать ежедневно 11 гектоватт-часов. Этого хватает только на освещение. Еще изредка горит, но так плохо, что суп варится у соседки сполдня. Дом не отапливается, у меня в комнате +3–5 градусов. Большое количество жильцов дома

установили у себя печи. Случился серьёзный пожар в квартире против нас. Кузнецов топил и от трубы загорелась видно изоляционная прокладка или же дранка. Комната его сейчас вся пожарниками разворочена, а квартира из себя представляет типичное зрелище после пожара. Такие случаи неизбежно будут еще впереди, ибо печи все ставят сами, трубы выводят куда попало (в самоварники, в газовую вытяжку в ванной и даже в вентиляционный короб).

Я целый год крепился (ведь сегодня годовщина возврата в Москву) и решил заказать себе маленькую печку, трубу в форточку. Наше окно выходит во двор и это я думаю мне разрешат. Вот наши условия. Пусть это тебя не пугает. Я думаю, с вашим приездом всё благоустраится. Пиши свое решение. Посылаю тебе валенки и мыло, Вове сушки и сухарики, галстук и пёрышки. Фуфайку рекомендую продать. Ведь у тебя, очевидно, трудности с деньгами, а я тебе пока не в состоянии посылать.

Из письма папы маме в Барнаул 15 января 1943 г. Пять минут назад я смог узнать (почти окончательно), что вчера нарком включил в список (в число 50 разрешенных Правительством) семей, возвращающихся в Москву, и вас. Практически отъезд намечается, очевидно, в феврале. Как пойдет оформление дальше, мне сейчас сказать трудно. Не хотелось бы мне, чтобы вы морозились в пути в феврале–марте, но что делать. Как отправляться? Вчера вечером в секретариате наркомата я узнал, что нарком будет просить вагон. Это было бы очень хорошо! Теперь о моей поездке. Если с вагоном ничего не выйдет, то я в первой половине февраля обязательно приеду в Барнаул, чтобы с вами «самолично» переехать в Москву. Если не будет вагона, мой приезд возможно не состоится.

Теперь что тебе делать в части продовольствия. 1. Всё ненужное тебе надо продать. Полученную с предыдущей посылкой фуфайку продай обязательно. Если нужно будет – и мой костюм. 2. Безусловно не желательно, чтобы ты оставляла часть продуктов. В особенности масло, лук, крупы. Постарайся весь обменный фонд использовать. 3. Запасайся в дорогу постельными вещами.

Я уже писал, что заказал я печку и через неделю думаю её получить. У родных не бываю – некогда. В воскресенье тоже не смогу, так как нужно идти в военкомат. Очевидно днями моя бронь будет продлена до 1 апреля или до 1 июля. Вчера днем ко мне домой заходил брат. Меня конечно не застал и сказал соседям, что будет может быть

в субботу. Не знаю, как он приехал – совсем или на несколько дней. Хорошо бы совсем – это важно для матери, она бедная измучилась больше всех нас.

Береги в дороге Вову! Главное – от холода и тифа. До свидания – в Барнауле или в Москве.

Из письма папы в Барнаул 27 января 1943 г. На вчерашний день известно, что списки семей, намечаемых к возвращению, находятся в милиции и вероятно днями будут оформлены пропуска. Пропуска будут самой милицией направлены в областные управления, где вы непосредственно должны их получить. Для барнаульских семей будут хлопотать вагон, и на это надежда у всех заинтересованных имеется. Вот сейчас сообщают, что пропуска должны были переслать в область вчера. О своей поездке сейчас ничего определённого сказать не могу. До 10–15 февраля я буду усиленно занят составлением плана на I квартал. Если отправка вас будет организована не в вагоне, то во второй декаде февраля я обязательно выеду в Барнаул. Если же будет определено ясно, что для вас будет предоставлен вагон, я возможно к вам не приеду.

Живу я по-прежнему. Нового по дому, это то, что уже дней 10 как у нас во всем доме заморожена канализация и водопровод и очевидно до весны. Пусть это тебя не смущает, ибо вы приедете почти к весне. Печку мне сделали, и с первой попутной машиной будет привезена в Москву. Температура в комнате 0°. Думаю, что к воскресенью я её наверняка иметь буду.

Наконец я вырвался в прошлый выходной день к матери. Живет она по-прежнему, если не считать большой для неё радости: это приезд брата. Он приехал в командировку, но прежний завод его остался работать здесь, в Москве. Это замечательно, плохо лишь то, что комната его безвозвратно занята. Ночует он на заводе. Настоячиво ему предлагаю ночевать пока у меня, но по своей глупой скромности он приезжает через 3–4 дня. Не могу никак поехать к тётё Оле, она конечно обижается. Но с моей работой, думаю, она мне простит. Ведь каждый день я кончаю не раньше 9–10 часов и из двух выходных один я наверняка в главке. Свободный выходной уходит на уборку комнаты и т.п.

Из письма папы мне в Барнаул 5 марта 1943 г. Наконец, М.М. Шунин завтра выезжает в Барнаул для сопровождения вас в Москву. По ряду соображений (о которых я тебе уже дома расскажу), а также глав-

ным образом из-за занятости на работе я поехать к вам не могу. Поэтому и решили послать М.М. Шунина, чтобы и там и в дороге семьи шерстяников не были в обиде. Как выяснилось, вы поедете безусловно все в одном вагоне, и поэтому я за ваш путь более или менее спокоен. С Шуниным я тебе посылаю чемодан, который ты давно на случай отъезда просила послать. В чемодане – телогрейка, фуфайка, кашне и три х/б платка, которые прошу тебя все до отъезда там продать или обменять на продукты. Меня очень беспокоит обеспеченность тебя деньгами на дорогу, поэтому я, не имея возможности послать тебе именно деньги, прошу эти вещи продать. Платки тебе может быть даже пригодятся для обмена на продукты дорожного питания на обратном пути.

Вообще, Лёля, всё что не особенно ценно из барахла, ты не жалея и оставь там, т.е. продай на деньги или обменяй на продукты. Кстати посылаю 1,5 кг сухарей, они пригодятся на обратную дорогу. Очень желаю вам благополучно добраться до Москвы.

О себе скажу лишь то, что вопросы питания мои с марта улучшились. С 1 марта я как и все инженеры Наркомата получил рабочую карточку. Помимо литерного обеда на март мне также дали карточку на ужин, который в эти прошедшие 4 дня состоял из второго блюда, бутерброда с маслом и стакана чая. В общем, я сейчас сыт и это безусловно в будущем в какой-то степени скажется и на вашем питании. В марте я думаю немножко поправиться, а то я страшно за последний год устал от быта и всех забот. Кроме всех этих дел мне 26 февраля утвердили персональный оклад в 1300 рублей. Так что мои материальные дела немного улучшаются.

Был у меня два дня тому назад Моисеенко, который порассказал о вашем житье. Рассказ его обрисовал мне вашу жизнь как «сносную». Но думаю, что в Москве вам хуже не будет. Приезжайте скорее! В день отъезда дайте мне телеграмму. P.S. Лёля, не забудь привезти мою медаль, которую я оставил тебе в Иваново».

Из эвакуации мы вернулись в Москву весной 1943 г., около недели поездом добирались до Москвы, и уже 7 апреля 1943 г. мы с мамой вновь были прописаны в Москве на Якиманке.

Ещё в предвоенные годы (кажется, в 1939 г.) папа был избран депутатом Ростокинского районного совета депутатов трудящихся. Сохранились пригласительные билеты на сессии районного совета 22 сентября 1942 г., 12 июня и 10 июля 1946 г. Сохранился также табель

успеваемости ученика 4В класса 25-й средней школы г. Барнаула за 1942-43 учебный год. Вова Котляков был круглым отличником по всем школьным предметам (русский язык – устный и письменный, арифметика, география, история, естествознание, поведение, прилежание и военная подготовка) и был переведён в пятый класс.

О моих родственниках, принимавших непосредственное участие в боевых действиях на фронтах Великой Отечественной войны

Анатолий Иванович Котляков. В самом начале войны был призван в армию старший сын папиного брата Анатолий Иванович Котляков, 1920-го года рождения. Он воевал в 46-м и 49-м стрелковых полках, был ранен в голову, попал в немецкий плен, находился в Западной Германии в лагере для военнопленных и был освобождён американскими войсками в 1945 году. Умер он в 1993 г. и похоронен на Заболотьевском кладбище в городском округе Домодедово. На официальном сайте «Память народа» мы нашли о нём также следующую информацию: «С самого начала Великой Отечественной войны он служил в Красной Армии: до 3 марта 1942 г. был пулемётчиком в 479 полку, а с марта по август 1942 г. был пулемётчиком 46 стрелкового полка. В бою в районе города Белёв в 1942 г. был контужен и получил осколочное ранение верхней челюсти с повреждением кости и раненым попал в плен. Содержался в лагерях военнопленных в Германии. 18 апреля 1945 г. был освобождён американскими войсками и в июне 1945 г. был передан Советской Армии. С 5 июня 1945 г. проходил спецпроверку в 369 стрелковом полку, а 12 октября 1945 г. был уволен в запас. После этого работал на Константиновской шерстопрядильной фабрике рабочим. За участие на фронтах ВОВ и полученные при этом ранения в январе 1959 г. награждён правительственной медалью «За отвагу» (информация из Центрального архива Министерства Обороны), а в 1945 г. получил медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» После окончания войны я встречал Анатолия у бабушки, он жил в задней пристройке к дому; в его семье было двое детей. Женился он ещё до войны, а теперь жил «тихо», и я не помню его постоянного общения с бабушкой.

Юрий Алексеевич Сапожников, красноармеец. В боевых действиях в годы Отечественной войны участвовал и старший сын папиной сестры тёти Поли Юрий Алексеевич Сапожников. В «Книге памяти» на

233 странице мы прочли следующее: «Сапожников Юрий Алексеевич, красноармеец 37 сд. 1925 года рождения, село Беляево Подольского района Московской области, был призван 6 марта 1943 г. Подольским ГОВК. Был пулемётчиком, участвовал в боях и пропал без вести в феврале 1944 г. в НовоСокольническом районе Псковской области».

Младший сын Николай Алексеевич Сапожников, родившийся в 1927 году, был призван в армию 27 декабря 1945 г. – после завершения Великой Отечественной войны.

Михаил Иванович Мотов. В военных действиях участвовал и Михаил Иванович Мотов (родился 14 ноября 1916 г.) – сын моей Красковской бабушки Екатерины Ивановны Шведовой (Мотовой). Он имел звание старшего лейтенанта и служил с октября 1937 г. до 22 октября 1964 г. в частях НКВД, принимал участие в Великой Отечественной войне, был ранен и несколько месяцев провёл в госпитале в Сибири. В результате ранения одна нога у него стала чуть короче и он слегка прихрамывал. Он нередко бывал у нас в гостях, и я помню наше последнее свидание с ним в нашем доме на Профсоюзной. Недавно мы узнали, что он умер 9 мая 2006 г. в возрасте 89 лет и похоронен на Малаховском кладбище рядом со своей родной сестрой Клавдией, но могилу их мы найти так и не смогли.

Наша семья смогла пережить эту страшную войну. Родись я чуть раньше – и жизнь моя могла оказаться совсем другой.

Три последних военных года – в Москве

В конце марта 1943 года мы вернулись из эвакуации в Москву. В первые недели после возвращения из Барнаула в Москву я наслаждался родным городом, ходил по знакомым улицам, ездил на метро, много времени проводил на недавно построенных и открытых станциях метрополитена.

После возвращения из эвакуации в Москву я поступил в школу № 7, находившуюся в Казанском переулке (ныне это здание снесено, а территория передана французскому посольству). До войны я учился в школе № 9, в Первом Спасоналивковском переулке, находившейся почти во дворе нашего якиманского дома – школьное здание сохранилось до сих пор, но школа в это здание так и не вернулась. Здесь стоит добавить, что в те годы ученики начальной, да и средней школы писали перьевыми ручками, причём учителя приветствовали перо № 86,

позволявшее по желанию давать разную толщину написанных пером букв. В те годы в начальных классах было по сорок учеников, и лишь начиная с 8-го класса становилось поменьше, в 9-м и 10-м классах я помню, что в нашем классе одновременно было около 20 учеников. Здесь стоит напомнить, что до войны в школах было совместное обучение мальчиков и девочек, но с 1943 г. обучение стало раздельным.

Мужская школа № 7 Ленинского района г. Москвы находилась в соседнем переулке, ближе к Калужской площади, её директором была кавказская женщина по фамилии Мирзаханова, а из учителей я помню главным образом руководительницу нашего класса преподавательницу русского языка и литературы Татьяну Родионовну Крюченкову. В нашем седьмом «Б» классе училось примерно двадцать мальчиков, а с девочками мы встречались только по большим праздникам (1 мая, 7 ноября) на праздничных вечерах, которые проходили нередко в Первом детском театре (он находился сбоку от кинотеатра «Ударник» и Дома правительства, на берегу Москвы-реки – ныне «Театр эстрады»). Ближайшие женские школы находились в соседних переулках – № 583 рядом с храмом Иоанна Воина и № 585 на улице Полянке рядом с храмом Святителя Григория Неокесарийского. В этой церкви венчались родители Петра Первого и крестили самого Петра, здесь и сейчас хранится эта купель.

В числе школьных предметов были письменные и устные занятия по русскому языку, литература, алгебра, геометрия и тригонометрия, естествознание, история, конституция СССР, география, физика, химия, астрономия, немецкий язык, черчение, физкультура и военные занятия. В те годы «экзамены» называли «испытания».

В шестом классе я получил краткую, но выразительную характеристику: «Котляков Владимир, ученик 6-го класса «Б» 7-й школы Ленинского района, способный умный мальчик, но очень нервный. Вежливый, ласковый, дисциплинированный. Семья культурная дружная. Классный руководитель Бурова». Эта моя характеристика сохранилась в нашем семейном архиве.

Первый салют в военные годы состоялся в апреле 1943 года в связи со взятием Воронежа. Во время салютов я частенько выходил на балкон нашего дома со стороны Якиманки, потому что там было лучше видно салют, чем с нашей стороны. Причина, очевидно, была в том, что ближайшие орудия салюта стояли в парке культуры и отдыха имени Горького, а это на стороне Москва-реки.

Здесь стоит вспомнить и об Александре Вертинском, который как раз в эти годы вернулся в Советский Союз после долгой эмиграции. Папа очень любил Вертинского и, насколько я помню, ездил встречать его в ноябре 1943 г. на железнодорожный вокзал, и кажется, даже побывал на его концерте. Александр Вертинский был истинным патриотом своей Родины, был предан ей несмотря на всю сложную историю XX века, и упокоился в 1957 году на Новодевичьем кладбище в Москве.

22 января 1944 года папа награждён орденом «Знак почёта» (№ 38819). В указе Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями работников текстильной промышленности написано: «За успешное выполнение заданий правительства по снабжению Красной Армии вещевым довольствием и выполнение специальных заданий командования Красной Армии». В этот вечер в нашей якиманской комнате за столом собрались папины друзья и сослуживцы, и был соблюден старинный русский обычай: всех гостей, сидевших за столом, обходил стакан с водкой, в который был опущен орден, и каждый отпивал глоток из этого стакана, отдавая тем самым честь награждённому. Эти два послевоенных года были особенно значительны для нашей семьи после долгой военной разлуки и трудного военного времени в целом.

Из моего письма из пионерлагеря папе и маме 6 апреля 1944 г.: Ездите ли вы на огород и как поспевают там наши огородные культуры? Мама говорила мне, что ты уедешь на Монино директором. Это тебе в пользу: ты там должен загореть и поправиться. Мы четыре раза делали выход в колхоз. В 1-й раз я выполол 2 гряды, а в 3-й и 4-й по одной гряде. Нас тут кормят хорошо и сытно. Я вполне наедаюсь.

И ещё одно воспоминание школьных лет: 1944 год – я стою на балконе второго этажа двухэтажного дома на Якиманке у своего товарища, с которым мы вместе занимаемся школьными уроками, и вдруг к Французскому посольству, как раз на противоположной стороне Якиманки, подъезжает легковая машина и из неё выходит генерал Де Голль – глава Французского государства и друг нашей страны в военные годы. Незабываемое впечатление, сохранившееся у меня на всю жизнь!

Последнее сохранившееся письмо Светланы Абрамовой. Здесь приведу сохранившееся письмо моей двоюродной сестры, дочери тёти Вари и дяди Серёжи, Светланы, от 4 апреля 1945 г.: «Мы с мамой живем хорошо. Дома у нас тепло, светло. Мама всё болеет. Очень по-

худела и у неё болезненный вид. К тому же она очень много работает. Ну а я живу очень хорошо, здорова. Вот через месяц кончаю учиться и буду сдавать экзамены, а затем поеду на практику, а куда поеду – это еще не известно. Сейчас у нас горячая пора: дали нам курсовой проект, мы сидим, рассчитываем, чертим. Учусь я хорошо и скоро кончу третий курс и перейду на четвертый. Насчет дальнейшей учебы мы еще ничего не решили. Мама говорит, чтобы я шла в институт после третьего курса. Это конечно хорошо, но размыслив как следует, я думаю, что сначала надо кончить техникум, а потом уже в институт, потому что кто знает, у мамы здоровье плохое и случись что-нибудь, я останусь посреди дороги, а то у меня уже будет на руках диплом техника. Конечно, я ни за что не хочу удовлетвориться средним техническим образованием, но мало ли что может случиться.

Мне очень хотелось бы побывать в Москве, но на каникулы мама меня не пустила, но летом я обязательно приеду. Мне мама говорит, что я сейчас очень похожа на тётю Лёлю, когда она была в моих летах. А Вова-то какой большой стал. Мне очень хочется с ним увидеться, ведь я его так давно не видела. Я тоже очень увлекаюсь театром. В Туле у нас есть драматический театр, Д.К.А., театр музыкальной комедии, Т.Ю.З. и кинотеатры. Рядом с нашим техникумом находится дворец культуры железнодорожников. Больше всего мне нравится оперетта. В техникуме меня выбрали в комитет ВЛКСМ. Ну вот кажется и всё. Очень хочется вас видеть. Как живут тётя Саша и тётя Оля?

Вова, пиши мне, я буду ждать. Мой адрес: г. Тула, ул. Техническая, 90, студентке 3-го курса Абрамовой Светлане. До свидания, ваша племянница, внучка и сестра (одно и то же лицо) Светлана».

Май 1945 года в Москве. Хорошо помню и майские, победные дни 1945 года. Московские улицы были заполнены людьми, и многие шли на Красную площадь, где возникла стихийная демонстрация, незнакомые люди поздравляли друг друга с Победой, и на всех лицах было написано счастье, хотя многие и плакали вспоминая своих погибших близких. Да, это была тяжёлая, но великая война, в которой была одержана долгожданная и заслуженная победа. И где-то в глубине себя я был очень горд, что и я пережил эту войну, и я был частичкой народа, одержавшего великую Победу.

В мае 1945 года, в атмосфере близости полной победы в Великой Отечественной войне мы впервые идём с папой на ипподром, но по дороге оказываемся рядом со стадионом «Динамо», где вот-вот дол-

жен начаться финальный матч кубка СССР по футболу между командами ЦСКА и «Динамо». У стадиона огромные очереди на вход, и вдруг нам предлагают «с рук» купить два билета на этот матч. И папа решает пойти на футбол вместо ипподрома. Это было очень удачное решение. С тех пор я все последующие годы нередко бывал на футбольных матчах, а в этот день мы увидели захватывающую игру двух лучших футбольных команд того времени, и у меня возникла привязанность к команде «Динамо», за которую я активно «болел» все последующие годы.

Из событий 1945 года я хорошо помню почти полное солнечное затмение, случившееся 9 июля. Я стоял на балконе соседей по квартире, на «якиманской» стороне нашего дома с закопчённым стеклом и смотрел как постепенно диск солнца закрывается тенью Луны и внезапно наступают сумерки. Удивительное зрелище!

Конечно, мирная эпоха принесла новые впечатления и настроения, хотя жизнь в первые послевоенные годы была не легка: сохранялись карточки на продовольствие, и много сил уходило на восстановление разрушенного войной хозяйства. Но настроение было приподнятое, особенно после быстрого завершения войны с Японией, в которую Советский Союз вступил по просьбе союзников вскоре после окончания боёв в Европе. Да, это была великая и победная война, изменившая мир на многие годы вперёд. И наша страна была первая среди победителей, что дало ей право строить новый мир в Европе с учётом своих интересов. На месте оккупированных Германией стран возникли страны народной демократии, поддерживавшие на протяжении последующих лет дружеские отношения с Советским Союзом, и первая моя зарубежная поездка после возвращения из Антарктиды состоялась в 1965 году в ГДР в составе группы «научного туризма» на научный симпозиум в Веймаре.

Папа назначен директором Монинского комбината. Осенью 1945 г. папу назначили директором Монинского камвольного комбината, долгое время не выполнявшего план, и он проработал там около трёх месяцев. Мне показалось это событие удивительным – спустя совсем небольшое время, прошедшее с момента назначения папы директором комбината, предприятие начало выполнять план – и это стало результатом каких-то безусловно правильных и последовательных действий директора комбината, т.е. моего папы. Это событие навсегда врезалось в память моей жизни, и уважение к папе ещё более

возросло. Безусловно, он был главным примером всей моей профессиональной жизни.

О журнале «Классная колючка» (моя первая проба издательской работы в 14 лет)

Одним из моих главных пристрастий ещё со школьных лет была издательская деятельность. В 1945 г. я придумал выпускать рукописный журнал «Классная колючка». У меня сохранилось всего два номера этого рукописного журнала. Каждый номер «Классной колючки» составлял целую школьную тетрадь, состоял он из рукописных статей и заметок, а также включал вырезки и картинки из газет. На обложке журнальной тетради перечислены три выпускающих: Котляков, Минлос и Романенко.

В 4-м номере, выпущенном 22 октября 1945 г., помещена передовая статья «Помните ли вы заветы Ленина?», написанная для нашего журнала классной руководительницей Татьяной Родионовной Крюченковой: «В своей бессмертной речи на III Всероссийском съезде комсомола Владимир Ильич Ленин сказал: «Задачи молодёжи вообще и союзов коммунистической молодёжи, и всяких других организаций, в частности, можно было бы выразить одним словом: задача состоит в том, чтобы учиться».

Завет Ленина стал путеводительной звездой в жизни советской молодёжи. И где бы эта молодёжь ни находилась – на фабрике, на заводе, в шахте, в городе или в деревне, в школе или в вузе, – она увязывает каждый шаг своего активного участия в социалистическом строительстве с борьбой за знания, накопленные человечеством; она учится.

А как школьники, у которых самое главное сейчас учёба, выполняют заветы Ленина? Вот тут и приходится сказать горькую истину: не все учатся, хотя и ходят в школу. Часто приходят в школу не выполнив домашнего задания. На что надеется этот ученик? На то, что его не спросят. А как же знания по этому предмету? Ведь их нет?! Это не беспокоит таких учеников. Спрашиваешь этого ученика: «Зачем ты ходишь в школу?» Отвечает: «Учиться». А в то же время не учится. Этот мальчик только прикрывается школой, он не ученик. Ему не жаль школьного имущества, он ломает его. Ему не дорога честь школы, он позорит звание советского школьника: курит, на улице толкает старших, грубит им. В школе на уроке он разговаривает, или наскоро спи-

сывает у соседа, чтобы подсунуть теперь учителю. В перемены бегают, кричат, старается развлечься. Это не ученик, хотя и сидит в школе.

Вспомните, ребята, как Максим Горький стремился попасть в университет, а его туда не приняли, не приняли и Некрасова, исключили Белинского. Как хотел учиться Кольцов и не мог. С каким трудом добивался Ломоносов сесть за школьную парту! Много, много людей, которые хотели учиться, но не могли. Вам же дали все возможности получить образование. Вы окружены заботой советского правительства. О вас постоянно и неустанно думает и заботится И.В. Сталин. Почему же вы плохо учитесь? Нет, вам нельзя плохо учиться. Вы скоро станете взрослыми людьми, вам нужно будет самим управлять своей страной, строить её, защищать от нападков врагов. Без образования, без знаний нельзя этого выполнить. Нужно учиться по-настоящему, упорно, настойчиво, честно.

Помни о школе, только о ней. Станешь строителем новых дней.

Татьяна Родионовна

Отдел фельетонов:

Всюду из всевидящего аппарата: выпуск второй – сентябрь 1945 года

Итак, продолжаем описание прекрасных видов. Мы перевели стрелку на третье деление и увидели другой класс – военный кабинет с теми же учениками. В классе был неообразимый шум. Сначала мы подумали, что у этих учеников свободный урок, но увидев учителя, который рисовал на доске техническую деталь, поняли, что идёт урок черчения.

Этот класс (кажется, 7 «Б») давно уже славился своими похождениями на уроке черчения. Вот и теперь, то что мы увидели, подтвердило эти толки. Где-то у окна ученик высокого роста и примечательной наружности (если хотите его узнать, вот вам его приметы: тёмные глаза, воротничок, бывший когда-то белым, стал теперь чуть-чуть темнее глаз и чернильные пятна на обеих щеках) запевал какую-то «увлекательную» ковбойскую песню; другой ученик, стоя на парте, жонглировал карандашами и ручками. По классу летал какой-то грязный тряпичный мячик. Вот он большо стукнул учителя, вот он смахнул что-то со стола, вот он вдруг стал приближаться и летел как раз в том направлении, в каком шёл луч нашего аппарата. Мы поскорее выключили аппарат и смотреть на время перестали.

Политический отдел. Международный обзор

За истёкшую неделю с 15 по 22 октября за рубежом произошли следующие события.

По сообщению парижского радио 15 октября днём был расстрелян по приговору суда Пьер Лаваль. Лондонское радио передаёт, что 13 ноября в Гааге состоится суд над главарём голландских фашистов Анторном Луссертом. В городе Пльзене (Чехословакия) состоялся парад советских и американских частей.

19 октября одновременно в четырёх союзных странах – СССР, США, Великобритании и Франции – было опубликовано заключение по делу главных военных преступников, которые в ближайшее время предстанут перед судом Международного Военного Трибунала.

Агентство Рейтер сообщает о продолжении забастовки докеров. На массовом митинге более 7 тысяч докеров порта Мерсей-Сайд решили не приступать к работе до тех пор, пока забастовочный комитет мерсейских докеров не узнает, каковы будут результаты предстоящих переговоров. В телеграмме, зачитанной председателем забастовочного комитета мерсейских докеров Франком Кэмпбеллом, докеры Саут-Шилдса и Гулля сообщают, что они единогласно приняли решение не приступать к работе. По словам Франка Кэмпбелла «история не помнит такого мощного движения докеров».

Белградское радио передаёт, что маршал Тито награждён орденами «Братство и единство» и «Партизанская звезда». По сообщению газеты «Нью-Йорк Геральд Трибун» из Франкфурта-на-Майне американские военные власти в Германии воздерживаются от ареста видных немецких фашистов несмотря на то, что военное министерство США издало два приказа об аресте «1800 немецких финансистов в целях безопасности».

По сообщению агентства «Ассошиэйтед Пресс», в Берлине обнаружена картотека центрального руководства гитлеровской партии, содержащая имена и фотографии 8 миллионов гитлеровцев. В картотеке есть также имена «заграничных немцев» – фашистских агентов в США, Аргентине. Корреспондент газеты «Дейли Экспресс» сообщает из Франкфурта-на-Майне, что обнаружен полный список английских граждан, бывших тайными членами гитлеровской партии: «Гитлер – пишет корреспондент – рассчитывал, что эти люди помогут ему управлять Англией в случае удачного вторжения». Пражское радио сообщает, что правительство США отдало распоряжение командованию американскими оккупационными войсками в Германии выдать предателя Тиссо и членов марионеточного «правительства» Словакии чехословацкому правительству.

Отдел календарных дат

А.С. Щербаков – кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), секретарь ЦК ВКП(б) и секретарь Московского областного и городского комитетов ВКП(б), заместитель Наркома Обороны СССР, родился 27 ноября 1901 г. в Московской области, в семье рабочего.

С.А. Чаплыгин – 8 октября 1944 г. умер академик С.А. Чаплыгин, крупнейший русский учёный – аэродинамик, Герой Социалистического труда. Родился в 1869 г.

Колумб – 12 октября 1492 г. Кристофор Колумб открыл Америку.

В.А. Корнилов – 17 октября 1854 года погиб при отражении штурма Малахова Кургана адмирал Корнилов, герой одиннадцатимесячной осады Севастополя. Родился в 1806 году.

Ф.Ф. Ушаков – 14 октября 1817 года умер Ушаков, великий русский флотоводец. Родился в 1745 г.

Международные и всесоюзные новости. 20 октября закончился шахматный турнир на первенство Эстонии. В турнире вне конкурса приняли участие москвичи – гроссмейстеры Котов, Флор, Лилиенталь. Результаты турнира: I – гроссмейстер Керес (13 очков), II – гроссмейстер Котов (12,5), III – мастер Толуш (12), IV – гроссмейстер Лилиенталь (11,5), V – гроссмейстер Флор (11,5). Таким образом, звание чемпиона Эстонской ССР в 1945 году завоевал гроссмейстер Пауль Керес.

Шахматный матч 7б – 7в. Недавно состоялся шахматный матч между командами 7б и 7в. Команды играли в следующем составе: **7б** – чемпион класса Романенко, члены шахматного кружка Лебедев, Вишкарёв и Матцуль и кандидаты в члены кружка Мостинский и Зильберт. Матч состоял из двух туров. Чемпион 7б Романенко выиграл обе партии у чемпиона 7в Ефремова. Лебедев и Баутин выиграли друг у друга по одной партии. Вишкарёв выиграл партию у Арманда. Матцуль выиграл обе партии у Фалеева, Мостинский – обе партии у Крапивинцева. Зильберт выиграл у Чаринова $\frac{1}{2}$ очка из двух возможных. Таким образом, матч окончился победой команды 7б с крупным счётом 8,5:2,5.

Турнир на звание члена шахматного кружка 7б. 22 октября закончился турнир на звание члена шахматного кружка 7б. В турнире приняли участие кандидаты в члены кружка: Зильберт, Котляков, Мостинский, Русецкий и Хорхоров. Турнир игрался на следующих условиях: 1) турнир состоит из двух туров; 2) звание члена кружка получают два человека – победитель первого и победитель второго круга. В первом круге первое место занял Зильберт, набравший 3,5 очка

из 4 возможных. Второй круг представлял из себя блиц-турнир с выходящими. Первое место во втором круге занял Мостинский, выиграв у Котлякова и Русецкого.

Ребята! Присылайте загадки, кроссворды, шарады, ребусы, головоломки, лабиринты, задачи к нам в редакцию. С почтением! Редколлегия: Котляков, Лебедев, Минлос, Романенко

22 октября 1945 г.

В 5-м номере «Классной колючки», выпущенном 5 ноября 1945 г., помещена передовая статья, озаглавленная «Гитлеровский фашизм и японский империализм уничтожены»

1945 год навсегда войдёт в историю как год величайшей победы Советского Союза над злейшим врагом человечества – гитлеровским фашизмом и японским милитаризмом. «Наш советский народ не жалел сил и труда во имя победы. Мы пережили тяжёлые годы. Но теперь каждый из нас может сказать: мы победили. Отныне мы можем считать нашу отчизну избавленной от угрозы немецкого нашествия на западе и японского нашествия на востоке. Наступил долгожданный мир для народов всего мира» (И.В. Сталин).

Германский и японский империализм систематически разжигали захватнические войны, ввергали человечество в невиданные бедствия и страдания. Германия развязала первую мировую войну, в 1918 году вторглась в пределы молодой советской республики, задушила народный республиканский режим в Испании, разожгла пожар второй мировой войны.

Япония в конце XIX века напала на Китай, затем в 1904 году, воспользовавшись слабостью царизма, напала на Россию. В 1918 году японцы оккупировали советский Дальний Восток и четыре года терзали народ. В 1938 году японские войска предательски напали на части Красной Армии в районе озера Хасан, а в следующем году повторили своё нападение в районе Монгольской народной республики и Халкин-Гола. После захвата Манчжурии Япония в 1937 году вторглась во внутренние провинции Китая и в 1941 году развязала войну на Тихом океане.

Германские и японские агрессоры хотели поработить весь мир, установить «новый порядок в Европе», «великую сферу процветания Азии». Развязав вторую мировую войну, они угнали десятки миллионов людей в рабство, превратили целые государства в концентрационные лагеря, разгромили все демократические организации. Герман-

ские и японские милитаристы пытались вернуть человечество назад ко временам варварства и дикости. Над человечеством нависла смертельная опасность. Советский народ и его Красная Армия не только отстояли от врага честь и независимость, свободу нашей Родины, но и спасли мир от фашистской чумы.

Отдел фельетонов.

275 (фельетон). Звонит «спаситель», с «Камчатки» долетает чей-то радостный голос: «Es klingelt!», учитель выходит из класса. Вы, конечно, думаете, что я сейчас буду описывать «хапёж» бубликов, но ошибаетесь: перемена ранняя – бублики ещё впереди. Однако эта картина представляет не меньший интерес.

И вот какой-нибудь решительный субъект мгновенно бросается к доске, в его руках оказывается тряпка, он стремительным, резким движением направляет его в противоположный конец класса, в «лагерь противника». Но враги начеку. Несколько человек ловят тряпку и дерутся из-за неё. Наконец один счастливчик овладевает грозным оружием и совершает удар. Так тряпка путешествует из одного лагеря в другой, возбуждая и без того темпераментных учеников 7 класса «Б». И нет никакой пощады тому, кто попадёт в зону между двух лагерей. Он, по выражению некоторых учеников нашего класса, «будет иметь бледный вид».

Но такое занятие не удовлетворяет «затейников». Они хотят «совершить работу» всеми членами своего тела. И вот, перестрелка кончается, и начинается футбол. К сожалению, нет мяча. Но молодцы 7Б не теряются и преодолевают все трудности. На выручку приходит неизменный друг – тряпка. К двери становится «Хомич», к окну – «Никаноров» и болельщики выражают своё восхищение при каждом ударе «Боброва». С каждым ударом возбуждение усиливается, и «затейники» решают вновь приняться за прежние занятия. Но наука идёт впереди, и старые орудия совершенствуются и заменяются новыми, и тряпка заменяется калошами, сумками для книг и портфелями. Несколько «инженеров» работают над новым видом оружия. Они взяли два стула и делят их на составные части. Теперь уже в классе опасно оставаться тем, кто дорожит своей жизнью.

Ножки и сиденья от стульев летают по классу. Но, к сожалению, звонит звонок, «гражданская война» кончается, бывшие «враги» объединяются в мощную коалицию и принимаются за постройку баррикад. Класс превращается в неприступную крепость, гарнизон которой готов, казалось бы, оказать мощный отпор главному «врагу» – учителю.

Воинственный гарнизон полон решимости, но... лишь до тех пор, пока один из часовых не крикнет «Атанда!».

Тогда баррикада спешно разбирается, и в разорённый войной класс входит учитель. Увидев весь ужас «московского Сталинграда», он принимается за нотацию, которая занимает 10–15 минут урока. Так в 7Б проходят перемены. Но однажды здесь произошёл небывалый случай. В классе никого не было. Одни ушли в библиотеку, другие гуляли по залу, третьи стояли на лестничной площадке, дежурные ушли мочить тряпку. Вдруг из класса послышался звон стёкол, и класс мгновенно наполнился народом. Вбежавшие увидели разбитый макет и стали собирать стёкла, тщательно укрывая следы чужого преступления. Но о преступлении узнали. И пришедший военрук объявил о том, что ученики 7Б за поломку школьного имущества должны уплатить 275 рублей.

Очевидец

Художественный отдел

Пантелеймон Романов «Гайка»

На вокзальной платформе, заваленной узлами, мешками и прочей пассажирской рухлядью, сидел и лежал народ, ожидавший поезда. – Когда поезд придёт? – спросил, войдя на платформу, рабочий с сундуком и чайником через плечо.

– А чёрт его знает, – неопределённо отвечал малый в коридоре, к которому он обратился.

– Вот дьявола-то... – сказал раздражённый рабочий, оглядываясь по сторонам.

– Мы, батюшка, третий денёчек тут сидим, – проговорила старушка в туфлях и шерстяных чулках, – балакали вчера, что должен быть поезд беспрременно, знающий человек говорил, да вот, значит, не угадал.

– Придёт, бог даст... – сказал сидящий рядом с ней на мешках лохматый мужичок в накинутой на плечи без рукавов шубёнке.

Рабочий, не слушая, смотрел по сторонам.

– А это какой поезд?

– Это в другую сторону, батюшка, третий звонок давно пробил, да гайку, говорят, какую-то на паровозе потеряли...

– Чего стоим? – кричали из окон стоявшего поезда пассажиры

– Гайку не найдут никак...

– Растерялись, на весь поезд одна гайка. Голь несчастная...

– Ехать – не едет, а вылезть боишься – уйдёт, – говорила растрёпанная женщина в расстёгнутой кофте с нечёсаными волосами, выглядывая

на обе стороны из вагона. «Звонки-то ещё будут?» – спрашивает она у проходящего толстого кондуктора.

– Сколько ж тебе звонков ещё надо, пробило три, ну и сиди, жди.

– Им и трёх мало – сказал какой-то весёлый мужичок в лапотках с ножичком на поясе, свёртывавший папироску.

– Голубчики, идёт!.. – закричал, как зарезанный, малый в картузе и бросился в вокзал за вещами.

Вся платформа зашевелилась.

– У меня как сердце чуяло, что придёт – сказала старушка в туфлях, торопливо собирая свой мешок. – Как-то теперь, господь даст, сядем.

– На каком пути остановится? – кричали разные голоса.

– На втором пути, за этим поездом – спокойно сказал толстый кондуктор, махнув рукой в сторону второго пути.

Все озадаченно остановились перед загородившим дорогу поездом.

– Вот этот чёрт тут застрял на дороге... Скоро ли тронетесь-то, ока-янные! Стоят поперёк дороги, и неизвестно что, не то в обход иттить, не то ждать.

– Сейчас уедут, им только гайку найти, – сказал, подмигнув, весёлый мужичок.

Вдали засвистел паровоз. Пассажиры вдруг, точно спасаясь от кого-то, бросились со своими мешками и сундуками россыпной толпой в обход и под колёса стоявшего на пути поезда, потерявшего гайку.

– Куда вы, оглашённые, под поезд лезете, – кричали на них из окон: трогаемся сейчас, подавим всех.

– А вы что тут распространились на самой дороге? Зимовать что ли собрались?

Лохматый мужичок необычайно проворно пролез по головам ломившихся на площадки людей и сел на краю крыши, спустил вниз ноги в лапотках. *Продолжение следует*

Календарь

24 октября 1836 г. умер О.А. Кипренский, знаменитый русский художник, родился в 1783 г.

1 ноября 1888 г. умер. Н.М. Пржевальский, знаменитый русский путешественник, родился в 1839 г.

30 октября исполнилось 50 лет (1895 г.) со дня рождения А.А. Андреева.

28 октября 1861 г. умер И.С. Никитин, выдающийся русский поэт, родился в 1824 г.

29 октября 1889 г. умер Н.Г. Чернышевский, великий русский писатель, публицист, революционер–демократ, родился в 1828 г.

31 октября 1923 г. умер М.В. Фрунзе, талантливый пролетарский полководец, выдающийся деятель большевистской партии, родился в 1885 г.

Учёба в средней школе № 7

Моя любовь к предметам русского языка и литературы выражалась ещё и в том, что я вёл тетради по литературе, куда записывал интересные факты из русской литературы и жизни русских писателей и очень расстроился, что однажды дал знакомой девочке эти тетради для её подготовки к экзамену, а она их мне так и не вернула, к большому сожалению.

Насколько я помню, начиная с 5-го класса я был старостой класса, но каковы были мои обязанности в этом звании – вспомнить не могу. Единственно, что мне вспоминается – в эти обязанности входило приносить в класс в одну из перемен булочки для раздачи одноклассникам, но наш класс был полон хулиганистой шпаны – эти булки моментально расхватывали «на лету». Некоторые воспоминания о школьных годах остались у меня на всю жизнь. Помню, как в старших классах учителем математики был армянин по имени Артём Артёмыч; его любимым выражением, осуждающим учеников, было: «Малшик, тебе надо идти в балетную школу». А учитель биологии очень чётко определил мой темперамент: «Если вы хотите понять, что такое сангвиник, посмотрите на Володю Котлякова».

В конце войны в школах была острая нехватка учителей. И в нашей школе в качестве учителя географии появился раненый фронтовик, географ-недоучка. Помню, как он, объясняя природные явления, рассказывал небылицы: «нырнёшь, и вдруг на воде появляется лёд от резкого похолодания». В последнем, одиннадцатом классе я был одним из организаторов драматического кружка; вместе с девочками из женской школы мы поставили популярную тогда пьесу Константина Симонова «Русский вопрос», я играл маленькую роль (правда, первую сверху в программке), но было очевидно, что актёрского таланта у меня нет, и артист из меня не получился. Ещё одним моим школьным увлечением были шахматы, я организовал несколько шахматных турниров, получил четвёртую категорию, но шахматист из меня тоже не получился.

В девятом классе возникло ещё одно школьное увлечение – история философии. Мы попытались организовать философский кружок для обсуждения философских проблем на основе только что опубликованных тогда двух томов «Истории философии» известного советского философа Александрова. Узнав об этом директор школы вызвала мою маму и поставила ей ультиматум: «Ваш сын ещё не знает основ философии и марксизма, а пытается понять древнюю философию. Или Вы прекратите эти его занятия, или положите свой партбилет на стол». И это моё увлечение было резко пресечено.

В школьные годы случилось происшествие, оставившее след на всю мою жизнь. Играя во дворе, я залез на крышу невысокого сарая и спрыгнул вниз на землю не лицом вперёд, как полагается, а наоборот, лицом к сараю, и падая задел ногой длинный железный выступ, который разорвал мне мышцу левой ноги. Лечение было не очень долгим, но шов от этой раны на ноге остался на всю жизнь. До сих пор я помню детскую больницу, где лечили мне эту рану, она находилась на Полянке, рядом с церковью, в которой крестили Петра Первого.

Моя школьная любовь к литературе

Из всех школьных предметов я больше всего любил литературу и с удовольствием писал школьные сочинения. В моих бумагах сохранилось пять тетрадей с классными сочинениями, и мне очень хочется привести их в этом повествовании. Первое из них написано в 8 классе и называется «**Автор Слова о полку Игореве – народный певец**».

Школьное сочинение № 1. «Эпиграф: Начнём же, братья, повесть сию от старого Владимира до нынешнего Игоря, который напруг ум крепостью своею и поострил сердце своё мужеством, исполнившись ратного духа, повёл свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую».

I. Ценнейший памятник старинной русской литературы – «Слово о полку Игореве», связано с неудачным походом на половцев Северского князя Игоря Святославовича в союзе с его братом Всеволодом из Трубчевска, сыном Владимиром из Путивля и племянником Святославом Олеговичем из Рыльска. Событие это относится к концу апреля и началу мая 1185 года. Помимо «Слова о полку Игореве» о нём рассказывается в летописях Лаврентьевской (кратко) и Ипатьевской (более подробно). Фактические данные, извлекаемые из «Сло-

ва», заставляют полагать, что оно было написано вскоре после похода, именно в 1187 году. Открыт этот памятник в 1795 году, первые сведения о нём в печати сообщены Карамзиным, первое его издание осуществлено в 1800 году.

II. Начинается «Слово» со вступления, в котором выражается колебание автора, как ему приступить к своему повествованию: следовать ли манере старинного певца Баяна или писать стилем современных ему повестей. Сознывая, что искусство Баяна по своим высоким качествам является для него непостижимым образцом, автор решает избрать второй путь; однако, вся художественная занимательность «Слова» как раз является результатом того, что автор его, несмотря на своё решение, всё же пишет в стиле, очевидно, очень близком к стилю неведомого нам придворного певца Баяна.

Вслед за вступлением, сказав о солнечном затмении, которое, вопреки летописному повествованию, для создания впечатления обречённости дела Игоря, приурочивается не ко времени похода, а предшествует ему, – автор говорит об отправлении Игоря в поход. Уход Игоря сопровождается зловещими предзнаменованиями природы, тревогой птиц и зверей. Автор рассказывает о первой битве русских с половцами, закончившейся победой русских, захвативших у врагов огромную добычу.

На следующий день при столь же неблагоприятных стихийных знамениях битва продолжается, длится 3 дня и заканчивается тяжёлым разгромом войска русского и пленом Игоря. Рассказ о поражении сопровождается воспоминаниями певца об усобицах князей, разорвавших русскую землю, приводивших на неё «поганных» и плачем его по поводу теперешней катастрофы.

Необдуманному шагу Игоря и Всеволода Святославовичей, действовавших без сговора с другими русскими князьями, на свой страх и риск, противопоставляются действия двоюродного брата их, Киевского князя Святослава Всеволодовича, который за год перед этим разбил половцев и взял в плен половецкого хана Кобяка. Неудача Игоря и его союзников уничтожила плоды победы Святослава. Дальше рассказывается о тревожном сне Святослава, который, в толковании бояр, вызван был несчастьем в полку Игоря.

Узнав о поражении Игоря, Святослав произносит своё «золотое слово». В нём он упрекает Игоря и Всеволода за их самонадеянное и безрассудное предприятие, принёсшее несчастье русской земле, и

обращается к наиболее сильным русским князьям с предложением сообща пойти на половцев, чтобы отомстить «за землю Русскую, за раны Игорева, буюго Святославовича». Воспроизведя «золотое слово» Святослава и обратившись с воспоминаниями к внукам Всеслава Полоцкого, наводившим литовцев на русскую землю и к самому Всеславу – князю «оборотню и чудодею», автор передаёт плач жены Игоря Ярославны, один из самых поэтических эпизодов «Слова». Ярославна обращается к ветру, Днепру и солнцу, заклиная их, чтобы они не были враждебны к её милому мужу Игорю. Этот плач-заклинание, о котором естественно было бы рассказать сейчас же вслед за поражением Игоря, намеренно отодвигается автором ко времени, непосредственно предшествующему бегству Игоря. Этим приёмом достигается связь плача и бегства, как связь причины и следствия.

Плач Ярославны оказывает своё «магическое» действие на судьбу её мужа. При помощи половца Овлура Игорь бежит из плена к себе на русскую землю. Природа, ранее накликавшая ему беду, теперь всемерно способствует его побегу. Русская земля радостно принимает вернувшегося Игоря. Заканчивается «Слово» сообщением о приезде Игоря в Киев и величанием князя и дружины, участвовавших в половецком походе.

III. Идея этого великого русского произведения – защита русских земель от набегов кочевников. Опасность этой борьбы усугубляется тем, что русские княжества выступали против врагов разрозненно, не поддерживая один другого. «Слово о полку Игореве» и представляет страстный призыв к объединению русских князей перед лицом внешней опасности. Эту тему чётко вскрыл Карл Маркс в своём письме к Энгельсу в 1856 году: «Смысл поэмы – призыв русских князей к единению как раз перед нашествием монголов».

IV. Автор «Слова» очень часто пользуется народными оборотами. Среди них: 1. Отрицательные сравнения: «Вещий баян не 10 соколов напускал на стадо лебедей, а свои вещие персты на живые струны возлагал». 2. Постоянные эпитеты: «серый волк», «сизый орёл», «острая сабля», «чистое поле», «борзый конь». 3. Плач–причитание Ярославны. 4. Былинный способ выражения подвигов князя: «Куда ты, тур, поскачешь, посвечивая своим золотым шлемом, там лежат поганные головы половецкие». 5. Из всего этого можно заключить, что автор «Слова» был народным певцом. Об этом свидетельствуют два пункта: 1) автор выражает народные мысли; 2) автор широко пользуется народными выражениями.

Оценка Татьяны Родионовны: Работа большая, но написана не по теме. Очень мало внимания уделено содержанию произведения. *Оценка:* 3.

Школьное сочинение № 2. Второе сохранившееся классное сочинение написано 7 мая 1947 г. на тему: «Характеристика Печорина». План: 1) вступление; 2) натура Печорина; 3) характер Печорина; 4) отношение к женщинам; 5) идеи Печорина; 6) сравнительная характеристика Печорина и Онегина. Подстрочно: «Проникнутый тщеславием он обладал сверх того ещё особенной гордостью, которая побуждает признаваться с одинаковым равнодушием как о своих добрых, так и дурных поступках, – следствие чувства превосходства, быть может мнимого».

Гениальным произведением М.Ю. Лермонтова является его роман «Герой нашего времени», главным героем которого можно назвать Печорина. В главной идее романа лежит важный вопрос о внутреннем человеке. Глубокое чувство действительности, верный инстинкт истины, простота, художественная обрисовка характеров, богатство содержания, неотразимая прелесть изложения, поэтический язык, глубокое знание человеческого сердца, сила и могущество духа, самобытность и оригинальность – вот качества этого произведения.

Печорин находится в том порочном круге, в котором находится человек, которому Лермонтов посвящает такое пристальное внимание. Но Печорин старается из этого порочного круга вырваться. Он – одарённый и талантливый человек, стремящийся к действию. Печорин пишет в своём дневнике: «Я был готов любить весь мир, – меня никто не понял, и я выучился ненавидеть».

Печорин пытается противодействовать тому, что душит его, препятствует всестороннему развитию его натуры. Поэтому осуждение Печориным людей своего поколения следует понимать в том же смысле, как и осуждение современного поколения в «Думе» самим Лермонтовым. Да и вообще, сама биография Лермонтова разрабатывается в связи с Печориным – отсвет «Героя нашего времени» всё время падает на неё. Так, Панаев писал: «Нет никакого сомнения, что если он не изобразил в Печорине самого себя, то по крайней мере идеал, сильно тревожившийся в то время, на который он хотел походить».

Печорин – человек железной силы и воли. «Таков уже был человек: что задумает – подавай», – замечает о нём Максим Максимович. Резко подчёркивается на всём протяжении романа духовная одарённость Печорина. В интеллектуальном отношении он стоит выше всех

остальных персонажей романа. Третья основная черта Печорина – стремление к действию. С этим стремлением связаны другие черты его характера – стремление найти себе цель в жизни.

Теперь необходимо отметить двойственность Печорина. В его душе заключаются два человека: первый действует, а другой смотрит на действия первого и рассуждает о них, или, вернее сказать, осуждает их, так как они только достойны осуждения. Причины этого раздвоения, этого спора с самим собой, очень глубокие и в них же заключается противоречие между глубиной натуры и жалкостью действий этого человека. Печорин ошибочно действуя, ещё ошибочнее судит себя. Он смотрит на себя, как на человека, вполне развившегося и определившегося, но его взгляд на человека вообще мрачен, желчен и ложен.

Однако Печорин не полный юноша, который гоняется за впечатлениями и всего себя отдаёт первому из них, пока оно не изгладится и душа не запросит нового. Он уже вполне пережил юношеский возраст, этот период романтического взгляда на жизнь. Он много переживал, много любил, и по опыту знает, как непродолжительны все страсти, чувства и привязанности.

Он влюбляется в дикую черкешенку Бэлу, но затем разочаровывается в ней и в своей любви. Эпизод с Бэлой застаёт Печорина на пути разочарования во всём, что было предпринято им до этого. «Жизнь моя становится пустее день ото дня», – говорит он Максиму Максимовичу.

Отношения Печорина с Бэлой являются новой попыткой найти недостающий смысл жизни, «последней надеждой» его. Поэтому любовь к Бэле для него не какая-нибудь пустая забава, он придаёт этой любви решающее значение. Огромное значение для Печорина любви к Бэле станет более понятным, если вспомнить, что любовь Тамары могла произвести полный переворот в душе и воззрениях Демона.

Печорин приезжает в Пятигорск, где в это время был полный съезд «водяного общества». Тут он встречает Грушницкого, с которым познакомился в действующей армии. Грушницкий влюблён в княжну Мери, она ему начинает отвечать взаимностью. Печорин решает расстроить их отношения и заставить княжну полюбить его, Печорина. Делает он это не потому, что княжна ему нравилась, а потому что ему скучно и надо куда-нибудь тратить свою энергию. И он начинает интригу, чрезвычайно хитрую и умную, держащую его в постоянном

напряжении. Вот на что расходуются силы, талант и энергия Печорина, когда нет действительного дела.

Печорин – человек необыкновенный, талантливый. Это недюжинная натура, обладающая необыкновенными чувствами, возвышенными страстями и исключительными страданиями. Отношения Печорина к Мери лишний раз показывают, как несчастлив Печорин. Его любовь к ней, искренняя и глубокая, превращается в трагедию.

В голове Печорина рождается очень много идей. В идеях Печорина много ложного, в ощущениях его есть искажения; но всё это выкупается его богатой натурой. Его дурное настоящее обещает прекрасное будущее.

Школьное сочинение № 3. Третье сохранившееся классное сочинение написано в 8 классе на тему: «Идейное содержание книги Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву».

О дар небес благословенный,
Источник всех великих дел,
О! Вольность, вольность, дар бесценный!
Позволь, чтоб раб тебя воспел!
Радищев. Ода «Вольность»

«Ты хочешь знать, кто я? что я?» - спрашивает Радищев в одном из стихотворений.

...Я тот же, что и был, и буду весь мой век!
Не скот, не дерево, не раб, но человек!

Это стихотворение Радищев написал, когда ехал в далёкую ссылку, в Илимский острог. До Илимского считалось 6788 вёрст. Да и кто их считал, эти вёрсты! И вот в такую даль был сослан Радищев за своё замечательное произведение «Путешествие из Петербурга в Москву». В статье «От какого наследства мы отказываемся?» Ленин указывал, что в то время, когда писали просветители XVIII века, общественные вопросы в основном сводились к борьбе с крепостным правом.

Как все великие русские гуманисты, Радищев свято верил в человека. «Известно, человек существо свободное, поелику одарено умом, разумом и свободною волею, – писал он, – что свобода его состоит в избрании лучшего, что сие лучшее познаёт он и избирает посредством разума... и стремится всегда к прекрасному, величественному, высокому». В этих словах вся любовь Радищева к человеку, вера в добрую волю его, благородная мечта в человеческое счастье.

Современники говорили о Радищеве: «он зрил вперёд». Позднее Герцен писал о нём: «Александр Радищев смотрит вперёд... Его иде-

алы – это наши мечты, мечты декабристов. Что бы он ни писал, так и слышишь знакомую струну, которую мы привыкли слушать и в первых стихотворениях Пушкина, и в думах Рылеева, и в собственном нашем сердце».

Что же это за книга – «Путешествие из Петербурга в Москву», появление которой на свет вызвало столько волнений? Книга, которая сделала Радищева широко известным; книга, из-за которой так беспокойлась Екатерина и из-за которой Радищев, можно сказать, заплатился жизнью.

В предисловии к «Путешествию», посвящённому любимому другу Алексею Кузнецову, Радищев так определяет причины, побудившие его взяться за перо: «Я взглянул окрест меня, – душа моя страданиями человеческими уязвлена стала...» Уязвлённая душа звала его к действию, к борьбе. «Веселие неизреченное! Я почувствовал, что возможные всякому соучастником быть во благоденствии себе подобных. Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь».

«Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй». Эти стихи поставил Радищев впереди своей книги. Чудище – это крепостное право, облое – значит тучное, отъевшееся на даровых хлебах и опившееся народной кровью; огромное – охватившее две трети России, наконец, озорное – это разнузданный произвол помещиков, всячески издевавшихся над своими крепостными. Вот об этом-то и говорит Радищев в своём сочинении.

Тематика произведения довольно сложная. Но в основном надо отметить три темы: 1) описание ужасов крепостного права; 2) разоблачение самодержавия; 3) призыв к восстанию. Но помимо этих трёх основных тем Радищев затрагивает много других мыслей. Таковы его философские рассуждения, проходящие по содержанию всей книги, таков вопрос о воспитании (в частности, в главе «Крестцы»).

Личные впечатления автора, его философские размышления, наблюдения над русской жизнью и объяснения её тёмных сторон, описание встречаемых людей, передача их рассказов – всё это придаёт книге жизненную правдивость и силу. Уничтожить крепостное право, истребить позорное звание раба! – эта мысль проходит как основная через все главы «Путешествия».

С лютой ненавистью писал Радищев о дворянах-крепостниках, называя их «зверями алчными», «пиявицами ненасытными». О крестьянах он говорил, что хотя они «в законе мертвы», то есть бесправны, но

имеют такую же душу, как люди высших классов, и могут создать себе счастливую жизнь. И он звал их к решительной и беспощадной борьбе за эту жизнь, указывал верный путь победы – народное восстание. На страницах своей книги Радищев выступал убеждённым, яростным врагом самодержавия. Он считал источником и носителем верховной власти народ и настойчиво разъяснял в «Путешествии», что все люди имеют одинаковое право на жизнь и счастье, что порабощение народа – преступление. Идеал Радищева – это полное равенство в имуществе. Чтобы достичь этого равенства, нужно было бороться за уничтожение крепостного строя, потом за политическую свободу, и, наконец, за такое переустройство общества, чтобы не было ни богатых, ни бедных.

В главе «Хотиллов» Радищев с увлечением рисовал картину будущей жизни – «Проект в будущее». Государство, которое он описывал, находится в цветущем состоянии. Науки, искусство, рукоделия доведены до совершенства. Всеобщее равенство устраняет всякую возможность несогласия и раздоров...

Радищев мечтал, но эти мечты терялись, как корабль в океане, в существующей действительности. Его окружало «чудище» – крепостное право, которое он презирал и которое он ненавидел. О крепостном праве Радищев выступает с трёх позиций: как гуманист – говорит, что рабство не справедливо; как политик – что рабство опасно; как экономист – что рабство невыгодно.

Теперь я кратко скажу о наиболее популярных главах «Путешествия». В отрывке «Любани» показана тяжёлая жизнь крепостных крестьян, их тяжёлый труд, картины тяжкой крестьянской неволи. В этом отрывке Радищев говорит о крепостном праве: что крепостное право отнимает всё время у крестьян; что для крестьян лучше оброк, нежели барщина; что крепостное право невыгодно для помещиков; что крепостное право не только невыгодно, но и опасно. В этой же главе Радищев предупреждает помещиков: «Страшись, помещик жестокосердный, на челе каждого из твоих крестьян вижу твоё осуждение».

В отрывке «Пешки» Радищев опять ярко отображает тяжёлую жизнь крепостных крестьян. Он описывает и условия, в которых протекает их жизнь; алчность, грабёж и мучительство дворян-помещиков, безбрежное море страданий закрепощённого крестьянства. Идеей этого отрывка являются слова самого Радищева: «Звери алчные, пиявицы ненасытные! Что крестьянину мы оставляем: то, что отнять не можем: воздух!»

Голос Радищева прозвучал пророческим и грозным предостережением крепостникам. Радищев вскрывал язвы и лицемерия окружающей его жизни, беспощадно бичевал произвол и насилие власти имущих и неустанно указывал народу путь борьбы за свободу. Только сейчас осуществились мечты и чаяния Радищева. Только сейчас народ стал свободным вполне. Радищев имел и имеет сейчас огромное значение. Ленин о нём говорил: «Мы гордимся тем, что насилия вызвали отпор из нашей среды, что эта среда выдвинула нашего первого русского революционера». Радищев верил, что у него найдутся последователи. Да, они были в лице декабристов, Пушкина и других. Подводя итоги своей деятельности, Пушкин в стихотворении «Памятник» писал: «Вослед Радищева восславил я свободу и милость к падшим призывал».

Школьное сочинение № 4. Ещё для одного школьного сочинения я выбрал тему № 2 «Характеристика Алеко».

Одной из южных поэм Пушкина являются «Цыганы», написанные им в 1824 году. Идея «Цыган» вся сосредоточена в герое этой поэмы – Алеко. В Алеко Пушкин хотел показать образец человека, который до того проникнут чувством человеческого достоинства, что в общественном устройстве видит одно только унижение и позор этого достоинства и потому, прокляв общество, равнодушный к жизни, Алеко в дикой цыганской воле ищет того, чего не могло дать ему образованное общество, окованное предрассудками и приличиями, добровольно закабалившее себя на унижительное служение идолу золота.

Вот что хотел изобразить Пушкин в образе Алеко, но всего этого он, конечно, осуществить не мог. Но тем не менее весь ход поэмы, её развязка и особенно играющее в ней важную роль лицо старого цыгана неоспоримо показывает, что желая и думая из этой поэмы создать апофеоз Алеко, как поборнику человеческого достоинства, поэт вместо этого сделал страшную сатиру на него и на подобных ему людей, изрёк над ними суд неумолимо трагический и вместе с тем горько иронический.

Алеко погубили страсти, вернее сказать, одна страсть, и эта страсть – эгоизм. Если проследить по всей поэме, то можно увидеть, что она проходит красной нитью через всё содержание.

Приведя встреченного за холмом, подле цыганского табора, Алеко, Земфира говорила своему отцу между прочим:

«Он хотел быть, как мы, цыганом,
Его преследует закон.»

В этих словах Алеко является ещё только таинственным, загадочным лицом; для беспристрастной наблюдательности он ещё не может показаться ни преступником вследствие эгоизма, ни жертвой несправедливого гонения. Может быть, Алеко только внешним образом, по чувству досады, разорвал связи с образованным обществом, и ему тяжка исполненная лишений дикая воля бедного бродящего племени, ибо, как мудро заметил ему старый цыган:

«...Не всегда мила свобода
Тому, кто к нею приучён.»

Но черноокая Земфира заставляет его полюбить эту жизнь, которой

«Всё скудно, дико, всё нестройно,
Так чуждо мёртвых наших нег,
Так чуждо этой жизни праздной,
Как тень рабов, однообразной.»

И когда Земфира спросила его, не жалеет ли он о том, что навсегда бросил, – Алеко отвечает:

О чём жалеть? Когда б ты знала,
Когда бы ты воображала
Неволю душных городов!
Там люди в кучах, за оградой
Не дышат утренней прохладой,
Ни вешним запахом лугов,
Любви стыдятся, мысли гонят,
Торгуют волею своей,
Главы пред идолами клонят
И просят денег и цепей.
Что бросил я? Измен волненья,
Предубеждений приговор,
Толпы безумное гоненье
Или блистательный позор.

Какой энергичный, полный мощного негодования голос! Какая пламенная, вся проникнутая благородным пафосом речь! С какой неотразимой силой увлекает душу это пророчески обвинительное, страшным судом, гремящее слово! Прислушиваясь к нему, не можешь не верить, чтоб человек, обладающий такой силой жечь огнём уст своих, не был существом высшего разряда, – существом, исполненным светлого разума и пламенной любви к истине, глубокой скорби об унижении чело-

вечества... как высоко стоит он над этой презренной толпой, которую так нещадно поражает громом своего благородного негодования!

Теперь, дальше, дело доходит до страстей. Алеко овладевает ревность. Эта страсть свойственна или людям по натуре эгоистичным, или людям не развитым нравственно. Чувство оскорбления для такого человека также невозможно. Что касается до жажды мщения – в этом случае она была бы понятна только как выражение самого животного, самого грубого и невежественного эгоизма, который невозможен для человека нравственно развитого.

Простодушный, трогательный, поэтический рассказ старого цыгана о Мариуле возбуждает в Алеко смешанное с ужасом отвращение и он говорит:

«Да как же ты не поспешил
Тотчас во след неблагодарной
И хищникам, и ей, коварной,
Кинжала в сердце не вонзил?»

Страдалец за униженное человеческое достоинство, человек, который презрел предрассудки образованной общественности и нашёл счастье в цыганском таборе, турок в душе – он считал себя впереди целой Европы на пути к цивилизованному уважению прав личности. И как велик, как истинно свободен перед ним старый цыган, этот сын природы, бедности, не знающий в простоте сердца никаких теорий нравственности! Сколько поэзии и истины в этом кратком, благодушном ответе Алеко:

«К чему? Вольнее птицы младость.
Кто в силах удержать любовь?
Чредою всем даётся радость,
Что было, то не будет вновь.»

Ответ Алеко на эти полные любви и правдивости слова старого цыгана окончательно и вполне покрывает тайну его характера:

«Я не таков. Нет, я не споря
От прав моих не откажусь,
Или хоть мщеньем наслажусь.
О нет! Когда б над бездной моря
Нашёл я спящего врага.
Клянусь, и тут моя нога
Не пощадила бы злодея,
Я в волны моря, не бледнея,

И беззащитного б толкнул,
Внезапным ужас пробужденья
Свирепым смехом упрекнул,
И долго мне его паденья
Смешон и сладок был бы гул.»

Из этих слов видно, что никакая могучая идея не владела душой Алеко, но что все его мысли, чувства и действия вытекали, во-первых, из сознания своего превосходства над толпой, во-вторых, из чудовищного эгоизма, который горд самим собой, как добродетелью. Противоречие Алеко с самим собой было причиной его гибели, – и он так жестоко наказан оскорблённым им законом нравственности, что чувство наше, несмотря на великость преступления, примиряется с преступником: Алеко не убивает себя, он остаётся жить, – и это решение действует на душу читателя сильнее всякой кровавой катастрофы.

Поэтическое сравнение Алеко с подстреленным журавлём, печально остающимся на поле в то же время, когда станица весело поднимается на воздух, чтобы лететь к благословенным краям юга, выше всякой трагической сцены. Сидя на камне, окровавленный, с ножом в руках, «бледным лицом», Алеко молчит, но молчание красноречиво: в нём слышится немое признание справедливости постигшей его кары, и может быть с этой самой минуты в Алеко зверь уже умер, а человек воскрес...

Оставь нас, гордый человек!
Мы дики, нет у нас законов,
Мы не терзаем, не казим,
Не нужно крови нам и стонов,
Но жить с убийцей не хотим.
Ты не рождён для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь воли;
Ужасен нам твой будет глас:
Мы робки и добры душою,
Ты зол и смел; – оставь же нас,
Прости! Да будет мир с тобою!»

Школьное сочинение № 5. И, наконец, последнее сохранившееся моё сочинение называется: Тема «Горе от ума», подтема 3: «Почему Чацкого объявили сумасшедшим?»

Безумным вы меня прославили всем хором –
Вы правы: из огня тот выйдет невредим,
Кто с вами день пробывать успеет,

Подышит воздухом одним,
И в ком рассудок уцелеет.
(Чацкий. «Горе от ума»)

С необыкновенной силой художественного обобщения Грибоедов изобразил обширную галерею типов дворянской «послепожарной» Москвы, которые не действуют и не говорят, а лишь бегло упоминаются. Но среди всех этих типов наиболее рельефно выделяется центральное действующее лицо комедии Александр Андреевич Чацкий.

Не подлежит сомнению, что в образе Чацкого Грибоедов хотел в полную меру своего сочувствия показать передового человека своей эпохи, человека «с оскорблённым чувством», поднимающего бунт против общества в защиту личности, гуманистического утверждения прав личной свободы и человеческого достоинства. Чацкий не только провозвестник декабристских идей. В нём также воплощение нормы общественного поведения, гражданской морали. Его понимание идеи долга и практического осуществления этой идеи, страстность его обличительного тона – всё это в условиях общественного и политического гнёта аракчеевской эпохи приобретает прямую агитационную направленность и громадную силу убедительности.

Чацкий показан во враждебном окружении. Пламенный мечтатель с живым чувством, разумной мыслью и благородными порывами, он противопоставлен сплочённому и многоликому миру Фамусовых, Молчалиных и Скалозубов с их мелкими целями и низкими стремлениями. Он – чужой в этом мире. «Ум» Чацкого ставит его в глазах Фамусовых и Молчалиных вне их круга, вне привычных для них норм общественного поведения: лучшие человеческие свойства и склонности героя делают его в представлении окружающих «странным человеком», «чудаком» и даже «безумцем».

Но при всём том историческое значения «Горя от ума» было бы в значительной мере сужено, если бы Грибоедов дал в образе Чацкого лишь очередную вариацию на ходовую в литературе 20-х годов романтическую тему разочарования и гордого одиночества. Грибоедов внёс в свою разработку этой темы существенный корректив: его Чацкий молод, непобедимо бодр, целен в своих чувствах, жизнедеятелен и прежде всего – прост.

В образе Чацкого оттенённые черты человека волевого характера, творческой активности и полноты жизненных ощущений. Он вовсе не отчаявшийся во всём мизантроп, но человек твёрдой воли и актив-

ного действия, ревнитель общественного блага, наделённый живой страстью и пытливой мыслью. Он из тех, кто «внедряет в науки ум, алчущий познания», в чьей душе «горит жар к искусствам». При всей своей молодости, он деятель, обладающий немалым житейским опытом: «славно пишет и переводит», успел побывать на военной службе, видел свет, был в связи с министрами – «служить бы рад», но ему «прислуживаться тошно». Но его вина, что, будучи человеком активного, практического отношения к жизни, в условиях сложившегося политического и общественного быта он обречён на бездействие и предпочитает «рыскать по свету».

Ещё Гончаров правильно подметил эти черты характера Чацкого, отличающие его от закреплённых традицией байронизма с юности разочарованных безвольных и внутренне опустошённых мизантропов. Гончаров, сближая Чацкого с Онегиным и Печориным, подчеркнул его превосходство над ними, как героя, более полно воплотившего благородные человеческие стремления и пафос общественной и творческой практики человека. «Чацкий, как личность, несравненно выше и умнее Онегина и лермонтовского Печорина, – говорит Гончаров, – он искренний и горячий деятель, а те – паразиты, изумительно начертанные великими талантами, как болезненные порождения отжившего века. Ими заканчивается их время, а Чацкий начинает новый век – и в этом всё его значение и весь «ум» («Милльон терзаний»).

У Чацкого «ум с сердцем не в ладу». Он наделён множеством чувств: одновременно зол и чувствителен, насмешлив и нежен, вспыльчив и сдержан, весел и брюзглив и т.д. «Ум» и благородство Чацкого, владеющие им чувства гражданского негодования, общественного долга и человеческого достоинства вступают в острый конфликт с его «сердцем», с его страстной любовью к Софье.

Обе драмы Чацкого – и общественная и личная – развёртываются параллельно, во внутренней связи и взаимной обусловленности. Они слиты нераздельно. Общественное негодование Чацкого приобретает особый лирически эмоциональный характер в связи с постепенным крушением его надежд на личное счастье, и обратно, чувство неразделённой любви обостряет конфликт Чацкого с обществом, завершающийся окончательным разрывом. Всё поведение Чацкого, его поступки и речи проникнуты внутренней логикой подъёма и угасания его личного чувства. Негодование Чацкого растёт по мере того, как неуклонно растёт его любовная тревога.

При всём том личная драма Чацкого обусловлена социально, дана как следствие общественных условий, определивших судьбу одинокого мечтателя и протестанта. Софья не может полюбить Чацкого, который всем складом ума и души противостоит её миру. Именно поэтому любовный конфликт Чацкого с Софьей разрастается до масштабов поднятого им общественного бунта.

«Горе от ума» – драма «пылкой юности» и несбывшихся надежд Чацкого – «нового человека 20-х годов», освобождающегося от ветхозаветных понятий и представлений, и, как таковая, она охватывает всю сферу его житейских отношений, в том числе и интимно-любовных.

Твой образ был на нём означен.

Он духом создан был твоим.

Как ты, могущ, глубок и мрачен,

Как ты, ничем не укротим.

Этими словами Пушкина, написанными в 1824 году, можно охарактеризовать соотношение Грибоедова и Чацкого в гениальной комедии. Чацкий – не Грибоедов, но «образ» Грибоедова, с его пламенной душой, с его скептическим умом, с его независимой волей, с его сердцем, умеющим ненавидеть не меньше, чем любить, «означен» на этом московском юноше начала 1820-х годов, но «дух» Грибоедова, свободный, неукротимый, живёт в этом молодом человеке, поднимающем против себя вихри вражды и злобы в обществе Скалозуба и Молчалиных.

Юноша Чацкий, – как молодой Грибоедов, – был наделён такой зрелостью ума, такими бесспорными признаками «способностей человека государственного» (как признавал Пушкин), что для него, для юноши была возможна «связь с министрами и для него же, как для всего его поколения, – оказался неизбежен «потом разрыв» с ними. (Не окончено)

Любовь к литературе осталась во мне на всю жизнь, и ставши географом я продолжал писать и издавать книги с ярким описанием своих путешествий в разные уголки земного шара.

1946 и 1947 годы

Письмо тёти Вари из Тулы в Москву маме 20 июня 1946 г. «Работаю в связи с созданием Косогорского района в райисполкоме – работы очень много, особенно теперь, когда должна развиваться местная промышленность. Да еще домашняя работа, так что свободного времени совсем нет. Сейчас я здорова, немножечко поправилась, но после болез-

ни Светочки я думала, что и не поправлюсь. В этом году мы опять посадили картошки, она у нас уже вышла, теперь её надо окучивать, полоть, не заметишь, как и осень подойдёт, а особенно сейчас очень холодно.

Светлана перешла на 4-й курс техникума и сейчас находится на практике. Собирается всё приехать к вам и как только представится возможность, то приедет. Теперь войны нет, будем ждать улучшения в жизни. Снабжают меня сейчас ничего: крупа 1,5 кг, мясо 2,2 кг, масло 600 гр., сахар 500 гр. и еще карточка в столовую. Светочка получает как студентка служащую карточку и хлеба 500 гр. Так что живем ничего, картошки на зиму запасли, капусты и других овощей. Так что всё ничего, только надоело быть всё одной, и наверное всё буду одна, такая уж у меня жизнь – а какие были мечты, и все разбиты. Так что кроме горя моя любовь ничего мне не принесла. Ну ладно, это так проскользнуло. Теперь вся моя жизнь – это моя Светланочка. Целую тебя и желаю, Лёля, всех успехов в жизни».

Сохранилась моя записка от 23 июня 1946 г.: «23/VI-46 года. В этот весьма великий день для нас папа обещал, что осенью 1947 (следующего) года у нас будет собственная дача с забором, огородом, садом, сараем и т.д. (все дачные блага)». Увы, этого не случилось. Папины планы я осуществил сам через 11 лет, уже после возвращения из Антарктиды.

Летом 1946 г. мы с папой на Кавказской Ривьере. А последний месяц лета 1946 года мы вместе с папой проводим в Сочи; папе дали две путёвки в лучший Сочинский санаторий того времени «Кавказскую Ривьеру». Мы прожили здесь вместе с ним 24 дня, гуляли, ходили на море, папа почти ежедневно ездил на медицинские процедуры в Мацесту, и эти процедуры не принесли ему пользы, а скорее обострили его болезни. Во всяком случае, из Сочи он вернулся не «на подъёме» в отношении своего здоровья.

Пробыли мы в Сочи с 30 июля по 21 августа 1946 г. (мама сохранила мою курортную книжку, из которой следует, что мой рост в то время, когда мне было 14 лет, составлял 174 см, а вес был 54,5 кг). Не с первого дня, а кажется, на третий день, нас поселили в отдельной комнате и назначили медицинские процедуры. Я принимал ванны в медицинском корпусе, расположенном прямо у пляжа, и помню как однажды во время приёма ванны на море разыгрался сильный шторм и волны били в стену корпуса, как раз где находились ванны.

В эти дни на Кавказской Ривьере отдыхали и коллеги папы. Я помню, что в некоторые дни папа играл в преферанс со своими приятеля-

Сочи, мы с папой на Кавказской Ривьере. 1946 год

ми, а я сидел рядом и был «записатором», т.е. записывал выигранные висты и пр. и именно в это время научился играть в преферанс. Много позже я долгие годы играл в эту интересную и увлекательную игру со своими друзьями и всегда получал большое удовольствие.

Ежедневно перед обедом мы проходили мимо продуктовой палатки, где продавали разливное вино и соки, папа иногда выпивал полстакана кахетинского, а мне покупал стакан виноградного сока. Папе были назначены минеральные ванны с мацестинской водой (похожей на разбавленное молоко). Возможно, именно эти ванны и спровоцировали развитие болезни сосудов, которой всю жизнь страдал папа.

Командировка мамы в Ташкент осенью 1946 года. После нашего возвращения с Кавказа осенью 1946 г. мама отправилась в длительную командировку в Ташкент, сохранилось несколько писем этого времени.

Моё письмо маме из Москвы в Ташкент 25 сентября 1946 г. Во вторник 23 сентября получили твою открытку с дороги и телеграмму о прибытии в Ташкент. Мы живём хорошо. Папа варит обед сам. Он уже варил 3 раза и все эти разы у него получалось очень хорошо и вкусно. Нам привезли три мешка картошки, полмешка моркови и полмешка свёклы. Помидоры у нас кончились, хлеб стал дорогой: 3 р. 40 к. килограмм; тот, который стоил 1 р. 70 к., теперь стоит 5 руб. Так что на два дня у нас уходит 13 рублей. Зато мороженое подешевело: на палочке стоит 1 р. 20 к., в баночках 2 р. 10 к. и пачка – 3 р. У нас в Москве стоит очень плохая погода. Почти всё время идёт дождь и у нас в комнате потекло. Один день особенно текло там, где стоит приёмник. Папа сейчас болеет, у него иногда бывает температура. Кроме того у него болит желудок и нарыв. Я учусь. По литературе мы проходим «Слово о полку Игореве». У нас арбуз стоит 10 руб. кг, дыня стоит 40 руб. кг, а виноград тоже 40 рублей. Ну, больше писать, кажется, не о чем. Привет тебе от бабушки, тёти Саши и от Светланы (она прислала письмо из Ленинграда).

Письмо папы маме из Москвы в Ташкент 25 сентября 1946 г. Твою открытку (из Рязани) и телеграмму из Ташкента мы получили 23/IX. Я немножко заболел и два дня, как говорят, «почти лежал в постели». Опять зловредный нарыв и такой, что ни лежать, ни ходить. Сегодня ночью он вскрылся и я ожил. А главное, это «удовольствие» сопровождалось вчера вечером температурой 38,2°. Я второй день не работаю. Завтра думаю идти в Главк.

Живем мы, кажется, нормально. Я уже укрепил свои прежние (1941–1943) поварские способности, и Вова вполне доволен. Первое моё не имеет названия и состоит из следующего набора: воды, капусты, свёклы, моркови, помидор, лука, перца и лаврового листа, а второе – картошка, варёная в солёной воде без мундира. Всё это на столе заправляется маслом. На третье иногда арбуз, иногда виноград. Мясная тушёнка идёт плохо – уж очень солёная. У меня, кстати, уже четыре дня не в порядке желудок. Поэтому до неё никакого желания нет.

В воскресенье я отправил с Ив. Вас. дрова в деревню. Вова регулярно ходит в школу. Получил пока все пятёрки, кроме одной тройки (первый спрос по литературе). Здоров он и проявляет активное отношение к учёбе. Имею к нему одну претензию. Не любит мыть за собой посуду. Приходится мне через день–два этим заниматься. Выдал я ему 100 рублей – первую уплату за учёбу и 30 рублей на курсы

бальных танцев. Ну вот кажется и всё о нашей жизни. В воскресенье я тебе пошлю деньги. Как ты рекомендовала – на центральный почтамт города. Желаю тебе здоровья и целую тебя.

Моё письмо маме из Москвы в Ташкент 29 сентября 1946 г. На днях мы получили от тебя два письма: открытку с дороги из Сызрани и первое письмо из Ташкента. Очень рады, что ты там хорошо устроилась. Вот только плохо, что плохими обедами вас там кормят. Ты пишешь, что кушаешь много винограда. У нас в Москве он стоит 40 рублей килограмм, а «дамские пальчики» стоят 60 рублей килограмм. В воскресенье я съел полкило винограда, в том числе «дамские пальчики». Очень вкусно.

У нас жила два дня бабушка. Она перебрала привезённую нам картошку, сварила суп. Только наш, который мы сами варили, лучше; мне больше нравится. Светлана прислала бабушке из Ленинграда письмо. Она пишет, что живут они в 12 километрах от города. Кругом лес. От города езды на поезде несколько минут. Они с Мишей ходили два раза в Мариинский театр, смотрели балет «Лебединое озеро» и оперу «Пиковая дама». Светлана пишет, что учиться ей в этом году не придётся, она сейчас занимается хозяйством.

Я учусь понемногу. Занимаюсь до 2–3 часов дня. Меня выбрали вожатым пионерского отряда 5 класса «А» нашей школы. Там классным руководителем Евлампия Алексеевна. С прошлого воскресенья мы с Романенко записались в кружок танцев в Москворецкий дом пионеров. 28 сентября был первый урок. На нём нам объяснили первую и третью позицию, некоторые движения из танцев «Пата-пата-нер» и венгерки. Эти два танца мы пройдем на следующем уроке. Эти танцы стоят 30 рублей в месяц. Мы будем изучать 20 бальных танцев и 5 западных. Заниматься четыре раза в месяц по воскресеньям с половины пятого.

Ну, пока, до свидания. Крепко тебя целую. Привет от папы, бабушки, тёти Саши и тёти Оли.

Моё письмо маме из Москвы в Ташкент 5 октября 1946 г. У нас всё по-старому. Папа сегодня варил суп, варил картошку без мундира в солёной воде. На столе у нас сейчас беспорядок, но папа сегодня хочет убраться. Я недавно ходил на стадион и смотрел игру «Динамо» (Тбилиси) и «Торпедо» (Москва); тогда тбилисцы проиграли со счётом 3:4. В первый раз на стадион я попал под дождь, но у меня был зонтик, и всё обошлось благополучно: я вышел сухим из воды.

У нас здесь убавили хлеб. Теперь нам на один день полагается 1500 гр., мне вместо 450 грамм теперь дают 400. Зато у бабушки стало ещё хуже, она получает 250 гр. Погода у нас стоит хорошая. Правда, бывают солнечные дни, но это редкость. Я продолжаю учиться. Получаю всякие отметки. Уже спрашивали по немецкому языку, химии, истории, географии. Кроме того, были контрольные по алгебре 2 раза, по геометрии и по физике. Ну до свидания. Привет от бабушки и тёти Саши. Вова

Письмо папы маме из Москвы в Ташкент 6 октября 1946 г. Сегодня у нас с Вовой выходной, т.е. хозяйственный день. С утра я занимался кухонными делами, а Вова писал «Шахматную газету», затем погладил себе брюки (ему сегодня в 5 час. на курсы танцев идти в дом пионеров) и сейчас вот сидит и пишет письмо.

Живем мы по-прежнему. Я должен тебе сказать «порядком устал». Отдыхать совершенно некогда. Вова чувствует себя нормально. Вчера я молнией тебе перевёл 1000 рублей. Ты наверное их через 1–2 дня получишь. В Москве стоит настоящая осенняя погода. Идут дожди и сравнительно холодно. Нас эта погода застала врасплох. Вова без пальто и, кроме того, мы никак не можем найти дома галоши. Сегодня вечером думаем перекопать всё и найти их. В комнате пока тепло. Вот плохо то, что перед радиоприёмником потекло. Правда, это было в прошлое воскресенье, во время сильного дождя, а теперь пока сухо.

Будучи в Ташкенте мама очевидно пыталась найти могилу своего отца, который умер в эвакуации в Ташкенте в 1942 г., но я об этом так ничего и не знаю.

Резкая перемена в жизни нашей семьи в 1947 г. Поздней весной, когда в Москве установилась уже почти летняя погода, мы изредка ходили в Центральный парк культуры имени Горького и однажды в «Зеленом театре» были на концерте Аркадия Райкина – яркие впечатления от этого концерта у меня сохранились на всю жизнь. Парк находился совсем недалеко от Якиманки, рядом с Крымским мостом. В одной из таких прогулок в парке к папе подошла цыганка погадать о его будущем, и папа согласился. Недолго длился этот разговор, но предсказание оказалось ошеломляющим и верным: тебе осталось жить недолго – скоро ты умрёшь. И эти слова стали пророческими. Здоровье папы быстро ухудшалось, все следующие месяцы после нашего возвращения в Москву он чувствовал себя очень плохо, и в начале 1947-го года случился «удар»: внезапно отказала речь и движения правой руки. Папа

попал в больницу имени академика Н.Н. Бурденко в Лефортово, как выяснилось позже, с инсультом, и вначале стал выздоравливать.

Сохранилось моё последнее письмо папе в больницу, где он провёл уже две недели: «Здравствуй, дорогой папочка. Как ты поживаешь? Не скучно ли тебе? А мне без тебя очень скучно. Поэтому приезжай скорее. Я сейчас готовлю доклад о Москве на конференцию, посвящённую 800-летию Москвы, которая состоится на днях. В плане моего доклада четыре пункта: 1) Сталинский план февраля 1947 года (с. 3, пятилетний план по Москве. Первые три пункта я уже готовил, сейчас работаю над четвёртым. Для этого я прочёл в «Правде» от 23 февраля доклад Селиванова (депутата Щербаковского района г. Москвы) и там увидел, что в Москве, оказывается, будут построены целые небоскрёбы (8 домов): 32-этажный дом на Ленинских горах, два 26-этажных дома – на Ленинградском шоссе около стадиона «Динамо» и в Зарядье, пять 16-этажных домов – на площади Восстания, Котельнической набережной, у Красных ворот, на Смоленской площади, на Каланчевской улице. Если хочешь сам почитать, то возьми «Правду» от 23/II-47 года (стр. 3, доклад депутата Селиванова). В общем, приезжай скорее. Мы тебя ждём в субботу или в воскресенье (следующее). А пока до свидания. Крепко тебя целую. Привет от бабушки. Вова Котляков, 24/II-47 г., 11.15 час. ночи».

В те годы почти ничего не знали об этой болезни, но всё-таки пытались лечить, и папе стало легче. Постепенно стала возвращаться ушедшая было речь, стали двигаться онемевшие мышцы руки, выздоровление было явным, и уже думали о его выписке в санаторий, но... Спустя две недели случилось повторное кровоизлияние в мозг, очень глубокое, которое и привело к мгновенной смерти. Во время вскрытия выяснились недостатки сосудистой системы, и врачи прямо сказали, что просто удивительно – как он смог прожить с такими сосудами столько лет.

Инсульт оказался смертельным – после двухнедельного пребывания в больнице им. Бурденко папа скончался 25 февраля 1947 г. Так окончилась его недолгая жизнь, и все свои желания и мечты он осуществить не успел. Прожил он всего 42 года, но это были прекрасные годы моего детства в счастливой советской семье, которой я безмерно благодарен за всю свою последующую интересную жизнь.

Горе мамы было безгранично, а я в свои 15 лет не сразу осознал эту безвременную потерю, и лишь спустя несколько месяцев я понял – как

теперь изменилась наша семейная жизнь. Мама страшно переживала случившуюся трагедию, а я осознал эту «космическую» потерю лишь спустя несколько месяцев. И стал гораздо ближе к маме – следующие 6–7 лет мы были очень дружны друг с другом – мои новые университетские друзья знали маму и общались с ней без особых стеснений.

Но вернусь к своей семье. В моей памяти о папе стоят его частые головные боли, иногда доводившие его до состояния, в котором он не мог работать, и я помню несколько случаев, когда он оставался дома и целый день лежал в забытьи с этими болями (его мучали мигрени). А работы у него было много, к тому же в те годы государственные служащие были вынуждены следовать рабочему режиму И.В. Сталина, который начинал свой рабочий день в 13–14 часов и завершал его нередко за полночь. В таком же ритме работали и некоторые министерства. Поэтому в послевоенные годы я видел папу в основном только по воскресеньям, т.е. в выходные дни, когда он оставался дома и воскресным утром занимался любимым делом: он мечтал и планировал написать большую книгу о шерстяной промышленности, начиная с сырья, т.е. с бараньей шерсти, и на письменном столе в нашей комнате появились фотографии и записи о тонкорунном овцеводстве, снимки баранов и другие сопутствующие материалы. В некоторые воскресные дни папа садился за письменный стол и увлечённо занимался подбором материалов и первыми записями для своей будущей книги об овцеводстве и шерстяном производстве. Я думаю, что это была бы интересная и полезная книга, но увы... развернуть свою мечту ему так и не удалось.

В 1939 г. папу назначили на высокую должность главного инженера и заместителя начальника Главного управления шерстяной промышленности СССР; под его началом оказалось около двадцати шерстопрядильных фабрик, расположенных в разных частях нашей страны, но в большинстве своём всё-таки в Подмосковье. В задачи главного инженера Главка входило составление планов работы всех подведомственных фабрик и слежение за выполнением этих планов. Я помню, как в 1946 году крупнейший подмосковный шерстопрядильный Монинский комбинат постоянно не выполнял план, а в то время это было главное условие успешной работы предприятия, и папу в конце лета того года назначили временно директором этого комбината с главной задачей – добиться постоянного выполнения плана этим предприятием. Часть летнего времени и мы жили в Монино

вместе с папой. Для меня самое удивительное заключается в том, что с приходом папы в Монино не прошло и двух месяцев как огромный Монинский комбинат (около 10 тысяч работников!) стал выполнять план – работа комбината была налажена.

Насколько я помню, ещё в 1939, предвоенном году, работа даже далёких от военной индустрии предприятий начала переходить на «военные» рельсы. Близость войны ощущалась во многом, и прежде всего в напряжённой работе не только военных предприятий. Непосредственным начальником папы была заместитель министра шерстяной промышленности СССР Дора Моисеевна Хазан – жена члена Политбюро страны, руководителя советских профсоюзов тех лет А.А. Андреева, портрет которого занимал крайнее место в череде праздничных лиц страны. Я до сих пор помню, что она приехала на поминки к нам на Якиманку и была искренне удивлена, увидев, что семья Михаила Васильевича занимает одну комнату в коммунальной квартире, а он никогда не обращался с просьбой улучшить жилищные условия.

Прощание с папой проходило на третьем этаже в большом зрительном зале Министерства текстильной промышленности СССР на улице Кирова, д. 39. Зал был полон людей, пришедших проститься с папой, в этот день я понял, как его любили и уважали окружающие люди. На сцене стояли десятки больших венков – мама потом всю свою жизнь на Якиманке хранила две огромные связки траурных лент с этих венков.

В 2023 году мы с моей любимой супругой Светланой побывали на экскурсии в бывшем здании Министерства текстильной промышленности СССР (ныне здание Центросоюза), построенном в 1928–1936 гг. по проекту известного французского архитектора Ле-Корбюзье (ныне рядом со зданием установлен памятник этому французскому архитектору). Для своего времени это было самое новомодное здание в Москве. Его фасады обращены одновременно на две параллельные улицы – Мясницкую и проспект академика Сахарова. В своём детстве я неоднократно бывал на шестом этаже этого здания, где был рабочий кабинет папы, и не раз посещал новогодние ёлки. Детские ёлки проходили в том же актовом зале с большим амфитеатром на 600–700 человек, ныне он сильно изменён (в сравнении с фотографиями прощания коллег с папой в 1947 г.).

Ещё в довоенные годы (в 1939 г.) папа стал депутатом Ростокинского районного совета, и много сил вкладывал в эту работу – принимал граждан, хлопотал по их просьбам, помогал в улучшении жилищ-

ных условий и т.п. В Моссовете было принято решение похоронить его на Введенском кладбище – втором по значению после Новодевичьего. В траурной процессии было очень много людей – тогда я понял, как уважали папу окружающие его люди. На похороны приехали и все наши близкие: кроме моей мамы у могилы были моя бабушка (мать папы), брат папы дядя Ваня, сестра папы тётя Поля, тётя Оля Докучаева, много-много друзей и сослуживцев. Замечу, что в те минуты я ещё не осознавал величины потери и значения случившегося, резко изменившего всю нашу жизнь.

На Введенском кладбище благодаря папиным заслугам в нашей семье появилось родственное захоронение на участке № 10 в самом центре кладбища; здесь рядом с папой захоронена Александра Ивановна Шведова (тётя Саша), умершая 19 мая 1954 г., моя бабушка Абрамова Александра Ивановна, умершая 30 августа 1961 г. и моя мама Котлякова Елена Александровна, скончавшаяся 27 ноября 1987 г. Таким образом, мама пережила папу на сорок лет, и замуж повторно она не выходила – она осталась верной своему мужу до конца своей жизни.

Жизнь нашей семьи после кончины папы

После смерти папы мы жили очень скромно, и я вёл тетрадь ежедневных расходов, потому что деньги приходилось считать вплоть до копеек. Мне, как несовершеннолетнему, выплачивали небольшую пенсию по смерти папы; посмертная пенсия была назначена и моей бабушке Марии Константиновне Котляковой в селе Константиново.

Так неожиданно закончилось моё детство, и мы продолжали жить с мамой все последующие годы моей учёбы в школе, а затем в университете. Два посмертных года министерство старалось помогать маме, дважды нам давали бесплатные курсовки, и мы ездили с мамой по этим курсовкам сначала в крымскую Ялту (летом 1947 г.), а потом в Прибалтику – в Майори (летом 1948 г.). Я помню, как глубоко переживал я потерю папы, как привыкал к новой, совсем другой жизни в его отсутствии. И должен с честью сказать, что в эти непростые годы я очень привязался к маме, мы жили дружно, постоянно заботились друг о друге, и мой постепенный переход от ребёнка к юноше прошёл в окружении мамы и безболезненно, и счастливо.

В семейном архиве сохранилась фотография нас с мамой в Ялте, куда мы приехали по курсовке, которую нам дали после кончины

1947 год. Володя с мамой в Ялте на отдыхе

папы. Все мои последующие годы совместных путешествий с мамой больше не было, о чём я сейчас, спустя много лет, искренне сожалею.

Школьные годы перед университетом. В школе я учился хорошо, хотя и не был круглым отличником. В семейном архиве сохранилась Похвальная грамота «За отличные успехи и примерное поведение» (на ней, как и полагалось в то время, были изображены портреты В.И. Ленина и И.В. Сталина), которую я получил 12 июня 1947 г в восьмом классе школы № 7.

Летом 1949 года я побывал в эстрадном театре в саду «Эрмитаж», где в те годы в летние сезоны проходили гастроли самого популярного тогда Ленинградского эстрадного театра под руководством Аркадия Райкина. Как правило, эти выступления состояли из двух отделений, и в первом был целый спектакль с главным героем в исполнении Аркадия Райкина, а во втором отделении шёл эстрадный концерт с отдельными номерами, большинство которых тоже были с участием Аркадия Райкина. В те годы это был самый любимый и популярный эстрадный коллектив, а Райкина знала вся страна. Обычно в Москве он выступал в летнее время на эстраде в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького или в эстрадном театре в саду «Эрмитаж».

Но вот подошли к концу мои школьные годы. Пришло время выбирать дальнейший путь своей жизни. Всё последнее время учёбы в школе я думал о лингвистике и литературе и считал, что будущее моё на этом пути. Но отдыхая с мамой летом после девятого класса на Рижском взморье я встретил Женю Зингера, тогда уже студента географического факультета МГУ, пришедшего в университет после службы в полярном флоте. Он интересно и образно рассказывал мне об учёбе на геофаке, и эти рассказы проникли глубоко в меня, так что когда пришло время выбирать свой дальнейший путь, у меня сомнений не было – только геофак!

Правда, по окончании десятого класса в 1949 г. случилась неожиданная загвоздка. Главным на выпускных экзаменах в те годы было сочинение, и я хорошо помню, что помимо свободной темы (что-то на стихи Маяковского) была и такая: «Пути развития критического реализма в русской литературе XIX века». Никто в нашем классе не решился писать такое сочинение, а я обрадовался, и как сейчас помню, сидел за партой с десяти до пяти часов и написал сочинение длиной почти в две ученические тетради. Сочинение моё произвело большое впечатление на нашу учительницу литературы Татьяну Родионовну и директора школы Мирзаханову, и его отправили в районо как выдающееся. В результате этого действия я в течение двух недель не мог получить своего аттестата об окончании школы и заслуженную мною серебряную медаль. Кроме математики (т.е. алгебры, геометрии и тригонометрии) у меня были пятёрки, и это давало право на серебряную медаль. Помню, что эти дни ожидания я проводил в приёмной комиссии геофака МГУ, где все сочувствовали мне в эти тягостные дни. И наконец, когда я – гордый и радостный – появился со школьным аттестатом и медалью, меня после небольшого формального собеседования быстро зачислили в студенты геофака.

Учёба в Московском университете (1949–1954 гг.)

Итак, началась моя новая, студенческая жизнь. Мне был выдан студенческий билет № 49056 (ректором МГУ в те годы был академик А.Н. Несмеянов). Пять лет студенческой жизни были чудесными и исключительно интересными. За всю свою долгую жизнь я ни разу не пожалел о своём юношеском выборе. Уже в самом начале учёбы на первом курсе географического факультета меня увлекла географиче-

ская карта земного шара и я стал и самостоятельно и под влиянием моих первых преподавателей изучать её, выписывая в специально заведённую тетрадь список географических названий мира. Эта тетрадь сохранилась до сих пор под названием «Географический инвентарь» студента 2-й группы I курса географического факультета МГУ. На 34 страницах первого раздела «Морская сеть» я кропотливо выписал названия проливов, заливов, островов, полуостровов и мысов на карте всех океанов земного шара. Затем для каждого из материков я рисовал схемы речной сети крупнейших рек с перечислением названий всех рек с притоками третьего и четвёртого порядков. Второй раздел был посвящён рельефу каждого из материков; здесь я старательно перечислил горные системы с их внутренним строением, впадины и некоторые ландшафтные области. Ещё одной темой, сохранившейся в этой тетраде, было описание структурно-морфологического деления Западной Европы и частично Северной Америки. Судя по виду сохранившейся тетради, всё это я делал с огромным удовольствием и прилежанием. К счастью, эта тетрадь сохранилась, и я впоследствии передал её в музей Штаб-квартиры РГО в Москве.

Моя связь с Русским географическим обществом началась вскоре после завершения моей учёбы на геофаке МГУ. Второй съезд РГО проходил в новом здании Московского университета в 1955 г. и я входил в команду по обслуживанию этого съезда. Всю последующую жизнь я был тесно связан с Географическим обществом, избирался членом руководства Московским филиалом РГО и в 2000 г. был избран Почётным президентом Русского географического общества.

Вспоминая и изучая жизнь своих предков, я вижу, что среди них были в основном крестьяне, учителя и текстильщики, а я неожиданно стал географом, т.е. пошёл совсем по другому, своему пути. И это был очень удачный для меня выбор – я «окунулся» в природу нашей планеты и стал по существу путешественником, объездившим и изучившим все континенты Земли. В фокусе моего внимания оказались обе полярные области земного шара и высокогорные ледники Кавказа и Памира. Толчок к такому направлению исследований я безусловно получил на географическом факультете МГУ.

Уровень преподавания на геофаке в те годы был очень высок. Деканом факультета был К.К. Марков, уже на склоне лет избранный академиком. В нём изумительно сочетался талант, дерзание и широкий кругозор исследователя, способности организатора науки, мастерство

педагога и воспитателя молодого поколения географов, искусство преподавателя и популяризатора географических знаний. Он закончил в середине 20-х годов географический факультет Ленинградского университета, позже провёл обширные исследования на северо-западе Русской равнины и в высокогорье Памира.

Нам К.К. Марков читал курс палеогеографии: в это время он как раз завершил работу над монографией «Палеогеография». Мне пришлось лично ему сдавать экзамен по этому курсу; видимо, на него произвёл впечатление мой рассказ, после ответа он достал ещё пахнувший типографской краской экземпляр своей книги и подарил его мне с надписью «На память о выдающемся ответе».

Первые два года мы учились в старом здании МГУ, в самом центре Москвы, в глубине двора за американским посольством. В тесных коридорах, на лестничных площадках, в немногочисленных аудиториях – увлечённая молодёжь и довольно молодые преподаватели, много фронтовиков, ещё донашивающих свою военную одежду. Добирался я от дома на Якиманке до геофака МГУ на 14-м троллейбусе или пешком через Каменный мост. Но уже с нашего пятого курса геофак переехал в новое здание Московского университета и разместился на нескольких верхних этажах главного здания МГУ, заняв аудитории и кабинеты с 17 по 22 этаж.

Учёба на географическом факультете МГУ была необыкновенно интересной. Лекции читали известные географы тех лет – профессора И.С. Щукин, К.К. Марков, К.А. Салищев. Николай Андреевич Гвоздецкий, тогдашний заведующий кафедрой физической географии СССР, был руководителем всех моих курсовых и дипломной работы. С ним меня связывали и многие послеуниверситетские годы. Среди преподавателей факультета было много выдающихся профессоров: климатолог Б.П. Алисов, почвовед Ю.А. Ливеровский, гидролог Е.В. Близняк, экономико-географ Н.Н. Баранский. Последний был чрезвычайно колоритной фигурой. Видный большевик, соратник В.И. Ленина, он был основателем районного направления в экономической географии, автором учебника средней школы, по которому училось целое поколение советских школьников. На лекциях он был простодушен и грубоват, нередко его откровенные высказывания заставляли краснеть наших девочек, только-только переступивших порог университета. Речь его была очень образной и не слишком приглаженной: «Земля, ребята, – это не обмылок» – говорил он о разнообразии живой природы.

Мой близкий приятель Шлейме (Моня) Львович Абрамович

Океанологию преподавал Н.Н. Зубов, в прошлом член белого правительства в Сибири. Об адмирале А.В. Колчаке он говорил очень осторожно. Выходило, что Колчак как бы между другими военными делами занимался гидрологией в полярных морях. А ведь он был выдающийся учёный. Лишь потом нам стали известны его открытия в географии полярных стран. И это был настоящий патриот России, ставивший целью создать демократическую, не монархическую страну.

На первом курсе самым трудным предметом в то время была геодезия: много новых понятий, не очень простых инструментов, сложных тригонометрических формул. Предмет этот читал уже в летах профессор П.В. Дензин. Далеко не всё понимали мы в его лекциях, многое приходилось принимать на слово. Но пришла экзаменационная сессия, профессор был строг, и посыпались тройки и даже двойки. Однако мне он неожиданно быстро поставил редкую оценку «хорошо», спросив: «А Вы случайно не из деревни Котляково?» И узнав, что это недалеко от родины моего отца, добавил: «А я там в юности ставил тригонометрический знак. Так давайте Вашу зачётку».

Постепенно обретались друзья, и у нас сложился дружеский кружок сокурсников: Ира Козловская, Наташа Жукова, Женя Гуртовая, Ким Лосев, Серёжа Шлихтер, Шлейман Львович Абрамович. Моня был немного старше нас. Он поступил на геофак как участник войны, и ему, окончившему школу уже несколько лет назад, на первых порах учиться было значительно труднее. И буквально весь курс дружески пришёл на помощь: ему давали подробные записи лекций, что-то непонятное объясняли. Внешне Моня походил на усатого кавказца, видимо, сказывалось, что в детстве он жил в Азербайджане.

С Наташей Жуковой, которая после замужества стала носить фамилию Дрейер, прошла значительная часть моей жизни в отделе гляциологии Института географии РАН – вместе с ней мы руководили большим коллективом (300 человек!), работавшим над «Атласом снежно-ледовых ресурсов мира», и вместе мы получили за этот труд в 1991 году «Государственную премию России» первой степени.

Среди моих друзей был ещё один фронтовик – Миша Гросвальд. Он пришёл к нам на второй курс и с большим увлечением постигал геоморфологию. За плечами было несколько лет служения в армии и увлечение эсперанто. Но в то несвободное время под негласным запретом находился и этот искусственный международный язык, и у Миши в армии было немало неприятностей из-за этого его увлечения. Впоследствии жизнь крепко связала меня со всеми упомянутыми здесь друзьями.

В студенческие годы меня начала преследовать язвенная болезнь желудка, возникшая ещё в школьные годы. В восьмом классе я начал ощущать боли в животе и бывало, что придя из школы я долго лежал на диване утихомиривая боль. На втором курсе университета боли в животе нередко возобновлялись, и я обратился к врачу.

В начале апреля (первое письмо от 6.04.1951) я впервые попал в больницу на Большой Пироговской с признаками язвенной болезни. Меня долго и подробно исследовали, лежал я в палате на 20 больных с самыми разными болезнями; палата на втором этаже с тремя большими окнами, кроме врачей регулярно бывают студенты-медики (эта больница служит базой 2-го медицинского института). Мой лечащий врач – Нина Алексеевна Макарова, а консультант – профессор Виноградов – сын академика Виноградова – лечащего врача Сталина. Меня обследовали в связи с язвой желудка, диетическая еда по схеме: яйца, молоко, масло, каша. Через маму передаю привет бабушке, тёте Оле, тёте Саше, соседям по квартире. Врачи нашли язву и небольшую нишу в желудке.

В больнице меня навещали две моих сокурсницы – Ира Козловская и Женя Гуртовая. Помню, как соседи по палате гадали – какая из навещавших меня девушек была просто знакомой, а какая – невестой. Из больницы выхожу в хорошем состоянии, но язвенная болезнь в организме, конечно, остаётся. И это определит во многом следующий «ход» моей жизни.

Очень яркой частью образовательного процесса были летние практики на просторах Советского Союза. Это было незабываемое

время: я вошёл в интересную жизнь, обогатился множеством друзей и соратников и приобрёл замечательную специальность географа-исследователя. Четыре академических практики позволили побывать в замечательных местах нашей большой страны: на северном склоне Кавказа, в Крыму, в Дальневосточной уссурийской тайге и на Ангаре и Енисее в Восточной Сибири. Эти четыре летних сезона оставили яркие впечатления, сохранившиеся на всю мою жизнь. Попробую кратко нарисовать здесь наиболее яркие страницы наших практик, используя записи в альбомах, созданных мною ещё в те студенческие годы.

Первая академическая практика

Часть 1. В Сочи. Итак, лето 1950 года, мы едем на академическую практику в горы Западного Кавказа, недалеко от Черноморского побережья и Сочи. После долгих мытарств с деньгами, всю сумму которых (а она не маленькая – 18000 рублей) не хотели давать, мы всё-таки получили третью часть их, что, по скромным подсчётам Евгении Николаевны Лукашевой, нашего руководителя, должно было хватить нам для нашей скитальческой жизни. Удовольствовавшись этой очень скромной суммой (большого ждать не приходилось), мы достали билеты на поезд № 23 скорый Москва–Сочи, который, отличаясь весьма скромной ценой билетов (193 рубля в один конец) и будучи нам по карману, был в то же время очень удобным и уютным.

Посадка в поезд носила обычный характер. Долго не могли все собраться, собравшись – не могли долго пройти на перрон, а пройдя туда – не могли долго сесть в поезд, так как он всё не подходил и не подходил. Наконец, сели, простились с Москвой, и поехали. Всё постепенно вошло в свою колею, и хотя было уже 2 часа ночи, никто не спал: устраивались.

Ехали на юг мы группой в 26 человек, а между собой объединились в небольшие группы; наша группа – 8 человек: Сергей Шлихтер, Ким Лосев, Моня Абрамович, Ира Козловская, Наташа Жукова, Женя Гуртовая, Галя Мосолова и я. Мы разместились в двух купе. В тот вечер, вернее ночь, заснули все мы очень поздно, часа в четыре. Тем не менее, утром в 9 часов все были уже на ногах. Ходили умываться на вокзал города Орла, пока стоял поезд. Затем ехали, пели, разговаривали, стояла хорошая погода. К вечеру этого дня проехали Харьков, ночью должны были проезжать Донбасс. Я всю ночь не спал, любо-

вался на сверкающие, освещённые заводы Горловки, Константиновки, Краматорска. А утром другого дня умывались мы с Кимом уже в Ростове. Переехав Дон, выехали мы на Кубань, пейзаж стал монотонным, делать стало нечего. Комсорг практики – Женя Гуртовая, староста – я, назначенный ответственным редактором стенгазеты Сергей Шлихтер решили выпустить стенгазету, работа закипела, к вечеру был готов № 1, называвшийся «В дороге».

К вечеру на станции Белореченской проводили нашу вторую группу – группу белореченцев, которые должны были пройти пешком от Гузерипля через Кавказский хребет к Дагомысу, а оттуда в Сочи, где должны были встретиться с нами. Ночью опять я не спал, во-первых, потому, что дежурил по вагону, а во-вторых, потому, что поезд переезжал Кавказский хребет, было очень интересно: ночью выехали к морю, четыре часа ехали мимо него и в 6 часов утра, точно по расписанию, поезд прибыл в Сочи.

Я с Евгенией Николаевной пошёл договариваться насчёт нашего жилья, мы пошли в городской дом пионеров, но было ещё рано и пока мы прогуливались по проспекту Сталина – центральной улице г. Сочи. Наконец, всё устроено, и мы стали жить в этом доме пионеров. В первый же день стали осматривать город: всё необычно и даже сказочно – в центре улицы растут кипарисы, пальмы, огромное количество скверов, а в них сказочной красоты цветы. Погода стояла превосходная, солнце светило вовсю, было очень жарко.

Наш дом пионеров находился недалеко от центра города на проспекте Сталина, дальше был мост, а за мостом городской театр, куда мы пошли всей группой вечером. Шли, разговаривали, а Евгения Николаевна рассказывала нам о Сочи, о его природе, о наших дальнейших планах. Легли спать, полные впечатлений, долго не могли устроиться на новом месте. Спали мы на террасе дома пионеров, в одной стороне наша первая бригада, а в другой – вторая бригада. Долго я не мог заснуть, думал о том, что будет с нами дальше, куда мы попадём, что увидим. Ночь была очень тёплой, спать было жёстко, непривычно прямо на полу террасы.

На другой день все встали в 8 часов, решили делать зарядку. Проводила её Женя Епифанова, чемпион университета по конькам, метанию ядра и метанию диска. После зарядки пошли кушать, каждый кушал, что хотел; было несколько вариантов: можно было купить помидоров и доесть уже дающую о себе знать польскую колбасу, остав-

шуюся от дороги, или сходить на рынок и купить молока, которое здесь исключительно жирное и вкусное, и также чрезвычайно дешёвое (2 р. 25 к. литр). Можно было пойти в молочное кафе, где дёшево и вкусно; наконец, возможно истратить кругленькую сумму, пойдя в кафе «На подъёме» или в мясное заведение. Мы решили пить молоко, и с этого дня начался, как выразился Серёжа, «молочный кошмар». Мы сперва поели кизила, затем выпили чуть ли ни по литру молока с хлебом, а потом заедали всё это дешёвыми сливами.

Наконец, накушавшись, пошли туда, куда уже сутки рвались, но никак не могли попасть: на пляж. Когда мы пришли, там было ужасно много народу, погода прекрасная, море спокойное и ласковое. Все сейчас же бросились в воду. Вода была очень тёплая, всем доставило большое удовольствие брызгаться у берега; девочки и Моня учились плавать, а Сергей, Евгения Николаевна и Женя Гуртовая поплыли далеко от берега, вернулись усталые, но довольные. С собой принесли мяч и резвились у берега с ним. Серёжа Шлихтер здесь же на берегу заставлял писать заметки, с большой неохотой, но всё-таки писали. Другие лежали загорали и несколько человек успели сгореть, вечером Евгения Николаевна чем-то их мазала.

Вдоволь накупавшись и порядочно подгорев вернулись домой в дом пионеров, покушали «колбаской» и стали отдыхать. Часов в 7 вечера Серёжа пришёл из горкома со свежими новостями и делал политинформацию, все сидели и с интересом слушали. А в 8 часов вечера уже стало темнеть. Все разошлись погулять, кто в Ривьерский парк, кто в кино, а кто и просто по городу. Утомонились все только часам к 11. На другой день предстояла экскурсия в краеведческий музей.

На другой день, покушав опять молочка (Сергей пока ещё терпел), мы двинулись в краеведческий музей, где увидели много интересно. Всем экскурсия в музей понравилась, а к вечеру собрались в доме пионеров, делились впечатлениями о первой экскурсии. Вечером погода несколько изменилась, на небе появились облака, море зашумело. Вчетвером – Ким, Сергей, Моня и я отправились на пляж, посмотреть на волнующееся море. Волнение достигало 3–4 баллов, на берегу было пустынно. Раздевшись мы подошли к воде, но первая же волна так окатила Моньку, что тот перевернулся и побежал к берегу; затем, освоившись, мы втроём (Моня, Ким и я) вошли в волны и катались в них; волны были очень высокие и сильные, они относили нас далеко к берегу, а потом, наоборот, относили в море. Прибой был на берегу

шириной в 10–12 метров. Непокойное море – редкость для Сочи в этом месяце. Мы были довольны, что увидели это. Сергей сидел в это время на берегу в трусах и с фотоаппаратом и снимал виды волнующегося моря и волнующуюся по этому поводу публику.

Вот уже четвёртый день живём мы в Сочи. С утра покушали молочка (Серёжа всё ещё терпел) и пошли в дом-музей Островского. Во второй половине дня мы совершили ещё более интересную экскурсию – в Сочинский ботанический сад – дендрарий. Ходили там долго – три часа с лишним. Видели много интересного: всякие виды тропических и субтропических растений, пальмы, кипарисы, сосны, ели, лавры, тисы, плакучая ель, плакучая ива, самшит, железное дерево, удельный вес которого больше удельного веса воды, и если его положить на воду, то оно утонет. В саду нам показывали гигантские пальмы – вашингтонии, вечнозелёные эвкалипты. Рассказывал нам о всех обитателях Дендрария экскурсовод; к назначенному времени – 4 часам он опоздал и нам пришлось его довольно долго ждать. Рассказывал он довольно скучно, но тем не менее нам понравилось. Пришли к Дому пионеров, а здесь нас ждала Евгения Николаевна (она не ходила с нами, плохо себя чувствовала). Она своими рассказами пояснила непонятное и дополнила экскурсовода. Вечером кушать пошли в городское кафе. Дорого, зато вкусно. Пока не наступила наша походная жизнь с «супокашей» и чаем, каждому хотелось покушать вкусно, к тому же у всех ещё были деньги. Поздно вечером захотели пить и пошли пить лимонад, замечательный сочинский лимонад, «лучше которого в Москве не найти». Пили долго и много, пришли в дом пионеров поздно вечером, ещё не скоро утомонились. Но наконец заснули.

Встали с утра пораньше, покушали запасами продуктов, оставшихся ещё с дороги. Колбаса была «с душком», но мы всё равно съели, благо было много помидор и они были дешёвыми. Но сколько в это утро не ели (а ели много – ведь неизвестно, как, когда и где мы пообедаем теперь), всё равно еда ещё осталась; видно, каждая мама дала в дорогу продуктов так, чтобы её сын или дочь ели сами, да ещё чтоб на всю компанию хватило. В общем, нам приходилось радоваться этому несмотря на подозрительный вид московской колбасы – мы по крайней мере на обед, а частенько и на ужин ничего кроме помидор и хлеба не покупали, и значит денежки останутся на другие дела. Да, мы уже начинали подумывать насчёт того чтобы остаться. После завтрака пошли на пристань, там нас ждал уже заказанный с вечера нашим

завхозом Монеи катер, на котором мы и поехали в Хосту. В это время в порту Сочи стояла «Россия», огромная и величественная; наш катерок развернулся совсем рядом с ней, и мы увидели её рядом с собой. Серёжа попытался её сфотографировать, но у него засветили плёнку.

Между тем мы уже выехали на водный простор и понеслись вдоль побережья. А на берегу красовались великолепные санатории и дома отдыха. Вот санаторий «Правда», вот санаторий имени Орджоникидзе, здравница угольщиков, а вот и прекрасный ворошиловский санаторий. Через 20 минут в воздухе пронёсся запах сероводорода – мы проезжали мимо Мацесты, огромный красивый мост построен через Мацесту.

А вот наконец и Хоста. Сошли с катера и сразу направились в тиссо-самшитовую рощу. Она находится в двух километрах от моря и является частью Кавказского государственного заповедника. Шли по пыльной каменистой дороге, жара стояла невероятная. Хотя было всего десять часов утра, солнце стояло уже высоко, а на небе ни облачка. И с радостью мы вошли в тиссо-самшитовую рощу, во многие уголки которой солнце вообще не заглядывает, здесь сыро, но очень приятно. В роще полусумрачно и просто сказочно, с деревьев спускается зеленоватый мох и кажется, что деревья бородаты, а посмотришь издали – впечатление, как будто бы ты находишься на дне подводного царства. Все деревья перевиты лианами, некоторые из них толщиной с руку, стоят 500-летние буки и 1000-летние тиссы. Ступени в роще сделаны из красного дерева. С нами шла женщина-экскурсовод, увлекательно и интересно рассказавшая о роще и вообще обо всём сочинском регионе, о его настоящем и прошлом. Некоторые интересные вещи рассказала и наша Евгения Николаевна.

Проходили мы в Сочи довольно долго, несмотря на плотный завтрак успели проголодаться, а потому сразу пошли в Хосте искать место, где можно пообедать. Хотели (в последний раз) покушать в ресторане, но там оказалась дикая пропасть народа. И почему курортники такие прожорливые? Мы вынуждены были идти искать кушать по всей Хосте и набрали на молочное кафе. Все очень обрадовались (Серёжа всё ещё терпел, но было видно, что скоро он не выдержит). Попили кофе с молоком и пошли на давно жданный пляж. Попали мы туда в третьем часу, но даже после обеда там было много народу. Мы расположились на пляже, кушали алычу, которую сорвали прямо с дерева, которое росло на нашей дороге от рощи к Хосте. На пляже мы были до самого вечера, а уже когда стало темнеть, сели на катер и

поехали обратно. Ехали шумно, пели песни, у Кима с головы слетела шляпа и утонула. Море начинало волноваться, нас качало.

Вечером ходили гулять по городу, заходили на почту, спрашивали письма, но их ещё не было. Видно, в Сочи теперь они уж и не придут, ведь послезавтра уже уезжать. Евгения Николаевна уже договорилась насчёт автобуса, обещали дать нам в ТЭУ (туристско-экскурсионное управление) открытую машину. На следующий день (последний день жизни в Сочи) ни на какие экскурсии не пошли, а решили отдохнуть. Утром покушали в молочном кафе (Серёжа начал подниматься до активного протеста), пошли на пляж. Был хороший день, мы прокупились до обеда, а после обеда отдохнули во дворе дома пионеров, играли в волейбол, потом стали собираться к отъезду, упаковывали рюкзаки. В 6 часов пришла Евгения Николаевна и стала рассказывать нам о предстоящей завтра поездке: где мы будем ехать, что увидим, рассказала о географии и геологии района, по которому мы будем ехать.

Девочки в первый раз надели брюки, в дальнейшем ставшей их обыденной постоянной одеждой. До сих пор они ходили в платицах, брюки сначала были очень непривычны. К вечеру собрались и пошли в последний раз пройти по городу. Сегодня последний день июля, завтра новый месяц и новые впечатления. Зашли в кафе «Мясо», в последний раз решили вкусно (бог с ним, что дорого) покушать. Сидели долго, а вышли, по дороге стали пить сочинскую воду. Наконец, пришли с дом пионеров, долго укладывались спать, наконец, уснули, ведь завтра вставать рано, в 6 часов надо выехать из Сочи, чтобы к полудню быть в Красной Поляне и к вечеру устроиться как следует.

Часть 2. Красная Поляна. Наступило 1 августа. Встали рано, в шесть. Наскоро покушали кое-какой запасённой сухомяткой и ещё (!) оставшимися московскими продуктами и стали собираться. Наконец, всё было готово, мы сели на вещи и стали ждать машину. Нам обещали одну открытую, но вместо неё вскоре приехали два закрытых автобуса. Это, конечно, хуже, чем открытые, но ничего – лишь бы скорее уехать. Разместились в автобусах побригадно – мы во второй автобус. Поехали.

Сначала ехали по прекрасному широкому проспекту Сталина. После Мацесты началось Сухумское шоссе, по сторонам стояли прекрасные санатории. Мы поднимались всё выше, на водораздельный хребет между реками Мацеста и Хоста. Вот мы и на вершине этого хребтика, сзади нас Мацеста, а впереди Хоста, вот уже видно здание санатория

энергетиков, последний крутой поворот на 180°, и мы спускаемся в долину Хосты. Вот выехали на территорию посёлка, переехали по мосту через речку и стали подниматься на противоположный склон, проехали турбазу, через сто шагов остановились, мы вышли из машины на воздух, отдохнуть и оглядеться. А оглядевшись, увидели, что внизу, под дорогой сад фруктовый и крайние деревья совсем рядом с автобусом. Несколько человек спустились вниз и потрясли яблоню. Несколько штук сразу упало. Сначала осторожно, потом всё смелее и смелее начали собирать яблоки и приносить к автобусу, скоро набрали два ведра, сумели скушать и по несколько слив, но с собой взять не удалось. Тут пришёл шофёр, покачал головой и мы поехали. Итак, у нас в запасе есть два ведра яблок, которые мы кушали всю дорогу. Яблоки, уже почти созревшие, кушали с удовольствием. Теперь мы мечтали о богатом и дешёвом базаре в Адлере.

Между тем мы тронулись дальше и уже поднимались на следующий водораздельный хребтик между реками Хоста и Кудепста, перевалили его и проехали около устья Кудепсты, здесь расположены огромные парники. Через 2 км очень невысокий хребтик, и мы выехали на широкую и ровную адлерскую равнину. Здесь горы далеко (километров на 4–6) отступают от моря и образуется довольно широкая прибрежная равнинная полоса. Здесь возможно широкое развитие сельского хозяйства. Адлер и является сельскохозяйственным районом, снабжающим продуктами всё Черноморское побережье. Цены на рынке здесь значительно дешевле, чем в Сочи, ибо здесь нет прожорливых курортников.

Мы уже стали серьёзно подумывать насчёт того, чтобы остаться здесь после конца практики, не знали только, где жить? Может быть лучше в Адлере. Море есть, пляж хороший, цены недорогие (сейчас узнаем – какие), только «культуры» нет. Ну да это даже лучше, больше будем отдыхать и меньше денег истратим. Въехали в Адлер – огромный посёлок, здесь сделали большую остановку. Пошли на базар. Цены оказались в 2–3 раза дешевле, чем в Сочи. Мы очень обрадовались и покушали разных фруктов: винограда, персиков. Кроме того, купили помидоров, капусты и лука, чтобы сварить по приезду в Красную Поляну суп – хотелось подольше оттянуть «удовольствие» есть всё время супо-кашу.

Теперь мы уезжаем от моря, но впереди ждали нас новые впечатления. Вот проехали адлерский аэродром, огромную деревню Мол-

даванку, стали подниматься в горы. А вот и первое ущелье, ещё небольшое. Впереди уже вырисовывается огромный хребет Ахцу, через который нам надлежит переехать. А внизу ревёт и клокочет горная река Мзымта. Едем мимо селения Голицыно, начинаем подниматься на хребет Ахцу, всё ближе и ближе ущелье, всё уже и уже становится пространство между горами. Справа от шоссе пропасть, а слева – отвесная стена. Скоро и ущелье Ахцу. В первом ущелье удалось провести дорогу наверху, по хребту. Теперь этого сделать уже нельзя, пришлось проложить тоннель. Около тоннеля мы остановились и Евгения Николаевна рассказала нам много интересного из истории этого места. Сначала рабочие хотели пробить карниз в стене и провести по нему шоссе, но это оказалось задачей невыполнимой. Тогда и сделали тоннель. Постройка была чрезвычайно трудной, много рабочих при этом погибло. Погибшим поставлен у въезда в тоннель памятник. А в конце недостроенного тоннеля и сейчас видно воткнутый лом и подойти к этому месту невозможно.

Мы вышли из автобуса, ходили по тоннелю около памятника. Вниз взглянуть – голова кружится. Прямо под тобой, метров на сто внизу шумит, бьётся в тесном ущелье Мзымта. Сфотографировались мы здесь, посмотрели на ущелье, на всю его величественность и красоту. Поехали дальше по долине Мзымты, в неё всё больше стало впадать притоков. В месте впадения маленькой речки в Мзымту долина расширялась, и здесь располагалось какое-либо селение. Очень много пасек. В центре селения находится небольшой заводик. Вот проехали лесопильный завод, вот колхициновый завод и опять лесопильный. Всё шире и шире становится долина: подъезжаем к Красной Поляне. Проехали Краснополянскую ГЭС, питающую током и Сочинский и Адлерский районы. Дальше вдоль дороги пошли трубы, в которых текла вода к электростанции. А вот и место впадения реки Бешенки в Мзымту – отсюда начинается Красная Поляна. Теперь мы уже едем по посёлку – с обеих сторон дома. Проехали всё селение и на окраине его въехали во двор турбазы.

Разобрав конвейером вещи, мы стали их носить на место нашего будущего жилища. Начиналась походная жизнь, с сегодняшнего дня стали дежурить у костра. От нашей бригады были назначены Ира, Наташа и я. Я развёл костёр и девочки решили сварить щи из продуктов, купленных в Адлере. В это время все остальные принялись устраивать наше житьё-бытьё. Ребята пошли в лесок на склоне горы, чтобы при-

нести оттуда палки для установки палаток и для дров. Девочки пошли за папоротником для настила в палатку и разбирали вещи. Площадка, где мы должны были поставить палатки и жить, представляла собой ровную, чуть-чуть покатыю площадку с огромным вековым дубом посередине. Этот дуб давал большую тень, поэтому в жаркий день мы всегда под ним обедали.

Пока мы готовили обед и варили вкусные щи, ребята уже поставили палатки, а девочки наносили в них папоротника. Все собрались и покушали, щи все очень хвалили. После обеда принялись продолжать прерванную на время обеда работу. Вдруг внезапно потемнело и хлынул сильный дождь. Он был проливным, а вещи мы перетаскать в палатку не успели. Мы их наспех покрыли всеми имевшимися у нас плащами, а сами укрылись в уже поставленной палатке. Дождь шёл долго и сильно и разбил все наши планы. Тем не менее наши дежурные сумели приготовить нам ужин. Завтра будут уже дежурить другие.

После ужина (а это было часов в восемь) мы пошли на турбазу в туристический кабинет, где Евгения Николаевна рассказала нам о Красной Поляне, что нам придётся здесь делать. Завтра мы пойдём в управление южного отдела Кавказского государственного заповедника, чтобы послушать там рассказ о ботанике заповедника; затем сходим на экскурсию на Краснополянскую ГЭС и, наконец, в конце нашей жизни в Красной Поляне мы совершим тренировочный поход на метеорологическую станцию на вершине Ачишхо.

После собрания мы пришли устраиваться на новом месте. Разговаривали долго, не могли заснуть. Проснулись на другой день поздно, в палатках было жарко и душно. Евгения Николаевна специально не разбудила нас рано, так как предполагала в этот день ничего научного не делать. Позавтракали часов в 10, сегодня дежурили в нашей группе Галя, Женья и Ким. Они впервые приготовили нам супокашу. С сегодняшнего дня мы перешли на походное питание. Нам стали давать в день по 10 кусков сахара. Норма! После завтрака многие пошли на Мзымту. День сегодня солнечный, жаркий. На реке очень хорошо. Вода прозрачная и холодная, течёт она настолько быстро, что трудно идти по дну (а вообще река довольно мелкая). Девочки искупались, потом постирали бельё (и себе, и мальчикам), оставались на реке до самого обеда.

Между тем мы с Сергеем пошли по Красной Поляне, осматривать её и заходить по делам. Прошли мимо базара: базарчик небольшой,

но дешёвый – яблоки 1 кг – 2 руб., груши – 3 руб., сливы – 3 руб., мёд – 12 руб. Купили мы яблок и пошли дальше. Впрочем, скоро мы увидели, что яблок здесь сколько угодно и при должном усердии совсем нетрудно достать их бесплатно. Следующим нашим объектом была почта. Я показал список, и мне дали все письма, пришедшие на имена членов нашей группы. Пока их было немного, всего шесть. В дальнейшем мы с Серёжей сделали почтальонами и приносили с каждым днём всё больше и больше писем. Затем мы зашли в дирекцию ГЭС и договорились о том, что наша экскурсия на станцию состоится в воскресенье 4 августа, то есть послезавтра.

На обратном пути, идя по центральной улице, мы набрали на чайхану. Решили зайти туда. Заведение весьма чистенькое, но там, правда, почти ничего нет. Нам очень хотелось кушать и пить, но обед нас уже, вероятно, ждал дома и мы решили не тратить зря денег, а просто выпили морса, приятного и кислого. Когда пришли мы к палаткам, обед был уже готов, мы с удовольствием покушали (на этот раз была гречневая каша), выпили чайку и устроили послеобеденный отдых. А вечером пошли мы всей группой на танцплощадку, там было весело, много народу. Танцевали, пели песни, потом походили по совершенно тёмным аллеям и легли спать.

На другой день с утра каждый должен был уже заниматься своим делом, распределили темы отчётов. У меня была тема: «Физико-географическое описание участка пути от цирка Бзерп до лагеря Холодный». Мне было ещё нечего делать, так как всё это ещё предстоит впереди. Мы с Сергеем опять отправились в Красную Поляну за письмами и газетами. Окончательно договорились насчёт экскурсии на ГЭС. Завтра с утра пойдём. На обратном пути зашли опять в чайхану и выпили по 100 грамм виноградного вина изабелла.

Когда пришли к палаткам, там была работа в разгаре. Все как раз пришли со своих наблюдений и рассказывали результаты Евгении Николаевне. Только обед прервал дела. После обеда полежали немного, а потом пошли погулять. В горах темнеет очень быстро. Было около 8 часов, как внезапно стало темновато. Мы решили пойти в чайхану всей группой, выпили там морсу и пошли обратно, на пути стояла развесистая яблоня, даже несколько. И вот можно было видеть интересную картину: кругом темнота хоть глаз выколи, Серёжа светит карманным фонариком, Монька палкой сшибает яблоки, а мы все стоим внизу и подбираем упавшие плоды. Евгения Николаевна

стоит в стороне, но нас не ругает. Мы собрали много яблок, все они оказались очень вкусными. Особенно всё это понравилось Моньке, и все остальные дни он куда бы не шёл брал всегда с собой палку, чтобы при каждом удобном случае посшибать яблоки или груши, а по вечерам перед сном брал себе в кампанию ещё 2–3 девочек и шёл на промысел. В этот же вечер он сходил ещё раз к тому же саду и перед самым сном принёс нам ещё по яблоку.

Легли поздно, а с утра 4 августа стали собираться на экскурсию на ГЭС. Наскоро покушали, и первая группа (в основном 2 бригада) отправилась осматривать станцию. Мы должны были отправиться туда же к 12 часам. Не спеша собравшись в половине 12-го, в самую жару, мы вышли. Пошли не спеша, думали, что близко. Но вот идём полчаса, вот уже 45 минут, а ГЭС всё ещё нет. Наконец, встречаем нашу первую подгруппу, которая уже возвращается, а вскоре увидели и Евгению Николаевну. Я получил от неё взбучку за опоздание.

Пошли дальше и через километр после встречи пришли мы и на станцию. Нас сопровождал главный инженер станции и работник охраны. Сама станция нам очень понравилась. Она совершенно автоматизирована и управляется огромным пультом. Всего обслуживающего персонала на станции 10–15 человек. Она снабжает электроэнергией весь Сочинский и весь Адлерский районы, причём мощность станции гораздо больше, чем потребляется. А ещё только $\frac{3}{4}$ станции построено. В дальнейшем планируется эту энергию, которая необычайно дешева, использовать на электрифицированном участке железной дороги от Армавира до Сочи и даже южнее. ГЭС нам очень понравилась. Мы пришли к обеду с массой впечатлений.

Спать легли рано, часов в 9, даже не пошли на танцы. Ведь завтра нам с утра пораньше в поход, первый, тренировочный, но уже достаточно трудный – поход на Ачишхо. Нам надо пройти 10 км, но не просто пройти, а подняться на высоту больше 2000 метров. С вечера отложили продукты, которые решили взять с собой. Все они вошли в один рюкзак. Договорились нести по очереди мальчишки. Заснули.

Встали в 5 часов утра и по холодку пошли. Через Красную Поляну прошли, через ровные поля и ступили в тенистые греческие сады. Когда-то очень давно здесь жили греки, которые насадили много садов (яблони, груши, алыча, сливы). Затем греков отсюда выселили, и сады постепенно запускались. Сейчас мы шли через полудикие фруктовые деревья. Вот кончились и эти фруктовые сады, начался подь-

ём. Перед подъёмом сделали первую довольно длительную остановку. Затем проходили по буковому лесу, шли гуськом, ребята сзади, Евгения Николаевна впереди. Шли долго, часа два, поднялись на тысячу с лишним метров. Лес стал редеть, буки из огромных толстых деревьев превратились в стелющиеся, низкорослые.

Лес кончился, мы поднялись выше его границы. На довольно плоской площадке лежал огромный камень. Это было место нашего второго большого привала. Отдохнув, мы двинулись, и хотя нам осталось подняться всего на 200–300 метров, это оказалось весьма трудным делом. Как впоследствии выяснилось, мы потеряли тропинку и вынуждены были подниматься в лоб. Уклон горы составлял градусов 45–60. Подниматься было очень трудно. Нужно было иметь по крайней мере три точки опоры. Приходилось ползти так, что держаться двумя руками и одной ногой, а другую ногу переставлять. Порою было довольно страшно, потому что под нами откос метров на 300 вниз. Если сорвёшься, то в живых до низа, где начинается лес, не долетишь.

Несколько раз под ногами вперед идущих обрывались камни и несколько раз ударили по задним. Наконец, последнее усилие, вершина вот она рядом. Но до неё самая трудная частичка: всего метров 20, но пройти это надо, держась за кусты хилых стелющихся берёз. Кажется, что вот-вот ветви этих берёз оборвутся. У многих было такое впечатление: вот доберёмся до острого гребня, сядем верхом на него, и одна нога будет на одном склоне, а другая – на другом. Каково же было наше удивление и радость, когда мы увидели перед собой обширную, даже лучше сказать большую ровную площадку, а посреди неё, в углублении было небольшое прозрачное озерцо. Вдалеке на пригорке стояла метеорологическая станция – цель нашего путешествия. На площадке росли рододендроны, в общем было очень уютно и красиво.

Евгения Николаевна показала нам окрестные горы и рассказала о них. Сергей фотографировал панораму с вершины Ачишхо. Осмотрели, зарисовали и отправились отдохнуть. Вода в озере прозрачная и холодная. Погода была превосходная, что на вершине Ачишхо бывает очень редко. Евгения Николаевна рассказала нам, что хребет Ачишхо является первым от берега моря и поэтому все облака, идущие с моря, выливаются дождём на вершину Ачишхо. А сегодня, как в сказке, не было ни одного облачка, даже жарко. Видимость была превосходная, с большого и малого крутозоров Ачишхо было видно по меньшей мере

километров на 50–60. Мы прекрасно видели вершины Фишт и Оштен, расположенные на самом северо-западном конце Кавказского хребта. А с другой стороны видна была узкая бледно-голубая полоска моря.

Наглядевшись вдоволь, мы сели в тенёк под кусты и покушали. Мы взяли с собой несколько банок судака в томате и две буханки хлеба. Всё это мы быстро съели и пошли пить воду на озеро. После этого немного отдохнули; отдых длился несколько часов, и в половине пятого мы начали собираться. Но не все вдруг собрались, и только в пять часов мы сумели выйти с вершины и вступили в лиственный лес. Здесь начался очень крутой спуск, так что приходилось прямо ехать на ногах, тормозя сбоку палкой. Бежали так вниз мы долго, очень устали, потом болели ноги. Но вот наконец плоская площадка. Здесь мы решили отдохнуть: все легли, а ноги поставили кверху. В таком положении пролежали с полчаса, а затем двинулись дальше.

Позже, с удовольствием мы узнали, что путь, по которому мы лезли последние 300 метров на Ачишхо, является тропинкой, но такой, по которой ходят только очень опытные туристы и работники метеостанции, да и то зимой. Обратно шли мы по другой тропинке, прошли мимо нескольких высокогорных озёр и вступили в лиственный лес. Здесь начался очень крутой спуск, так что приходилось прямо ехать на ногах, тормозя сбоку палкой. Бежали так вниз мы долго, очень устали, и болели ноги. Но вот неожиданно плоская площадка. Здесь мы решили отдохнуть. Все легли, а ноги поставили кверху. В таком положении пролежали с полчаса, а затем двинулись дальше. Прошли ещё с полчаса и вышли на очень ровную большую площадку. Встретили пастуха; он нам сказал, что рядом находится молочная ферма, где можем выпить молока. Мы отправились на эту ферму, но молока там не оказалось. Серёжа рассматривал этот первый экономгеографический объект – ведь у него тема «Экономика Красной Поляны и её района». Посмотрев на милых высокогорных коровок, мы двинулись дальше, шли долго, опускались всё ниже и ниже, но выйти никуда не могли. Между тем начинало темнеть – мы видимо опять заблудились. Проплутали долго, вернулись к палаткам уже совсем в темноте, но все были довольны.

На другой день отдыхали, днём ходили на Мзымту, стирали, а вечером собрались в туристическом уголке, Евгения Николаевна рассказывала о предстоящем походе. Всё дело было в лошадях. Лошадь – основа перехода через горы, только на ней можно поместить вьюки с нашими вещами. А сейчас август – страдная пора, лошадей достать

негде. Ким с Монькой отправились в окрестные колхозы, чтобы попросить там лошадей. Нам и нужно то всего четыре лошади (у нас 300 кг вещей), но и такую малость достать чрезвычайно трудно.

После двух дней мытарств удалось, наконец, достать двух лошадей – одну в кавказском гос. заповеднике, а другую – в греческом колхозе «Красная поляна». При первой (старая лошадь, белая, но очень умная) – проводником к нам послан вежливый и хороший эстонец, при второй (коричневая и очень непослушная) проводник – молодой парень грек. Кроме этих двух лошадей ничего достать уже невозможно. И Евгения Николаевна приняла смелое решение – разбить нашу группу на две подгруппы и одну послать завтра, другую – при первой оказии. Евгения Николаевна пойдёт со второй группой, а меня посылают с первой. Спать легли поздно.

Часть 3. В горах Кавказа. На другое утро встали все очень рано и те, кто должны были идти в поход, и те кто провожал. Собравшись, уложили вещи, навьючили лошадей, встали, спели марш географов и пошли. Через два часа были мы уже у сланцевого рудника, отдохнули там с полчаса и пошли дальше. Начался подъём, довольно крутой, шли около часа и на так называемой Луковой поляне отдохнули и закусили тухленьким плавленым сыром. Потом пошли, шли по пихтовому лесу и в час дня пришли на пихтовую поляну и здесь решили заночевать. Покушали, поиграли в домино и легли спать. Всю ночь горел костёр и было много мышей. Я лежал рядом со съестными припасами и по мне они всю ночь бегали. В общем, было весело. Встали рано, чтобы до полдня (до жары) пройти значительное расстояние. Часам к трём мы пришли в лагерь Холодный. Не обошлось и без приключений. Был у нас такой – Израилев. Когда мы отдыхали на предпоследнем привале у «медвежьих ворот», он пошёл наверх, в гору, погулять и сказал, что нас догонит. Мы тронулись в путь, шли уже долго, дошли до цирка Бзерп, а его всё не было. Наконец, через полчаса, пока мы сидели и ждали его, очень беспокоясь, вдруг на вершине соседней горы показывается человеческая фигура. Мы долго кричали, пока он услышал, а минут через 30 он, наконец, спустился к нам. Все мы на него очень разозлились.

Пока мы сидели в цирке Бзерп мы видели довольно много диких животных (ведь здесь заповедник). На вершине горы, где только что стоял Израилев, теперь показались 8 козлов, вот они выстроились в ряд, долго смотрели по сторонам, потом видимо увидели нас,

потому что бросились большими прыжками от нас в сторону. На противоположном склоне цирка Бзерп появилась в это время группа туров – пять штук. Они шли медленно гуськом по тропе на склоне. Затем подойдя к какому-то месту, остановились. Проводник – эстонец, наблюдатель заповедника (такая должность), рассказал нам, что животным для питания нужна соль, и вот в том месте, где животные остановились, находится солонец. Туры стояли спокойно и кушали, но вот первый, вероятно старший среди них, заметил нас, и они как-то тяжело, неуклюже бросились бежать обратно по тропинке. После этого последнего отдыха двинулись дальше. Погода стояла превосходная, мы шли по так называемой троговой долине, т.е. долине, имеющей форму корыта. Такое «корыто» проделано ледником, тёкшим когда-то из цирка Бзерп. Часам к трём мы пришли в Холодный.

Между тем наша вторая подгруппа, в которую входила почти вся 1-я подгруппа (бригада), кроме меня и ещё двух девочек и двух мальчиков из 2-й бригады (Ряшин и Хонкариан) осталась в Красной Поляне ждать – не подвернётся ли оказия в виде лошадей. А так как сама оказия редко подворачивается, было решено послать Кима и Моньку продолжать разыскивать двух необходимых нам лошадей. По подсчётам Евгении Николаевны, вторая группа должна была вслед нам только дня через два. Но в день нашего ухода совершенно неожиданно вечером Моньке с Кимом удалось договориться насчёт двух лошадей в Сланцевом руднике (в 7 км от Красной Поляны) и на другое утро можно было идти.

Чтобы поскорее быть в Холодном, Евгения Николаевна решила выйти с вечера в Сланцевый рудник и там заночевать. До Сланцевого рудника доехали на машине (туда ещё есть шоссе). Ночевали там в школе, а утром пошли дальше, поднимаясь буковым лесом вверх. Монька с Кимом остались с лошадьми, помогать греку Володе, который пошёл с лошадьми проводником. Ещё с час ушло на навьючивание лошадей, и вот наши на двух лошадях. Грек Володя, Моня и Ким, двинулись вслед ушедшей группе, нагнать группу удалось нескоро.

Шли через буковый, потом пихтовый лес. Буковый лес сухой, но сумрачный. В одном месте сделали вынужденную остановку, так как напали на кавказскую чернику. На вкус она пожалуй даже хуже нашей, но достоинство её заключается в том, что высотой она не как наша (маленькие кустики), а как огромные кусты, выше человеческого роста. Так что собирать её было очень удобно.

Тронулись дальше, теперь шли по пихтовому лесу, стало сыро, под ногами лужи, в некоторых местах тропа превращается в грязь. Вот прошли знаменитую пихтовую поляну, где ночевала первая группа (мы) и оставила в балагане для другой группы записку, здесь ещё теплились угольки от нашего костра. Дорога совсем ровная, почти без подъёма. Но вот лес стал редеть, прошли два блиндажа, стало светлее, одновременно с этим начался очень крутой подъём, последний. Лес кончился совсем и пошли по субальпике, огромная, с человеческий рост трава и множество цветов.

Вот кажется и конец подъёма. Здесь нагнали группу. Место это называется кругозором «медвежьих ворот». Отсюда действительно вокруг открываются прекрасные виды, и даже видно Красную Поляну. Решили лошадей не развьючивать, так как недолго осталось идти до центральной остановки – в цирке Бзерп. И лошади тронулись, уйдя впереди группы. Сейчас предстояла самая трудная часть пути: каменистая осыпь с очень крутой, почти отвесной стеной с одной стороны и такой же пропастью с другой. Но и эта часть пути пройдена благополучно. Теперь отдохнуть в цирке Бзерп и дальше не спеша по долине, почти горизонтально, даже немного вниз. Вот вошли в цирк – это громадное углубление, ниша в горах с почти отвесными стенками. Отсюда когда-то тёк ледник, а сейчас здесь начинается река, крутая, горная. У устья этой речки – чистого, прохладного и прозрачного ключа решили сделать привал и подождать группу. Скоро они пришли, все заметно устали – ведь идут с самого утра и всё время подъём. Моня с Кимом ждать всю группу не стали и вместе с лошадьми и греком Володей пошли вперёд, вниз по долине.

А мы, т.е. первая группа, ничего не подозревая, отдыхали и устраивались на новом месте. Ботаники разбирали гербарии, я с Израилевым ставил палатку, девочки пошли за папоротником. Когда всё это сделали, легли в палатке отдохнуть. И вдруг, как снег на голову, Монька с Кимом и с лошадьми. Мы все очень обрадовались, и я пошёл встречать их. Всё кругом было ново и интересно. Ира взяла первый геологический образец, ботаники клали в свои гербарии новые ещё неизвестные растения, гидрологи смотрели на реку вниз, осматривали места своих будущих работ. А внизу, на самом дне долины зарождалась река, которая называется Пслух. Она текла по дну долины, но вдруг резко под прямым углом свернула вправо и началось отвесное, глубокое, совершенно дикое ущелье Пслуха. Это нам показалось

странным: как это река вместо того, чтобы течь вниз по долине прямо, вдруг свернула в сторону. Но Евгения Николаевна очень просто объяснила: в географии это явление носит название перехвата рек. Вообще в течение всей дороги Евгения Николаевна рассказывала о ботанике, геологии, географии тех мест, где мы проходили. А шли мы по широкой троговой долине. Эту долину проделал очень давно ледник, который тёк из цирка Бзерп, вниз, где таял.

Мы впервые увидели при солнце – солнце жарком, августовском – снег, который лежал на склоне долины. Это так называемый цирк МГУ – так его назвала первая группа Евгении Николаевны в 1948 году. Тогда Евгения Николаевна впервые со студентами-географами I курса прошла этот путь. Этому цирку названия не было, решили назвать его цирком МГУ. В этом районе есть «вершина географа», «пик геоморфологов», названные так студентами-практикантами и Ю.К. Ефремовым.

Пошли дальше, постоянно наш путь перерезали ручейки, стекавшие с гор и впадавшие в реку Уруштен, приток притока Кубани. Тем временем подошли мы к горе Миномётной. Это огромная глыба, здесь проходила линия, дальше которой немцы на юг пройти не смогли. На этой горе стояли наши миномёты, преградившие немцам путь. Прошли очень густые кусты и берёзки, спустились вниз, перешли речку Холодную и стали взбираться на холм, где стоит лагерь Холодный. Я встретил группу у Миномётной, вошли торжественно в лагерь и не смотря на усталость спели по традиции «марш географов».

Покушав после прихода, стали устраиваться на ночлег. В первую ночь спали все в одной палатке – теснота была ужасная. Шутка ли: палатка нормальная вмещает 5–6 человек, а нас было 26. Спали в два ряда (по 12 человек в ряд), да двое – Евгения Николаевна и Серёжа – легли поперёк между рядами. Спали спокойно, но было холодно: всего пять градусов тепла, с ледника дул холодный ветер. Утром было очень холодно, но потом пригрело солнце и стало очень жарко. У Иры после 25-километрового перехода разболелась нога (она её растянула ещё в Красновидово), не могла даже встать, и Евгения Николаевна делала ей какой-то компресс.

Мы покушали и решили заниматься в этот день организационными делами. Почти всей группой пошли на заготовку дров: пришлось лезть высоко в гору. Пока нашли подходящие дрова, прошло с полчаса и мы поднялись на 200 м вверх. Придумали способ транспортировки большого количества дров вниз: стали скидывать их всё ниже и ниже,

пока наконец ни докидали их до подножья. Другая группа в это время рубила целые пихты и приносила их в лагерь, там ветви обрубали для настила в блиндаж, в котором часть наших тоже решила жить, а стволы шли в костёр.

Вдруг мы видим, как в лагерь входят шесть туристов-мужчин, среди них один мальчик. Мы сначала были очень недовольны, но потом выяснилось, что они очень хорошие люди. Не задерживаясь, они оставили мальчика разбивать палатку, а сами пошли на ледник. Пришли они часа через 3–4, усталые, но очень довольные, покушали и разговорились с нами. Оказывается, это «дикие туристы», т.е. они организовывались сами и совершают большой переход через весь Кавказский заповедник от Гузерипля до Красной Поляны. В Гузерипле они видели нашу вторую группу (ту, которая ехала с нами в одном вагоне); говорят, что группа сейчас идёт пешком на Дагомыс, а вещи и двое мальчиков едут на машине.

Вечером, когда совсем стемнело, развели большой костёр и сели вокруг него. Спать не хотелось. Стали рассказывать про себя туристам, а те рассказывали нам о себе. Мы спели им свои географические песни «О Дон-Кихоте», «Крамамбули» и другие. Тогда один из них тоже спел песню. Она нам очень понравилась, мы её выучили и стали петь. Называется она «В дорогу» и поётся на мотив Розамунды. Легли спать поздно, заснули хорошо. Нам было не очень холодно, хотя с ледника тянуло холодным ветерком.

Когда мы встали, туристов уже не было – они ушли. Мы тоже быстро покушали и пошли на экскурсию вниз по долине р. Уруштен. Шли сначала среди высоких цветов и травы субальпики, тропа шла всё время около ручья или даже по ручью, в других местах через пышно разросшую траву, цветы и лопухи пройти не было никакой возможности. Зонтики дудника, который у нас под Москвой достигает высоту 20–30 см, здесь достигали 3 м и были выше роста человека. Мы шли по склону долины Уруштена, но самой реки не видели, так как она отделялась от нас лесом из кривых маленьких берёзок. Сбоку, со склона то и дело стекали ручейки и дальше впадали в Уруштен. Один из них около тропинки образовал красивый, ступенчатый водопад. Мы провели здесь с полчаса, взбираясь до самого верха, карабкаясь по зелёным скользким камням, Серёжа нас фотографировал.

Пошли дальше, вдруг лесок по берегу кончился и мы увидели Уруштен. Здесь долина расширялась и склоны выполаживались. Сам

Уруштен здесь был уже довольно значительной горной рекой. Место очень красивое, Монька с Женей Епифановой спустились к реке и сели на камень посреди неё: Женя проводила гидрологические наблюдения, а Моня просто сидел. Потом пошли дальше. Стало заметно, как долина постепенно сужается, склоны становятся круче, потоку стало тесно в узкой долине, он тёк быстро и ревел. Скоро стало видно настоящее ущелье с отвесными стенками, поток в нём klokотал и перетаскивал большие камни.

Пройдя это ущелье, мы опять вошли в лесок и здесь напали сначала на дикуую малину, а затем на дикуую красную смородину. Пришлось сделать вынужденную остановку: все разбрелись по кустам и кушали ягоды. Наевшись (а это продолжалось минут 20–30), двинулись дальше, к цели нашего путешествия – лавине. Эта лавина ежегодно зимой срывается с окрестных крутых склонов и падает в долину, где и остаётся. Весной, летом и осенью она тает, но вся стаять не успевает. Когда мы её увидели, она представляла собой мост из снега над Уруштенем. Внизу, под ней текла река, а сверху снег сделался тёмным, грязным. С лавины в реку всё время капала вода – она таяла. Мы постояли, полюбовались, одна из девочек потихоньку полезла вниз к лавине и долезла до неё, но ступить на лавину не решилась.

Решили пройти немного дальше, но тут же путь нам преградило такое нагромождение поломанных деревьев, что мы остановились. Отчего такая картина, мы так и не знаем, но предположили, что это проделала либо лавина, либо война (ведь здесь когда-то были немцы). В этом месте теперь леса не было, а вся поляна заросла малиной. Здесь мы обкушались ею, да ещё набрали с собой – для тех, кто с нами не ходил. После того как погуляли на этой поляне, пошли обратно, той же дорогой, шли не спеша, останавливаясь в интересных местах: у лавины, у водопада. Покушали, стали ждать шесть человек из нашей группы, которые пошли наверх, на хребет Холодный, расположенный около лагеря. Часа в 3 дня вдруг на самом гребне появилось 6 маленьких фигурок, мы долго им кричали, пока они нас услышали. Тогда они быстро стали спускаться и через полчаса были в лагере. Мы поделились впечатлениями.

Часов в 5 вдруг наше спокойствие было нарушено приходом группы туристов из Красной Поляны. Вёл их Женя – хороший парень, студент IV курса геофака педагогического института Москвы. В группе было человек 40. Пришли они, и сразу стало шумно. Они стали

ставить палатки, у них маленькие, гималайки, на три человека. Начали разводить костёр, пользовались дровами, запасёнными нами, но обещали на другой день принести. В их группе человек 15 мужчин, остальные женщины. Питались они не вроде нас: у них было с собой сгущённое молоко в огромных банках и они варили манную кашу, вместо сухарей (которые были у нас) они принесли с собой буханки белого хлеба.

Пока приготовили обед и покушали – совсем стало темно. Сели вокруг костра, и как и в прошлый раз, стали рассказывать о себе и петь песни. Мы спели свои географические, один из них спел песню, которая нам очень понравилась. Легли спать, довольные проведённым днём. А на другой день погода стала портиться – по долине пошли облака, стало заметно холоднее. Но дождя ещё не было. Решили сегодня совершить вторую большую экскурсию, на хребет Дзитаку, который виднелся на том берегу Уруштена. На хребте было очень интересно, хотя холодно и облака были очень низко и мешали видеть окрестности. Нам очень понравилось. Вечером после прихода с хребта опять хотели посидеть у костра, но стал накрапывать дождик, пришлось идти в палатку и ложиться спать.

Когда проснулись наутро, картина была плачевная. Всю ночь шёл дождь, не прекратился он и на утро, палатка вся намочка и к ней нельзя было прикоснуться, так как в месте прикосновения сейчас же начинала капать вода. Ноги были сырые, так как они упирались в край палатки. Кроме того, было очень холодно, а поскольку ещё и мокро, то почувствовали мы себя тоскливо и поневоле вспомнили позавчерашнюю песню. Пришло время кушать. Дежурным сегодняшним пришлось довольно плохо. Всюду было мокро, дрова мокрые, костёр никак не разжигался, наконец, загорелся, стали варить кашу, и единственный раз за всю нашу кавказскую жизнь каша пригорела.

А дождь всё лил и лил, не то чтобы сильно, но очень надоедливо. Причём было непонятно, откуда всё-таки идёт дождь, так всё время по долине спускаются облака и окутывают лагерь; мы как в молоке, в 20 шагах ничего не видно. При этом температура сразу же резко понижается, становится всего лишь +5° С. А днём температура выше 7° не поднимается. Холодно, мокро и неприятно. В несколько лучшем положении находятся наши живущие в блиндаже (Евгения Николаевна, Серёжа, Ким, Наташа, Володя Ряшин и Серёжа Хондкариан). Здесь менее сыро, хотя и темновато и пахнет дымом (позавчера и

вчера они окуривали блиндаж). Все шестеро долго спали и проснулись лишь к завтраку.

Зато вот туристам приходится плохо. Они бедные лежат по трое в своих палатках и дрожат от холода и сырости. Среди них был один альпинист-трепач, он пришёл к нам в палатку и часа с четыре проговорил с нами, рассказывая о своих горных похождениях, о технике альпинизма, учил нас завязывать узлы, так как нам придётся сдавать это, чтобы получить значок «турист СССР». Потом пришли наши из блиндажа, мы пели песни, разговаривали с пришедшим к нам в палатку погреться Женей Турбицыным, руководителем группы туристов. Он расспрашивал нас об учёбе, рассказывал сам о своих занятиях, спел знаменитую «Жену».

К вечеру дождь пошёл потише, но нам надо было, чтобы он совсем закончился, так как всё было мокро, сухого ничего не было. Нам надо было сушиться. Наконец, часам к шести, дождь почти совсем прекратился. Я вышел из палатки и попробовал пройти к блиндажу. Пройти-то я прошёл, но вернулся совершенно мокрый, так как пришлось идти через высокую траву. Стали вылезать из своих палаток и туристы. Вдруг кто-то обратил внимание на ледник, весь гребень горы, на которой находится ледник (Псеашхо), был покрыт снегом, выпавшим сегодня вечером и днём. Итак, в горах уже начал выпадать снег и теперь уже так будет продолжаться до самой зимы.

Стемнело. Опять пошёл дождь и всё сильнее и сильнее. Мы успели поужинать, пока было более или менее сухо, а сейчас опять залегли. В эту ночь спал я очень плохо, вернее, совсем не спал, у меня очень болел зуб. Ночью дул ветер, всё время шёл дождь. Было очень холодно. Но к утру дождь прекратился, и даже стало поглядывать солнце. Но это было мгновеньями, потому что то и дело набегали облака и закрывали солнце. Облака спускались по долине с огромной скоростью, облако прямо «бежало».

Туристы готовились к обратному походу. С ними должны были пойти из наших: Моня Абрамович, Эля Степанова, Ира и я. У Иры болела нога. Она в Холодном никуда не ходила – не могла. Здесь её почти всю дорогу несли туристы: Женя Турбицын, Борис, Вадим и Володя. Вот уже команда «По рюкзакам», все туристы тронулись в путь. Почти все наши вместе с Евгенией Николаевной пошли провожать группу туристов. Долго переправлялись через Холодную, так как все мостики и брёвна были унесены разбушевавшейся рекой после дож-

дей. Но вот группа ушла и лагерь опустел. Сразу стало тихо. Завтра, если будет хорошая погода, Евгения Николаевна обещала повести всю группу на ледник. Вернулись с ледника, полные впечатлений. Ледник стал как бы вершиной нашего маршрута. Поход на него был трудный, но всем понравилось. Около ледника нашли рога тура, сброшенные им во время смены рогов. Решили подарить их в музей землеведения в новом здании МГУ. Пришли в лагерь к вечеру – весь поход занял почти целый день. Опять лагерная жизнь – теперь уже последние дни. Завтра еще день в горах, а уже послезавтра обратно. Погода как будто бы установилась. Уже на леднике было тепло, правда к вечеру появились облака и похолодало.

На другое утро вставши стали собираться в обратный путь – ведь завтра рано утром мы должны выйти в поход, чтобы к вечеру уже быть в Красной Поляне. Наши ботаники приводили в порядок гербарий, который стал уже достаточно толстым – за эти дни собрано много интересного. Гидрологи, климатологи приводили в порядок свои наблюдения за окрестными реками – Холодной, Уруштенем, Пслухом. Геоморфологи пошли в последний раз посмотреть на торговую долину Уруштена, на «бараньи лбы», на ледниковую морену и другие геоморфологические интересности.

А в лагере упаковывали рюкзаки. Продукты почти все съели, так что обратно их нести не придётся. Но ведь зато остаётся одеяло с подушкой, личные вещи, вся тяжесть которых падает на плечи шагающих – ведь на обратном пути лошадей не будет. А ещё остаются общественные вещи: палатка, ведра, гербарий, геологические образцы. Всё это тоже нужно донести до Красной Поляны. Так что на мальчиков ляжет много тяжестей. Вечером все легли пораньше, чтобы завтра с новыми силами двинуться в обратный путь.

Встали рано, дежурные с утра приготовили кушать, поели, собрались, сняли и упаковали ведра, палатку, выстроились на площадке лагеря Холодного. Евгения Николаевна пересчитала всех, скомандовала «По рюкзакам!», все быстро надели рюкзаки, простились с лагерем и пошли. Последний раз взглянули на «родной» ледник, на реку Холодную, переправились через неё, вот уж остался позади холм, на котором расположен лагерь Холодный. Впереди – уже знакомый путь из Холодного в Красную Поляну. Идём по корытообразной долине древнего ледника, теперь долине р. Уруштен. Все тяжело нагружены, у каждого – рюкзак, да у многих ещё кое-что из общественных вещей.

Привалы приходится делать часто. Вот уже первый – километрах в четырёх от лагеря, против горы Миноётной, в долине Уруштена. Отдыхали минут тридцать – и пошли дальше. Не спеша поднимались к перевалу Псеашхо. А вот и он, перешли невысокий холмик, а дальше ещё недолго совсем небольшой подъём, почти плоско и цирк Бзерп – теперь уже начнётся всё время спуск и довольно крутой. К вечеру пришли к сланцевому руднику – уже темнело. Быстрым шагом пошли по шоссе к Красной Поляне. Пришли, легли спать – отдыхали после долгого утомительного пути.

На другой день писали отчёты, ходили купаться на Мзымту, а вечером, как и всякие другие туристские группы, мы устроили вечер самодеятельности – всякий делал, что мог. Вышло очень здорово, все остались довольны. Потом устроили танцы – было очень весело. Ночевали на старом, уже прижитом месте. Но разбивать палату не стали – дождей не было, а ночи были тёплые. В Красной Поляне жили ещё два дня. В основном время уходило на обработку полевых материалов и на написание отчётов. 18 августа был день рождения Евгении Николаевны – всей группой мы его тождественно отметили. Купили в чайхане хорошего вина – и все перед отъездом распили.

Часть 4. Последние десять дней в Сочи. На другое утро на машине поехали обратно в Сочи. Ехали, пели песни. Все радовались – ведь ехали к морю, практика кончилась, начинался отдых. Всем хотелось отдохнуть, покупаться, покушать фруктов. В общем, все были рады и веселы. Вот мы и в Сочи. Практика окончена!

Теперь каждый волен делать то, что он хочет. Большинство группы решило остаться на побережье отдохнуть. Нам выдали оставшиеся государственные деньги – на человека получилось примерно по 250 рублей, так что жить было на что. Теперь стоял вопрос – как и где устроиться жить, как питаться. Сначала у нашей восьмёрки (Наташа, Женя, Галя, Ира, Сергей, Моня, Ким и я) был такой план: поехать в Адлер и там устроиться жить – ведь там дешевле и квартира и еда, а пляж даже лучше. Но потом как-то, даже не знаю почему, все остались в Сочи и мы стали искать квартиру здесь. Моня и Галя пошли искать дом для нашего ночлега, зашли куда-то на Виноградную гору, долго лезли по грязи куда-то вверх и нашли квартиру за 300 рублей. А когда они вернулись с этим известием – уже был найден другой, очень хороший выход: остались мы жить на террасе, благо это ничего не стоило, а готовить взялась нам тётя Ира, живущая здесь, в доме пионеров.

И потекла наша жизнь, наш отдых. Первые трое из нашей группы уезжали 22 августа. Мы пошли их провожать – поезд уходил в два часа ночи. В эту ночь на море вдруг поднялась буря – начался шторм. Всю ночь шёл дождь как из ведра – настоящий тропический ливень. Мы прошли десять шагов – и промокли до нитки, по улице вместо асфальта текла буквально река. А сверху всё льётся и льётся сплошная завеса из дождя. Но проводили, пришли, переоделись во всё сухое и заснули.

Серёжа эти дни с нами не жил. Они с Евгенией Николаевной устроились в санатории где-то по дороге к Мацесте. Но приходили с нами купаться. Купались мы на детском пляже у Ривьеры, на нашем старом месте. Погода стояла очень хорошая, вода тёплая, народу много. Питание мы устроили так – завтракали в молочном кафе (Серёжа радовался, что утром может не ходить с нами туда – молочный кошмар для него кончился). В обед кушали в доме пионеров – варила нам тётя Ира: на первое украинский борщ, а на второе – картошка с мясом в обильной вкусной подливке. На третье и вечером мы кушали компот из свежих фруктов, которые приносил каждый день Моня с базара на 10 рублей (яблоки, персики, сливы и груши).

Так мы и жили эти несколько дней – отдыхали. Однажды лежим мы на пляже – вдруг приходит Евгения Николаевна и предлагает завтра ехать по побережью с заездом на озеро Рицу. Нам давно хотелось совершить такую поездку и несмотря на то, что дорого (106 рублей), мы все с удовольствием согласились. Поехали мы утром в воскресенье, мы занимали целую машину – открытый автобус. Проехали Хосту, Адлер, уже знакомые нам места. А затем въехали в пределы Грузии. От Гагр дорога свернула на Рицу. Ехали по прекрасно асфальтированной дороге вдоль большой горной реки Бзыби. Проезжали чайные плантации, прекрасные пешеходные мостики через реку. Вдоль Бзыби ехали довольно долго, но вот ущелье начало сжиматься, и мы въехали в боковое ущелье – в долину притока Бзыби, реки Юпшары. Стены ущелья стали ещё круче, а в некоторых местах – почти отвесные. Дорога поднималась всё выше, всё больше делала петлей.

Но вот прямо у дороги так называемое Голубое озеро – озеро огромной глубины, провального происхождения. Здесь же маленький ресторанчик – наша машина остановилась, мы вышли отдохнуть. Пошли погулять на озеро – всем очень понравилось. Затем поехали дальше – остался небольшой участок, но самый крутой – дорога отошла от реки и начался подъём в гору зигзагами. Так продолжалось

минут двадцать – вот и Рица. Большая автостанция – очень много машин. Народа на Рице тоже очень много. Мы вышли из машины, пошли к озеру. Красиво здесь, просто изумительно. Ничего до сих пор подобного не видели. Большое красивое здание гостиницы стоит в начале озера, недалеко от неё пристань, а по озеру разъезжают моторные катера. Вода изумительной красоты, такая изумрудно-зелёная и кажется бездонной.

Мы посмотрели на озеро от начала его, а затем решили пойти вдоль него по шоссе. Шоссе это первоклассное, широкое, асфальтированное, со стороны гор подпёртое стенкой, со стороны озера установлен барьер. Шоссе вдоль озера и само озеро тянутся километра на полтора, на два. Мы решили пройти до конца. Вдоль шоссе растут огромные ели и лиственные деревья, а сквозь их ветви и листву видно озеро, на поверхности которого носятся быстроходные катера. Мы шли дальше. В одном месте Ким выбрал громадную ель, залез на неё и решил снять оттуда, с высоты Рицу и нашу группу. Кажется, снял. Пошли дальше – погода стояла не такая уж хорошая – низко над озером появились тучи, но не сплошные – иногда просвечивало солнце и тогда становилось светло и радостно, а вода становилась изумрудной. Мы жалели, что не было у нас с собой цветной плёнки.

Пробыли мы на берегу озера около трёх часов – всем очень понравилось. Сфотографировались группой на камнях у озера, пошли не спеша к машине. Там нас уже ждали – несколько человек не ходило вдоль озера. Решили покушать в машине – выдали каждому по кусочку колбасы, по одному плавленому сыру. Все с удовольствием кушали, запивали водой.

Обратный путь ехали весело, пели песни. Подсел какой-то майор, который всю дорогу усиленно снимал окрестные пейзажи. С Рицы приехали в Гагры, решили осмотреть их. Бродили по прекрасному гагринскому парку. Ведь Гагры – самое тёплое место на Кавказском побережье. И здесь несмотря на прошлогоднюю ужасную зиму сохранились и совершенно не помёрзли пальмы. Гагры нам очень понравились, экскурсовод рассказал об их прошлом, видели мы красивую гагринскую гостиницу, развалины старой крепости.

Долго гуляли мы в этом прекрасном парке, потом пошли на пляж купаться. По дороге проходили мимо гагринской турбазы – все как-то невольно обратили внимание, всем стало близко слово «турбаза». Море было тихое, спокойное, ласковое, все моментально полезли ку-

паться. Долго полоскались в воде, потом быстро собрались, сели в машину и поехали дальше, к Сухуми. Дорога проходила берегом моря, иногда море скрывалось за прибрежными холмами, а мы видели поля, виноградники, которых здесь очень много. Горы в этом месте отходят от моря, освобождая место плодородной равнине, на которой развито земледелие и виноградарство, много фруктовых садов.

Параллельно нам шла железная дорога, недавно построенная здесь. На шоссе попадалось много машин. Наша открытая машина шла быстро. Скоро проехали мы Гудауты, там не остановились, но посмотреть местечко успели, нам очень понравилось. Между тем начало темнеть, дело близилось к вечеру. В Новый Афон мы приехали уже когда на улицах зажглись фонари. Посмотреть всю красоту его мы, конечно, не сумели и решили это сделать на обратном пути. Отдохнув здесь, в Афоне, 20 минут, поехали дальше. До Сухуми оставалось 20 км. Нам не терпелось поскорее увидеть этот город – цель нашего путешествия, и мы очень жалели, что приезжаем сюда вечером. Но...

Въехали мы в город уже затемно, было часов 10. Проехали по всему ночному освещённому изумительно красивому городу. Зрелище сказочное: южный город, освещённые улицы, растут пальмы, красивые светлые здания, масса гуляющей публики. Мы ехали на турбазу, которая расположена на другом конце города. Едем через весь город – сначала центральные оживлённые улицы города, затем всё глуше и глуше, наконец, выехали на гору, где стоит турбаза. А здесь тоже звуки музыки – наверху, на террасе танцы. Мы наскоро привели себя в порядок и пошли наверх, на танцы. Там играл оркестр из грузин, было много народу, туристов, местных. Нам очень понравилось, танцевали до конца вечера. Потом, когда все ушли, мы здесь же, на этой террасе легли спать.

Хорошо спать на свежем воздухе. Утром проснулись рано. Машина нас уже ждала, чтобы ехать по городу. В последний раз взглянули мы на турбазу, так хорошо приютившую нас в эту ночь, посмотрели на весь город с холма турбазы и поехали, вернее попытались, но вдруг сломалась машина, долго её чинили. Первое, куда мы заехали, был сухумский базар. Мы о нём уже много слышали. И действительно, базар превосходный, громадный, богатый и дешёвый – что ещё надо? Цены втрое дешевле, чем в Сочи. В среднем цена почти всех фруктов, включая виноград и персики, 2–3 рубля килограмм. Накупили мы очень много, и это был единственный, кажется, раз, когда мы до того наелись фруктов, что не могли уже на них смотреть, а кушали вместо фруктов семечки.

Купили мы две бутылки кахетинского, оно здесь дешёвое, чтобы отметить день рождения Иры, который будет 30 августа. Долго бродили мы по базару, наконец пресытились, сели в машину и поехали в обезьянний питомник. Здесь нашли экскурсовода, который повёл нас по всему питомнику, показывая обезьян. Почему-то не разрешили обезьян фотографировать. По окончании экскурсии мы написали отзыв в книгу и отправились дальше по городу. Днём город выглядел ещё красивее, чем накануне вечером, на улицах много народу. Заехали в краеведческий музей, а потом приехали на набережную и пошли на мол, чтобы посмотреть оттуда, т.е. с моря, на город. Наконец, обошли весь город и тронулись в обратный путь. Уехали мы из Сухума в 1 час дня, а через час были уже в Новом Афоне, здесь поднялись на машине выше, к знаменитому Новоафонскому монастырю. Обошли со всех сторон монастырь, побывали и внутри – огромное величественное здание используется теперь как дом отдыха. Поехали дальше, недалеко от Гагр искупались. Приехали в Сочи поздно вечером, в городе зажглись фонари, было очень красиво.

На другой день продолжалась наша жизнь в Сочи – купались и просто отдыхали. Моня начал подумывать о билетах на обратную дорогу. А мы вечером ходили гулять в город, ночевали здесь же, на террасе дома пионеров. Наконец, билеты были у нас на руках, поезд уходил 1 сентября. А сегодня 30 августа, мы должны отметить день рождения Иры, купили вина, печенья, сварили фруктовый компот. Выпили, закусили печеньем, стали пить наш любимый напиток – компот. Все немного захмелели, было весело. Устроили музыку и под неё танцевали. Веселились долго, пока не устали, а на другое утро отправились на базар покупать фрукты, чтобы привези их в Москву родным. На базаре было шумно. Прежде всего мы приобрели ящики, купили по 10 кг винограда, груши, 3 кг грецких орехов и 2 кг фундука. Ещё очень хотелось купить дынь и яблок, но это можно сделать по дороге. По базару мы ходили долго, торговались, удалось купить подешевле, потому что мы покупали оптом и помногу. А придя в дом пионеров мы всё купленное разбирали, откладывая слегка гнилые фрукты. Наконец всё было уложено, пришла Евгения Николаевна с Серёжей попрощаться с нами.

Поезд уходил поздно вечером, почти ночью. Перед отъездом мы решили сходить в последний раз в наше любимое кафе «На подъёме». Купили там самое вкусное: блинчики с вареньем и со сметаной, кофе с молоком. Потом пошли к сочинскому театру (вспомнили как ходили

гулять в первый день по приезду в Сочи) и попили замечательной сочинской газированной воды. Но вот уже пора на вокзал. Мы с Мoneй пошли искать машину, чтобы доехать до вокзала. После порядочно потраченного времени нашли наконец автобус, привезли его к дому пионеров, уселись все с вещами и поехали. На вокзал прибыли как раз к началу посадки на поезд. Вагон наш оказался очень хорошим, хотя и не цельнометаллическим (поезд был «бисовский»). Устроились мы хорошо всемером в двух купе. Серёжа остался ещё на восемь дней в Сочи.

Поздно вечером мы поехали. Жаль, что море проезжали ночью, и так же как на пути сюда, его не было видно. Постепенно устроились, крепко заснули, а проснулись уже тогда, когда наш поезд съезжал с северного склона Кавказского хребта. Ну вот и кончился наш первый поход с массой замечательных впечатлений и воспоминаний, впереди новый учебный год, потом снова и снова поездки во все уголки нашей огромной замечательной страны.

Моё письмо маме из Сочи от 1 августа 1950 г. Здравствуй, дорогая мамочка, привет тебе из Сочи. Доехали мы очень хорошо, в вагоне, новом, цельнометаллическом, мы были почти одни; ехало нас 48 человек. В 7 часов вечера на другой день мы были в Харькове, поезд там стоял 40 минут, мы вышли в город и ходили по улицам. Мне Харьков очень понравился. Вторую ночь я лёг поздно, не спал до трёх часов, мы в это время проезжали Донбасс, в Краматорске виделось огромное незабываемое по красоте зрелище – домна, освещённая раскалённым железом и чугуном. Наутро мы были в Ростове, перед которым видели Азовское море. В Ростове мы купили рыбы, как тогда, когда мы ехали с папой из Сочи, она оказалась очень вкусной и недорогой – 5 рублей за три рыбины. Второй день мы ехали по Северному Кавказу, по Кубани, проезжали Белореченскую, Кавказскую, Армавир. До сих пор мы почти ничего не покупали. На Северном Кавказе мы купили два арбуза по 10 руб. каждый, ведро помидор за 20 рублей, яблоки.

В Сочи мы приехали в 8 часов утра, устроились жить в доме пионеров. Нам дали нижнюю веранду большого дома, на которой мы сложили вещи и спим ночью. Устроились мы хорошо, я сплю в самом углу террасы.

Сочи встретил нас дождём и пасмурной погодой, море было очень бурным. Но на другой день установилась типичная для Сочи солнечная погода, на улицах очень жарко, на море тоже. Кушаем мы так: утром покупаем на базаре пять литров молока (мы кушаем вместе

8 человек: Серёжа, Ким, Моня, я, Ира, Галя, Наташа и Женя) и кушаем его с хлебом. В обед и в ужин мы кушаем в кафе. 28 июля мы ходили в краеведческий музей, а вечером в Дендрарий. В Дендрарии мне очень понравилось; очень жалко, что у меня нет фотоаппарата. Все кругом снимают, ведь столько интересного. У нас в группе 5 аппаратов, все очень много снимают.

Ходили мы в домик-музей Островского, очень там интересно. А в воскресенье мы ездили в Хосту. Там мы ходили в тиссо-самшитовую рощу, гуляли по девственному лесу, любовались на огромные тысячелетние деревья. На пляже мы там купались, была прекрасная ясная погода. Туда и обратно ехали на катере, видели по берегам множество санаториев, в Сочи в это время стояли на рейде два огромных теплохода, самый большой в СССР океанский пароход «Россия» и еще «Украина». Вечером, по приезде из Хосты ходили гулять по городу, зашли и в молочное кафе и кушали шоколадное молоко. Очень вкусно.

В Сочи раза три были на базаре. Цены там не очень большие, всего очень много. Персики стоят 8 руб. кило, яблоки и хорошие груши в той же цене. Помидоры от 2 до 5 руб. за кило, огурцов почти нет, сливы – 5 руб., алыча – 1–2 руб. за килограмм, кизил – 3 руб. 50 коп. Появляется первый виноград, он еще зелёный, цена 10 руб. за кило. Ни арбузов, ни дынь пока еще нет, они будут позже.

Мама! Мы сегодня здесь почти все решили остаться пожить после практики. В Сочи мы будем числа до 20 августа, может быть и раньше. Мы хотим пожить здесь до 3 сентября, раньше не уехать. Вопрос, где нам жить. Нам посоветовали быть всё время в Адлере. Здесь тем хорошо, что всё намного дешевле. Фрукты очень дешёвые, да и пляж лучше, чем в Сочи. И народу мало, так что можно будет хорошо отдохнуть. Мы останемся группой в 8 человек, снимем комнату. У меня сейчас осталось 120 рублей. Кроме того, нам дали по 50 рублей на консервы из тех 192 рублей. Так что к концу практики у меня останется 200–250 рублей. Поэтому если сможешь, пришли мне пожалуйста рублей 150–200 в Сочи к 18–19 августа.

Ну, до свидания. Сейчас уезжаем в Красную Поляну. Крепко целую, привет всем.

Моё письмо маме из Красной Поляны от 5 августа 1950 г. Здравствуй, дорогая мамочка. Пишу тебе из Красной Поляны. Сюда мы приехали 1 августа и вот живём уже четвёртый день. Мне Красная Поляна очень понравилась. Ехали мы сюда на автобусе. В 10 часов утра

выехали из Сочи, проехали Хосту, где остановившись около какого-то сада, нарвали 2 ведра яблок, затем Адлер. В Адлере сделали остановку на полчаса, чтобы сходить на рынок и купить поесть, кстати узнали цены, так как там может быть будем жить. Цены на фрукты и овощи здесь в 2 раза дешевле, чем в Сочи. Например, персики, правда не очень спелые, стоят 4 руб. кило. Зато довольно дорогое молоко. Если в Сочи оно стоило 2.25–2.50, то здесь 3–4 рубля литр.

Мы купили в Красной Поляне капусту (50 коп. кило), помидор (2 руб. кило), картофеля, луку, в общем всего для того, чтобы сварить суп. После этого поехали дальше к Красной Поляне. Теперь мы удалялись от моря, въехав в широкую долину горной реки Мзымта. Постепенно дорога поднималась всё выше и выше, кругом по дороге были дикие сады и повсюду горы. Погода стояла не очень хорошая, кругом были облака, которые закрывали окрестные вершины, но дождя не было. Ехали мы три часа и всё это время кругом были горы, покрытые пышной растительностью и всюду бурлила Мзымта. Самое красивое место было посредине, когда довольно широкая (метров 500) долина Мзымты превращается в ущелье, узкое с отвесными стенами. Дорога даже не уместилась на склоне и в этом месте прорублен тоннель, красивый и огромный. Ребята всё время фотографировали, ведь столько кругом интересного. Как жалко, что у меня нет фотоаппарата. Ведь тогда бы осталось столько памяти; кроме всего прочего фото нужны были бы для оформления отчета о нашей практике.

В общем, приехали мы в Красную Поляну в 5 часов, погода была паршивая, пошёл дождь и довольно сильный, мы разбили две палатки и сейчас живём в них. Здесь, в Красной Поляне очень хорошо. Кругом высоченные горы, поросшие лесом и дикими греческими садами. Посёлок большой, раскинулся в широкой долине, в нём есть несколько магазинов, буфетов, чайных, базар. На рынке здесь продаются главным образом яблоки – 2 руб. кило, груши мелкие – 3 руб., сливы – поллитровая банка 2 руб. Молоко здесь очень дорогое – 5 руб. литр.

Погода сейчас стоит превосходная – сплошное солнце, которое переносится легче, чем на берегу моря. Однако солнце здесь сильнее, загорать быстрее.

Вчера ходили в тренировочный поход на близлежащий горный массив Ачишхо. Поднимались до высоты 2100 метров. Сначала шли по пологому подъёму в долине реки Мзымта. Затем начался довольно крутой подъём по тропе в ольховом, а затем в буковом лесу. Наконец,

на высоте 1600 метров мы вышли на субальпийские луга с высокой травой и цветами. Вскоре, когда нам оставалось метров 200–250 до верха, мы потеряли тропу и вынуждены были карабкаться в лоб по склону в 75–80 градусов. Порою было очень страшно и сердце замирало, приходилось висеть только на руках, ухватясь за крепкую траву. Но кое-как забрались и наверху, где отдохнули, мы увидели такую красоту, которую описать совершенно невозможно. Может быть, будут фотографии, тогда приеду расскажу.

Ну до свидания. Завтра мы уходим в горы. Будем там 11 дней. К 19–20 числу в Сочи. Если можешь, вышли, пожалуйста, 200 руб. До свидания, Вова

Моё второе письмо маме из Красной Поляны от 17 августа 1950 г. Здравствуй, дорогая мамочка. Получил два твоих письма, оба в Красной Поляне, одно от 1 августа, другое от 8 августа. Не писал долго, потому что был в горах, никакой почты там нет. В Красной Поляне жили мы 6 дней. За это время совершили тренировочный поход на окрестную вершину Ачишхо, побывали на высоте 2 тысячи метров над уровнем моря, попали в хорошую погоду, мы видели горы, которые лежали от нас на расстоянии около 100 километров. Ребята там много фотографировали, уж очень было красиво.

В очередное воскресенье мы ходили на экскурсию на Краснополянскую гидростанцию, которая снабжает энергией Сочи и весь этот район. Было очень интересно, нас поразила чистота станции, в комнате, где расположен пульт управления, паркетный пол, устланный коврами, стены отделаны орехом, стоят пальмы и различные цветы, мягкие кресла и красивые круглые столики. В общем от этой экскурсии получили массу впечатлений.

Пришло время отправляться в горы, наша группа 26 человек. Вещей у нас около 300 килограмм, тащить на себе всё это в горах конечно невозможно. Поэтому нам нужны были вьючные лошади. А достать их в августе в этом районе почти невозможно – разгар полевых работ. 2 дня промучились прежде чем достали две лошади, а надо четыре. Поэтому наша руководительница решила первую половину группы (12 человек) отправить сперва, а самой остаться в Красной Поляне, чтобы достать еще двух лошадей. Идти впереди группы она назначила меня и мне пришлось двое суток идти впереди и смотреть за остальными. Поход наш продолжался двое суток. Нам предстояло пройти 30 километров и подняться на высоту больше 2000 метров.

В первый день мы вышли в 8 часов утра и шли до половины третьего, сначала по шоссе вдоль реки Мзымта. Так прошли 7 километров, затем после короткой остановки начался очень крутой подъём, который продолжался 3 км, мы на него потратили 1 час 15 мин. Наконец после 5 км довольно пологого подъёма мы вышли на огромную поляну и сделали привал с ночёвкой. Когда мы шли, растительность вокруг нас всё время менялась. Сначала шли мы по лиственному лесу, где росли ольха и дуб, затем с высотой мы вступили в буковый лес, очень светлый, в котором было очень много кавказской черники, которая на вкус немного хуже нашей, но кусты её выше человеческого роста, так что рвать её очень удобно. Наконец, поднявшись ещё выше, мы вступили в хвойный пихтовый лес, где росли огромные, в несколько обхватов, пихты. Здесь то, на пихтовой поляне, на высоте 1500 м над ур. моря мы и заночевали.

На другой день с раннего утра двинулись дальше, нам нужно было пройти ещё 15 километров. сначала поднимались очень круто, на высоте 2000 метров лес кончился и мы вступили в так называемую субальпику – огромные в рост человека травы и красивейшие цветы окружили нас. К 10 часам дня мы попали на перевал (2150 м), где сделали большой привал, отдохнули и пошли дальше. Нам осталось 8 км пути по очень пологому, почти горизонтальному спуску вниз по альпийским лугам. В 12 часов были мы в лагере Холодном, лагере только по названию, потому что ничего кроме площадки там не было. Мы поставили палатку, развели костёр. К вечеру пришла наша вторая половина и мы зажили здесь. Была хорошая погода и мы ходили по окрестностям. Видели лавину, лежавшую над рекой в ущелье в виде моста. Место здесь очень красивое, со всех сторон огромные, на 1 км поднимающиеся горы, очень часто вершины которых покрыты облаками. Прямо же перед лагерем красиво и величественно лежит огромный ледник. Из-под ледника вытекает речка Холодная, которая увеличивается и около лагеря впадает в другую (Уруштен) водопадом высотой в 100 метров.

В общем жили мы там сначала очень хорошо, затем погода начала портиться, и два дня подряд мы сидели под проливным, а иногда морозящим дождём, а если бы ты знала, что значит в горах такой дождь! Кругом облака, иногда спускающиеся так низко, что задевают верхушки деревьев. Температура 5 или 7 градусов тепла. Всё время моросит мелкий дождь, иногда усиливающийся и переходящий буквально в

ливень. Трава огромная и вся намокшая, так что пройти по тропинке нельзя – будешь с ног до головы мокрый. В общем погода неприятная. Палатка наша протекла и было внутри тоже сыро. Мы целый день сидели в палатке и пели. Костёр под дождём разводить тоже было очень трудно, так что нашим дежурным в эти дни пришлось здорово потрудиться. Но дожди через два дня прошли. Мы должны были быть в Холодном до 16 августа или до 17. Но двоим нужно было ехать за ж/д билетами в Сочи, заранее давать заявку, кроме того Ира вывихнула ногу и её тоже нужно было отвезти в Сочи. И вот 13-го меня, Моню, Иру и ещё одну девочку Элю отправили в Красную Поляну, а потом в Сочи. А все остались в горах. Я вообще говоря был рад, потому что в плохую погоду в горах очень плохо.

Нам предстояло снова, теперь уже вниз, пройти 30 км. Там были крепкие ребята, которые 25 км тащили Иру на руках. Шли мы обратно в ужасную погоду. Хорошо хоть, что не было дождя. Если по дороге туда мы всё прекрасно видели, видели на дороге 5 туров, 4 серны, кабана (ведь это заповедник), то на обратном пути мы всё время в горах шли в облаках, которые были настолько густые, что мы не видели ничего дальше 10 метров, шли как в молоке. Но дошли благополучно, еле-еле устроились на машину в Сочи и 15 августа приехали в Сочи, где и ждём наших. Они должны быть в Сочи 18 августа. Живём мы опять, как и в первые дни, на веранде дома пионеров, спим на свежем воздухе, варим кашу, а однажды и щи у одной женщины, живущей в доме пионеров. Несколько раз питались в молочном кафе. Между прочим, это очень выгодно, потому что здесь молочные продукты исключительно вкусные и дешёвые. Бутылочка прекрасного молока 1 р. 45 к., бутылка молока с шоколадом (какао) 2 р. 15 к., ацидофилин и кефир 1 р. 45 к. Наконец, сырок в 100 гр., исключительно вкусный, в Москве я такого никогда не ел, 1 р. 44 к. Накушаться можно вполне за 4 рубля – бутылочку молока, сырок и французскую булочку и маленький (250 гр.) батон. Но на рынке молоко ещё лучше и дешевле. Утром мы идём мимо рынка и покупаем молоко, 1 литр – 2 руб. 25 коп. А вот фруктов мы в Сочи не покупаем, ждём Адлера – там всё дешевле. А в Сочи сейчас фруктов невероятно много. Груши дюшес – от 5 до 8 руб. килограмм, груши «бэре» – 4–5 руб., помидоры – 3 руб., виноград 9–10 руб., арбузы – 2 руб., дыни – 3 руб. килограмм. Есть персики и другие фрукты.

Мы сейчас целыми днями на пляже; море очень хорошее, погода тоже, но очень много народу – прямо давка. Завтра приезжают наши,

мы будем жить в Сочи до 23 августа, пока не уедет первая партия нашей группы. Потом мы думаем уехать в Адлер ввосемьмером: я, Ира, Ким, Серёжа, Моня, Наташа, Галя и Женя. За один день до нашего выезда, 22 августа туда поедут Моня с Кимом, которые снимут нам комнату и устроят все дела, потом приедем и мы. Обратно думаем вернуться числа 3 сентября, билеты заказали на третье, не знаем, что получится; сейчас с билетами очень трудно.

Насчёт денег. Получил посланные тобой 200 рублей, большое тебе спасибо. Евгения Николаевна дала нам по 250 рублей. Те деньги я все истратил раньше, так что всего у меня 500 рублей. Но вот это непредвиденное житьё в Сочи будет стоить около 50 рублей. Остается 450 рублей. Из них на питание 225 руб. (15 руб. в день – 15 дней), на комнату 25 руб., на поездки (мы хотим съездить в Гагры, Сухуми и Н. Афон) – 100 руб. и на фрукты (привезу домой) – 100 руб. Вот и все наши дела. Будем уезжать из Сочи, напишу еще письмо.

Ну, а как подвигается твоя работа? Напиши. До свидания, привет всем. Вова

Моё письмо из Сочи маме от 22 августа 1950 г. Здравствуй, дорогая мамочка, Привет тебе из Сочи, мы живём уже неделю здесь, 19 августа приехали все наши, а вчера официально кончилась наша практика. Хожу каждый день на почтамт, но писем нет. В Сочи я получил только перевод. Узнавали о житье в Адлере, там несколько не дешевле, так что ехать в Адлер большого желания нет. Появился другой вариант: пожить в Сочи числа до 27, а потом поехать дня на четыре по побережью в Сухуми через Гагры и Н. Афон. В Сухуми всё исключительно дёшево: помидоры 1 кг 1 руб., груши и виноград по 3 руб. В общем там можно поест вволю фруктов. А пока мы живём в Сочи. Я питаюсь из расчёта 15 руб. в день, кушаю иногда на базаре, иногда в кафе – чаще всего в молочном. На рынке здесь фруктов исключительно много, базар очень богатый, но цены тоже очень большие, так как говорят, что такого наплыва курортников как в этом году, ещё не было. Но всё-таки фрукты и здесь я кушаю. 2 раза ходили в кино. Смотрели «Индийскую гробницу», «Цирк». По утрам до обеда мы ходим на пляж, погода всё время стоит хорошая, только сегодня испортилась, целый день идёт дождь.

Я написал письма бабушке, тёте Саше и тёте Оле. Интересно, как они поживают? Я взвешивался на пляже, вешу я 58 кг 500 г, что очень мало, мне надо поправляться. Перед отъездом отсюда взвешусь ещё

раз. Мама, ты значит в Адлер письма не пиши, а если ты уже написала, то напиши об этом в своём письме в Сочи, я съезжу в Адлер и получу его там.

Как подвигается твоя работа? Много ли ты написала и много ли тебе осталось писать? Когда ты будешь защищать диссертацию? Напиши мне обо всём этом подробно в следующем письме. Интересно, что у вас в Москве есть из фруктов? У нас виноград изабелла стоит 5 руб. кило. Я думаю привезти фруктов домой, с юга, возьму груши и винограда, по дороге возьму в Кубани дыни, а в Понырях яблоки.

Мама, ну, пока до свидания. Привет всем родным и знакомым. Скоро напишу ещё. Крепко целую, Вова

Практика в Крыму летом 1951 года

По окончании второго курса нас снова ждала замечательная летняя практика, на этот раз в Крыму И снова в качестве воспоминаний у меня остался один альбом с фотографиями в сопровождении текста. Приведу его здесь без сокращений.

Бахчисарай. После практики в Красновидово, а потом двухнедельного сидения в Москве достали билеты и поехали в Крым. Там должна была быть наша специальная комплексная практика, руководить нами должен был Н.П. Лебедев. Предстояло много интересного, главное, увидеть почти весь Крым, узнать всё его многообразие.

Вечером 23 июля с Курского вокзала отходил поезд. Билеты было достать очень трудно, поэтому у нас получилось так, что половина мест лежачих, а половина – сидячих. Но мы пришли пораньше и заняли почти все верхние полки, предназначенные для вещей. Ехали мы очень хорошо. Нам нужно было попасть в Бахчисарай, а ехали мы на Симферопольском поезде. Но нам всего три часа езды до Бахчисарая. Дорога в Крым интересна, хотя и меньше, чем на Кавказ. Самое интересное место – переезд через Сиваш. Поезд шёл ночью, но я не спал, а смотрел, как состав шёл по узкой насыпи, справа и слева от которой расстилался громадный гнилой Сиваш. Н.П. Лебедев рассказывал нам, почему здесь всегда пахнет гнилью, почему здесь образовалось гнилое море.

Рано утром на третий день поезд пришёл в Симферополь, а на Бахчисарай можно было уехать лишь к вечеру (в 4 часа). Таким образом у нас оказался целый день свободного времени – и мы решили пойти

в город и на базар. По дороге мы зашли на городской почтамт, отправили письма о приезде, дальше тронулись пешком по направлению к рынку. Рынок нас поразил – чего только там не было: и фрукты – сливы, груши, яблоки, вишня, и овощи – огурцы, помидоры. Всего накупили – ведь с Кавказа мы не видели так много фруктов и овощей. Девочки купили себе соломенные шляпы. На обратном пути зашли в молочное кафе – шоколадное молоко, которое всем очень понравилось, тоже никто не пробовал кроме как в Сочи.

Вещи тем временем были на вокзале, хотели оставить дежурных, по-очереди, но никому не хотелось оставаться на вокзале. Поэтому сдали в камеру хранения. Часам к трём стали подходить и скоро все собрались. Откуда-то появились моряки, едущие в Севастополь, сразу стало весело, один из моряков, грузин, стал угощать всех газированной водой. Наконец, подошёл поезд, мы все сели в поезд, поехали, все почему-то притихли, и поездка, занявшая час с лишним, прошла довольно скучно. Николай Павлович уже объяснял нам то, что мы видели из окон вагона. А было видно многое: куэсты, которые составляют вторую гряду Крымских гор, где нам придётся работать в Бахчисарае; вдали Чатыр-Даг в виде трапеции, громадная гора, которая находится в первой гряде Крымских гор, на берегу Чёрного моря.

Вышли из поезда на вокзале в Бахчисарае, около часа ждали автобуса (от вокзала до центра оказалось больше трёх километров), затем поехали двумя партиями к ханскому дворцу. Николай Павлович договорился о том, что мы будем жить во дворе Ханского дворца. И вот мы вошли внутрь и разместились прямо во дворе, у стены гарема. Уже стемнело. На юге ночь приходит как-то моментально, сумерки длятся очень недолго; всего несколько минут – и вот уже всё безгранично чёрное южное небо покрыто мерцающими звёздами. Легли мы рано – сказала усталость суматошного дня. Но спать долго не хотелось. Первая ночь под крымским небом, рядом с легендарным ханским дворцом с бахчисарайским фонтаном, над головой беззвучно стояли громадные платаны и тишина, безграничная тишина.

Утром проснулись рано, становилось жарко. Время было свободно до 4 часов, когда мы должны были пойти в горы, посмотреть объект нашей первой работы. Моня утром решил побриться. Но удобств особых не было. И вот Моня приспособился: зеркало на фонтан, а сам на корточках внутри фонтана. Затем пошли на базар: нужно было купить поесть для всех. Дело в том, что меня, Иру и Моню выбрали в хозяй-

ственную комиссию, в функцию которой входило обеспечивать группу едой, транспортом, вести денежные расчёты. Я стал ответственным за наши групповые финансы, Ира – за питание, а Моня – за транспорт. Так вот, хозяйственная комиссия, то есть Моня, Ира и я пошли по магазинам и на базар. В магазинах нужно было купить хлеба и консервов, на базаре – овощей, главным образом помидор. Пришли мы на базар, а там так дёшево, что мы решили купить и помидор, и слив, и ещё кое-что из вкусных вещей.

По дороге посмотрели мы на Бахчисарай – городок хороший, только очень жарко, правда, через каждые сто метров стояли палатки с газированной водой и лимонадом. Пришли «домой», сложили вещи и немного отдохнув, пошли в баню. Хотелось посмотреть восточную, татарскую баню, но она оказалась более или менее обыкновенной. Понравилось нам только то, что вообще характерно для южных бань – в ней холоднее, вернее прохладнее, чем на улице. А на улице была страшная жара – солнце пекло невероятно. Иван Карманов узнал, что где-то под городом есть какие-то водоёмы, и отправился купаться. Но вместо хорошей воды Ваня увидел грязные лужи, но он, кажется, всё-таки искупался.

В три часа все собрались, и был первый общественный обед: помидоры с чёрным хлебом и солью. Накушавшись, все собрались в первый поход. А перед этим многие ходили на экскурсию по ханскому дворцу, посмотрели как жили крымские ханы, увидели знаменитый бахчисарайский фонтан. И вот, в 4 часа тронулись в путь. Пройти предстояло четыре километра, а затем подняться по крутому краю куэсты на 200 метров вверх. Хотя уже перевалило за полдень, солнце жгло нестерпимо, и этот день едва ли был не самый жаркий из всего времени, проведённого в Крыму. Уже на третьем километре многие устали. Проходили мимо причудливо выветренных скал известняка, серых по цвету, но с живущими на них чёрными лишайниками, некоторые скалы вполне можно было назвать «пронеси господи». Около дороги валялись громадные, величиной с дом, а то и ещё больше, скалы известняка, оторвавшиеся от гребня куэсты. Пройдя с 4 км, дошли наконец до того самого места, где нужно было подниматься на куэсту. Жара была нестерпимая, и увидев ещё зелёный кизил, все на него набросились. Отдохнув немного в тени кустов кизила, тронулись подниматься наверх. Весь крутой склон представлял собой так называемый делувий известняка, в общем тот же известняк, только раздробленный в ще-

бень и осыпавшийся под ногами. Он был лишён почвы, на нём ничего не росло. От этого он был ослепительно белый и при ярком солнце даже резало глаза. Наконец, добрались до верха, и там отдохнули.

Здесь, наверху было совсем не так, как внизу. Здесь рос шибляк – так называется группа колючих кустарников, сквозь которые очень трудно пройти. Они все утыканы колючками и образуют порой почти непроходимые заросли. Правда, растут они не сплошь, а куртинами, а между ними пустое место, поросшее чахлой травой. Здесь не хватает влаги, прошедшие дожди быстро стекают, и наверху, на куэсте нигде воды не найдёшь. Вся поверхность куэсты имеет наклон на север, а на юге и юго-востоке – резкий обрыв, к которому мы и направились. Здесь, на окраине обрыва мы все уселись, а Николай Павлович рассказывал нам о всём, что мы увидели в Крыму. Рассказал он и о завтращней работе – первой самостоятельной работе в поле. Вся группа была разбита на бригады. В нашей бригаде было пять человек: я, Ира, Мonya, Володя Ряшин и Лида Китаенко.

Всего в группе было четыре бригады. Все должны были работать в разных участках куэсты Беш-Кош. Мы как раз в самом интересном месте – у его-восточного обрыва, на самом высоком участке куэсты. Отсюда было видно очень многое: под обрывом куэсты шла дорога в село Мангуши (до него 8 км), которая тоже виднелась вдаль, там сейчас жили наши геоморфологи, они там проходят свою практику; на юге были видны горы первой гряды Крымских гор, опять выше всех поднималась трапедия Чатыр-Дага. Но время клонилось к вечеру, уже пора было возвращаться, чтобы попасть «домой» засветло. Пришли в Бахчисарай, когда было уже совсем темно, в темноте пришлось ужинать. После ужина все утихло, легли спать, так как завтра с утра на работу.

Позавтракав рано утром, отправились наверх, на куэсту. Так как там совсем нет воды, а день обещал быть не менее жарким, чем вчерашний, всем роздали помидоры, которые должны были заменить и воду, и еду. Все четыре бригады отправились каждая в своё место, нам предстояло идти дальше всех. Мы решили пойти другой дорогой, чтобы не подниматься по вчерашнему крутому склону. Подъём начался по долине, глубоко врезавшейся в куэсту. Поднявшись метров на тридцать, мы тут же застряли, так как напали на кусты совершенно красного кизила. Долго мы сидели собирая кизил и орехи, кушали их и брали в запас, так как наверху ничего этого нет.

Но вот вышли на поверхность куэсты и вскоре заблудились, потому что попали в колючие кусты шибляка и из-за них ничего не было видно. Пошли прямо на юг – шли довольно долго, устали, так как было очень жарко, но вот как-то неожиданно кусты расступились и стала видна пропасть у обрыва. Сели в тень кустов и покушали помидоров. Теперь нужно было работать, но было очень жарко и работать не хотелось. Немного поделав, легли спать в тени кустов. Спали часа три, но приходилось просыпаться, так как тень от кустов очень небольшая (солнце высоко) и она всё время передвигалась. За тенью передвигались и мы и так за три часа обошли вокруг всего куста. Проснулись часов в пять, пока раскачивались, слышались голоса Николая Павловича и Евгении Алексеевны. Мы привели себя в порядок и остаток работы провели вместе с Николаем Павловичем.

Затем не спеша стали спускаться с куэсты и пошли к Бахчисараю. Уже темнело; когда мы пришли к ханскому дворцу, оказалось, что все остальные уже здесь, а во дворе ханского дворца, который, оказывается, является бахчисарайским парком культуры и отдыха, в этот день были танцы, играл оркестр, работали буфеты. Так что этот вечер мы провели тоже очень хорошо, сначала танцевали, потом легли спать, но спать не хотелось: играла музыка, слышались очень хорошие вещи, день дал массу впечатлений.

Вставши на другое утро сразу стали собираться в дорогу. Предстоял далёкий путь из Бахчисарая в Феодосию с пересадкой в Севастополе. Николай Павлович с вечера договорился о том, что за нами придёт автобус. Мы его порядочно ждали, наконец погрузились и благополучно отбыли из Бахчисарая. На вокзал приехали за два часа до прихода поезда. Все решили писать домой письма, чтобы поделиться первыми впечатлениями. К полудню приехали в Симферополь. Чтобы зря не тратить, вещи в камеру хранения сдавать не стали, а установили дежурство. Нам выпало дежурить в середине. Впереди было несколько часов свободного времени, собственно, не очень свободного, так как нужно было писать дневник нашей бригады. Система работы у нас была такая: у каждого члена бригады своя записная книжка, в которую он записывает и зарисовывает всё, что видит в поле. Затем ежедневно или через день (как позволяет время) по очереди внутри бригады выделяется дежурный, который обрабатывает все эти черновые записи членов своей бригады, ведёт дневник. Таким образом, у каждой бригады к концу работы есть дневник, где записаны все наблюдения в хронологическом порядке.

При написании отчёта (уже по приезду в Москву) каждому или двоим даётся написание определённой главы (например, о второй гряде Крымских гор – куэстах). При написании глав отчёта пользуются дневниками всех бригад. На мою долю выпало оформление дневника. Так незаметно и прошло время: часа три писал дневник, потом пошёл покушал, а там уж и пора было дежурить. Поезд на Феодосию уходил вечером. Вернее – это был не поезд, а лишь два вагона, которые сначала до Джанкоя шли с московским поездом, а затем, постояв в Джанкое часа два–три, их прицепили к поезду Москва–Феодосия, с которым мы и должны были приехать в Феодосию. Всё это путешествие в общем заняло 12 часов. Сели мы в поезд, когда уже стемнело, вскоре заснули.

Феодосия. Проснулись мы, когда поезд стоял на станции. Кто-то сказал, что это Владиславовка – последняя большая станция перед Феодосией. Погода была пасмурная, моросил дождь. Не верилось, что через 18 километров мы увидим море. Чёрное море привыкли представлять себе сверкающим, солнечным, а сейчас всё кругом было серо, серо. Но вот поезд тронулся. Ещё сорок минут, маленький тоннельчик – и вот поезд идёт всего в 10 метрах от моря. Рядом – пляж, море – серое, свинцовое, на берегу – ни души. Проехав метров 500 вдоль городского пляжа, поезд остановился у городского вокзала. Дождик кончился, на улицах – лужи. Народу мало – ведь ещё только 7 часов утра. Мы решили, пока устроится наше жильё – пойти в сквер. Там нашли беседку и расположились в ней. Хозяйственная комиссия, т.е. Моня, Ира и я, отправились на базар купить что-нибудь к завтраку. Впервые в это лето мы пришли на приморский рынок – здесь были и фрукты, и овощи, рыба. Мы долго выбирали, чего бы купить и наконец нашли очень хорошую копчёную рыбку – барабульку и наше всегдашнее кушанье – помидоры. Всем такое сочетание очень понравилось. Это был один из немногих дней, когда хозяйственную комиссию не ругали, а хвалили. После того как покушали копчёной рыбы, надо вымыть руки, но под рукой ничего водопроводного не было. Пришлось мыть руки в лужах, которых было много после только что прошедшего дождя.

Между тем Николай Павлович сходил и договорился насчёт нашего жилья. Оно должно быть пофундаментальнее, чем в Бахчисарае, ведь нам предстояло иметь базу в Феодосии больше недели. «Дом» наш оказался недалеко от сквера – это была школа, в которой нам

выделили один класс. Мы сдвинули все парты в один угол, стало много свободного места, на котором ночью мы спали, а днём работали. Сложив вещи здесь, в школе, мы пошли по городу, зашли ещё раз на базар, в молочный магазин, нашли там шоколадное молоко, чему были очень рады, побывали в душе и отправились на море. Погода совсем исправилась и на пляже было много народу. Пляж здесь изумительный: мелкий, мелкий песочек, не то что в Сочи – галька, а то и просто крупные булыжники. А прямо над пляжем здесь проходит железная дорога, ходят поезда – очень странно.

Побыв до обеда на пляже, вернулись в нашу школу отдохнуть. Вечером Николай Павлович предложил погулять вокруг Феодосии, посмотреть на неё сверху, с окружающих холмов. Мы довольно долго поднимались вверх, пока наконец не вышли на ровную высоту, откуда была изумительна видна вся Феодосия, раскинувшаяся амфитеатром вокруг Феодосийского залива и освещённая вечерним заходящим солнцем. Справа в море далеко уходил маленький мол, отгораживая пространство морского порта. Там стояли большие черноморские корабли и рыбацкие лодки. Мы долго любовались этой картиной, затем пошли дальше, вглубь этих холмов. Неподалёку увидели какие-то интересные развалины – крупные бетонные чаши. Оказывается, это приспособления древних для снабжения водой. В эти бетонные чаши клали груды камней. Дождевая вода, попадавшая сюда, стекала вниз и могла быть направлена по трубам вниз. Некогда так снабжались водой в Крыму целые города. Осмотрев этот интересный памятник древности пошли дальше и вскоре вышли опять к морю, но находились от него на порядочной высоте. Отсюда открылась живописная картина: прямо перед нами, постепенно понижаясь, уходил в море мыс Ильи. Справа вдали виднелся Кара-Даг – вулканическая гора, на которую нам ещё предстояло совершить маршрут. До Кара-Дага было километров 15, но казалось, что всего километра 3–4. Он был в дымке – очень красиво. Мы с Монеи решили завтра утром прийти сюда опять, чтобы снять его, и пришли, но, к сожалению, ни у того, ни у другого ничего не вышло. Ушли, сняв много, в общей сложности почти две плёнки, а когда проявили, ничего на них не увидели кроме простой серости. В общем, получилось «всё в дыму – ничего не видно».

В этот день продолжали околачиваться в городе, купались на пляже, ходили в кафе, а Николай Павлович между тем готовился к следующим маршрутам. Нам предстояло совершить отсюда несколько

маршрутов в разные интересные крымские места. На следующее утро был намечен первый маршрут – на Сиваш. Оставался последний свободный вечер, который мы решили использовать для отдыха. Вечером почти все пошли гулять в городской сад, в тот, что на набережной. Там играл оркестр, было много народа, наши девочки производили на гуляющую публику ошарашивающее впечатление, так как они были в брюках, а это конечно здесь не принято. Гуляли долго, затем пришли, улеглись спать, а наутро встав пораньше и заранее собравшись, тронулись на вокзал. Там нас заставили часа полтора ждать поезда, а потом подали какие-то два задрипанных дореволюционных (наверное, остались ещё вагончика от царя-гороха) вагончика, в которые нам предстояло влезть. Того и гляди, развалятся. Но ничего, не развалились, потихонечку поехали, сначала тихо, а потом разогнались и поехали, так что через 40 минут мы проехали 18 км и прибыли на станцию Владиславовку, являющуюся «важным узловым центром» – отсюда расходятся три ветки: на Феодосию, на Джанкой и на Керчь. Мы здесь вылезли, немножко отдохнули и тронулись в путь пешком через степь к Сивашу.

Нам, ребятам пришлось много претерпеть в этом походе, и из-за чего – из-за каких-то помидор. Дело в том, что в прошлом году, когда Николай Павлович с группой также вот ходил на Сиваш, была страшнейшая жара, а воды (пресной) на этом Гнилом море нет. Поэтому мы и решили взять с собой помидор, решили «убить двух зайцев»: и быть на помидорах сытыми, и быть с водой. На самом деле «ни одного из этих зайцев мы так и не убили», потому что еды у нас и без них бы хватило, а погода была настолько холодная, что пить совершенно не хотелось. Но факт есть факт – помидоры у нас с собой. И вот, выйдя из поезда, берём по ведру и шествуем в конце всей нашей колонны. Сначала ничего, но постепенно вёдра становятся всё тяжелее, уже приходится нести одно ведро вдвоём. По дороге раза два останавливаемся, Николай Павлович рассказывает о крымской степи.

Между тем время близится к вечеру, мы уже прошли 8 км, надо искать ночлег. На пути у нас только одно небольшое село – Буманак. В этом селе нет воды, туда её возят на лошадях. И мы, чтобы не просить пить у жителей, вечером стали кушать наши помидоры. Уже затемно покушавши, легли спать в каком-то хлеву. Проснулись рано, от холода. На улице ветер, небо всё в тучах. Пошли работать за селом. Рыли почвенные ямы, но все дрожали от холода. Часам к 10 кончили

работу и собрались отправляться дальше к берегу Сиваша. Но... пропал Хондкариан. Прождали его с полчаса, видим – бежит откуда-то. Оказывается, он бегал мыть руки в овраг, расположенный километрах в двух от деревни. Событие это развеселило всех, а то уж приуныли из-за холодной погоды. Тронулись и уже через несколько минут донёсся гнилой вонючий запах – запах Сиваша. Вскоре и увидели его обрывистые берега и грязно-мутную воду этого Гнилого моря.

Нашли интересное место на берегу Сиваша и принялись за работу. К полудню все порядком приустили да и пришло время обедать. Мы, хозяйственная комиссия, занялись своим обычным делом – подготовкой обеда. Остатки помидор были разделены – по пять штук на душу. К ним ещё полагалось, кажется, по половине пачки плавленого сыра и немного сухарей. Каждый взял свою порцию, всё это быстро скушано и сейчас же все залегли спать, воспользовавшись тем, что Николай Павлович занялся с одной из бригад. Но долго лежать не пришлось, так как Николай Павлович поднял всех, чтобы успеть сегодня дойти до Владиславовки и сесть на поезд.

А впереди был ещё один объект работы – Сивашские лиманы. К ним мы и направились. В предыдущий вечер прошёл дождь, всю эту лиманную грязь, которая настолько засолена, что на ней ничего не растёт, так развезло и она стала страшно липкой – в результате продвигались мы очень медленно, с большим трудом, на подмётки налип толстый слой липкой грязи. Здесь, где нога человеческая ступает очень редко, земля почти не тронута со времени войны. Мы копали ямы и находили множество костей, черепов, немецких касок, разных частей оружия и гильз. Жутко становилось при мысли о том, что здесь было 8–9 лет назад.

К 5 часам кончили работу и теперь быстрым маршем, напрямик, без дороги, направились к Владиславовке, чтобы засветло дойти до неё. Шли через хлопковые поля, иногда в траве, которая доходила до плеч. В траве масса колючек, но мы не взирая на них быстро идём к станции, которую уже издалека было видно по высокой водонапорной башне. Но вот уже два часа мы идём с тех пор как увидели эту башню, а она всё никак и никак к нам не приблизится. Только в 9 часов, уже в темноте пришли мы на станцию, немного перекусили и стали дожидаться поезда.

Передохнув денёк в Феодосии, снова собрались в поход, на сей раз уже дальше, в Керчь. На том же поезде, в тех же вагонах доехали до

Владиславовки, там подождали поезда Джанкой–Керчь, наши вагоны прицепили в хвост ему, поезд не спеша поехал с Крымского полуострова на Керченский. В Керчь приехали утром и пошли на базар. Такого дешёвого базара мы в Крыму ещё не видели. Масса помидор, дынь, арбузов и всякой рыбы – как никак морской город. На обед купили по полдыни «колхозницы» на человека и много копчёной рыбы ставриды с помидорами и хлебом. Днём поехали на автобусе за город и оттуда пешком через полуостров на берег Азовского моря. Стояла страшная жара, мы изнемогали. Кое-как дошли до села, в котором попили, отдохнули и отойдя с километр от него, остановились. Николай Павлович пошёл искать подходящий участок для нашей работы, а мы, воспользовавшись этим, расположились табором на дороге – легли спать. Так пролежали с час, а может быть и больше, и только с приходом Николая Павловича принялись за работу.

Уже часов в пять пошли дальше, но сильно проголодались и устали, а продуктов хороших с собой не было. Стали искать «молочно-товарную ферму» с коровьим молоком. Кто-то из местных жителей сказал, что она здесь неподалёку, километров с пять. Мы пошли к ней, по дороге обходили большую грязевую котловину, в которой было несколько грязевых сопков, озёр и вулканов. Но останавливаться не стали, решили завтра на обратном пути. Уже затемно пришли мы на эту колхозную ферму. Мы с Ваней отправились, чтобы достать ведра два молока. С нас безбожно содрали, но всё-таки налили, и все наши с огромным удовольствием выпили почти оба ведра.

Заснули в какой-то грязной комнатухе. Утром проснулись рано, решили попить, подошли к колодцу, попробовали воду и чуть глаза на лоб не полезли – этакий мыльный привкус да солоноватый вкус – в общем скотская водичка. Как только пьют её здешние люди! Хотя ведь им ничего не остаётся – другой то воды нет. Позавтракав, пошли прямо к морю, и в тот же день были уже на его берегах. Нам достался участок у самого моря, долго мы там ходили, смотрели, пока Николай Павлович не дал команду двигаться обратно. Мы с Моней ушли раньше, чтобы не спеша зайти на грязевые вулканы, увиденные нами вчера, и поснимать их. Когда мы зашли туда, было как раз небольшое извержение, под ногами гудело и из жерла вулканчика, непрерывно побулькивая, изливалась горячая жидкая грязь. Она текла по стенкам небольшой сопочки и тут же застывая растрескивалась. На большом грязевом озере каждые 8–10 минут вставал и лопался большой газовый пузырь.

Вдоволь наглядевшись этих интересных вещей, тронулись дальше, дошли до деревни, где нас нагнали остальные и мы вместе пошли напрямик к городу. Часов в пять пришли в Керчь, взяли билеты на поезд, который уходил поздно вечером, а пока отправились бродить по городу. Зашли в центральный гастроном, чтобы купить продуктов на следующий маршрут, а то в Феодосии не будет времени, купили много плавленого сыра, так много, что в дальнейшем от жары и лежания он испортился и пришлось в следующем маршруте его выбросить, предварительно с сожалением понюхав и проглотив слюнки. Ещё погуляв в городе, к вечеру пришли на вокзал и сели у своих вещей ждать поезда. Вскоре его подали – всё те же доисторические вагончики, из которых песок сыпется. Ехали до Феодосии всю ночь. Всё-таки перед следующим маршрутом мы пробыли денёк в Феодосии, отдохнули, погуляли, побыли в цивилизованной обстановке

На следующее утро рано встав отправились на автобусную станцию, чтобы сесть на автобус, отправляющийся в бывший Коктебель, а теперь местечко Планерное. Посадка обошлась без приключений, хотя беспокоились о том, что все не усядемся. Но помогло то, что заранее купили билеты. Итак, через какой-нибудь час с небольшим автобус привёз нас к прелестному местечку, которое всё было в зелени. День обещал быть прекрасным. Мы не спеша пошли к морю и вскоре увидели замечательный пляж, и так всем захотелось искупаться, что Николай Павлович не устоял и разрешил на несколько минут слазить в воду. Всем хотелось подольше, но как только вошли в море, сразу же быстренько побежали обратно – вода была ещё очень холодная. Николай Павлович заторопил нас, и через несколько минут мы уже подходили к огромному массиву Карадага.

Когда-то в этих местах Крыма находились пять действующих вулканов. Было это очень давно, и сейчас ничто, кроме Карадага, не напоминает об этом. Все эти вулканы давно погрузились в море, а вот Карадаг остался, своим видом свидетельствуя, что Крым раньше был совсем не такой. И вот на этот очень интересный и красивый массив мы начали взбираться. Между тем солнце поднималось всё выше и выше и вскоре начало печь совершенно неумолимо, а впереди 500 метров, на которые нам предстояло взобраться. Вся наша группа растянулась в цепочку. Николай Павлович как всегда шёл впереди, за ним команда слабосильных. На наше счастье я и Моня шли в самом конце. Преимущество нашего положения заключалось в том, что мы

могли останавливаться иногда, чтобы полакомиться уже поспевшим кизилом. Это здорово помогало в борьбе с жаждой. Все порядком приустали и всё чаще делали остановки.

Наконец, все с радостью увидели, что ещё небольшой подъём и конец нашего путешествия. Ещё бросок – и мы на одной из вершин Карадага. Здесь мы надолго остановились, так как открылась изумительная панорама. Внизу как-бы застывшие волны моря, на северо-востоке глубоко внизу Коктебель и узенькой полоской тянется шоссе. По другую сторону далеко виден берег моря с холмами и горами. А рядом причудливые скалы с интересными названиями: «Иван-разбойник», «Царские ворота», «Королевское шествие», «Сфинкс» и др.

После продолжительного отдыха начали работать. Добровольцы, по одному от каждой бригады (от нашей – Володя Ряшин), отправились на самую большую вершину Карадага и пропадали там довольно долго (им нужно было подняться ещё на 150 м). А за это время жара достигла своей высшей точки. Ни одного дуновения ветерка. Душный горячий воздух так и стоит между кустами не двигаясь. Немного поработав, мы легли под куст и как недавно в такую же жару на куэстах, теперь мы лежали не двигаясь, и только приход Николая Павловича с ребятами заставил нас подняться. После двухчасовой проверки двинулись вниз. Пошли другим путём, чтобы поскорее выйти к колодцу напиться.

Когда наконец увидели домик с колодцем, все бросились к нему, но не оказалось ведра. Наконец, хозяева принесли его, моментально было налито ведро и уже через несколько минут оно было пусто, пришлось доставать снова. Каждый выпил по четыре–пять кружек воды. Напившись, все запросили есть, и тут хозяйственной комиссии пришлось поработать. Сначала съели несколько колбасин, а затем дошла очередь до сыра, и вот тут-то и обнаружилось, что, попросту говоря, он протух. Конечно, обошлось не без ругани, но ведь без этого нельзя, иначе неинтересно будет. Правда, на этот раз ругались недолго, так как свежая холодная вода после страшной жары сделала своё дело.

Подкрепившись, двинулись вниз к шоссе и сразу же бодро зашагали к Феодосии. Предстоял путь в 18 километров, а между тем вечерело. Решили «голосовать». Эта честь выпала на долю троих ребят: Моня, Ваня и я. Мы шли позади всей группы и слушали, не догоняет ли нас машина. Но как назло их почти не было, а прошедшие две–три машины были загружены. Уже совсем стемнело (было 10 часов вечера), мы было уж совершенно отчаялись, как вдруг сзади раздался

шум: на нас мчался грузовик. Мы совершенно инстинктивно бросились на середину шоссе, прямо в свет фар. Шофёр остолбенел и резко затормозил. Он был бледный и дрожал, а мы только теперь поняли, чем это могло кончиться. Сначала он ругался, но потом мы быстро нашли общий язык. Шофёр оказался чудесным молодым парнем и решил подвезти нас до города бесплатно. Мы были жутко рады такому обороту дела, подъехали к нашей группе и быстро усадили их. Шофёр гнал машину как ветер. Мы порядком подрожали, но этого не замечали. Все были ужасно рады – ведь скоро будем дома.

А на следующий день поехали обратно. Кончился второй период нашей практики. Теперь опять к морю, но уже к курортным местам, к так называемому ЮБК – южному берегу Крыма. В Симферополе сели на автобус и по прекрасному шоссе поехали на юг. Шоссе пересекало Крымские горы, в высшей точке, на перевале мы поднялись на 940 м, и скоро были в Алуште. Пристанца здесь для нас не оказалось и до вечера мы сложили вещи у пристани, а сами пошли гулять по городу. Увидели настоящую курортную публику – она смотрела на нас с изумлением. А ночевать нам пришлось на грязном полу в единственной комнате пристани.

Южный берег Крыма. Итак, переночевали мы в грязной конуре алуштинской пристани. А в 4 часа утра нас подняли собираться. Катер уходил в 5 часов и надо было вскоре идти занимать места. Невыспавшиеся, злые сели мы в катер. Есть не хотелось и все единодушно от завтрака отказались. Хорошо, что в море было тихо, а то бы нам пришлось помучиться. В половине седьмого подъехали к посёлку Малореченское. Здесь в тени сада решили позавтракать, но Николай Павлович торопил нас – ведь впереди предстоял грандиозный путь и его надо было успеть преодолеть до вечера.

Итак, заморив червячка, тронулись в путь. Шли изумительными местами. На протяжении 5–7 километров тянулся колхозный фруктовый сад, он был засажен виноградом, грушами и яблонями. Мы конечно не упустили момента полакомиться виноградом. Правда, он был ещё не спелый, кислый. Тем не менее нам за это здорово попало. Через некоторое время встретили сторожа, и он увидел как кое-кто «жувал» виноград. Сначала он на нас здорово кричал, потом мы ему разъяснили кто мы и он проникся к нам уважением, даже разрешил сорвать по груше. Но он оказался хитрецом. Мы попробовали эти груши и тут же выплюнули – такая это оказалась гадость.

Здесь, по дороге, между прибрежных холмов, мы заложили «ключи» – работали. А затем поработав и одновременно отдохнув (это делать умеют только студенты) отправились дальше. Наш путь лежал к местечку Генеральскому. Здесь мы пообедали и основательно отдохнули, потому что сразу за деревней начинался подъём в горы. Уже через километр мы вступили в прекрасный буковый лес. Сразу вспомнили Кавказ, ведь такую прелесть в Крыму мы видели впервые. Мы поднимались всё выше и выше, и становилось темнее: гуще лес, да и время клонилось к вечеру. Нам предстояло провести ночь под открытым небом. Стали искать место для ночлега. Так хорошего и не нашли – ни одного горизонтального участка. Пришлось ночью спать, подложив что-нибудь под ноги, чтобы не съезжать. Все занялись делом: девушки устраивали ночлег, а ребята занялись костром, его устроили на берегу речушки, поближе к воде.

Николай Павлович с Ваней Кармановым ушли вперёд искать дальнейший путь и вернулись только часа через два, уже к концу ужина. Всё было в порядке, путь они нашли, завтра с утра мы должны двинуться выше. Поужинав все легли спать. Это была первая ночь в диком месте под открытым небом. Но ночью было тепло, спали хорошо, только Хондкариан увидел ужасный сон: оказывается, к нему ходила ночью Лида Китаенко.

Все блаженно спали, и не подозревая, что где-то рядом в этом прекрасном буковом лесу скрывается банда воров и убийц, да не маленькая (26 человек). Её вот уже целый год ищут, но до сих пор не поймали. И по последним сведениям все эти 26 человек скрываются здесь. Представляю, что бы было, если бы хоть кто-нибудь узнал об этом. Но никто кроме Николая Павловича и Вани Карманова не знал об этом. И все спокойно спали.

Утром плотно покушав двинулись в путь, сразу почти от нашего ночлега начали подниматься вверх, карабкаясь по крутому отвержку – боковому притоку реки. Скоро мы вышли куда-то наверх, на широкое построенное, но ещё недостроенное шоссе. Шли по нему довольно долго и легко: это нам сохранило много сил. Потом на шоссе всё время тень – и это нам помогало. Но скоро оно ушло от нас вбок и мы вновь очутились на тропе, которая вывела нас на большую поляну – лесной пояс кончился и началась субальпика без единого деревца. Здесь под последним огромным деревом мы устроили последний привал. Долго лежали в тени – не хотелось выходить на жару.

Наконец тронулись. Шли медленно, неохотно. Жара невыносимая. Вдруг встретились пять кустиков. И вся группа, как по команде, сразу полегла. И долго пришлось Николаю Павловичу поднимать народ. Но вот последний переход, последний подъём, по пути встречается ферма пастуха – и мы наконец поднялись на высшую точку хребта Тайкоба, западную оконечность Караби-Яйлы, гору Карадаг (1200 м). Мы на вершине и во все стороны далеко видно всё. На западе – другая Яйла, Демерджи-Яйла, которая отделяется от Караби глубокой долиной, по которой вчера вечером мы поднимались. На севере – горы, горы и горы, которые постепенно понижаются к северу. На юге – далеко видно море, а ближе – так называемый холмистогрядовый рельеф глинистых сланцев, по которому мы шли от моря. На востоке – поверхность Караби-Яйлы, вся изрытая воронками как оспой. Один знаменитый путешественник, исследователь пещер Караби-Яйлы А.А. Крубер сравнил поверхность, которую мы увидели с вершины, с застывшими волнами моря. И пожалуй, это очень верно.

Теперь нам предстояло спуститься с этого хребта на самую поверхность Караби, которая такой чудной кажется с верхотуры. Она на 200 метров ниже. Спуск занял полчаса. Склоны хребта покрыты очень жёстким кустарником, но мы выбрали своеобразную просеку и скатились по ней вниз. Буквально скатились, потому что склон был очень крутой. Внизу оказалось стадо и два пастуха. Один из них взялся проводить нас до здешней достопримечательности – ледяной пещеры Бузлук-Коба. Николай Павлович хотел, чтобы мы увидели эту пещеру. И вот мы пошли по Караби-Яйле. То, что сверху выглядело так красиво и привлекательно, на деле оказалось очень однообразным пейзажем. Прямо глаза уставали. Куда ни посмотришь, всюду одно и то же: воронки, воронки, а между ними глыбы полуразрушенного известняка.

Так мы и ходили между воронками в поисках пещеры. Это оказалось нелёгким делом. Пастух никак не мог выйти к пещере. Так проходили мы три часа, пока, наконец, ни увидели небольшую вежу, стоящую у пещеры. Уже наступил вечер. Всем хотелось есть, а воды на Караби вообще нет. Она вся уходит в эти воронки и пещеры. И тут мы сообразили, что ведь пещера то ледяная, внутри неё лёд. Сейчас же вся мужская сила была направлена внутрь пещеры за льдом. Внутри скалывали лёд, и мы с Монькой носили его наверх. Заняло это часа два. Девочки наверху стали уже роптать. Вылезли из пещеры,

когда было уже совсем темно. Стали лёд кипятить, но так и не дождались его, легли спать голодными. Это, пожалуй, была самая тяжёлая ночь из всех. Спали, конечно, под открытым небом, на пригорке около пещеры. Кругом место открытое, без какой-либо защиты. Ночью налетел ветер – все продрогли. Но и без ветра было холодно – высота 1000 метров. Днём жарко, а ночью температура была почти на нуле.

Все проснулись с рассветом от холода, посмотрели на лёд и решили не кипятить его, наплевать на голод. Уж очень лёд был грязным, прямо чёрный. Немного закусили всухомятку, пошли работать. Николай Павлович распределил всех на небольшом участке вокруг пещеры. Все работали быстро, спешили закончить и уйти отсюда до палящего солнца, кроме того хотелось настоящей водички. Тем не менее работали всё утро, а потом быстро двинулись к хребту Тай-Коба. Тут нашли мы двух приветливых пастухов, которые дали нам порядочно воды, больше просить мы постеснялись. Шли к этой кошаре мы по бригадно, как только кончали работу. Наша бригада кончила раньше всех и мы отправились в путь. Там долго были одни и лежали в тени трёх больших деревьев. Потом все пришли и наш безмятежный отдых кончился. После того как все хотя бы чуть-чуть утолили свою жажду, пошли вниз, по новому, более короткому пути. Путь этот пролегал по дороге довольно приличной, не очень крутой и каменистой. Идти по ней было очень трудно, всё время приходилось сдерживаться, чтобы не побежать. Кроме того, уже стояла невыносимая жара. Наконец самая крутая часть пути была пройдена и мы остановились на длительный привал у первой попавшейся нам воды. Из расщелины в скале вытекал радостно журча небольшой ручеек. Это и была та самая вода, которой нет на Караби-Яйле. Стали варить кашу. Ведь это любимое блюдо мы не ели со вчерашнего утра. Кушали долго, не спеша, потом долго пили чай, а затем лежали в кустах отдыхая.

Но вот солнце стало клониться книзу, жара полуденная спала и мы вышли на ровную дорогу, которая вела нас прямо к морю. Как легко было идти по ровной дороге, не спускаясь и не поднимаясь. Всё-таки мы равнинные люди. Хотя по сторонам садов не было, а виноградники предусмотрительно посажены были далеко от дороги, но вдоль всего нашего пути была масса ежевики, которой мы питались. В 9 часов вечера пришли на берег моря в симпатичное село. Ночевали в недостроенном доме. Хотели поздно вечером пойти на море искупаться, но нас прогнал оттуда патруль. И легли мы спать.

А наутро подошли к морю, а оно волнуется, да серьёзно. Вскоре подошёл катер. Мы с грехом пополам на него сели и тронулись. Когда катер отошёл от берега, его закачало ещё больше. Бурно было на море. Некоторым пришлось здорово пострадать. Но часа через три мы были уже в Алуште. Впереди был свободный день, так как пароход в Гурзуф уходил только вечером. Весь этот день мы потратили на приведение себя и своих вещей в порядок. Гуляли по городу, опять наслаждались цивилизацией. Моня и Володя Ряшин ходили в гости на дачу к Анечке Григорович. Обедали по-человечески в столовой, дешёвой, но вкусной, ели даже мороженое. Но день клонился к вечеру, и к деревянным сходням подошёл пароход «Лукомский», на котором нам предстояло плыть в Гурзуф. Это небольшой пароходик с двумя палубами. Внизу оборудован очень приличный буфет, в котором мы пили ацидофилин.

В 7 часов пароход тронулся, а в 9, когда было уже совсем темно, привалил к пристани Гурзуфа. Пристань представляла собой три прогнивших доски, с которых мы боялись свалиться. Но вот мы пошли по тёмным гурзуфским улицам к нашей базе, которая оказалась небольшим двухэтажным домом на самом краю Гурзуфа. Но всё это мы уже рассмотрели наутро, а в этот вечер все устали и хотели спать. Подошли к дому, и приятный сюрприз: все комнаты пусты, горит электрический свет, есть столы, стулья. Мы уж отвыкли от такой «роскоши». Покушав, легли спать. Но не успели заснуть, как всех разбудила и напугала Лида Китаенко, по которой проползла сколопендра. Оказывается, их здесь очень много. Мы зажгли свет и тут же увидели на стене три штуки. Но ничего, больше они никого не кусали.

На другое утро обстановка была полутрудовая. На этой же базе жили наши геоморфологи, трепались с ними, затем ходили по Гурзуфу. Между всеми этими занятиями и делами – обрабатывали ялтинский маршрут. А вечером отправились в Гурзуфский парк – гуляли там долго, до двенадцати. Утром сели в автобус и поехали к Никитскому ботаническому саду. Там рядом находится и участок нашей работы – мыс Мартыан с рощей древних древовидных можжевельников. Сначала пошли на самый мыс – земля здесь красная, красная. А кругом растут чудные растения – можжевельник как можжевельник, только вот странно – это не куст, а дерево. Посмотрев и записав, отправились в Никитский ботанический сад им. В.М. Молотова. Сюда идём уже не для работы, а чтобы посмотреть красоты субтропической растительности. Потому что стыдно будучи в Крыму не посмотреть его прекрасного ботанического сада.

Долго бродили мы аллеями сада. Кажется, рассказывал нам экскурсовод, но нам и без него было бы хорошо. Постоянно отставали мы от классического маршрута экскурсии, благо в группе кроме нас было много посторонних. И хорошо сделали, иначе половины прелестей сада мы бы не увидели. Потому что все прелести сада в укромных уголках. Чего мы только здесь ни увидели. Что там Сочинский дендрарий! Вот это ботанический сад, так сад. Уже близилась к концу наша экскурсия, как вдруг мы встретили своих ботаников. Оказывается, они здесь живут – здесь, в парке проходят свою практику. Живут они здесь «как у Христа за пазухой» – покупают за гроши превосходные фрукты с опытных деревьев. Конечно, они нам достали целую сумку очень вкусных фруктов, которые мы сразу же уничтожили. Оказывается, опытные фрукты можно кушать, и они вкусные как и обычные фрукты.

Полакомившись таким образом, поболтав с нашими ботаниками, мы собрались домой, в Гурзуф. Решили поехать на катере. Специально, чтобы отвезить вечером из сада экскурсантов, в 7 часов к небольшим сходям у ботанического сада подходит небольшой катерок. Такой должен быть и сегодня. В ожидании его мы решили искупаться, но море было довольно бурным. Тем не менее некоторые полезли в воду. Наконец, показался катер. Вскоре он причалил и тут началось столпотворение. Народу оказалось очень много, гораздо больше чем надо. Мы не сели, а остальные почти все забрались в катер. И тут выяснилось, что море очень бурное и катер идти не может. У! Что тут началось! То мы оказывались в худшем положении, а теперь мы поглядывали на неудачников. А время клонилось к вечеру.

Мы быстро прошли по парку к выходу и здесь решили найти какую-нибудь машину, чтобы доехать до Гурзуфа. Скоро нашёлся какой-то маленький грузовичок с бойким шофёром. Он взялся довезти нас за небольшую плату. Шофёр оказался лихой, он решил ехать ближним путём, по нижнему шоссе, которое теперь закрыто, так как оно идёт всё время через виноградники. Конечно, сейчас же нас поймали и высадили, отправив на верхнее шоссе, а шофёра с машиной оставили у себя. И пошли они солнцем палимые! Правда, солнце совсем уже садилось и над Аю-Дагом висела красивейшая шапка облака. Говорят, что такая шапка висит каждый вечер.

Ходко шли мы по верхнему шоссе, спеша к дому. Но как мы ни торопились, всё же пришли к нашему дому уже затемно. Усталые легли спать и на другой день проспали долго. Нам оставались ещё два

маршрута: на Аю-Даг и в заповедник (опять подниматься на Яйлу). Но послезавтра ребята (Моня, Володя, Ваня и я) должны уехать, так как нужно попасть в военные лагеря. Мы все поднялись до активного протеста, и походы эти были отнесены на время после нашего отъезда. Девочки втайне надеялись, что о походах так и забудут, но Николай Павлович никогда не забывал дела. Как потом рассказали девочки, они ходили на Аю-Даг, а потом тронулись на Большую Яйлу (Крымский государственный заповедник). Все шли неохотно, но на счастье полил сильный дождь и пришлось вернуться. Потом долго ещё шутили по этому поводу: «Бабуган нас не принял».

А в этот день был всеобщий отдых. Мы, ребята, решили поехать посмотреть Ялту. Жаль, что дальше, весь Южный Берег Крыма не удастся посмотреть. Поехали с нами и некоторые девочки. Ялта, конечно, произвела большое впечатление. Вот он, настоящий город-курорт. Прямо на центральных улицах высятся санатории и дома отдыха, ходят толпы ничего не делающих курортников. Возвратились в Гурзуф мы только к вечеру. В этот вечер был устроен большой прощальный ужин, все были очень хорошие и какие-то немного грустные. В этот вечер никто впервые не ругался. И так было хорошо! На утро мы уехали, а девочки с Николаем Павловичем остались. Ещё четыре дня длилась практика, а потом они остались отдыхать. Из Гурзуфа на пароходе они приехали в Феодосию и там сняли комнату.

А мы, четверо ребят: Моня, Володя Ряшин, Ваня Карманов и я, уже ехали на север, к Москве. Ехали не на поезде, а на автобусе, который вот уже третий год ходит по Симферопольскому шоссе. Дорожные приключения начались уже в Гурзуфе. В 6 часов утра мы стояли на шоссе и ждали автобуса до Симферополя, на который у нас уже были взяты билеты. Вот он показался и на полном ходу пытался проехать мимо. Мы встали на дороге и не пускали его. После долгой ругани нам удалось попасть в автобус. В противном случае мы бы опоздали на московский автобус, отходивший в 12 часов дня из Симферополя. Но вот сели, пока ехали до Алушты, были зелёные. Нас мучило, потому что мы поехали и ничего не поели. Но вот и Симферополь. Сразу бросаемся на автостанцию и узнаём, что автобуса, на который нам продали билеты, не существует. Мы в ужасе – ведь в кармане у нас повестки, в которых требуется уже через три дня быть в военных лагерях. Что делать? Через три часа нас кое-как устроили на автобус Симферополь – Харьков. Пришлось в Харькове делать пересадку. Правда, это

произошло быстро, без особого ущерба. И утром девятнадцатого мы были в Москве.

О моём участии в военных сборах. Итак, несмотря на язвенную болезнь, проявившуюся ещё на втором курсе, я числился военнообязанным и этим летом получил повестку явиться на военные сборы. Поэтому я прибыл на сборы сразу после полевой практики в Крыму, они проходили где-то под Москвой и продолжались почти целый месяц. Тогда это было правилом советской жизни – все военнообязанные мужчины, а также женщины с медицинским образованием были приписаны к военкоматам и следовали их указаниям. А в последующем, после своей второй операции и резекции желудка на пятом курсе мне дали, как тогда говорили, «белый билет» и я был освобождён от военной службы.

Сихотэ-Алинь. Производственная практика после третьего курса

Лето 1952 года я провёл на производственной практике в Сихотэ-Алине на Дальнем Востоке. Ехали мы туда вместе с Кимом Лосевым, Инной и Володей Ряшиными. В пять часов поезд пришёл в Ворошилов-Уссурийский, и отсюда мы должны были разъехаться. Ким в тот же день отправился к себе в партию, а я поехал во Владивосток провожать на пароход Инну и Володю. В тот же день вернулся в Ворошилов на базу нашей геологической партии, где должен был задержаться на один-два дня, а потом отправляться в свою партию на восточный склон Сихотэ-Алиня.

Но за день до отъезда со мной случилось неожиданное и опасное происшествие – прободение язвы желудка, которой я страдал уже несколько лет. По скорой помощи я попал в городскую больницу, где мне уже буквально через час сделали операцию – зашили дырку в желудке, и после операции я пролежал две недели в больнице, а потом ещё две недели долечивался на геологической базе в Ворошилове. О поездке в назначенную мне партию не могло быть и речи, так как она работала в очень сложном и труднодоступном районе, и меня определили в другую геологическую партию, где уже проходил практику Ким Лосев. Она работала на западном склоне Сихотэ-Алиня вдоль трассы Хабаровск – Владивосток, для меня в послеоперационный период это было очень важно. Так я оказался на всё лето в компании Кима Лосева, с которым впоследствии был связан многие годы, вплоть до его ухода из жизни.

Наша геологическая партия была довольно многочисленной: помимо геологов (вернее, геологинь) было несколько рабочих, техников, завхоз, повара, а также три солдата, которые должны были охранять нас при работе в тайге, где в те послевоенные годы всё ещё встречались дезертиры, прятавшиеся от мобилизации на Великую Отечественную войну. Мы работали на западном, всё-таки населённом склоне Сихотэ-Алиня, уходя по долинам рек, впадающих с востока в крупнейшую здесь реку Уссури. Погода в целом стояла неплохая, хотя были периоды сильных дождей, характерных для здешнего климата, когда небольшие реки становились бушующими потоками, и через них нам приходилось иногда с большими трудами и опасностями перебираться, идя по давно протоптаным в тайге тропам. В нашей партии было два автомобиля: грузовик-полуторка и пикап, но ходить по тропам в тайге приходилось, конечно, пешком.

Основная база нашей партии располагалась в городе Бикине – крупном районном центре на шоссе Хабаровск–Владивосток. Город находился на берегу одноимённой реки, и в одном из многодневных маршрутов мы провели несколько дней, спускаясь по таёжной тропе вниз по течению Бикина к нашей базе, находившейся недалеко от устья Бикина, впадающего в реку Уссури, текущую по границе нашей страны и Китая. Мы совершили немало многодневных пешеходных маршрутов по уссурийской тайге и нередко попадали в сильнейшие дожди, характерные для летнего климата в этих местах. В тайге было постоянно засилье комаров, от которых мы сильно страдали. Опасным было и соседство медянок – небольших ядовитых змей, укус которых в весеннее время мог быть даже смертельным. Однажды ночью, когда мы спали на склоне недалеко от реки, такая медянка заползла ко мне в спальный мешок и пригелась поверх простынного вкладыша – так мы и проспали с ней вместе несколько часов, и только на рассвете нам удалось «расстаться друзьями» без каких-либо укусов. Некоторое время база нашей экспедиции находилась в селе на правом берегу реки Бикин при впадении его в Уссури, т.е. совсем недалеко от границы с Китаем. С нашего берега реки были видны сопки на китайском берегу и вдалеке небольшой городок.

В таёжных походах мы совсем не встречали людей, но почти всегда недалеко от нас были звери. Фактически мы попали совсем в другой мир – мир дикой природы, где хозяевами были не люди, а дикие звери, которые жили по своим законам тайги. Однажды, идя по тропе

к вершине сопки, я «лицом к лицу» встретился с молодым медведем: увидев друг друга мы оба испугались и бросились бежать в разные стороны. А в таёжных порослях мы нередко слышали трубные звуки изюбрей – у них как раз начинался «гон». Климат на Дальнем Востоке муссонный, для него характерны обильные летние дожди, и мы на склоне лета попали в такой период: три дня непрерывно шёл сильный дождь, маленькие ручейки превратились в настоящие реки, через которые нам приходилось перебираться иногда с большим риском.

Самым интересным был маршрут по реке Бикин. Сначала мы на катере поднялись на 140 км вверх по Бикину, а затем пошли пешком вдоль реки обратно. Пеший маршрут с наблюдениями был длиной более 50 км до нанайского села Нижний Красный Перевал, а потом снова на катере возвращаемся в село на нашу базу. Ночью катер причаливал к берегу, но спать очень трудно из-за несметного количества мошкар. Тревожили нас и змеи, которых здесь очень много. На правом берегу Бикина увидели огромное болото: в длину оно тянется на 25 км, а ширина достигает 10–15 км, нам его предстояло обследовать. Всё это входило «в наши задачи» – мы должны были дать характеристику всей этой территории, наш руководитель Татьяна Лукинична Недосуг всё время что-то записывала в свой дневник.

После речного маршрута следующим был маршрут на автомобиле по шоссе Хабаровск – Владивосток с остановками около примечательных геологических мест – на небольших перевалах, куда взбиралась автомобильная дорога, и на придорожных карьерах, где обнажены геологические наслоения. В 120 км от Хабаровска на шоссе к Владивостоку расположен город Вяземский, здесь была наша временная база. В моём альбоме с фотографиями того времени сохранилось фото всей нашей партии: начальница, геолог, почвовед, химик, лаборант-геолог, двое нас – студентов-коллекторов, два шофёра, повариха, завхоз и три солдата – рабочих (молдаване). Были у нас и два автомобиля – полуторка и пикап.

Но вот наступила осень – самое красивое здесь время года. Виноград в тайге, бывший всё лето для нас дикой лианой, дал гроздьев ягод, оказавшихся совсем несъедобными. Деревья «оделись» в осенний наряд, тайга преображалась. А мы вернулись на нашу базу в город Ворошилов. Здесь как раз было медовое время, и мы с Кимом купили по целому бочонку мёда – килограмм по тридцать. Помню, как я раздавал его в подарок своим родным – кажется, его хватило на два

года. Обратно из Ворошилова-Уссурийского в Москву мы ехали с нашими бочёнками мёда на скором поезде Владивосток–Москва, снова увидели Байкал и почему-то запомнилась станция Ерофей Павлович. Это была замечательная практика – очень полезная и запомнившаяся на всю жизнь.

Память о практике на Дальнем Востоке также сохранилась в письмах моим друзьям, которые я привожу на страницах этого повествования.

Моё письмо Серёже Шлихтеру от 7 июля 1952 г. Привет из большого дальневосточного города Ворошилова. Все наши давно разъехались в полевые партии, один я всё ещё околачиваюсь на базе, но тоже думаю на днях уехать. В Ворошилове всё ещё потому, что пришлось мне лежать в больнице – делали операцию (было прободение язвы желудка). Но теперь уже всё в порядке, я оказался очень живуч, операцию перенёс прекрасно и сейчас уже в принципе всё зажило. Осталась самая малость. Теперь жду отъезда в партию, где меня очень ждут, потому что вместо меня работать там некому. Теперь жду лётной погоды. Вот уже неделю облака, идёт дождь, вернее даже не дождь, а изморозь. Сейчас живу здесь, в Ворошилове на базе. Ничего не делаю, днём гуляю по городу, сплю, вечером здесь играем в домино, в билиард, ходим в кино. Здесь в городе два кинотеатра, цирк. Сейчас идёт четвертая серия Тарзана. На днях я смотрел – ничего.

Ещё до болезни был во Владивостоке. Попал туда так: делать было нечего, а Ряшины (и он и сестра) отправлялись к себе в партию, через Владивосток, оттуда они должны были ехать на пароходе вдоль нашего восточного побережья. Ну, я и поехал их проводить. Владивосток очень понравился, и море там настоящее, ну, конечно, не Чёрное, но всё равно производит впечатление – всё-таки Тихий океан.

Ну а как ты устроился? Куда поехал? Попал ли на Ангару? Если попал, хорошо. Ангара – река страшно интересная. Сейчас она очень разлилась, настолько сильно, что препятствует движению поездов на восток. Вот уже несколько дней курьерские поезда опаздывают на 2 суток, и всё из-за Ангары и Байкала. Путь вдоль Байкала очень красивый, производит громадное впечатление, но очень опасный. Позавчера приехал главный гидрогеолог нашей экспедиции, он рассказывал, что они стояли в Иркутске двое суток, так как на Байкале произошёл обвал и предыдущий курьерский поезд вообще не пришёл. А шёл встречный скорый поезд Хабаровск – Москва, так он вообще был без стёкол. Так в конечном итоге их вдоль Байкала (по берегу) не

повезли, а отправили верхним новым путём, проложенным в горах, потому что с постройкой плотины нижнюю железную дорогу зальёт. Но поскольку верхний путь совсем новый, не объезженный, поезд шёл страшно медленно – 120 км проехали за 12 часов. Ну а наш путь до Ворошилова обошёлся очень благополучно. Вот и всё.

Моё письмо Серёже Шлихтеру от 23 августа 1952 г. Серёжа, пишу тебе мало, так как сейчас очень некогда. Самые сборы в очень грандиозный, самый большой наш маршрут, в который уходим завтра утром. Но прежде всего главное, если в Москве будешь заходить к моей маме, не забудь пожалуйста вот что: ничего не говорить о моей болезни, так как мне не хочется, чтобы она знала. Зачем её зря беспокоить.

Итак, завтра утром мы на катере отчаливаем в маршрут дней на 14–15 вверх по Бикину – это самая большая река здешнего района. Едем на большом катере с кубриком, нам предстоит подняться вверх на 100 с лишним км, это будет продолжаться 4 дня и здесь мы будем как на экскурсии, только отдыхать, любоваться природой и не работать. А уж на обратном пути будем работать: Ким на катере как гидролог, будет исследовать русло и пойму р. Бикина, а я как физгеограф и почвовед пойду с геологом по склону долины. Думаю, что если нам не подпортит погода – поездка и поход будут замечательные. Пока погода превосходная. Вот наши дела. Как только придём из похода, и я, и Ким тебе напишем и расскажем подробно о своём житье-бытье. А сейчас извини меня, мне некогда.

Кстати, получил второе письмо от Аллы. Она там страдает. Ким получил сегодня письмо от Люси Хвостовой. В общем, писем много. Только успевай отвечать. Ну, пока, до свидания. Привет от Кима. Володя

Моё письмо Серёже Шлихтеру от 2 сентября 1952 г. Серёжа, привет. Пишу с борта единственного на реке Бикин катера, который мы используем сейчас для нашей работы. Сейчас мы возвращаемся обратно из одного из самых трудных маршрутов – Бикинского. Поднялись мы за четыре дня на катере на 140 км вверх по Бикину, затем я, старший геолог нашей партии и один солдат отправились в обратный путь пешком, шли где просто по тайге, где по линии связи. Линия связи – трансдальневосточная – идёт от Хабаровска через Сихотэ-Алинь на восточный склон и побережье. За четыре дня мы прошли около 40 км. Здорово мочил дождь, погода стояла изо дня в день совершенно одинаковая – обязательно 6 часов в сутки лил дождь – приходилось пережидать. Вообще помокли солидно, потому что лило не только

сверху – подмокали и снизу. Все болота были полны воды – мы так и не просыхали. Но благополучно кончили и вернулись на катер. Ким в это время ещё с двумя ехал обратно на катере, они высаживались, делали поперечники, Ким занимался гидрологией – измерял, наблюдал, описывал русло Бикина. Вот и сейчас мы едем, я уже сачкую, пишу письма, читаю «Ленинградский дневник» Веры Инбер, а Ким наверху на палубе закидывает свой лот, сделанный из шёлковой тесьмы.

В этом месте мне хотелось бы сказать несколько слов о Вере Инбер – знаменитой поэтессе, свидетельнице трёх революций XX века, первой мировой и гражданской войн, а также блокады Ленинграда. Она приехала в Ленинград последним поездом перед началом блокады и всё блокадное время прожила в больнице, ставшей военным госпиталем, в который свозили раненых горожан и бойцов. В блокадном Ленинграде её голос звучал по радио, она читала стихи в госпиталях, в лютые морозы ездила выступать на фронт по воинским частям, на военные корабли. Патриотические выступления этой энергичной женщины поддерживали дух блокадных ленинградцев, она стала частью истории блокадного Ленинграда. Защитникам Ленинграда был посвящён её сборник «Пулковский меридиан», за который в 1946 г. она получила самую почётную награду того времени – Сталинскую премию. Блокадный дневник Веры Инбер «Почти три года» – это откровенное и пронзительное свидетельство того страшного времени, когда обстрелы, бомбёжки, голод и смерть превратились в повседневный быт ленинградцев.

Возвращаясь к своему письму. Сегодня ночевали в селе Нижний Красный перевал, вернее ночевали на катере, но около села. В селе живут нанайцы – очень оригинальные. Мы удивились – они очень развитые, по-русски говорят замечательно, их дети учатся в семилетке, сами они играют в шахматы, в общем, я не ожидал такой культуры. Ездят на ботах. Однажды с Кимом ночевал один нанец из селения Олон. Это ещё на 80 км выше по Бикину. Он ехал за своей женой в больницу в г. Бикин. Ким сфотографировал его в боте.

Я успешно занимаюсь фотографией, уже начал снимать пятую плёнку (Ким шестую), но одну я запорол, всё-таки у меня аппарат работает не блестяще. Но есть очень хорошие и оригинальные кадры. Однажды в солнечный день мы с Кимом взобрались на высокую сопку у нашей базы и сняли китайский городок Жаохэ, расположенный на том берегу р. Уссури. У Кима много панорам, а здесь иногда изуми-

тельные панорамы. Правда, лучше той твоей (с Ачишхо) панорамы я не видел.

Тайга здесь замечательная, не слишком дикая, звери есть, но немного. Мы почти не видели, но это потому, что мы идём по лесу, шумим, ну звери и разбегаются. Но зато от комаров нам досталось. В любую погоду, в любое время дня, в любом месте – всё время кусают. Записывать просто невозможно, спасаемся только дымокур. У нас очень хороший был солдат, он умел разводить дымокур в любых условиях, и это нам здорово помогало.

Но теперь всё это позади, трудные маршруты кончились, ещё два дня – и мы дома. Впереди ещё месяц работ в поле, остались маршруты нетрудные, по дороге, большинство на машине. Затем полмесяца полевой камералки (т.е. обработки собранных материалов), и 15 октября мы свободны, поедem в Ворошилов, Владивосток, а затем домой. Уже сентябрь начался, добрые люди учатся, одни мы такие сочковые, начнём учёбу в первых числах ноября. Интересно, в новом ли здании?

Ну, Серёжа, пиши, как дела, когда начнём заниматься? Привет маме, папе, Эрику. Интересно, где Моня? Не знаешь? Ну, кажется, всё. Катер остановился, сейчас будем кушать.

Эта практика на Дальнем Востоке оставила глубокий след в моей памяти и во всей жизни. Впервые я прожил несколько месяцев в самой природе, увидел её «изнутри», познакомился с жизнью первозданной тайги и её животным миром. Нередко мы слышали трубный звук изюбрей, встречали медведей и наблюдали, как греется на солнце целое змеиное царство. И конечно, огромное впечатление оставляла сама уссурийская тайга. На всю жизнь у меня осталось впечатление о первозданной природе, увиденной в приамурской тайге. Фактически нам удалось ощутить эту природу и почувствовать жизнь первозданной планеты Земля.

Средняя Сибирь.

Производственная практика после четвёртого курса

На эту летнюю практику я ехал в компании Мони Абрамовича и Володи Ряшина. Она началась в Иркутске, где мы присоединились к группе инженеров из Гипрогора, которые приехали сюда для проектирования новых городов в Братске, Осетрове и у Красноярска. В поезде № 8 Москва – Владивосток мы доехали до Иркутска и в этот же вечер

(а это была суббота) поехали на выходной день с городской экскурсией на Байкал. Экскурсия была пароходная, мы ночевали на пароходе, а воскресный день провели у истока Ангары. В моём фотоальбоме тех лет осталась замечательная серия фотографий окрестных гор и самого озера. Вернулись в Иркутск поздно вечером, а на другой день уже началось наше путешествие по южным районам Центральной Сибири. В те годы начиналось строительство Иркутской ГЭС, проектировалась и огромная стометровая плотина на Ангаре в районе Братска, и мы тоже побывали в районе Братских порогов и увидели стометровые каменные откосы на Ангаре, которые стали створом плотины построенной здесь через несколько лет Братской ГЭС.

Пробыв в Иркутске несколько дней на рейсовом теплоходе отправились вниз по Ангаре в сторону Братска, где проектировалась ещё одна плотина и через несколько лет появилось огромное Братское водохранилище с мощной ГЭС. Наш пароход «Фридрих Энгельс» подошёл к небольшой пристани на Ангаре, и всё местное население оказалось на берегу встречать пароход из Иркутска. Как раз в это время местные рыбаки поймали огромного осетра почти в человеческий рост и в нашу честь сварили замечательную уху, не подозревая, что приехавшие столичные инженеры проектируют затопление всех этих земель с возведением стометровой плотины мощнейшей гидроэлектростанции.

Следующим местом нашей командировки был Усть-Кут – небольшой город на Ангаре, через который уже вскоре должна была пройти трансзиатская железная дорога, второй путь из Центральной России в Сибирь и на Дальний Восток.

Здесь проходил знаменитый старинный Заярский тракт, по которому мы проехали из Заярска до города Усть-Кут. По дороге мы побывали в старинном русском городе Илимске, где увидели древний острог и 300-летнюю православную церковь. Наше путешествие в эти края было связано с проектированием железной дороги – второго БАМа, который был построен спустя несколько лет. Эта железная дорога обогнула озеро Байкал с севера и ныне полностью построена вплоть до Хабаровска. А в те годы она действовала только до реки Лены, где находился довольно большой речной порт Осетрово. Уже в те годы это была не маленькая агломерация, она состояла из нескольких посёлков, в которых мы побывали.

Конечным пунктом нашего путешествия был река Ангара, куда уже в те годы пришла железная дорога. Пока здесь высилась величествен-

ная сибирская тайга, которая в районе Братска становилась всё реже и реже. Именно здесь тогда проектировался город Братск с населением 200–300 тысяч человек. Железнодорожное полотно уже в те годы прокладывалось по плоской поверхности высокого берега Ангары; на наших глазах лес «расступился», образовав широкую просеку – железнодорожную полосу в будущем. Здесь мы подъехали к селу Падун, давшему название знаменитым Падунским порогам. Мы увидели широкую, более километра, Ангару и стометровые стены горных пород по обоим берегам – как будто специально приготовленным для возведения здесь грандиозной плотины. Именно это место стало будущим створом гигантской плотины Братской ГЭС. А сейчас здесь находятся величественные Падунские пороги – мы ночевали в селе Падун, в трёх километрах от порогов, но почти не спали из-за рёва несущейся воды.

Совершенно отвесны берега Ангары в этой трубе, длина «трубы» больше полутора километров, а ширина – всего 800 метров. Берега поднимаются прямо от уреза воды вертикально вверх на 100 с лишним метров; сложены они сибирскими базальтами – траппами. Эти траппы ни на что не похожи, их ни с чем не спутаешь, это зелёные камни, образующие так называемые столбчатые отдельности. Мы тоже ступили на эти траппы на правом берегу Ангары, куда мы переехали на катере, чтобы познакомиться с окрестностями Падунских порогов. Как только мы выехали из трубы на простор Ангары, мы увидели живописный невысокий левый берег с прекрасной сибирской тайгой. Правда, находиться здесь долго было трудно из-за полчищ комаров.

Ближайшим населённым пунктом к ангарским порогам был город Тайшет, куда мы и приехали к вечеру, спустившись с ангарских порогов. Через этот город проходит знаменитый Сибирский тракт, а соседнее село называется именем с типичным сибирским окончанием – Суети́ха. В этом селе, куда уже проложена железная дорога, находится большой гидролизный завод на берегу реки Бирюсы. В этих местах господствует уже не тайга, а лесостепь и развивается сельское хозяйство и животноводство.

Последним пунктом нашей практики был город Красноярск, а для меня также поездка на неделю в Минусинск. Из Красноярска мы отправились на катере вверх по Енисею к створу строительства Красноярской ГЭС, проехали километров 20–25, полюбовались на скалистые берега Енисея. А меня ещё ждала недельная поездка в старинный русский город Минусинск, где я работал в местном краеведческом музее

имени Мартыанова, собирая материал для своей дипломной работы. Здесь вновь «разыгралась» моя язвенная болезнь, я совсем не мог ничего есть, питался очень осторожно, и через неделю в Красноярске сел в московский поезд, а по приезде в Москву очень скоро оказался в больнице, где мне сделали серьёзную операцию (резекцию желудка), и с язвой желудка было навсегда покончено. После этой операции я несколько месяцев «сидел» дома, так как надо было регулярно и часто диетически питаться и вести малоподвижный образ жизни. Правда, в последний семестр лекций уже не было – это было время написания дипломной работы, чем я дома и занимался. Я выбрал себе тему физико-географического описания Минусинской котловины, где я побывал в последнюю неделю своей преддипломной практики.

Моё письмо Серёже Шлихтеру от 26 августа 1953 г. Серёжа, привет!

Пишу с далёкой Ангары, старой твоей знакомой. Едем по ней на большом пароходе «Карл Маркс». Моня с Володей гуляют по пароходу, подъезжая к местным девушкам. Прошло всего две недели как мы из Москвы, а впечатлений уже уйма. Живём мы шикарно. У нас не экспедиция, а так называемая командировка – это значит, что перед большой работой начальство едет на рекогносцировочное обследование района, а потом уже разные мелкие сошки будут копать в разных местах, указанных нами, детально обследовать их. Мы, между прочим, тоже относимся к начальству, и с ним, как говорится, на одной ноге. По должности мы инженеры со всеми вытекающими отсюда последствиями. Это особенно сильно мы почувствовали, когда в Иркутске встретили наших (Акифьеву, Сдасюк, Кравцову), которые работают в Восточно-Сибирской экспедиции НИИГе, работают по заказу Гипрогора. Мы же от этого же Гипрогора (ты прекрасно представляешь, что это такое) ездим непосредственно с начальством. Условия нашей поездки исключительные. Всюду мы ездим мягкими вагонами и каютами первого класса. А 13 августа до Иркутска мы выехали курьерским поездом. Называемся мы «группа Гипрогора» и состоим из шести человек: трое молодых подающих большие надежды инженеров – это мы, т.е. Володя, Моня и я (так отрекомендовывают нас), и трое инженеров пожилых. Все трое типы очень интересные. Они несмотря на свой преклонный возраст беспрестанно «раскидывают», особенно с молодыми девушками, и это у них здорово получается. Главный начальник над ними – старший геолог Гипрогора – небезызвестная в сибирских

научных кругах личность – некто Призонт – громадный высоченный и широченный мужчина (представляешь, размер пальто – 60), знает всех в Восточно-Сибирском филиале Академии наук, и мы благодаря ему знакомы со многими большими учёными, в том числе даже с двумя членами-корреспондентами АН.

Кроме того, в Москве мы познакомились с заместителем председателя Иркутского облисполкома и он обещал нам всякую помощь. Эту помощь мы ощутили в первый же день, когда ночью приехали в Иркутск, и несмотря на то, что гостиница страшно перегружена, для нас были забронированы номера. Поселившись в этой гостинице, мы приступили к работе и дней пять работали не покладая (не путай с термином не прикладая) рук. Обошли массу областных организаций, знакомясь непосредственно с их начальниками. Были в облплане, областном управлении сельского хозяйства, Иркутском геологическом управлении, Статистическом управлении, отделении ГУТКа, Восточно-Сибирском отделении Академии наук, в Университете. Занимались самой разнообразней работой, во многом может быть напоминающую твою прошлогоднюю.

В воскресенье, как известно, все организации закрыты и совслужащие не работают. Мы поэтому решили провести это время на природе, отдыхая от всех мирских забот. И в субботу в десять вечера мы взойшли на палубу большого ангарского парохода «Фридрих Энгельс», который вёз массу народа на Байкал. Это был прогулочный маршрут, и настроение у всех было прогулочное. В салоне парохода до 3 часов ночи были танцы, песни и т.п. Была масса иркутских студентов, мы со многими перезнакомились, и я персонально познакомился с одной очень хорошей девушкой из Иркутского медицинского института. Всю ночь пароход шлёпал по Ангаре и лишь в 7 часов утра следующего дня мы прибыли на Байкал. Здесь день мы провели чудесно. Лазили на скалы, много фотографировали. На обратном пути смотрели строительство Иркутской ГЭС. В общем получили от поездки массу впечатлений.

А через день мы уже садились на другой аналогичный пароход «Карл Маркс», чтобы добраться до Заярска. Ты, конечно, представляешь, что и как. Двое суток ехали, любовались Ангарой. В Заярске пробыли всего несколько часов, подвернулась машина и мы по тракту поехали в Усть-Кут. Ехали целый день, страшно интересно. А сейчас живём на Лене. Из окна видна река и весь громадный (жуть, какой громадный) рабочий посёлок Усть-Кут – Осетрово. Позавчера про-

ехали по нему на машине, а вчера – на катере. Это что-то очень грандиозное – на 20 км растянулись посёлки, склады, причалы, железная дорога. Здесь оказалась уйма работы, потому что ваш ГИДЭП здесь в прошлом году был и ни черта не сделал, а то что сделал, оказалось в натуре совсем не так.

Вот какие дела. Завтра, вероятно, поедем в Братск, на этот раз по железной дороге. Поезд ходит паршивенький, составленный из дачных вагонов. Всего один вагон плацкартный, наша задача – в него попасть. Поезда ещё ходят здесь очень медленно. До Братска отсюда 350 км, так поезд идёт это расстояние больше суток – 28 часов.

Ну а как твои дела? Как нравится Дальний Восток? Где вы были, где сейчас находитесь? В Заярске я получил последние вести о вас (а вести о вас я получаю регулярно – здесь столько университетского народу, куда ни плюнь – всюду наши, всех поколений, от 3 курса до аспирантов и профессоров), мне сказали, что вы уехали из Хабаровска и что лучше писать на Владивосток. Сережа, как ты себя чувствуешь? После той хитрой болезни ничего? Напиши. Я ещё ни от кого писем не получал, жду в Красноярске, там мы будем числа 15 сентября. А в Москву собираемся во второй половине октября. Наверное, и ты в это же время. Ну пока, до свидания. Привет от Володи, Мони тебе, Юлику и всем остальным вашим товарищам (и товаркам). Ну, пока. Пиши

Моё письмо Серёже Шлихтеру от 12 сентября 1953 г. Привет от нас троих всей вашей гоп-компании. Насколько нам известно о вас и вашей работе (а нам почему-то именно о вас известно больше, чем о других), вы там достаточно филоните и методика работы у вас такая же как и у нас («работать не прикладая рук»).

Ну, как Дальний Восток? Как впечатления? Много их. Мы здесь побывали в укромных местах, много видели интересного и запоминающегося, а теперь возвращаемся постепенно всё ближе и ближе к центру. Наш центр – Красноярск. Там уже заказаны для нас номера, и завтра мы торжественно въедем в этот город. Завтра ровно месяц как началось наше путешествие; завтра наступает второй этап нашей работы, видимо менее интересный, но зато и менее трудный. Сейчас сидим в райисполкоме Тайшета. Идёт программное совещание у председателя. Начальство там, а мы филоним на улице. Только что срочно вызвали В. Ряшина. А мы гуляем. Без конца встречаем знакомых, гл. образом эконо-географов. Вот уже два дня возвращаемся всё время с Калинниковой, она довольно интересная женщина.

За последнее время мы побывали в интересных уголках. Были в Братске, а оттуда ездили к Падунским порогам, к месту строительства будущей ГЭС. Я не помню, ты-то был в Братске или нет. Если не был, то много потерял. Красота на порогах необыкновенная. Не только красота, но и величественность. В смысле работы мы ничего почти не делаем. Так кое-что копируем, кое-что выписываем. Если б у нас был экономгеографический диплом, то мы бы его написали блестяще – материала много и он превосходный. Но... наше физико-географическое дело несколько хуже, хотя материалов тоже много. Но это в основном литературный и рукописный материал. Полевого нет, да и не надо. Мы в общем очень спокойны, ничего не делаем, просто ездим и смотрим.

Ну а как вы там? От кого имеешь весточки, напиши подробно; что пишет Ким? Наверное, завтра в Красноярске мы получим много писем, но пока никто из нас не имеет ни одного, даже из дома. Так нескладно с адресом получилось. А что пишут из Москвы? Как дела у Эрика? Как здоровье папы? Напиши. Да, ещё вот что. Вы, вероятно, скоро и наверняка раньше нас поедете домой. И будете проезжать через Красноярск. Так ты дай телеграмму, когда (дату) с каким поездом и вагоном вы поедете. Если будет возможность, мы с вами увидимся. Дай по адресу: Красноярск, главпочтамт, до востребования. Лучше на имя Моньки (Ш.Л.), так как я, вероятно, на неделю еду в Абакан, а Моня будет всё время в городе. Ну вот и всё. Пока. Желаю всего хорошего. Скоро увидимся. Пиши и телеграфируй.

Эти сохранившиеся письма моему приятелю студенческих лет Серёже Шлихтеру я получил от него на память много лет спустя, когда он в конце 1970-х годов навсегда уезжал жить в Германию.

Итак, это лето оказалось чрезвычайно интересным, принёсшим огромное количество впечатлений. И я, несмотря на перенесённую операцию, чувствовал себя неплохо. Нам удалось побывать во многих уголках Сибири, увидеть грандиозные стройки тех лет, познакомиться с великим Енисеем и его притоком Ангарой, побывать в Иркутске и Красноярске. А в Москве и Подмоскovie в это же время продолжалась традиционная семейная жизнь.

На семейном празднике в Выхино. В годы моей университетской жизни я всё своё внимание уделял университету и множеству моих университетских друзей. А между тем жизнь моих многочисленных родственников продолжалась и ежегодно бывали их семейные встречи по престольным праздникам, о чём свидетельствует одна из со-

Выхино, 2 августа 1953 г., на празднике: Ильин день.

Первый ряд снизу, слева направо: Екатерина Мотова (Шведова), Мария Барляева (Шведова), Александра Шведова; во втором ряду снизу вторая слева Ольга Докучаева (Шведова), третья слева Елена Котлякова (Абрамова), четвёртый слева Михаил Мотов

хранившихся в семейном архиве фотографий. На ней мы видим моих близких родственников по маминой линии: слева направо в верхнем ряду: Клавдия Мотова из Краскова, тётя Оля Докучаева из Подосинок, мама – Елена Александровна Котлякова, Михаил Мотов из Краскова и его мать Екатерина Ивановна Мотова из Краскова, Мария Ивановна Барляева из Выхино, Александра Ивановна Шведова). Моей родной бабушки на этой фотографии нет, но присутствуют три её родных сестры. Судя по сохранившимся фотографиям и переписке, мы видим, что в семье Шведовых сохранялась давняя традиция собираться семьёй в определённые дни христианских праздников.

В семейном архиве сохранилась фотография: дядя Серёжа со своей семьёй – тётей Варей и усыновлённым внуком Володей – был в отпуске в Москве и отмечал свой день рождения (47-летие) в Выхино, у своей тёти Марии Ивановны Барляевой. Фотография сделана на крыльце её дома. Как раз в эти дни (29 мая 1954 г.) в возрасте 87 лет скончалась тётя Саша, и дядя Серёжа с семьёй присутствовал на её похоронах.

23 мая 1954 г., Выхино, у Марии Барляевой в день рождения дяди Серёжи Абрамова. Первый ряд снизу: первый справа Сергей Абрамов, второй ряд слева направо: Мария Барляева, Варвара Абрамова, третий ряд: Елена Котлякова

К сожалению, я на похоронах тёти Саши не был – как раз в это время я сдавал экзамены по окончанию университета.

Защита диплома, завершение учёбы в университете в 1954 г.

Итак, свою учёбу в университете я завершал успешно, хотя почти весь последний курс из-за болезни я не мог посещать занятия. На моё счастье, на последнем семестре лекций в университете уже не было, так как студенты занимались своими дипломными работами – были лишь регулярные консультации, но я их не посещал, так как после перенесённой операции был вынужден оставаться на домашнем ре-

жиме. В последний год учёбы был небольшой курс мерзлотоведения, который, к сожалению, я вообще не смог посещать из-за своего послеоперационного состояния, и преподаватель не хотел мне ставить оценку выше тройки, но вся группа встала стеной за меня и уговорила поставить мне четвёрку, так как «Котляков претендует на медаль» – и преподаватель пошёл навстречу.

Защита дипломной работы (кажется, она называлась «Физическая география Минусинской котловины») прошла успешно, я получил пятёрку с плюсом, а вскоре состоялось распределение оканчивающих пятый курс. Я всегда шёл сдавать экзамен одним из первых, так было и на этот раз. Я вошёл в аудиторию, где сидела комиссия по распределению в составе нескольких человек, и мне неожиданно предложили Институт географии Академии наук. Я без колебаний согласился, а выйдя в коридор к своим сокурсникам и рассказав о результате, я получил в ответ с иронией: «Конечно, тебя распределили по месту жительства» – и действительно, это было именно так – ведь институт располагался в пешей доступности от нашего дома.

Итак, завершилось моё высшее образование. В новом только что отстроенном здании Московского государственного университета на Ленинских горах прошли выпускные экзамены, 28 июня 1954 г. я получил диплом МГУ с отличием (№ 084974) по специальности «Физическая география» и госраспределение. Мне всё-таки исключительно «повезло»: меня распределили в Москву, в Институт географии АН СССР, который находился в Старомонетном переулке, в 15 минутах ходьбы от нашего дома на Якиманке.

Начало работы в Институте географии

Институт географии был создан в 1918 г. в Петрограде как Промышленно-географический отдел при Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС), затем был преобразован в Геоморфологический институт (ГЕОМИН), в 1934 г. переведён в Москву и получил название Институт физической географии, а спустя два года стал называться Институт географии АН СССР (ныне Институт географии РАН). В ранние годы в институте работали выдающиеся географы нашей страны – академики Л.С. Берг, А.А. Григорьев, К.К. Марков, И.П. Герасимов, Г.А. Авсюк и многие другие известные географы того времени.

Со своим дипломом я пошёл в Институт географии, располагавшийся в Старомонетном переулке. Это было старинное приземистое здание, имевшее любопытную историю, о которой будет сказано на страницах этой книги позже. В 1934 г. здание было передано Институту географии Академии наук, и в 1954 г. я переступил порог этого дома, ставшего для меня родным на протяжении всей моей жизни. В моей трудовой книжке за всю мою долгую трудовую жизнь записано одно единственное место работы – Институт географии. Это была моя судьба – и я остался верен Институту всю свою долгую жизнь.

Было лето и институт был полупустой, а лучше сказать даже пустой – сотрудники института были в экспедициях в самых разных местах: в Средней Азии, в Сибири, в Арктике, на Русской равнине. Поскольку я был новичок, мне сказали: идите к директору, но его не было, а был заместитель Григорий Александрович Авсюк. Его стол стоял в углу комнаты за дверью; он познакомился со мной и направил меня в отдел физической географии с советом: поскольку сейчас в институте никого нет (все в экспедициях или отпусках), идите в библиотеку и читайте книжки, набирайтесь ума через литературу. Я так и сделал: знакомился с книгами, выписывал на библиографических карточках нужную информацию, и эти карточки сохранились у меня с того времени и долго существовала огромная библиография, которая помогала мне многие годы.

Этот разговор был первым моим знакомством с Григорием Александровичем Авсюком, с которым я потом был связан до конца его жизни. Эта встреча привела меня в отдел физической географии, а через месяц–полтора народ стал прибывать из отпусков и экспедиций и уже осенью я был полноценным сотрудником этого отдела. Места в институте было очень мало, многие фактически работали дома, но у меня условий дома работать не было. Поэтому я проводил время в библиотеке института, а потом стал ходить в Московский университет, где мне определили место в зале преподавателей в библиотеке на 22-м этаже.

Григорий Александрович Авсюк сыграл в моей жизни исключительную роль. Он работал в институте ещё с довоенных лет, а в годы Великой Отечественной войны был эвакуирован вместе с частью коллектива в Киргизию и провёл несколько лет в исследованиях ледников Киргизского Алатау и других окрестных мест. В эти годы он написал докторскую диссертацию о ледниках Тянь-Шаня и стал одним из из-

Григорий Александрович Авсюк

вестных советских гляциологов того времени. Вместе с К.К. Марковым и П.А. Шумским Григорий Александрович отправился в 1955 году в Антарктиду, побывал в Мирном, а по возвращении (возвращались они на «Большую Землю» на китобойном судне) назначил меня учёным секретарем Секции гляциологии Междуведомственного геофизического комитета – это стало началом нашей совместной работы с Григорием Александровичем, продолжавшейся до конца его жизни.

В 1955 году было принято международное решение о проведении в 1957-м году Международного полярного года, и Г.А. Авсюк стал организатором гляциологических исследований по этой программе. В Советском Союзе было создано 11 гляциологических станций, в том числе полярные станции на Новой Земле и Земле Франца-Иосифа. Но это было после нашей зимовки на Новой Земле. Г.А. Авсюк стал довольно известным лицом в Академии наук СССР и всегда помогал мне в академических делах.

В моей жизни в науке три человека сыграли очень важную, направляющую роль. Это были: помимо Григория Александровича Ав-

сюка также Пётр Александрович Шумский и Гавриил Дмитриевич Рихтер. Именно Авсюк порекомендовал П.А. Шумскому взять меня (вместе со Свенельдом Евтеевым и Виктором Михайловичем Кузнецовым – уже опытным полярником) в экспедицию на Новую Землю, а после нашего возвращения П.А. Шумский предложил всем троим принять участие под его началом во Второй Советской Антарктической экспедиции (1956–1958 гг.).

На следующий год я знакомился со всем институтом, тогда в коллективе было много молодёжи, и мы организовывали молодёжные конференции, «поездки по меридиану», которые возглавлял Г.Д. Рихтер, а организовывал Женя Зингер. В те годы было действительно много молодёжи в институте, у нас сложилась компания с ребятами и девушками из разных отделов, яркой личностью был Алёша Минц, сын известного академика тех лет Минца. Мы с ним сдружились, но через несколько лет случилась страшная трагедия: Алёша вместе с заместителем директора тех лет Куницыным летел на самолёте с какой-то научной встречи в Чехословакии, и самолёт на пути в Москву разбился, и все пассажиры погибли.

Я уже был близок к решению посвятить ближайшие годы своей жизни изучению снежного покрова на склонах Эльбруса, но... появился новый человек в моей жизни Пётр Александрович Шумский – известный гляциолог того времени. В прошлые годы ленинградец, трудившийся в Арктическом институте, теперь он работал в Институте мерзлотоведения, который находился в соседнем переулке рядом с нашим институтом. Он пришёл в наш институт в поисках молодых людей для работы в Арктической экспедиции на ледниках Новой Земли и Земли Франца-Иосифа. Это была экспедиция под названием «Север-7», задача которой тогда не афишировалась. Главной её целью было ответить на вопрос: могут ли приземляться современные самолёты на поверхность Новоземельского ледникового покрова и на ледники Земли Франца-Иосифа и где на ледниковой поверхности можно было бы оборудовать такие аэродромы для посадки военных самолетов. Я и мой сокурсник Свенельд Евтеев согласились участвовать в этих работах, к нам присоединился уже не молодой, но опытный полярник, друг Григория Александровича Авсюка Виктор Михайлович Кузнецов (тогда работавший заместителем директора нашего института по хозяйству). Так троём (Свенельд, Виктор Михайлович и я) мы и отправились на весь следующий год на зимовку на Новую Землю. И именно в этом году на Новой

Земле велась подготовка к испытанию атомной бомбы, состоявшемуся в следующем году. Однако результаты наших работ показали, что самолеты на ледниковый покров посадить нельзя, и этот результат привёл к тому, что наша зимовка была закрыта через шесть месяцев, но она сыграла большую роль в моей будущей гляциологической жизни, так как у меня появился богатый опыт жизни и работы на ледниках. Наше возвращение на Большую землю заняло почти месяц: нас сняли с Новой Земли на станцию Диксон, где мы «загорали» пару дней из-за нелётной погоды в ожидании отправки на «Большую Землю». И только в середине января 1956 года мы вернулись в Москву.

В своём первом полярном путешествии я вёл краткий дневник нашей жизни на Новой Земле, и здесь уместно воспроизвести его дословно.

Зимовка на Новой Земле в 1955 году

В этом разделе я привожу краткие ежедневные записи, которые я делал в полевом дневнике на своей первой зимовке, состоявшейся на Новой Земле.

1955 год. 5 августа: В 8 часов вечера сошёл на берег, разместились в небольшой избушке, погода прекрасная.

6 августа: С утра сильный туман, разгрузки нет. Круглые сутки температура +3 °С, время здесь разнится с московским на три часа, но вообще разницы никакой нет. Сидим в избушке.

7 августа: С утра тихо, температура 3 °С. Ходил к краю ледника, величественно. К вечеру поднялся сильный ветер, разгрузка началась, а затем прекратилась из-за ветра.

8 августа: Всю ночь и весь день сильнейший ветер, порывы до 28 м/с, температура до +5 °С. Разгрузки и работы нет.

9 августа. Сильнейший ветер: однажды внезапно прекратился, но также внезапно начался. Жизнь течёт также однообразно. Температура +4,5 °С.

10 августа. С утра погода улучшилась. Ждём солнца. С корабля сняли первую вездеходную машину ГАЗ-63. Мы поехали на ней в верхний лагерь. По дороге присутствовали при охоте на белого медведя. Час бились с тем, чтобы погрузить его на машину, привезли в лагерь, к вечеру вернулись к морю. Всю ночь так и не поспали. Ночью прилетел Бурханов, а с ним Карташов, Авсюк, Шумский для осмотра площадки. Наше дело прояснилось, но ещё не до конца.

11 августа. Переехал в верхний лагерь. Здесь ещё никого нет. Устроился в палатке КАПШ.

12 августа. Днём ходил на ледник с кинооператорами. Смотрел трещины, стаканы таяния, впервые прошёл по настоящему полярному леднику.

13 августа. Весь день с утра до самого вечера шёл дождь, временами моросящий, временами сильный. Сидели в палатке. От Шумского телеграмма о производстве наблюдений.

14 августа. Был на берегу и на теплоходе. Выгрузили мой груз. Получил радиogramму из института. Ночью шёл небольшой снег – впервые.

15 августа. Приехали Виктор Михайлович и Свенельд – на всё время. Целый день перевозили их груз в лагерь. Погода хорошая, температура +3 °С.

16 августа. Был на берегу, оформлял документы на груз. Был в бане на пароходе. Прекрасный день – весь день солнце. Обратно шёл пешком.

17 августа. Ездил на берег за актинометрией. Прекрасная погода. Весь день солнце, да ещё какое! Снег весь так и светится. Пора работать, надоело так сидеть.

18 августа. С утра весь лагерь в низкой облачности. Моросит дождик. Провожали кинооператоров, вымокли все до нитки. Температура вероятно высокая. Снег сильно подтаял.

19 августа. Неля уехал на облёт Новой Земли. Я с утра пошёл на ледник (маршрут №1 в дневнике). Там попал в туман, пришлось вернуться. Остаток дня знакомился с актинометрией.

20 августа. С Виктором Михайловичем ходили на ледник, выбирали место для посадки Ступишина на лыжах. Выбрали неплохую площадку у старого лагеря. Опять застал туман. Ночью выпал сильный снег – 3 см. Прикрыл ледник – скоро зима.

21 августа. Ходил на Чёртов мост – маршрут № 3. По радио слушали футбол. День прекрасный, лёгкий ветерок. Вода стала замерзать.

22 августа. Светит солнце, ходили с Виктором Михайловичем к концу ледника, но зря. Там туман. Вечером пробовал актинометрию. Погода в общем ничего.

23 августа. Прилетел Неля. Наше будущее пока не ясно. Ходили с майорами на полосу. Ледник тает очень быстро – за один день на 3,5 см. Получил два письма: от мамы и от Ирика.

24 августа. Погода стоит хорошая, а работы пока нет. Ходим на берег, туда и обратно пешком. Принёс два бачка для проявления.

25 августа. Всё та же неизвестность. Опускали Нелю в трещину, но неудачно, вдвоём очень тяжело. Но для опыта неплохо. Сегодня видели 6 медведей. Похоже на медвежью демонстрацию.

26 августа. Был с Перовым (это один из лучших полярных летчиков того времени) на новой полосе. Место хорошее, рядом с озером, здесь и военный лагерь можно разбить. Перов пошёл разведать дорогу. Погода стоит прекрасная; жалко, что она пропадает.

27 августа. Сильнейший ветер – 35,5 м/сек. Две больших палатки поломало. Наша стоит абсолютно целая. Опять не работаем.

28 августа. Ветер немного стих. Весь день были с начальством на новой полосе. Она тоже конечно не подходящая. С Диксона ни слуха, ни духа.

29 августа. Сильнейший ветер, иногда идёт мелкая крупа. Сидим в палатке, хотя есть работа. От начальства ни слуха, ни духа.

30 августа. День в общем прошёл также, как и предыдущий. Отправил письмо в отдел.

31 августа. Стоит прекрасная погода, если не считать ветра. Занимаюсь переписыванием дневника погоды.

1 сентября. Ветер наконец стих, сегодня не больше 15 м/с. Переписываю дневник погоды.

2 сентября. На леднике делали профиль полосы. С утра до самого вечера – поработали как следует.

3 сентября. Сегодня изумительный день. Положительная температура, ни ветра, ни тумана. Ждём Москаленко, а его всё нет.

4 сентября. Занялись проявлением. Идти невозможно, так как густейший туман. К сожалению, самолёта ждать не приходится.

5 сентября. Первый серьёзный снег, хотя температура положительная, и он быстро тает. Опять сидим в палатке.

6 сентября. Ходил к концу ледника. Снял целую плёнку. Изумительное зрелище.

7 сентября. Сидим в доме, ждём дел. Прекрасный день. Неля с Виктором Михайловичем снимали новую полосу. Она, кажется, тоже не удовлетворяет.

8 сентября. Ужасный туман. Прилетел Москаленко. Но мне писем не пришло. Странно.

9 сентября. Ходили на ледник смотреть рейки стаивания. Начался сильный туман. Немного заблудились.

10 сентября. Сильнейший туман. Видимость – 50 метров. Опять тепло +3,5°. Громадное таяние, за сутки – 4 см.

11 сентября. Погода такая же. Ходили на ледник по рейкам. На леднике всё стояло, голый, скользкий лёд, ходить трудно. Таяние громадное – 4 см.

12 сентября. С утра сильный туман волнами. Ходил по рейкам. К вечеру разъяснилось. Можно теперь ждать самолёта.

13 сентября. Сегодня большой день. Прилетел сначала Москаленко, потом военный самолёт. Пришли наконец письма (мама, Люся, Моня). Потом полуфабрикаты. Ходили на ледник – делали створ.

14 сентября. Писал обратные письма. Ждём Шумского.

15 сентября. Доделали до конца створ. Получилось здорово. Привезли свежего мяса – антрекоты, котлеты, бифштексы.

16 сентября. Приехал П.А. Шумский, привезли к нам имущество от Тяпкина, с Шумским проговорили весь вечер. Уехал он совсем ночью.

17 сентября. Выясняли возможность переезда в наш ледниковый лагерь. Опять неизвестность, неясно, где будет полоса, ждём.

18 сентября. Настроение паршивое, ждём переброски наших вещей сюда наверх.

19 сентября. Все вместе ездили вниз, там выяснили место нашего лагеря, первые две машины вещей свезли прямо на лёд. Наконец начинается переезд.

20 сентября. Ещё раз я ездил вниз, привёз третью и последнюю машину вещей. В.М. и Неля собирали вторую палатку.

21 сентября. Начался сильный ветер. Первая на наших глазах общая метель. Проблема – даже дойти до столовой. О переброске на лёд не может быть и речи.

22 сентября. Метель продолжается. Та же ситуация. Ждём.

23 сентября. Изумительно тикая погода. Около 0°. Погрузили все свои пожитки на машину, а сверху всю палатку в неразобранном виде. В этот же день вечером окончательно поставили её на новое место, благоустроили.

24 сентября. Поставили вторую палатку. Начали благоустраивать лагерь.

25 сентября. В лагере стали разбирать занесённые вещи. Поставили во второй палатке печку.

26 сентября. Ездили на берег, проторчали там целый день, поздно вечером приехали в лагерь на машине, привезли продукты и уголь.

27 сентября. Сильнейший ветер. В верхнем лагере считают, что это наиболее сильный из всех. Весь день таскали вещи в одно место, делали склад. Тяжёлый день.

28 сентября. После небольшой передышки снова ветер. Распаковали и расставили все приборы. Сделали анемориумбограф, но ещё не совсем. Страшное таяние. Весь снег растаял. Ледник голый.

29 сентября. Прекрасный день. Температура около 0°. Ясно, тихо. Ходили, наконец, окончательно сделали южный конец створа (12 вешек).

30 сентября. Опять тихая, ясная погода. Делали северный конец створа. К вечеру затянуло туманом, пошёл мокрый снег.

1 октября. Начали метеорологические наблюдения. Сделали 2 ящика-будки. Я дежурю впервые.

2 октября. Обрабатывал метеонаблюдения. Погода такая же. Температура около 0°, дождь со снегом.

3 октября. Поставили мачту, подняли на ней флаг. Погода такая же.

4 октября. Начали разбивать поперечный створ, сделали половину западного конца.

5 октября. Сегодня сделали вторую половину западного конца поперечного створа.

6 октября. С берега приехала машина, вечером Виктор Михайлович уехал на берег.

7 октября. Делаем по мелочам в лагере. Виктор Михайлович на берегу.

8 октября. С утра сильнейшая метель. На улице буквально задышаешься. К вечеру она утихла, приехал Виктор Михайлович, а мы уехали с Нелей в баню.

9 октября. Провели время на берегу, отправили телеграммы, мылись в бане, обратно приехали затемно.

10 октября. Готовились к обходу створа, доделывали поперечный створ.

11 октября. Начали обход створа, я – поперечный, Неля – продольный. Вышли поздно, поэтому успели сделать только половину.

12 октября. Второй день по створу. Кроме того вырыли шурф, заложили в него термисторы. Самописцы поставили в снегу.

13 октября. Закончили створ. Сделали каркас снежного домика – лаборатории.

14 октября. Доделали снежный домик, сделали из снега уборную. Остальное – домашние дела.

15 октября. Ходили отбирать ледяные образцы к пирамиде. На обратном пути при восточном ветре начался позёмок.

16 октября. Началась сильная метель при восточном ветре. Я дежурил – ну и досталось!

17 октября. Метель продолжается. Занимаемся обработкой метеобланков.

18 октября. Приходится опять сидеть в палатке, так как метель продолжается. Вообще тяжёлую дверь всё время заносит.

19 октября. Несмотря на метель начали делать тамбур, сделали первую половину.

20 октября. Сегодня сделали вторую половину тамбура. Днём видали как на берег прилетел самолёт. Будут письма.

21 октября. За ночь тамбур сильно замело. Пришлось вычищать изнутри массу снега и заделывать дыры.

22 октября. Теперь живём прекрасно. Пошли искать аккумуляторы, но их не нашли.

23 октября. Опять полдня искали аккумуляторы и опять безрезультатно. К нам пришли гости.

24 октября. Сильнейшая пурга. Целый день сидели в палатке и дулись в преферанс.

25 октября. Майоры уехали. В третий раз обходим створ. Я успел пройти по левой половине продольного створа.

26 октября. Начали мерять лентой расстояние продольного створа. Описывали шурф в лагере.

27 октября. Меряли расстояние поперечного створа, начался туман, до вехи А не сумели дойти.

28 октября. Доканчивали измерение расстояний продольного створа. Погода немного испортилась, но работать можно.

29 октября. Сегодня делал впервые каскадные наблюдения, характерные для ветра с востока.

30 октября. Пытались продолжать измерения линий, но погода испортилась.

31 октября. Работаем в лагере.

1 ноября. Прилетел самолёт, наверное привёз нам письма. Ходили до вехи А, измеряли расстояние, 1440 м. Докончили измерение створа. Я впервые сделал описание площадки.

2 ноября. Нивелировали стоковую площадку № 1.

3 ноября. Нивелировали остальные стоковые площадки. Дул очень сильный ветер, мороз был -20° . Трудно пришлось. Тяжёлый день.

4 ноября. Откопали газовые баллоны, нашли гири для твердомера. Это очень здорово.

5 ноября. Ставили в нашей палатке печку. Она очень маленькая и удобная. Теперь в палатке будет тепло.

6 ноября. В два часа с берега пришёл доктор и мы с Виктором Михайловичем отправились на берег. Сегодня мне исполнилось 24 года.

7 ноября. Сегодня праздник. С утра читали приказ, затем был праздничный обед, а уж потом выпили в кругу начальства. Всё было очень хорошо.

8 ноября. С утра до вечера пьянствовали. Я уходил к ребятам. Вечером смотрели два кино: «Первую перчатку» и «Подвиг разведчика».

9 ноября. Собирались к обратному отъезду, смотрели продукты, подбирали всякие мелочи. Но к вечеру опять начали выпивать. Уже надоело.

10 ноября. С утра грузили грузы на волокушу, а потом трещины в пути. На пути задняя половина волокуши отвалилась. Преодолели снежник, но подъём на морену – нет. Отправились пешком в лагерь, но его не нашли. Было очень темно. Вернулись на берег.

11 ноября. С утра поехали снова на ледник. Теперь уже добрались благополучно.

12 ноября. Начали перевозить грузы с морены к нам. Плохие сачки, потому везти очень трудно.

13 ноября. Сегодня снова перевозили продукты. Ещё 100 кг.

14 ноября. Та же работа. Хорошо, что стоит прекрасная тихая погода. Перевезли ещё 100 кг. Уже пробили дорогу.

15 ноября. Сегодня мы с Нелей поставили рекорд. Прошли туда и обратно за полтора часа. Ещё 100 кг груза в лагере.

16 ноября. Погода стоит прекрасная, температура -25° , ветер очень небольшой. Продолжаем возить грузы.

17 ноября. Сегодня ветер усилился и начался позёмок, временами довольно сильный. За грузами ехать нельзя. Занимаемся домашними делами.

18 ноября. Опять погода улучшилась. Поехали за продуктами. По вечерам я занимаюсь обработкой метеорологии.

19 ноября. Подходит к концу перевозка продуктов. Куча у морены маленькая, куча в лагере большая. Сегодня перевезли ещё 100 с лишним килограмм.

20 ноября. Последняя заключительная поездка за продуктами. Теперь они уже все дома.

21 ноября. Стоит изумительная тихая погода. Температура -26° . Сегодня привезли первый мешок угля 100 кг.

22 ноября. Последний раз перевезли уголь. Больше нет мешков.

23 ноября. Пользуясь прекрасной погодой, сегодня пошли по створу. Прошли южную часть продольного створа.

24–25 ноября. Эти два дня ещё два раза возили уголь. Теперь уже полкучи у нас в лагере.

26 ноября. Вчера к нам приехали Ефимов и Кожинов. Ходили на северный конец продольного створа.

27 ноября. Наши гости отправились домой. Я их немного проводил, покатался с горы на лыжах, на обратном пути объехал вешки восточного конца поперечного створа.

28 ноября. Поднялся довольно большой ветер, позёмок. Решили не ходить на створ.

29 ноября. Докончили обход поперечного створа. Теперь будем работать в лагере дома.

30 ноября. Доканчиваем обработку метео за ноябрь. Теперь хвостов нет.

1 декабря. Работали около лагеря. Говорили по радио с берегом.

2 декабря. Ветер усилился. Начался сильный позёмок. Это совпало с приездом к нам соседей. Ходили с Нелей встречать их к реке. Немного обморозились.

3 декабря. Сильная мотель. Сидим дома, теснота, гости.

4 декабря. Очень сильная метель. Ставим метелемеры. Сидим в палатке, играем в карты.

5 декабря. Метель прекращается. Наши гости отправляются обратно. Мы с Нелей идём до реки, а обратно тянем саночки с грузом.

6 декабря. Ходили к медвежьему снежнику, там мы оставили лыжи, их совершенно замело снегом, его больше 2,5 м. Отрыть сразу не сумели.

7 декабря. Неля с Виктором Михайловичем пошли откапывать лыжи, одну сломали. Я измерял мощность снежного покрова на площадке.

8 декабря. Неля отправился на берег, просить трактор с углём к нам в лагерь. Я описывал поверхность ледника.

9 декабря. Мы с Виктором Михайловичем вдвоём хозяйствуем. Я описал лагерный шурф. По радио с берега сказали, что на днях будет самолёт. Здорово!

10 декабря. Приехал Неля в лагерь с командиром. Привезли 15 мешков угля. Трактор прошёл до лагеря. Теперь решили везти домик.

11 декабря. Командир уехал вчера же вечером весь пьяный. Днём как обычно вышли на связь. Ошеломляющее известие: точка закрыта, работы надо сворачивать. Нас вызывают в Москву. Вечером приехал командир и показал телеграмму. Ушла первая волокуша с грузом.

12 декабря. Сегодня трактора не было, так как пришёл самолёт и почему-то не привёз писем. Зато мне и Виктору Михайловичу есть посылки.

13 декабря. Два раза приходил трактор, и половины вещей уже нет. Завтра, если будет хорошая погода и трактор, перевезём всё.

14 декабря. Вечером отвезли первую (четвёртую) волокушу, а уже ночью поехали сами. Прощай ледник навсегда!

15 декабря. С утра начали работать и половину груза уже передали. Вечером смотрели «Верные друзья».

16 декабря. Сегодня довольно сильный позёмок. Решили не работать. Весь день выпивали, вечером смотрели два кино: «Сердца четырёх» и «Максимка». Перед сном разбирали личные вещи.

17 декабря. Сегодня здорово поработали. Всё передали и упаковали московские грузы. Вечером смотрели кино. Завтра начинаем писать акты.

18 декабря. Сегодня воскресенье. Сверяем акты, но без вояк. Конечно, не обошлось без выпивки.

19 декабря. Начали писать акты. Набралось много писанины. Вечера и позавчера смотрели кино: «Сердца четырёх» и «Верные друзья».

20 декабря. Весь день писали акты. Готовили массу бумажек. Начали играть в шablыжки.

21 декабря. Дописывали акты. Вечером смотрели кино.

22 декабря. Теперь уже нечего делать. Играем в преферанс, гуляем. Сегодня самый тёмный день ночи.

23 декабря. А самолёта всё нет и нет. Очень хочется в Москву.

24 декабря. Ждём заявку. Что-то стала портиться погода.

25 декабря. Сегодня воскресенье. Целый день играли в карты.

26 декабря. Ждём заявки, а её всё нет и нет.

27 декабря. Ничего не делаем. Пришла телеграмма, самолёт вояк вышел из Москвы.

28 декабря. Самолёт уже в пути. Отдали акты на подпись Касьянову. Может быть, успеем до Нового года быть в Москве.

29 декабря. Сегодня ни заявки, ни самолёта. Интересно, сумеем ли мы улететь завтра.

30 декабря. Сегодня нет ни самолёта, ни ВВС. Значит, Новый год придётся встречать здесь.

31 декабря. Идёт подготовка к Новому году, наряжается ёлка, выглажена форма.

1 января 1956 г. Встретили Новый Год. Пьянство страшное. Пришла радиограмма о том, что самолёт ВВС может забрать нас и часть груза.

2 января. Есть телеграмма, что на днях будет самолёт за нами.

3 января. Теперь в комендатуре ждут два самолёта – наш и их. Оба могут увезти нас и наш груз. Уже продумали все варианты отъезда.

4 января. Самолёта ВВС нет из-за плохой погоды. В Амдерме всё время метели. Судя по кольцовкам, на нас движется циклон.

5 января. Ветер усиливается и уже начинается метель. Перед этим выпал свежий снег и теперь уже при слабом ветре метёт.

6 января. Началась настоящая метель, несёт массу снега, то и дело образуются заструги.

7 января. Сильный ветер, ночью домик ходил ходуном.

8 и 9 января. Ветер кончился, тишина – и в Диксоне и в Амдерме тоже.

10 января. Ночью пришла заявка. К нам летит самолёт ВВС. Он сначала побывал на Земле Франца-Иосифа, а в 2 часа прилетел к нам. Забрал все вещи и нас. Теперь летим в Москву, записи заканчиваю

11 и 12 января. Сидим на Диксоне.

13 января. Амдерма, вылетели на Москву. Диксон–Амдерма: 4.50–8.35, летели 3 часов 45 минут; Амдерма–Архангельск: 10.15–15.45, летели 5 часов 30 минут; Архангельск – Москва.

Хочу немного добавить к своим дневникам. Конечно – это большая удача и память – встретить Новый год в Арктике. Воспоминания об этом остались у меня на всю жизнь. Здесь стоит добавить, что ещё две встречи Нового года у меня тоже были необычные – одна в Индийском океане, а другая в Антарктиде. А вскоре к ним добавилась встреча очередного Нового, 1961-го года на Ледовой базе – на высоте 3700 метров над уровнем моря на склоне Эльбруса.

Моё письмо бабушке (Анне Ивановне) с Новой Земли от 18 августа 1955 г. Здравствуй, дорогая бабушка. А я уже на месте. Приехал сюда 5 августа. Уже почти полмесяца живу, сначала на берегу моря, а потом переехал в лагерь, который находится на высоте 250 м над ур. моря. Рядом ледник, громадный и величественный. С одной

стороны из окна палатки до самого горизонта протянулась белая поверхность ледника, похожего на замёрзшее море. А с другой стороны прямо от лагеря начинается большой обрыв, весь покрытый снегом. Живём мы в полярной палатке, чёрной и круглой. Такие же точно стоят на станциях «Северный полюс», фотографии их есть в газетах и в «Огоньке». Внутри у нас стоит двухкомфорочная плита газовая, такая же точно, как городская. Всё время не сильно горит одна конфорка газа и в палатке тепло и уютно. Правда, нагревание неравномерное. Наверху очень жарко, а у пола прохладно. Но эта разница особенно сказывается, когда газ горит очень сильно. А сейчас, пока на улице не очень холодно, конфорки горят вполовину силы. И очень хорошо. Кроме того, в нашем распоряжении есть 30 оленьих шкур, которые мы будем использовать для обогрева палатки; положим на пол, а сейчас уже положили на кровати. Да, забыл сказать: в палатке стоят три кровати раскладушки, на которых мы спим. Из ящиков сделан стол, а стульями служат привезённые нами вьючные ящики.

В общем, уже сейчас в палатке довольно уютно, но это временное наше устройство. Через некоторое время мы будем устраиваться окончательно. Тогда у нас будет две, а может быть и три палатки, настелем шкур и всё такое прочее. Ещё недостаток: нету никакого освещения, но оно сейчас и не нужно. Сейчас здесь круглые сутки день. Только на два или на три часа спускаются еле заметные сумерки, и то только лишь в пасмурную погоду. А в ясную погоду что день, что ночь – одно и то же.

Питание здесь очень хорошее. Готовят солдаты три раза в день: завтрак в 9 часов, обед в 3 часа дня и ужин в 9 часов вечера. Всё время белый хлеб, сливочное масло, сахар, сгущённое молоко. Чай пьём с клюквенным экстрактом – очень вкусно. Делают борщ, рассольник, картофельный суп, рисовую кашу, картофель жареный. Сколько угодно рыбных консервов, и мясо всегда есть: или консервированное, или котлеты из медвежьего мяса (тут на днях убили громадного белого медведя и теперь в лагере есть 200 кг свежего мяса). А главное – еды вволю. По вечерам делают блины. И это сейчас, когда мы питаемся вместе с солдатами. Цена еды 350 руб. в месяц. А в будущем, когда окончательно устроимся, нам полагается из расчета 680 руб. в месяц. Тогда будет ещё лучше.

На улице сейчас тепло. Температура всё время держится около +3°. Хожу в костюме, тёплом белье, ковбойке, сапогах и меховом пиджаке с шапкой. Сплю на шкуре, покрываюсь верблюжьим одеялом. Одним словом тепло. Днём ходим на ледник. Только недавно пришёл из да-

лёкого маршрута: уходил за 4 км на ледник. Был хороший солнечный день, фотографировал, но потом моментально пришёл туман и пришлось быстро возвращаться в лагерь. Вот и всё о нашем житье-бытье. До свидания. Пиши, расскажи о жизни в Москве, как там дела, получили ли книжки, что вышло нового. Какие новые кинокартины идут, что вообще интересного в Москве. Привет всем знакомым. Пиши. Володя

Но мясо белого медведя я так и не попробовал – так уж я устроен, что «дикого» мяса мой желудок не принимает. Тем более, что мясо белого медведя имеет оттенок вкуса и запах рыбы.

Моё письмо бабушке с Новой Земли от 19 ноября 1955 г. Давно собирался тебе написать, да всё некогда было. Теперь вот напишу, да вряд ли письмо скоро в Москву попадёт. Но думаю, что к Новому году оно как раз будет в Москве. Так что поздравляю тебя с Новым годом. Мы живём здесь хорошо. Зима у нас в полном разгаре. Но погода сейчас стоит лучше, чем в начале зимы. Температура -25° , иногда опускается до 30° мороза, но ниже ещё не было. Главное, что уже целый месяц не было сильных ветров. А без ветра и мороз – не мороз. Снега напало очень много, скоро уже будет целый метр.

Живём мы буквально в снегу. Построили целую снежную крепость. Сюда входят две палатки – рабочая и жилая, и склад, где у нас сложено всё оборудование и продовольствие.

С продовольствием у нас сейчас очень хорошо. Перед ноябрьскими праздниками к нам прилетел самолёт и привёз массу продуктов. Я маме в письме написал почти весь список этих продуктов. Среди них тамбовская копчёная колбаса, сыр советский, грудинка, варенье айвовое, яичный порошок, какао, кофе, молоко сухое и сгущённое, консервы мясные и рыбные, свежее мясо – говядина и баранина, сливочное масло, всякие крупы и др.

Так что у нас теперь такое изобилие продуктов, что не знаем, что и есть. Прислали даже компот, кисель, изюм. Кушаем мы обычно три раза в день. Утром в 10 часов завтракаем, жарим свежее мясо с чем-нибудь: с картошкой или с рисом или с лапшой. Пьём какао или кофе. Затем часа в 4 обедаем, а до обеда иногда в 1 час пьём чай. В обед варим суп из овощных консервов, а теперь ещё и мясной бульон из костей свежего мяса. На второе то же, что и на завтрак, только чаще с мясными консервами, потому что обычно не хочется жарить днём мясо. Ну а на третье кисель, компот или чай. Вечером пьём чай с бутербродами, иногда делаем омлет. Так что еда здесь организована пре-

восходно. Правда, приходится самим готовить, ну тут уж ничего не поделаешь. Как говорят; люби кататься, люби и саночки возить.

Работы здесь порядочно. Приходится много делать дел по самообслуживанию. Сейчас, например, мы занимаемся тем, что перевозим продукты к себе в лагерь. А они сейчас лежат в полутора километрах от нас, там, куда смог дойти трактор, на котором привезли продукты. Он доехал как раз до края ледника, а дальше начался крутой подъём, на котором скопилось больше 1 метра снега. Попытались мы проехать на тракторе, но ничего не вышло. Теперь понемногу возим на нарточках груз; в день по 100–120 кг. Это один рейс. Больше мы не можем делать, потому что день очень короткий, вернее даже дня-то нет. С 3 ноября началась у нас так называемая полярная ночь, т.е. солнце не стало подниматься над горизонтом. А теперь уже совсем недолго длятся сумерки, вчера я обратил внимание, что в 1 час дня на небе видны звёзды, и на северо-западе небо тёмно-синее, совсем ночное. Ещё несколько дней, и наступит настоящая ночь.

Мы к ней уже совершенно подготовились. Все работы, которые нужно делать вдалеке от лагеря, мы уже сделали и теперь в основном будем заниматься делами в доме и около дома. Но ночь полярная продлится у нас не так уж долго. Через 104 дня после 3 ноября солнце снова взойдёт впервые над горизонтом. А настоящая тёмная ночь продлится всего 2 месяца. Как-нибудь переживём это время. Затем пойдёт быстрое увеличение дня, и уже 22 марта день будет равен ночи. А там уже и полярный день близко.

А как вы там поживаете? Что нового и интересного в Москве? Что интересного идёт в кино, в театрах? Есть ли новые книжки? И получила ли ты Ромена Роллана? Интересно, какие новые книжки вышли и не было ли новых подписок? А если были, какие? Привет всем родным и знакомым.

Так досрочно завершилось наше пребывание на Новой Земле, и это привело к новому полярному путешествию, теперь уже обозначившему всю мою дальнейшую жизнь.

Участие во Второй советской антарктической экспедиции

Подготовка к экспедиции в Антарктиду. 1956-й год стал, пожалуй, важнейшим в моей жизни – он определил всю мою будущую судьбу. Уже вскоре после нашего возвращения из Арктики П.А. Шум-

ский снова появился в Институте географии – он набирал специалистов в гляциологический отряд, формировавшийся в это время для работы в составе Второй советской антарктической экспедиции. Мы сразу согласились, и уже летом началась подготовка к этой работе. Но для оформления в экспедицию требовалась медицинская справка, и у меня возникли естественные трудности из-за язвенной болезни. На медицинской комиссии при Антарктической экспедиции пожилой врач сразу увидел мой большой шов, оставшийся от резекции желудка после моей язвенной болезни, и наотрез отказался давать необходимую справку. На моё счастье оказалось, что я могу получить подобную справку и в поликлинике Академии наук. Здесь мне просто повезло: я попал к сравнительно молодому врачу, который, осмотрев меня, заключил: «Раз Вы географ, Вы всё равно будете ездить в научные экспедиции, и очевидно, что условия в таких поездках будут несравненно хуже, чем в Антарктической экспедиции, а потому я дам Вам нужную справку в надежде, что Вы всегда будете помнить о перенесённых вами заболеваниях». Это было важное и определяющее медицинское разрешение для моей антарктической экспедиции, и я следовал указаниям докторов на протяжении всей своей активной деятельности.

Вторая половина 1956 года прошла в подготовке к Антарктической экспедиции. По указанию П.А. Шумского я общался с мастерскими, изготавливавшими приборы для нашего гляциологического отряда, в том числе и для моих будущих наблюдений за процессами, протекающими в снежной толще. Летом этого года я познакомился с Норой Шелёвой, которая вскоре стала моей невестой и в этом качестве поехала провожать меня в Калининград, откуда мы отплывали в Антарктику на теплоходе «Кооперация». Дружба с Норой до моего отъезда в Антарктиду продолжалась около пяти месяцев, а затем в течение полутора лет между нами была активная переписка. В антарктическом посёлке Мирный я провёл 13 месяцев, и всё это время моя связь с мамой и Норой была только с помощью радиограмм. Приведу здесь выдержки из моего дневника и моей переписки из Южного полушария в Северное.

Уже 18 ноября из Москвы в Калининград мы приехали вместе с Нориком и почти неделю были здесь в ожидании ухода «Кооперации». Почти целыми днями мы гуляли по Калининграду, исключением было лишь то время, когда я уезжал в порт на работу. Но даже в порт в последние дни мы ездили вместе. Рано начался последний день. Встали мы часов в семь, а уже в восемь надо было ехать в порт. Здесь среди разных

1956 год, Калининград, Нора Шевелёва на моих проводах в Антарктиду

грузов уже начался прощальной митинг. К 10 часам он кончился, женщин пустили на корабль, мы походили по кораблю, фотографировали, затем посидели в каюте, прощались. Вскоре по радио объявили, что все провожающие обязаны покинуть каюты. Мы спустились вниз, там ещё постояли довольно долго. Наконец, пришлось расстаться. Мы оказались на борту, а провожающие внизу, на молу. Было очень холодно, поднялся сильный ветер. Ещё должны были проходить всякие пограничные формальности. Тогда женщины пошли погреться, а мы сидели взаперти, пока таможенные власти проверяют теплоход.

Наконец, к двум часам всё было готово. Пароход дал прощальные гудки и мы тронулись. Тихо, тихо, кормой вперёд тронулась наша «Кооперация». Мы долго стояли на левом борту, а мол всё больше и больше удалялся.

Вот это была горькая минута. Тяжело расставаться с любимым человеком, сознавая, что теперь не увидишь его больше года. Всё дальше и дальше Нора. Вот уже совсем маленькие фигурки стоят на берегу. Видно только красное пальто и перчатки. Но вот пароход развернулся другим бортом и все исчезли. До свидания, Родина, до свидания мама, Норик. До встречи где-нибудь в Ленинграде или Одессе и как можно скорее.

Морское путешествие в Антарктиду (Калининград – Мирный).
25 ноября 1956 г.: «В 14 часов по Московскому времени «Кооперация» дала прощальный гудок и медленно кормой начала отчаливать. Прощай, Родина!!! Прощайте, родные и близкие!!! Полтора года я теперь не увижу вас...

26 ноября. Вчера шли по морскому каналу, соединяющему порт Калининград с выходом в Балтийское море. Канал обложен каменной набережной, по бокам узкие полоски земли с деревьями, а дальше виден мелководный морской залив. Ветер всё крепчал, прошёл слух, что на Балтике разыгрался шторм. Не знаю, поэтому ли, или почему-либо другому, а только наша «Кооперация» встала и всю ночь и половину следующего дня проболталась в расширении канала на якоре. Говорили, что всё дело не в шторме, а в том, что сегодня понедельник, а выходить в море в понедельник – это очень плохая примета. Как бы там ни было, но в четыре часа дня мы всё-таки снялись с нашего неподвижного положения и тронулись дальше. Погода стояла пасмурная. По небу двигались низкие рваные облака, дул резкий ветер.

В Балтийске с борта сошёл лоцман, с ним мы отправили письма. Сделаны последние фотографии нашей земли, и прибавив ход начали

выходить в открытое море. И только прошли конец мола, маяк, как сразу корабль начало бросать. Все высыпали на палубу – любопытно было посмотреть, что такое настоящий шторм. Сначала всё было интересно, хорошо, но затем постепенно на палубе стало оставаться всё меньше народу – это сказывался шторм.

А корабль между тем шёл впереёд. Волны достигали высоты нескольких метров и шли как обычно – с равными промежутками, причём можно было видеть и так называемый «девятый вал». Это самая высокая волна, которая идёт через несколько более низких. Но наступает она не сразу. Перед ней сначала идут волны поменьше, но выше обычных. И корабль начинает всё больше и больше раскачиваться. Наконец, попадает в унисон с волной и всей своей массой падает на этот девятый вал, и вот тут-то картина действительно величественная – во все стороны от носа летит целая гора брызг. А в это время корма задирается кверху, иногда до такой степени, что винт вылезает из воды, тогда весь корпус корабля содрогается от его оборотов, пока винт вновь не войдёт в воду.

Публика по-разному реагировала на этот первый шторм. На одних это совершенно не подействовало, другие сразу же исчезли, вероятно приняли горизонтальное положение. На меня такая качка тоже действовала отрицательно. Какое-то противное состояние. Как будто выпил и голова совершенно чужая. А во всём теле наступает слабость и клонит ко сну. Буквально хочется спать. И я со временем, когда уже довольно здорово устал, пошёл лёг спать к себе на полку. В дальнейшем просто лежал и занимался делами в таком положении – читал, переводил и т.п. А шторм продолжал бушевать. Вечером было получено штормовое предупреждение. Это значит, что шторм приближается к 11 баллам. Лёг спать пораньше – лучше в шторм спать, чем бодрствовать.

27 ноября. Наутро проснулись всё в том же положении. Корабль продолжало бросать, временами больше, временами меньше. Шторм не утихал. Но то ли организм стал привыкать, то ли всё-таки меньше стало качать, чувствую я себя явно лучше. Но поскольку на улице непогода, к занятиям, которые должны быть на корабле, ещё не приступили. Сегодняшний день свободен. Начал переводить Бадера, хорошо, что в последние дни догадались взять его через Шумского.

Днём пошёл побродить по теплоходу. Судно довольно большое, хотя и меньше «Оби». Всю среднюю часть занимают жилые помеще-

В.М. Котляков в каюте на борту «Кооперации»

ния. Их довольно много. Всего каютных мест на пароходе 120. Но сейчас едет 165 человек. Поэтому часть не уместившихся людей спят на раскладушках на летней веранде, в коридорах, иногда в каютах пятыми. У нас в каюте едет один строитель Давыдкин – был на Эльбрусе, знает Женю, Тоню, тамошних грузин. Он альпинист – ходил с Сулаквелидзе, Гусаком. Хороший такой парень, скромный. Ночью он на пол ставит раскладушку и спит между полками. А днём его почти никогда не бывает.

Пароход трёхпалубный, даже выше. Самый нижний этаж занимают каюты III класса и ресторан III класса, затем выше, где живём мы, находятся каюты II класса, их сравнительно немного, потому что большую часть этажа занимают служебные помещения – кают-компания командного состава, жилые помещения командного состава, вход в машинное отделение и др. Этажом выше расположены каюты первого класса. Во II и III классах в каждой каюте по одному круглому иллюминатору, причём в III классе он намертво задраен, потому что иначе заливаает воду, ведь он совсем рядом с поверхностью воды.

В каютах I класса всего два человека, здесь большие окна, выходящие на прогулочную палубу. На этом же этаже расположен ресторан I и II классов, в котором мы кушаем, и самое шикарное помещение на корабле – музыкальный салон. Наконец, ещё выше находится курительный салон, в котором играют в домино, шахматы, шашки, карты. По бокам от него – летняя веранда и кинозал. Вот и все помещения на корабле, которые отданы в распоряжение едущей публики.

К вечеру море стало постепенно стихать. Может быть это шторм стал тише, а может быть тихо стало потому, что мы входили в проливы, которыми кончается на западе Балтийское море.

28 ноября. Время начало сдвигаться. Мы ведь идём на запад и довольно быстро. Поэтому вот по моим часам уже 10 часов по Московскому времени, а всё ещё темно. Регулярно передают по радио судовое время, оно сейчас уже на 1 час 40 мин. разнится с московским.

Вот уже окончательно рассвело и стало ясно: шторм стих совсем. По небу быстро проносились остатки всклокоченных облаков, ветер стихал. По правому борту виднеется земля – судя по карте, это берега Швеции, не острова, а материк. Здесь встречается масса судов, которые в разных направлениях бороздят эти воды.

После завтрака была дана команда – всем соответственно одеться, лезть в трюм и доставать необходимые для занятий приборы. Распечатали ящики и достали эти приборы – вот теперь будет чем заняться. На палубе работать сейчас очень приятно. Вот ведь человеческий организм как устроен: только вчера был шторм, было ужасно муторно. И сегодня же – как будто вчера ничего и не было. Свежий ветерок, корабль идёт очень ходко, особенно по сравнению с прошлыми двумя днями, когда он шёл навстречу сильнейшему ветру и имел ход всего 3–4 узла. А сегодня идёт со скоростью 11 узлов. Но как бы быстро он ни шёл, к Килью мы должны подойти только вечером. Это очень жалко – быть рядом с городом и не увидеть его.

И как назло, стемнело очень рано, и когда мы в начале седьмого вошли в Кильскую бухту и сначала стали на якорь вблизи города, уже совсем стемнело. Но весь берег был в огнях. По обеим сторонам бухты раскинулся город Киль и его пригороды. Всюду море огней, а в центральной части видна разноцветная неоновая реклама. На борт «Кооперации» между тем вошёл лоцман, который должен был вести корабль по Кильскому каналу. А до этого был другой лоцман, который проводил корабль через Кильскую бухту. Когда пришла пора им

меняться, подошёл катер и тут произошёл конфузный случай: первый лоцман стал спускаться по шторм-трапу в катер и свалился, да чуть ли не в воду. То ли он пьяный был, то ли просто поскользнулся, но в результате стал страшно ругаться и обзывать всех по-немецки.

В 8 часов вечера вошли в шлюз Кильского канала и пришвартовались к стенке. Начали исполнять различные формальности. На борт вошли несколько иностранцев, пошли к капитану. Говорят, по морским правилам и обычаям, они там стали выпивать. Принесли какие-то ящики, оказалось, что капитан купил морское мыло, которым мы теперь будем мыться, так как у нас ограничен запас пресной воды.

Народ высыпал на палубу, стали глазеть по сторонам. Ещё бы, ведь впервые совсем рядом чужая земля. Справа от нас пришвартовался огромный греческий пароход «Океанис». На нём какие-то черномазые матросы. А слева уже завязался разговор с каким-то русским. Парень подошёл к борту, попросил закурить и начал разговор по-русски. Сначала разговор был безобидным, но потом он очень ловко перешёл на политику, и вскоре стало ясно, что это провокация, которая, если разлопушиться, может кончиться плохо. Но она не успела разрастись, так как вода в шлюзе уже поднялась, и мы вошли в канал. Весь канал мы прошли ночью со скоростью 8 узлов. Канал большой, широкий, через него перекинуто пять очень высоких мостов, так что даже самые большие океанские пароходы проходят под ними. Первый такой мост встретился нам как раз у самого Кильского канала. «Кооперация» прошла под ним – зрелище было величественное.

29 ноября. Теперь пароход шёл по эстуарию Эльбы, собственно это большой морской залив: слева по берегу виднелись берега Германии, на самом горизонте, а с правого борта в это время берега уже не было, виден только прибой, так как там большие мели – это Фризские острова.

Часов в десять по корабельному времени с борта сошёл последний лоцман, и вскоре «Кооперация» вышла в открытое море. Это уже Северное, или Немецкое море. Это тоже бурное море, и мы вскоре после выхода ощутили это на себе. Сначала начало немного качать, но дальше больше и больше и уже часа через два волнение достигло 6 с лишним баллов. А мы как раз начали заниматься, это было первое занятие. Часа три посидели, но видим, дальше дела идут плохо, решили пока прерваться. И почти до самого вечера все проводили время в каютах.

На корабле по вечерам начала выходить радиогазета. Она оказалась очень интересной. С нами едет специальный корреспондент

Введенский, который видимо будет в Мирном и зимовать. Он и организовал здесь эту ежедневную радиогазету. В ней каждый раз называют координаты точки, где мы находимся, передают скорость хода корабля, затем дают историческую и природную справку о той стране, мимо которой мы плывём, и надо сказать, что каждый день это всё новые и новые страны. Кроме того, обязательно выступает кто-нибудь из специалистов, рассказывая о том, что они будут делать в Антарктиде. И бывает раздел «Давайте знакомиться» – это говорят о ком-нибудь из состава экспедиции или из экипажа корабля. В этой же радиогазете передают вести с Родины и всякие интересные радиogramмы, которые приходят из Москвы, из Мирного, с «Лены» и «Оби». В первом выпуске судовых известий рассказывалось об истории «Кооперации». Вот она.

Построен теплоход в Ленинграде в 1929 году. С этого года по 1937 г. «Кооперация» ходила на пассажирских линиях из Ленинграда до берегов Англии и Франции. В 1937 г. доставляла грузы для революционной Испании, а оттуда вывозила в СССР детей. С 1937 г. до начала войны снова работала на пассажирских линиях в Балтике. Во время войны служила базой подводных лодок и торпедных катеров. А после окончания войны снова начала возить пассажиров. В 1948–1952 гг. «Кооперация» проходила капитальный ремонт в Висмаре (ГДР), от старой «Кооперации» остался только корпус, а всё остальное поставлено заново. После этого ремонта обновлённый теплоход стал ходить на арктических линиях, в первые два года до Диксона, а потом на Чукотку. В этом году в Риге его подновили ещё больше, поставили бронзовый винт вместо стального, значительно увеличили ход судна. Длина теплохода – 103 метра, ширина – 14 метров. Работают две дизельных машины, скорость может достигать до 14,6 узлов. Машины работают на дизельном топливе, и его сейчас взято столько, чтобы доплыть до Кейптауна. На палубе стоят две большие цистерны, в которых залито 100 тонн дизельного топлива.

30 ноября. Последний день ноября, завтра начинается новый месяц, который мы целиком проведём в море, вдали от берегов. Но уже в январе начнётся наша полярная жизнь. Сегодня продолжаем идти по Северному морю, всё больше и больше приближаясь к туманным берегам Англии. Море стихло, может быть потому, что мы опять входим в проливы. Становится теплее, но пока ещё совсем немного. Мы шутим – начинается весна.

К вечеру пароход подходит к Дувру – это большой порт в Па-де-Кале. Нам опять не повезло. В самом интересном месте, где видны одновременно оба берега, мы опять идём ночью. В Дувре встали на рейде вблизи освещённого города, но ненадолго. Вскоре к борту «Кооперации» подошёл катер и нам привезли какие-то морские карты, которые заказал капитан, пока мы стояли в Киле.

Снова отправились, идя совсем близко к берегам Англии. Часов в 12 прошли Истборн совсем рядом, виднелись освещённые улицы и реклама. Видимо, не один наш корабль шёл в это время Ла-Маншем. Ночью я вышел на палубу и посчитал, сколько кораблей видно одновременно. Оказалось – 22, по одиннадцати с каждого борта. Да, мы вышли на большую морскую дорогу.

Здесь мои дневниковые записи прерываются – но в другой записной книжке я нашёл описание ещё десяти дней нашего морского путешествия.

11 декабря. Продолжаем идти вдоль берегов Африки. Ход сравнительно небольшой – всего 10 узлов. Становится всё жарче и жарче. Термометр в каюте показывает +30°, на палубе немного меньше. Главное, что там дует ветерок. Но и на воздухе также душно, целый день собирается гроза, но шторм так и не состоялся. Просто мы пересекли тропический фронт, наверное, будет ещё жарче. После обеда состоялась ещё одна экскурсия по кораблю, первый помощник капитана рассказал, что судно очень валкое и в шторм боковой крен достигает больших – максимально было 50°, в такие дни все ходят с кровоподтёками, потому что очень трудно устоять на ногах. В ресторане I класса на поверхности столов раньше были мраморные плиты, но однажды во время шторма эти столы повалило, хотя они и были закреплены, и плиты превратились в мраморную крошку.

Посетили мы и капитанский мостик. Здесь много приборов, стоят лог и лаг, измеряющие глубины и скорость хода судна. Здесь же стоит радиолокатор и много других приборов. Управление корабля электрифицировано. Легендарного штурвала нет, а есть просто ручка, с её поворотом и происходит поворот руля, причём делается это совершенно без усилий. Рассказали нам и любопытный случай, когда однажды в Кильском канале немецкий лоцман, который вёл корабль, оторвал эту ручку, корабль пошел прямо, и пока извещали капитана и он явился через 50 секунд, «Кооперация» успела врезаться в борт канала. На корабле механизировано тушение пожара. Сделано это так.

В каждом помещении, начиная от трюма вплоть до всех кают, установлены термопары, которые при большом нагреве передают сигналы и вступает в действие пожарная сирена. Потушить пожар можно не выходя с капитанского мостика. Для этого нужно нажать соответствующую кнопку, и там, где начался пожар, под большим напором пойдёт углекислота, которая и потушит пожар. Потом мы спустились вниз, в машинное отделение, где работают механики. Там стоит страшный шум, абсолютно не слышно, что говорят, да там и ничего не говорят – невозможно. Жара стоит страшная, +42°, когда мы были. А до всех металлических деталей просто нельзя дотронуться. Посреди зала стоят два главных двигателя, снятых, говорят, с подводных лодок. Они передают движение на главный вал, а с него на винт. Мы сходили и в тоннель, посмотрели, где идёт этот главный винт. Кроме этих двух больших двигателей стоят ещё четыре поменьше – они дают электроэнергию и др. Кроме того, есть специальные машины, которые работают для рефрижератора. Рефрижераторных трюма два – вместе они вмещают 1200 тонн грузов. Сейчас в них везут всякие продукты, и иногда охлаждают еду. И было очень приятно на днях в тропиках, когда на улице 30° жары, есть холодный холодец.

Так мы обошли почти весь корабль, и надо сказать, что он на нас произвёл впечатление. А вечером было не менее интересное времяпрепровождение. Первый помощник капитана читал лекцию на тему «Что мы видели в портах Западной Европы», и вопреки ожиданиям это получилось очень интересно.

12 декабря. Всё ближе и ближе мы к экватору. Осталось до него всего два дня. На улице очень жарко. Термометр показывает 28 градусов. Температура воды такая же. Все ходят днём по пароходу в трусах или лёгких брюках с майками или сетками. Но вот только что по радио передали распоряжение капитана: «В соответствии с морскими традициями запрещается появляться в ресторанах и салонах в полуголом виде. Тропическое плавание участников экспедиции не освобождает от указанных требований».

К полудню небо обложило тучами. Приближался тропический дождь. К сожалению, основная масса его прошла стороной и на нас излилось сравнительно немного. Но и это было приятно после того пресноводного голодания, которое мы сейчас испытывали. Полил дождичек. Разделись почти до гола и бросились на нос судна. Здесь свистел сильный ветер, но тёплый. Мы прыгали под мелкими капля-

ми, бегали – так приятно побыть под дождём. А ветер был настолько сильный, что капли дождя как мелкие градинки били по лицу.

Однако уже через час дождик кончился и мы пошли снова заниматься. А по радио тем временем передавали объявление: «В связи с тропическими дождями надо убрать все вещи, которые боятся промочки».

Вечером опять занялись в музыкальном салоне подготовкой к празднику – чего-то играют, закрылись все – никого не пускают. Интересно, что это будет за праздник.

13 декабря. Сегодня с утра после занятий началась подготовка к празднику Нептуна. В разных местах что-то красили, вырезали, клеили, раздавались звуки странной музыки, но всё это была лишь репетиция. Основной праздник будет завтра. В нашем отряде тоже шла незримая подготовка к празднику. Образовался «купельный комитет», который начал готовить «Свидетельства о крещении». Завтра всем будут выдавать дипломы царя Нептуна, но кроме того есть ещё морской обычай давать всем морские прозвища. У нас придумали такую форму: «Министерство подводных дел. Главное экваториальное управление. Свидетельство о крещении: «Выдано настоящее в Атлантическом море-океане на широте 00°00' и долготе 9°15' W в день 14 декабря месяца года 1956 в том, что бывший землекоп Котляков В.М., вступив во владения царя подводного Нептуна и окунувшись в купель морскую, торжественно признаётся отважным мореходом и нарекается отныне славным именем «морской конь целомудренный». Местный комитет Главэкватора – подписи.

Всем членам отряда после долгих трёхсуточных раздумий были придуманы морские имена. Они настолько хороши, что я решил привести их здесь полностью: Шумский П.А. – неутомимый рак-отшельник; Карташов С.Н. – забулдыжный морской слон, Аверьянов В.Г. – дотошная акула, Вялов С.С. – тёртый морской леопард, Богословский В.Н. – деликатная касатка, Григорьев Н.Ф. – тюлень-идеалист; Бархатов Б.П. – нарядный пингвин, Мосальский П.И. – весёлый трепанг, Чернигов В.А. – морж-меланхолик, Матросов В.Т. – практичный дельфин, Кузнецов М.А. – мудрый лосось, Евтеев С.А. – застенчивая морская звезда, Котляков В.М. – целомудренный морской конь, Щепилов Ф.П. – бродячая сардина, Федосеев Л.И. – бывалый морской котик, Казарин Н.И. – загадочная белуга, Демченко И. – треска-забияка, Белов П. – серьёзный судак, Любарец М.М. – трудолюбивая нерпа.

К концу дня было готово стихотворное послание богу Нептуну от гляциологического отряда. Его должны передать вечером по радио.

Легли спать в предвкушении завтрашнего праздника. Все внимательно слушали судовую радиогазету: где-то мы сейчас находимся? Далеко ли до экватора?

14 декабря. С утра предпраздничное настроение. С утра в бассейне спустили воду, и в этом тоже чувствовалось приближение, так как воду спустили для того, чтобы налить совершенно чистой воды. Как часто бывает перед наступлением праздника, все слонялись без дела, не знали, куда приложить свои руки. Я решил лечь: когда начнётся – разбудят. Но спать не дали. В половине второго по радио объявили порядок проведения праздника и сказали, что, по расчётам, мы должны экватор проходить через полчаса. На корабле сразу началось движение, появились полуголые фигуры, многие, зная, что придётся купаться в бассейне, решили появиться на праздник в трусах. Ни у кого на руках не было часов. Но у всех на голых шеях висели фотоаппараты: всем хотелось запечатлеть праздник на плёнке. Был назначен президиум, и он занял свои места. Вся публика разместилась на двух палубах; яблоку нигде было упасть – настолько много высыпало людей.

Но вот 10.05 (московское время 14.05). По радио объявляют: «Внимание, внимание! Кооперация минует экватор. Вот форштевень проткнул эту линию, вот уже нос оказался по ту сторону экватора, а сейчас половина корабля находится в Южном полушарии, а другая половина – в Северном. Вот экватор замкнулся за кормой нашего корабля».

Праздник Нептуна начался. Появился импровизированный оркестр, который заиграл бравурную музыку. Смех раздался сразу же, как только появились оркестранты, они были все в трусах, с инструментами и в зеленых шапочках, на которых были нарисованы разные морские звери.

Под звуки этой музыки появилась сначала свита царя – совершенно уморительно одетые: воин с трезубцем, архивариус-протоколист, доктор и ещё кто-то, действие началось. Появились шесть чертей – с красными рогами, в юбочках из мочалки и мочальными хвостами. Все они были перемазаны краской, соляжкой, беспрерывно смеялись и бесились. Но вот появился сам Нептун – громадного роста парень, с бородой и короной, и трезубцем. Он встал и заговорил. Но это было не всё. Вдруг под какую-то лёгкую музыку, кажется, из «Вольного ветра», появилась морская царевна Наяда, одета была и ужимки у неё просто невероятные: на волосатых ногах капроновые чулки, майка выпущена чуть ниже плавков, а сверху корона и волосы. Так её здорово

изображал наш повар Загорский. Когда она завлекала моряков к себе поднимая рубашку, все просто легли от смеха. Нептун начал вызывать всех по очереди. Сначала пришёл капитан со своими помощниками держать отчёт – куда идёт корабль. Затем пришла группа учёных – опять-таки одеты были страшно смешно. После учёных – лётчики, причём на трёх лётчиков было по два унта и по одному тапку. Забавное было зрелище. Когда все вот так прошли – начали купать в купели морской. Черти подсакивали к кому-нибудь, мазали его соляркой, раскачивали и бросали в бассейн. Первым бросили Шумского, затем Мещерина и пошло как по конвейеру. Я пошёл снёс аппараты, снял брюки и только после этого искупался.

Купание продолжалось долго. Только в 16 часов по радио объявили, что праздник Нептуна закончен. Все пошли мыться, сушиться, приводить себя в порядок. Все что-нибудь потеряли: один – тапок, другой – очки, третий обменял свой фотоаппарат. Но постепенно всё вошло в обычную колею. Многие уже ходили «под мухой». Около бассейна стояла бочка с вином: все, кто хотел, могли прикладываться. А вечером на каждом столе стояло по бутылке портвейна и по бутылке шампанского. Происходило вручение дипломов Нептуна. Это довольно красивый листок с написанными там словами: «Диплом от старика Нептуна – Пусть вам сопутствует фортуна». А после ужина многие ходили уже сильно под парами. На третьем трюме устроили танцы под аккордеон, а во многих местах – пели. А потом показали кино «Верные друзья». Уже поздно вечером по всему кораблю ходил капитан и Мещерин – смотрели, всё ли в порядке.

15 декабря. Начался обычный день – разницы между Северным и Южным полушариями не ощущается. Ход у «Кооперации» совсем небольшой. После поломки машины у неё ход уменьшился, да ещё сейчас ветер встречный, который будет дуть до самого Кейптауна (юго-восточный пассат), так что мы туда придём не скоро.

16 декабря. Вчера вечером выступал по судовому радио. 45 лет со дня открытия Южного полюса Амундсеном. Вот я и рассказал всем об Амундсене и его открытиях. Говорят, хорошо получилось. Вечером смотрели «Поединок». Даже Шумский сидел в первом ряду. Сейчас объявлен санаврал. Мне, как говорят, крупно не повезло. Потому что я вчера утром полежал полтора часа на солнце пузом вверх и к вечеру стал совершенно красный – крепко сгорел. Как сказал Пётр Иванович, «палёным мясом от тебя пахнет». В результате я сегодня не смогу помыться

как следует, так как чуть-чуть дотронуться – и уже очень больно. Но это и не требуется, ведь и так каждый день в воде. Вот зато голову сегодня мыл полчаса, которые были отведены на мытьё. Как говорят, «за красоту надо страдать». Раз уж не состриг наголо, как это сделали почти все, нужно за ними следить. Не знаю, может быть всё-таки не устою и после Кейптауна или после устройства в Мирном постригу. Погода ухудшилась. Вчера метеорологи объявили, что мы вошли в большой антициклон, и как будто на смех сегодня всё небо заволокло тучами и похолодало. Корабль не очень быстро, но движется вперёд.

17 декабря. Идём в тропиках, а погода холоднее, чем летом в Москве. Всего 23° и сильный прохладный ветер. Погода пасмурная, в бассейне уже мало народу.купаются только в полдень, да и то совсем немногие. Вчера вечером смотрели «Поединок», а сегодня «Рим в одиннадцать часов». Картина совершенно потрясающая, как по содержанию, так и по постановке. Вот он, настоящий реализм. Страшно обидно, что у нас не создают таких картин. А ведь могут. Особенно потрясающе два момента: возвращение Симоны к мужу (такая милая и жизненная сцена, как бы хотелось, чтобы у меня была такая же жена) и конец фильма, где девочка опять стоит и ждёт снова у дверей.

18 декабря. Вчера разговаривал с Нелей о будущем в нашей работе. Разработали серьёзный план, который, как мне кажется, осуществить можно, если мы возьмёмся за него дружно, вдвоём. Вот в чём дело. У меня в Антарктике снежная тема, а у Нели гляцио-геоморфологическая. Он занимается древним оледенением, геоморфологией и современными ледниками. После возвращения в Москву в дальнейшем мы оба будем заниматься гляциологией, он ледниками и геоморфологией, а я снегом как материалом, из которого получается лёд. В Антарктике наша задача – сделать все наблюдения по своей программе, опробовать все имеющиеся приборы и выяснить их достоинства и недостатки, наконец, главное – познакомиться с методикой и работами Богословского, Бархатова, Вялова, Шумского, чтобы в них хорошо разобраться и иметь возможность работать самому.

Если мы всё это сделаем, то после приезда из Антарктиды мы будем иметь материал по Антарктике и сможем в дальнейшем самостоятельно заниматься подобными исследованиями.

Мы хотим в будущем, в Москве, в институте всерьёз заняться гляциологией, на наших ледниках по программе и методике, подобной той, по которой мы работаем в Антарктиде. Это безусловно будет но-

вое, так как до сих пор ледниками занимались с чисто географической точки зрения. Например, Забиров, сидел в Средней Азии много лет, а в результате что сделал – только каталог ледников? До сиз пор ледники изучали и описывали главным образом с точки зрения их деятельности, их влияния на окружающую природу и лишь изредка с точки зрения механики их жизни.

Нам же хочется заняться гляциологией по-новому – так, как это делает Шумский. Обратить внимание не только на внешние процессы, но и на внутренние процессы, на то, что делается внутри ледника, к чему это ведёт и как это отражается на внешних процессах. Мы хотим заняться вопросами – как образуются ледники и какую роль играет здесь снежный покров, как идёт их дальнейшее развитие и как можно влиять на весь комплекс природных условий, представляя собой один из его компонентов.

Практически мы думаем это превратить в жизнь следующим образом: после возвращения никуда больше не ездим до тех пор, пока не защитим диссертации. Параллельно с обработкой наблюдений, по мере их обработки выступаем с рассказом о результатах и каждый раз говорим, что могут дать эти методы. Поскольку мы приедем в институт раньше МГГ-шников, то мы сможем укрепиться и направить это дело в нужное русло. После МГГ останется материальная база, надо будет поговорить с Г.А. Авсюком о наших планах, заручиться его поддержкой и в дальнейшем организовать тематические гляциологические работы по нашей программе...

И заняться серьёзными многолетними исследованиями на наших ледниках: Полярный Урал, Кавказ, Тянь-Шань, Памир, Алтай, Саяны, Сунтар-Хаята. Для начала можно попробовать на одном из трёх: Кавказ, Тянь-Шань и Полярный Урал. Может быть начать с Кавказа – это организационно проще. На Тянь-Шане тоже база есть, и на Полярном Урале тоже. Сейчас важна идея. А идея этого такова: мы получаем достаточно глубокий, новый и сравнимый материал. Если этими делами заняться всерьёз, с хорошей материальной базой (и это возможно в связи с КАЭ и МГГ, не надо только терять связь с этими организациями и как только будет возможность, выцарапывать у них оборудование), то получится много хорошего материала, который будет сравним, так как получен по единой методике. В результате получится монография, не каталог, а именно монография по всем процессам, касающимся наших ледников.

Какая заманчивая перспектива! Со временем надо этой идеей заинтересовать Г.А. Авсюка, П.А. Шумского, Г.Д. Рихтера, Л.Д. Долгушина, организовать в институте группу снега: сколько проблем здесь, сколько тем, сколько работы! Если бы создать группу человек в 5–6, то было бы хорошо! Теперь задача – всё это претворить в жизнь. Очень постепенно. Сейчас надо работать и работать.

19 декабря. Портит настроение наша «севрюга», как стали называть «Кооперацию». Что-то уж очень неровно идёт она вперёд: сегодня проснулись, а она стоит на месте. Тишина сразу. На нее взвился флаг, обозначающий «лежу в дрейфе». И так вот стоим, стоим, а время то идёт! Как говорят – и срок уже близенько. Пошли шутки по этому поводу: «Образуются три команды, всех записывают в одну из них: одних на вёсла, других шестью отталкиваться, а третьих – на корме, дуть в паруса». Такой ехидный юмор оттого, что всем обидно так медленно плыть, уже стало надоедать, да и остановка в Кейптауне поэтому лишается того интереса, как у неё могла бы быть, так как мы будем в Кейптауне в самый разгар Рождества, когда магазины все закрыты. Это очень жалко.

Так вот. Пока «Кооперация» стояла на месте, люди взяли удочки и отправились ловить рыбу; только расположились, как вдруг машина заработала и, о радость! Наш теплоход сдвинулся с места. Так и не удалось нашим рыбакам порыбачить. Но на ужин всё-таки была уха – правда, наловили рыбы не в Атлантическом океане, а в нашем холодильнике.

20 декабря. Сегодня стало ещё прохладнее. Температура всё время понижается, сегодня уже 23°, а воды и того меньше. Вечером было событие: общее собрание экспедиции по поводу дисциплины. Дело в том, что сегодня утром сам Шумский, поднявшись в курительный салон, обнаружил на полу чернильное пятно. Днём началось следствие. Вызывали и нас, потому что вечером мы играли в салоне и ушли чуть ли ни последние. Долго нас пытали Шумский, Карташов и Мещерин, всё пытаясь добиться у нас признания. Вызывали дежурных, других, кто был там, но всё это кончилось безрезультатно. Так виновника и не нашли. Музыкальный салон закрыли, а всех собрали в ресторане и стали читать нотации. Вообще то порядочек у нас так себе, курят где угодно, а ведь на судне в одном месте лежат взрыватели, а в другом 49 бочек спирта, а в третьем – баллоны с водородом. Поэтому особенно с куревом надо быть осторожным. Но до сих пор ничего не помогало: прямо под подписью «No smoking» стоят и курят. Были

всякие выступления; не обошлось и без курьёзов. Один выступил и предложил метод борьбы: запретить вообще курить, не выдавать папиросы. Его, конечно, оборжали, на том дело и кончилось.

Долго длилось собрание. Всем было предложено вести себя поприличнее, особенно в связи с тем, что в Кейптауне к нам сядет американец, который поплывёт с нами в Мирный и там останется работать. Капитан выступил и угрожал, что те, кто нарушают порядок, останутся без берега в Кейптауне. Эта мера конечно действенна – даже отъявленные курильщики перестали курить в неположенных местах.

21 декабря. Погода ухудшилась. Поднимается ветер и море уже не такое спокойное каким оно было ещё несколько дней тому назад. Стало немного качать, но всё-таки переносится эта качка уже проще, чем раньше. Утром были занятия по альпинизму, изучали узлы: грудные обвязки, связывание верёвок морским узлом, двойным рифтовым узлом и т.п.

Моё письмо маме о посещении Кейптауна в самом конце 1956 г., отправленное из Антарктиды. Здравствуй, дорогая мама.

В этом письме хочу рассказать о Кейптауне. Пишу его уже в Мирном, хотел сразу же, это было бы лучше – свежие впечатления, но заштормило, да так сильно, что писать уже не хотелось. А потом, когда кончились штормы, мы были уже у Антарктиды, появилось много новых впечатлений, а кроме того много времени уходило на сборы перед выгрузкой на берег.

Так вот и получилось, что о субтропическом Кейптауне пишу в Антарктиде.

Кейптаун был единственный порт, куда мы зашли и где хоть что-то видели, хотя и не так уж много. Подошли мы к Южной Африке в полдень 25 декабря. Уже завиднелись африканские берега, а впереди в дымке – знаменитая Столовая гора. Пока подходили к ней, уже наступил вечер, хотя было еще совершенно светло. Перед нами была огромная и очень красивая, плоская как стол, с отвесными стенами, Столовая гора. Под ней и раскинулся город. Город этот – ворота в Антарктику, Африку и т.п., типичный проходной портовый город. Здесь огромный порт, раскинувшийся на несколько километров. Когда мы подходили, очень надеялись, что в порту будет советский корабль, идущий на Родину. Тогда с ним ушли бы наши письма. Пока стояли на рейде и ждали кейптаунского лоцмана, все смотрели в бинокли на порт, нет ли где-нибудь советского корабля. И вот кто-то увидел красный флаг и голубую трубу с серпом и молотом. Настроение у всех

поднялось – ведь можно будет отправить письма. Но потом нас ждало горькое разочарование: пока мы входили в порт, этот пароход ушёл. А в Кейптауне нет даже нашего представительства, а только чехословацкий консул. Так мы и не отправили наших писем. Ну, ничего, зато теперь получишь сразу много.

Итак, часов в 7 вечера мы медленно пришвартовались к пирсу. Это было 25 декабря – в городе как раз начались рождественские праздники, в этот день уже никто не работал. Праздники у них длятся два дня – 25 и 26 декабря. В эти дни не работают никакие магазины. И тут нам не повезло, мы не смогли попасть в настоящие большие магазины. Нам выдали валюту за 44 дня пути, мне из расчёта 180 золотых рублей в месяц, это получилось 23 южноафриканских фунта, не так уж много, но всё-таки можно было кое-что купить, но вот — не удалось. Теперь эти деньги у меня, возможно, удастся их истратить на обратном пути. Ведь куда-нибудь мы за границей заходить будем.

Как только мы причалили, у корабля появилась масса народу. Это был праздничный вечер и у них видимо такой обычай или правило: проводить праздники в семейном кругу. Нигде мы не видели, как у нас, отдельных компаний. Всюду гуляли семьями, приезжали к нашему пароходу с детьми. Несколько человек подошли к самому борту, завязалась беседа на английском языке, у нас кое-кто его знал. Разговорились с одним англичанином – клерком инженером-строителем, который всего месяц назад приехал из Лондона. Остальные все были местный народ. Многие, как выяснилось сейчас же и в чём мы убедились на следующий день, говорят по-русски. Это приехавшие из России в самое разное время. Многие ещё в бурскую войну (это в 1899–1900 гг.), многие до революции, но есть и такие, которые уехали уже в 20-х годах и, наконец, во время II мировой войны.

Вскоре после приезда мы выяснили, что недалеко от нас стоят два японских парохода Японской антарктической экспедиции. Поздно вечером эти японцы пришли к нам в гости, долго сидели разговаривали, дарили им всякие сувениры. Главный геолог экспедиции подарил всем нам открытки с видами Антарктики, посвящённые их экспедиции с автографами.

Легли спать поздно, а наутро была назначена экскурсия в окрестности города, в сторону мыса Доброй Надежды. Ещё когда подходили к Кейптауну, капитан «Кооперации» заказал три экскурсионных автобуса.

В 9 часов утра подошли три красивых просторных автобуса и мы уселись. С утра была неважная погода: даже немного моросил дождь, но к 9 часам стало разясняться. Все приоделись, я тоже надел свой бежевый костюм. И поехали. Поехали вдоль Атлантического океана на юг, город остался сбоку, а мы поехали прибрежной его частью. Кругом стояли небольшие коттеджики и большие современные здания этажей в 4, 5. Это в основном гостиницы, много-много гостиниц, по-видимому, для курортников. Ведь это, по-нашему, конец июня, разгар курортного сезона. Много людей, хотя купающихся нет там вообще. Не купаются. Так как очень холодная вода в море.

Ехали мы по прекрасному шоссе, вообще здесь очень много асфальтированных дорог, почти к каждому домику подходит дорога. Что бросается в глаза – это изумительная чистота, нигде нет урн, но на дорогах совершенно нет мусора. У каждого домика подстрижена зелень, все домики свежеевыкрашены. В общем, очень чисто. Затем – очень много машин, автомобилей. Вот в Западной Европе огромное количество велосипедов, потому что там расстояния маленькие. А в Южно-Африканском Союзе пространства очень большие, тысячи и сотни километров, да к тому же дороги горные, поэтому здесь преобладает как главный вид транспорта – автомобили. Их очень много, почти у каждого дома стоит машина, а вдоль всех улиц стоянки машин, и там тоже много их. В горах очень много автомобильных магазинов, один я даже видел многоэтажный. Машины самых разных марок, я, по крайней мере, не видел ни одной, в точности похожей на другую. Стоят они по-разному, причем цена сильно разнится не только в зависимости от величины машины, но и в зависимости от того года, когда сделана эта машина. Так, машина образца 1952 года уже почти в два раза дешевле, чем современная машина. Так что это дело здесь поставлено здорово.

Проехав километров 60, мы приехали в крайний пункт нашего путешествия, небольшой городок Саймонстаун и здесь надолго остановились. Здесь мы уже выехали к Индийскому океану и увидели много купающихся, так как вода в Индийском океане значительно теплее, чем в Атлантическом.

Все из автобусов разбрелись по городку, сходили мы на пляж. Очень интересно и там. Вдоль всего пляжа в несколько рядов построены небольшие деревянные сарайчики, которые вероятно служат пляжной дачкой. Мы забрели в небольшой магазинчик, там продавались журналы, книги, кое-какая мелочь, вроде подводных очков,

а кроме того фрукты и всякие кондитерские вещи. Пробовали мы шоколад – он гораздо хуже нашего. По всему городку разбросаны небольшие кафе. В одном из таких кафе я попробовал знаменитую кока-колу, оказался очень плохой лимонад – чистейшая химия.

Так походили мы по городку и тронулись дальше, поехали обратно к Кейптауну, но уже с другой стороны. По дороге хотели заехать в известный заповедник, посмотреть там обезьян. Но небо опять начало хмуриться, заморосил дождик, который всё увеличивался и увеличивался и, наконец, превратился в настоящий ливень.

Всё-таки мы подъехали к заповеднику, и некоторые энтузиасты (и я в том числе) побежали бегом в заповедник, но тут такой полил дождь, что пришлось бежать под соломенную крышу. Обезьян нам посмотреть не пришлось, зато очень интересно побеседовали с цветными – их много собралось под крышей от дождя. Здесь, в Южно-Африканском Союзе живут европейцы, в общем белые (в том числе и буры – выходцы из Голландии ещё в незапамятные времена), затем цветные и чёрные, много всяких негров. Очень сильно развита дискриминация. Негры делают всю чёрную работу, ездят на городском транспорте они отдельно от белых. Остановки автобуса обычно две – одна для белых, другая для цветных и чёрных. И в электричках одни вагоны для белых, а другие – для цветных. И одеты они гораздо хуже, особенно дети. А дети белых одеты очень хорошо. Здесь, видимо, принято одевать детей очень красиво, это действительно со стороны выглядит хорошо – и это приятно.

Возвращались в город, когда ливень лил как из ведра. Приехали на паром, пообедали и решили несмотря на дождь всё-таки пойти пройтись по самому городу. Пошли пешком, долго ждали автобуса (между прочим, здесь автобусы и троллейбусы двухэтажные), но не дождались, а такси вызвать как-то не догадались. Сразу же вымокли, но всё-таки ходили глазели по сторонам. На улицах народу было мало – во-первых, праздник, а во-вторых, дождь. На углах мальчишки-газетчики громко о чем-то кричали – они продавали вечерние газеты. Между прочим, в одной из них было уже напечатано о приходе в Кейптаун «Кооперации» и помещена фотография нашей экскурсионной группы в одном из автобусов.

Много магазинов, буквально все нижние этажи заняты магазинами. Но преобладают магазины небольшие, как промтоварные, так и продуктовые. На витринах выставлены различные товары и обязательно поставлены цены. Мы очень жалели, что не имели возможно-

сти реализовать свои фунты, хотя цены здесь сравнительно высоки – ведь Кейптаун – портовый и курортный город.

Надеемся, что на обратном пути мы всё-таки что-нибудь купим на эти деньги. Даже, если мы зайдём куда-нибудь в другой порт, мы всё равно сумеем обменять южноафриканские фунты на местные деньги, правда, при этом мы можем что-либо потерять, или, наоборот, выиграть, так как меняют иностранную валюту обычно по текущему курсу. Вернулись мы на корабль уже к вечеру, совершенно промокшие, но очень довольные, всё-таки город посмотрели.

В этот же вечер мы должны были отчаливать. Возвратились мы на корабль и видим, здесь масса народу пришла в гости. Все просили что-нибудь подарить, сувениры или что-нибудь в этом роде. Пришло несколько человек молодёжи, и в нашем музыкальном салоне устроили импровизированный вечер, играли на рояле, а они под музыку танцевали свои танцы. Ушли только тогда, когда по радио сообщили, что «корабль на отходе». Тогда все высыпали на прогулочную палубу и состоялось очень хорошее прощание. На пристани стояло несколько местных жителей, мы с ними разговаривали, а потом стали петь песни, мы свои и они свои. И так простояли до поздней ночи, когда корабль уже отвалил. Когда проходили мимо японских антарктических кораблей, вся экспедиция, все выскочили нас проводить, кричали «до свидания».

Одним словом, несмотря на очень короткую стоянку от Кейптауна осталось очень хорошее впечатление. И если мы на обратном пути зайдём только в Кейптаун, то я буду всё равно доволен – очень интересный город. Вот и всё. Приеду, расскажу ещё подробнее, всё, что мы уже видели за границей и что ещё увидим. До свидания. Уже недолго осталось до отхода последнего корабля, там уже начнёт тянуться основной год, но пока время идёт очень быстро. Думаю, что также будет и дальше.

Привет всем. Крепко целую. Володя

Моё письмо маме из Антарктиды от 24 марта 1957 г. Здравствуй, дорогая мама.

Скоро уже к нам придут «Обь» и «Лена». Ждём их с нетерпением, особенно «Обь», на которой к нам везут почту, а кроме того из Кейптауна свежие фрукты и овощи. С приходом, а потом и с уходом кораблей многое изменится в нашей жизни, главным образом потому, что останется меньше людей и будет в Мирном, да и во всей экспедиции больше порядка.

Прошедшие летние месяцы в Мирном прошли в непрерывных трудах, так что свободного времени было очень мало. Давно я хотел писать письма, чтобы исподволь готовить их к приходу кораблей, но как-то всё не удавалось. И вот только сейчас решил уже на время бросить все дела и обязательно написать письма.

Событий здесь произошло за эти несколько месяцев мало. Почти каждый день обычно или что-нибудь случается, или приходят какие-либо интересные известия. Все их как следует в этих письмах не опишешь, да в этом едва ли есть надобность. И в хронологическом порядке спустя уже некоторое время писать трудно. Поэтому я решил писать о том, что больше всего запомнилось, что кажется наиболее интересным. Пишу в эти дни письма тебе и Норе, стараюсь об одном и том же не писать – повторяться не хочется.

Сейчас девять часов вечера. На улице совершенно темно, Навер-ху сквозь пелену несущегося снега видно чистое небо. Прямо под нами, вернее чуть-чуть спускаясь к югу блесит созвездие Южный Крест, которое заменяет здесь нашу Малую Медведицу с Полярной Звездой. Это созвездие гораздо красивее нашей Медведицы и может сравниться, пожалуй, только с Орионом, который, кстати, здесь тоже прекрасно виден в северной части неба. А вот другие созвездия, кроме Южного креста я пока здесь не различаю.

Итак, сейчас ясное небо, звёздная, но очень ветреная ночь. Только что я ходил мерить ветер – получилось больше 20 м/сек. Это ветер срывает снег с поверхности, поэтому сейчас на улице сильная метель, так что в 50 метрах ничего не видно. А мы спокойно себе сидим в балке, повёрнутым поперёк ветру. Балок этот стоит в 10 км от Мирного и в 5 км от берега моря вглубь материка. К западу от нас возвышается огромный ледяной бугор, целые горы, поднимающиеся на 200–300 м над нами, в этом месте ледник наползает на большой, по-видимому, остров и от этого образуются горы. Они находятся в нескольких (1,5–3) км от нас, но даже отсюда видны громадные трещины, пронизывающие лёд. Эти трещины сейчас прикрыты свежим снегом, а еще совсем недавно там зияли совершенно открытые пропасти в 50–100 метров шириной. Смотреть на эти величественные красоты природы отсюда очень интересно, но приблизиться к ним просто страшно. Но дорога, которая проходит здесь от Мирного на Пионерскую и теперь уже даже дальше, вся отмечена большими вехами, поставленными как в прошлом году, так и особенно нами, и существует приказ начальника

У палатки КАПШ

экспедиции, обязывающий всех транспортников не удаляться от основного направления дороги вбок больше, чем на 70 метров.

По этой дороге поехали и мы из Мирного. Начиная от берега моря и вглубь до того места, где мы сейчас находимся, мы поставили большие вехи через каждые 200 метров, чтобы по этой дороге можно было ездить в любую погоду, так как в будущем нам придётся совершать этот путь на лёгком вездеходе ежедневно.

И вот вчера трактор привёз сюда балок и волокушу с палаткой КАПШ-2, подобную той, в которой мы жили на Новой Земле. Палатку мы сняли с волокуши, поставили на снег, укрепили на растяжках, одним словом сделали всё необходимое, чтобы безо всякой боязни встретить сильнейший ветер, хотя вчера и был абсолютный штиль и температура всего -3 , -4°C . Трактор ушёл обратно в Мирный, а мы втроём (с Виктором Михайловичем и ещё одним сотрудником Института мерзлотоведения) остались здесь дней на пять пожить в балке, чтобы оборудовать специальную площадку для стационарных наблюдений в будущем.

Ветер не заставил себя ждать, и сегодня с утра закрутило, завертело так, что всякие уличные работы были невозможны. Погода стала

сильно портиться, уже нет ничего общего с тем, что было хотя бы месяц тому назад. Начинается антарктическая зима. Сегодняшний выезд – последние полевые работы, в дальнейшем уже будем в основном в Мирном с редкими выездами на вездеходе сюда, на 5-й километр.

А с 5 по 14 марта мне пришлось участвовать в большой поездке на тракторе с этим же балком на 50 км от Мирного. Погода эти дни стояла сносная, и нам довольно быстро удалось сделать все намеченные работы: вырыли 7 шурфов в снегу, каждый глубиной по три, а иногда и немного больше, метра, описали их и сделали многое другое. Вот так вот работать с балком и трактором – это конечно замечательно. Тут уж не страшна никакая погода, потому что ты живешь как будто в хорошем доме. Внутри нашего балка строители смастерили нары в два этажа, на которых мы разместились впятером очень свободно. Кроме этого у нас небольшая чугунная печка, газовая плита, на которой мы готовим пищу, стол и три раскладных стула. В стене балка сделан шкаф, где сложена часть необходимых продуктов и кастрюли, а остальные продукты (а их очень много), мешки с углём и дрова лежат под нарами. Так что на сравнительно небольшой площади всё необходимое умещается и уж такой большой тесноты нет. А при входе сооружён небольшой тамбур, в котором стоит баллон с газом и сделана вешалка, поэтому холод с улицы непосредственно в балок не проникает. Тепло он держит превосходно, как хороший деревенский дом, и вытопив с вечера печку, к утру мы тоже встаём в тепле. Освещаемся электричеством от аккумуляторов, которые непрерывно заряжаются днём, когда работает трактор, а сейчас, когда мы остались одни – приходится пользоваться двумя летучими мышами, но света вполне хватает, чтобы читать и писать письма. Такие же балки были сделаны для санно-тракторных поездов, отправленных вглубь Антарктиды.

Вот сейчас уже почти 10 часов вечера, в окно ничего не видно, только слышно как шумит ветер в печке и на улице и немного гремит крыша. А у нас тепло +18–20°, хотя на улице сейчас –18°. Мы живём и горя не знаем. Работать приходится много – потому что помимо своего дела очень много общеотрядных забот, а кроме того непрерывные работы в посёлке. Но об этом напишу в следующем письме. Пока, до свидания. Привет бабушке, тёте Оле, всем в Москве. 24/III–1957.

Отрывки из моих телеграмм, посланных из Мирного на «Большую землю». 25.04.1957. В отдел физической географии: Конец апреля ознаменовался началом настоящей зимы. Непрерывно дует ветер,

«Кооперация» и «Обь» у антарктического припая

сильные пурги. Попадаем домой только через крышу. Уличные работы стоят больших трудов. Сегодня возвращались десятого километра пять часов. Настроение бодрое. Ведь уже пять месяцев за плечами. Жду весточки друзей.

25.04.1957. Всем пингпонгистам. Приветствую друзей по ракетке. Днях Мирном открыли секцию настольного тенниса под лозунгом: «Пинг-понг – спорт смелых». Какие успехи вас? Сделали наконец стол?

25.05.1957. Маме. Последние дни погода испортилась. Большой снегопад, ветер, метель. Улучшением погоды уезжаю маршрут югу на большом тягаче. Едем всемером: Виктор Михайлович, я, два водителя, штурман, радист, метеоролог.

1.06.1957. Володе Ряшину. От всей души поздравляю молодожёнов. Теперь мы свояки. Сожалею не могу прибыть свадьбу. Расстояние 20 тысяч километров, ежедневно ещё на три километра – двигаюсь вглубь материка.

1.06.1957. Маме. Работаем походе. Погода приличная. Настроение, здоровье хорошие. Завидую свадьбе Риты и Володи. Жаль что тебе не повезло погодой. Когда вернёшься Москву?

3.06.1957. Жене. Женечка, приветствую тебя Антарктического плато. Сейчас работаю высоте 500 метров. Очень жду твоей телеграммы. Когда пойдёшь отпуск? Где будешь летом? Как дела институте? Не коснулась ли тебя организация отдела гляциологии? Интересно какой Володя Ряшин женатом виде? Пиши чаще больше. Володя

5.06.1957. Бабушке. Нас сейчас самые короткие дни. Погода приличная. Мороз 25 градусов. Работаем материке. Очень жалею что не пришлось побывать на свадьбе Володи и Риты. Крепко целую. Пиши. Володя

7.06.1957. Маме. Нахожусь походе пятидесяти километрах Мирного. Работы уже заканчиваем. Погода стоит хорошая: мороз 25 градусов. Сильной метели пока нет. Самочувствие прекрасное. Как проходит твой отпуск? Какая погода? Крепко целую. Володя

14.06.1957. Люсе. Поздравляю днем рождения. Очень жалею что не могу этот день сделать тебе что-либо приятное. Как ты живешь. Как настроение. Нас наступила зима морозами ветрами метелями. Дальше 50 километров вглубь материка пока не езжу. Днях вернулся оттуда. Очень много работы. Часто вспоминаю Москву институт. Неужели мы теперь разных отделах? До свидания. Очень буду рад весточке от тебя. Володя

16.06.1957. Маме. Дорогая мама. Работаем Мирном основном лаборатории. Работы очень много. Вопреки рассказам прошлогодних зимовщиков зима очень хорошая. Снегопадов нет, температура порядка 25 градусов. Редко опускается до 30. Сильные ветры бывают довольно редко. Полевых работ до сентября теперь не будет, занимаюсь английским, бываю кино. Как проходит твой отдых? Крепко целую, Володя

23.06.1957. Маме. Дорогая мама. Нас всё по-старому. Уже пять дней продолжается сильная пурга. Вчера был самый короткий день. Большим концертом отметили юбилей Ленинграда. Чувствую себя прекрасно если регулярно получаю от вас телеграммы. Крепко целую. Привет бабушке, тёте Оле, всем Москве. Володя

23.06.1957. Норе. Пройден большой рубеж – теперь дни становятся длиннее, значит ближе лету, ближе дому. Прошли уже семь месяцев нашего расставания. Недолго до встречи. Как мне хочется скорее тебя увидеть обнять расцеловать. Привет маме, папе, тёте Вале, Рите. Пиши пожалуйста чаще, весточки от тебя – самое дорогое здесь. Володя

23.06.1957. Володе. Пройден большой рубеж, теперь каждым днём всё ближе Москва. Очень много дел. Никогда жизни ещё так много ни работал. Зато результаты получаются исключительные. Такого учёного как Шумский мне не приходилось встречать. Он организовал здесь выдающиеся размаху гляциологические исследования. Я веду все работы связанные снегом: полевые, лабораторные. Сейчас сижу микроскопом. Приятно сознавать что работаешь совершенно новой методике гляциологии. Привет Ире семье. Где сейчас Ина? Привет ей. Володя

У снежного шурфа В.М. Котляков и П.А. Шумский (справа)

1 июля 1957. Маме. Уже за плечами полгода. Впереди лето, возвращение. После недельной пурги установилась хорошая погода. Работаем основном лаборатории. Дел очень много. Привет всем. Володя

5 июля 1957. Рихтеру. Дорогой Гавриил Дмитриевич. Поздравляю окончанием почти кругосветного путешествия. Вероятно много впечатлений. Нас зима, метели чередуются прекрасной московской зимней погодой. Масса работы. Я веду две плановых темы связанные снежным покровом. Со мной работают два человека. Ведём регулярные наблюдения снежным покровом двух стационарных площадках около Мирного и 7 километрах от побережья также на острове Дригальского, пятидесятикилометровом радиальном профиле вглубь материка, Пионерской. Работают самописцы оседания, проводим метелемерные наблюдения. Сейчас ведём лабораторные работы, микроскопическое описание пластин снега, взятых из шурфов в поле. Исследуем структуру снега под микроскопом включая измерение ориентировки оптических осей кристаллов в снеге, фирне, ледяных включениях. Измеряем твёрдость, объёмный вес, коэффициент воздухопроницаемости, капиллярного поднятия, ряда других свойств. Собирается богатый интересный материал. К сожалению не хватает времени на обработку, которую придётся в основном вести в Москве. Хочется с Вами обо многом поговорить, посоветоваться, придётся отложить до приезда. Интересно какие работы по снегу ведутся сейчас

в отделе и вообще в институте в связи с МГГ. Чем занимается Женя, Тоня. Большой привет всем отдельцам.

9 июля 1957. Маме. Дорогая мама. Живём хорошо. День заметно прибавляется. Впереди полевые работы. Пока сижу микроскопом и работаю окрестностях Мирного. Вечерами изредка хожу кино. Всё остальное время уходит на дела. Собирается очень интересный материал. Крепко целую. Привет всем. Володя

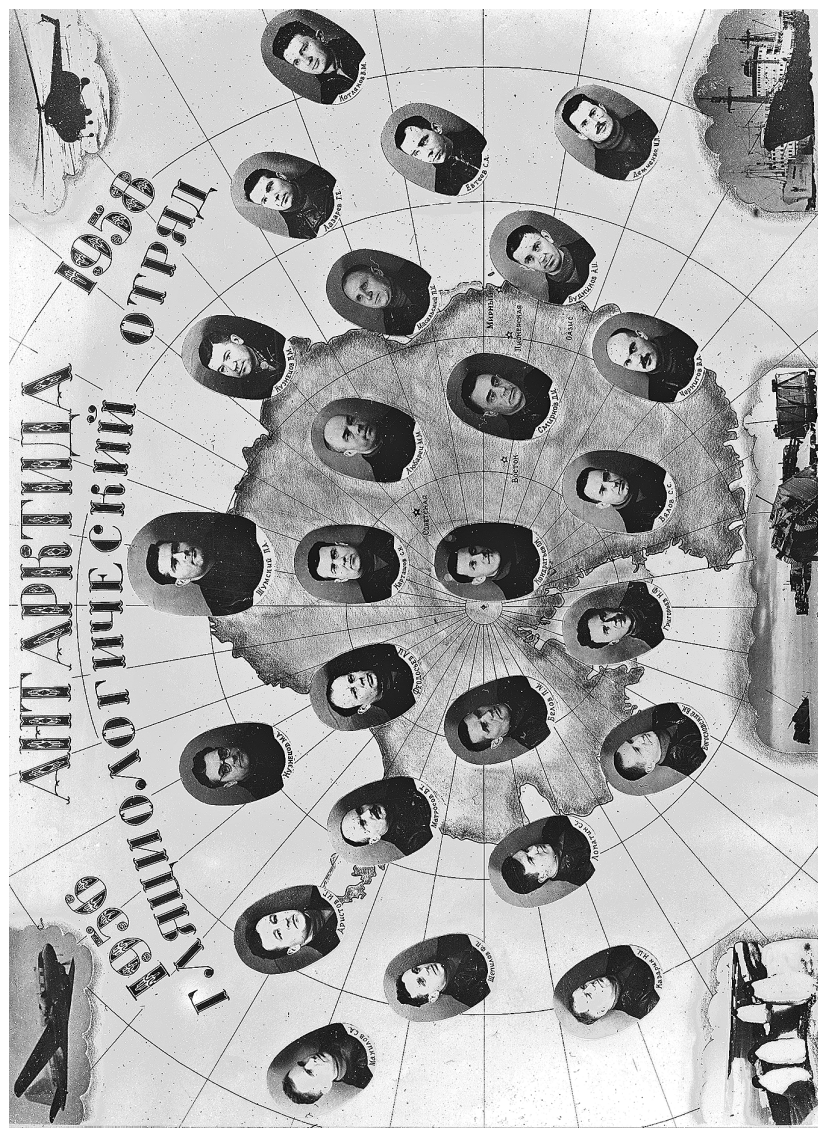
17 июля 1957. Маме. Дорогая мама. Живу хорошо, самочувствие прекрасное. Интересом прочёл о даче. Что ещё собираешься делать до моего приезда. Говорят первый корабль пойдёт нам уже сентябре. Скорее бы. Очень хочется почитать ваши письма. Как живут бабушка, тётя Оля, в деревне. Привет всем. Крепко целую. Володя

27 июля 1957. Маме. Вчера с удовольствием слушал твоё выступление по радио. Жаль, что не было Норы. Теперь уже недолго до встречи. Поскольку всего два-три месяца до выхода первого корабля, в этой и следующих телеграммах буду писать, что надо прислать сюда. Первая просьба – фотобумага. Привет всем. Крепко целую. Володя

27 июля 1957. Володе. Приветствую вас всех солнечного юга. Мы более выгодном положении – впереди лето. Наконец, кажется, вся ваша семья вместе. Очень хочется Москву увидеть всех вас. Часто вспоминаю прошлые годы. У нас всё по-старому: ветры, метели, снегопады, масса работы. Но настроение меняется. Ведь пройдёт два месяца, и корабль отправится к нам. Жду от вас много интересных писем. Володя, как твоя диссертация, успею ли к защите. Где сейчас все наши. Пиши

30 июля 1957. Маме. Дорогая мама, регулярно слушаю из Москвы рассказ о фестивале. Рад что вы всё это видите. У нас уже пять дней подряд ураганный ветер, сильнейшая метель. Но удобства жизни в Мирном не позволяют ощутить эти прелести Антарктиды. Просьба вторая: пришли, пожалуйста, отрывной календарь за 1958 год, также если есть в продаже пингвин с ликёром или наливкой объёмом 250 грамм. Привет всем Москве. Крепко целую, Володя

2 августа 1957. Норе. Дорогая моя. У нас вдруг разбушевалась природа. Уже неделю подряд дует ветер 30–40 метров в секунду. Трудно ходить даже по посёлку. Не видно рядом стоящего дома. Слушаю много передач из Москвы с фестиваля. Рад за тебя – ведь ты многое сейчас видишь. Помоги маме достать фотобумагу, магнитофонную плёнку. Привезу много интересных фотографий и записей. Привет семье, тёте Вале. Крепко крепко целую

Члены гляциологического отряда Второй континентальной антарктической экспедиции (1956—1958 гг.)

6 августа 1957. Маме. Наконец прекратилась продолжавшаяся десять дней непогода. Снова над нами безоблачное небо. Солнце уже высоко над горизонтом. Скоро начнутся полевые работы. Пока трудимся основном лаборатории. Просьба третья. Пришли пожалуйста магнитофонную плёнку. Здесь очень много интересных записей. Как здоровье бабушки, тёти Оли, привет им. Крепко тебя целую. Володя

9 августа 1957. Норе. Дорогой Норик. Рад полученной телеграмме. Нетерпением жду прихода первого корабля, много хороших, интересных писем. Погода улучшилась. Начались полевые работы. Вчера летал на остров Дригальского в ста километрах к северу от Мирного. Всё больше хочется домой. Крепко, крепко целую. Привет вашим. Володя

14 августа 1957. Маме. Дорогая мама. Жизнь течёт обычным порядком. Ждём новостей о сроках прихода кораблей. Теперь уже ждать недолго. Просьба четвёртая. Пришли, пожалуйста, две пары тёмных защитных очков. Как здоровье бабушки? Привет всем в Москве. Крепко целую. Володя

18 августа 1957. Володе. Привет всем, дорогие друзья. Как прошёл фестиваль? Наверное, масса впечатлений. У нас на днях был сильнейший ураган, ветер достигал 50 метров в секунду. Держаться на ногах было невозможно. Ходили ужинать на четвереньках. Солнце поднимается всё выше. Скоро полевые работы. Уже летал на остров Дригальского. С нетерпением жду прихода первого корабля, много больших интересных писем. Крепко всех целую. Жду весточки. Володя

20 августа 1957. Маме. Дорогая мама. Недавно в Мирном пронёсся сильнейший ураган. Но не волнуйся, в наших прекрасных условиях это почти не ощущалось. Только ужинать пришлось идти по-обезьяньи. Как быть с кассетами, поговори с Володей Седовым. Я разузнаю здесь, напишу позже. Просьба пятая: пришли пожалуйста по десять штук оттисков моих аннотаций литературы по снегу и сошествия в Нальчике. Они лежат, вероятно, внизу в книжном шкафу или в институте. Напиши, нашла ли. Продолжаем работать интересно и увлекательно. Собирается богатейший уникальный материал. Привет всем в Москве. Крепко целую. Володя

20 августа 1957. Норе. Всё будущее и все мои мечты связаны с тобой. Но теперь уже это время скоро. Через месяц к нам пойдёт первый корабль. Жду с нетерпением твоих больших тёплых ласковых писем, хочу чтобы ты написала свои мысли о нашем будущем. Пока переживаем бурное время. На днях пронёсся сильнейший ураган. По

воздуху летели ящики, доски. Ходили в столовую на четвереньках. Если заскучаешь, прочти те десять заветов, которые я прислал тебе в письме. Привет дорогому моему Норику от ушастой собачки. Крепко крепко целую мою любимую. Володя

27 августа 1957. Маме. Дорогая мама. Август стоит плохой. Почти непрерывно дуют ветры, метели. Надеемся на скорое улучшение погоды. Ведь на пороге весна. У нас много разговоров о выходе кораблей. Передай посылку, не опоздай, осталось немного времени. Просьба шестая, кажется, последняя. Пришли, если можно, пижаму. Жду с Обью больших интересных писем. Скучаю, хочется домой. Теперь уже скоро. Привет всем родным и знакомым. Володя

27 августа 1957. Норе. Дорогой Норик, время бежит. Через неделю наступит месяц, когда к нам пойдёт первый корабль. Хотя здесь разгар зимы, но весна на пороге. Сегодня температура была всего четыре градуса мороза. Ждём лета, кораблей, отъезда. Как поживают Володя с Ритой? Привет всем, крепко целую. Володя

27 августа 1957. Отдел. Дорогие друзья, наша зима в самом разгаре. Появились маленькие пингвинята. Ветер продолжает набирать силу. На днях был ураган, вспомнили предков: ходили на четвереньках. Мирный полон слухами о скором выходе к нам «Оби», затем «Кооперации». Жду от вас с первым кораблем большого письма. Интересно, кто где сейчас находится, как проходит жизнь отдела и его сотрудников? Жив ли пинг-понг? В Мирном он развивается вовсю. Жду весточки от вас. Володя

5 сентября 1957. Маме. Дорогая мама, извини за задержку телеграмм. Каждый день сейчас занят полностью. Стоит хорошая погода, всё время полёты, поездки вглубь материка. Сегодня передавали новое положение с подписными изданиями. Теперь подписка должна быть проще. Очень тебя прошу, подпишись в ближайший день на Маршака, Диккенса – подписки которых заканчиваются 10 сентября. Напиши сразу, сумела ли подписаться. Сообщи впредь, что ещё будет из подписок. Живём хорошо. Ждём кораблей с письмами. Привет всем. Крепко целую. Володя

13 сентября 1957. Маме. Дорогая мама. Очень рад сообщению о хорошей погоде в Москве. Зачем так много копаешь? Ведь одной тяжело. Подожди моего приезда. Осталось недолго. У нас пять дней гостили австралийцы. Было много интересного. Погода улучшилась. Солнце уже пригревает по-весеннему. Мама, узнай пожалуйста осторожно когда

день рождения Володи Ряшина и Кима. Помнится они должны быть уже скоро. Напиши в следующей телеграмме. Привет всем. Володя

13 сентября 1957. Норе. Любимая Норинька. Зима кончается. Очень жду Оби, писем. На днях сделаем большую карту, на которой будем отмечать местонахождение Оби. Привет маме, папе, тёте Вале. Крепко крепко тебя целую. Володя

22 сентября 1957. Маме. Дорогая мама, Мирный живёт вестями о выходе Оби. В сентябре погода лучше, чем была в августе. Сейчас много летаем, работаем в поле, хотя ещё лабораторных работ тоже много. Самочувствие прекрасное. Напиши пожалуйста дни рождения Кима, Володи. Большой привет, наилучшие пожелания бабушке. Крепко целую, Володя

22 сентября 1957. Норе. Норинька, милая. Московская осень нравится мне тем, что у нас наступает весна, вместе с ней приход кораблей, писем, затем отъезд. Пока много работаем в поле, близких и далёких окрестностях Мирного. Радуюсь каждому уходящему дню, приближающему нашу встречу. Крепко крепко целую, привет всем вашим. Володя

28 сентября 1957. Маме. Дорогая мама, у нас всё в порядке. Очень жаль, что не могу принять участия в дачных делах. Интересно много ли построили наши дачные соседи. В Мирном всерьёз запахло весной. Ждём Оби с письмами. Крепко целую тебя. Володя

28 сентября 1957. Норе. Норинька, дорогая. Только что слышали по радио о выходе «Оби». Теперь каждый день письма всё ближе. У нас погода лучше, зима уже в прошлом. Хочется знать о тебе, жду подробной подробной телеграммы. Крепко целую мою любимую. Привет всем. Твой Володя

1 октября 1957. Ряшиным. Привет вам, друзья. Поздравляю тебя, Ким, с днём рождения. Желаю много много счастья. Очень хочется всех вас увидеть. Живу по-прежнему. Ждём лета, кораблей. Продолжаем ощущать все неприятности здешней погоды. Позавчера пронёсся ураган. Ветер достигал 46 метров в секунду. Жду от вас регулярных весточек. Крепко всех целую. Володя

1 октября 1957. Норе. Дорогая Норинька. Очень скучаю по тебе. Хочется увидеть поговорить. Наша зима никак не хочет уступить места весне. Вчера опять пронёсся ураган. Ветер достигал скорости 46 метров в секунду. Но октябрь будет переломным месяцем. Обь всё ближе. Жду от тебя подробного рассказа о твоей жизни. Привет вашим. Крепко целую мою милую. Володя

В.М. Котляков на фоне Антарктического щита

5 октября 1957. Маме. Дорогая мама. У нас погода изменилась. Стало теплее, чаще снегопады, солнце уже пригревает. Сегодня впервые летал до 150 километра вглубь материка. Привет всем. Крепко целую. Володя

7 октября 1957. Володе Ряшину. Дорогие мои, скоро уже увижусь с вами. Осталось меньше полугода. Поздравляю Володю с днём рождения, Кима с поступлением в аспирантуру. Желаю всем счастья, успехов. У нас начинается весна. Скоро будем загорать. Пишите чаще. Весточки от вас здесь очень интересны и приятны. Привет всем знакомым. Ваш Володя

9 октября 1957. Норе. Любимая моя. Живём по-прежнему в Мирном. Людей стало меньше, ушли в поход вглубь континента. Жду громадным нетерпением твоих писем. Хочется получить твои фотографии. Если не послала с Обью, пошли обязательно с Кооперацией. Напиши в письме свои размеры. Вероятно, что-нибудь куплю на обратной дороге. Крепко крепко целую тебя. Привет семье. Володя

9 октября 1957. Маме. Дорогая мама, живём по-прежнему. Следим за «Обью», «Кооперацией», с нетерпением ждём их. Обязательно подпишись на радиопрограммы и программы телевидения. Привет бабушке, тёте Оле, всем знакомым. Крепко тебя целую, Володя

9 октября 1957. Жене. Милая Женечка, где ты сейчас? Если в Москве, когда уезжаешь на Кавказ? Сколько там будешь? Как жизнь, на-

строение? Живу по-прежнему, у нас начинается весна, полевые работы. Ждём с нетерпением «Обь», потом «Кооперацию». Часто вспоминаю тебя. Жалко, что редко приходят твои телеграммы. Напиши письмо с «Кооперацией». Очень жду письма, телеграммы. Пиши. Володя

11 октября 1957. Маме. Дорогая мама, очень прошу тебя, если можно, пришли мне с Кооперацией два фотоальбома. Лучше всего стоимостью по сорок рублей, большие, на обложке вытеснен парусник или что-нибудь в этом роде. Живем хорошо, сейчас уже несколько дней метель, снегопад. Жду весточки, крепко целую, Володя

12 октября 1957. Люсе. Милая Люся, как ты живёшь? Так хочется хотя бы немного знать о тебе. Напиши мне с Кооперацией письмецо. Помнишь, как много значили твои письма на Севере. Живу здесь, работаю по-прежнему. Масса интересного. Столько хочется сделать, но всё сделать не успею. Всё сильнее тянет в Москву. Через полгода примерно сможем увидеться. С каждым днём эта минута становится всё дороже. Чем дальше от родных мест, тем больше начинаешь ценить настоящих друзей. До скорого свидания. Пиши. Володя

13 октября 1957. Норе. Дорогой Норик, нам предложили подать заявки на путёвку любой дом отдыха или санаторий. Думаю лучше нам с тобой поехать в августе. Напиши поскорее своё мнение и возможности. Крепко целую. Володя

17 октября 1957. Норе. Норинька, родная моя. Зачем ты заставляешь меня волноваться? Вот уже больше десяти дней от тебя ничего нет. Очень жду твоих телеграмм, обязательно быстрого конкретного ответа на мою телеграмму об отпуске. Крепко крепко целую любимого Норика. Володя

17 октября 1957. Маме. Дорогая мама, у нас преобладают дни с хорошей погодой, чувствуется весна. Самочувствие прекрасное, очень хочется домой. Напиши, пожалуйста, какие газеты, журналы ты подписалась. Крепко целую, привет всем. Володя

21 октября 1957. Маме. Дорогая мама, выясни пожалуйста, почему мне не пишет Нора. Вот уже полмесяца от неё ничего нет. Очень беспокоюсь. Крепко целую тебя. Привет бабушке, тёте Оле. Володя

21 октября 1957. Норе. Норинька, дорогая моя. Что случилось? Уже полмесяца жду твою телеграмму. Почему ты не пишешь? Родная моя, как хочется тебя поскорее увидеть, осуществить всё, о чём думаю каждый день. Ответь обязательно на мой вопрос об отпуске. Пиши чаще. Ведь телеграммы от тебя самое главное, самое важное для меня

здесь. Целую любимого Норика тысячу раз. Привет ушастой собачке, она тоже ждёт весточки. Володя

25 октября 1957. Маме. Дорогая мама, у нас стало тепло, температура ниже 10 градусов не опускается. Напиши, чем больна Нора, как она себя чувствует. Бываешь ли ты у неё. Я подписался на «Советскую Россию», журналы «Юность», «Техника молодёжи», «Огонёк» с литературным приложением. Напиши сразу после получения квитанций. Если подписка на «...Россию» уже есть, вторую переведи Швелёвым. Крепко тебя целую, привет тёте Оле и бабушке. Володя

25 октября 1957. Норе. Норинька, родная. Сегодня получил твою телеграмму. Очень беспокоюсь, чем ты больна. Как себя чувствуешь? Пиши чаще, сообщай о своём здоровье. С огромным нетерпением жду твоих писем с «Обью», потом с «Кооперацией». Страшно хочу тебя видеть. Жаль, что не написала ничего о возможностях отпуска. Пока подал заявление на Черноморское побережье – август или сентябрь. На имя папы подписал вам журналы «Работница» и «Здоровье». Напиши, когда получите квитанции. Крепко крепко целую тебя, желая поскорее выздороветь. Привет маме, папе, тёте Вале. Володя

25 октября 1957. Володе Ряшину. Привет дорогим друзьям Володе и Рите. Напишите, что случилось с Норой, чем она больна, как себя чувствует? Очень беспокоюсь. Как вы живете? У нас наступила весна – солнце, загораем. Володя, напиши, в Москве или в Терсколе Женья? Крепко вас целую. Володя

30 октября 1957. Норе. Норик, дорогой мой! Из твоей последней телеграммы понял, что в июне или сентябре ты пойти в отпуск сможешь. Поскольку для юга сентябрь лучше июня, в заявке указал сентябрь. Напиши, согласна ли ты. У нас всё по-старому. Крепко тебя целую, привет вашим. Володя

31 октября 1957. Маме. Дорогая мама дни становятся всё длиннее. В одиннадцать ночи ещё сумерки. Следим за «Обью», ждём её. Мама, узнай и напиши, нет ли каких-либо подписок. Если можно, подпишись на Куприна, Лермонтова, Дюма. Готовимся к празднику. Интересно, какая праздничная Москва? Крепко целую тебя, Володя

5 ноября 1957. Институт. С наступлением сороковой годовщины Великой Октябрьской революции хочется выразить Вам и всему коллективу института искренние поздравления, пожелания успехов в работе, безоблачного счастья в личной жизни. У нас наконец наступила весна, ураганы остались позади. С большим подъёмом ведём

полевые работы по программе Международного геофизического года. Евтеев, Котляков, Кузнецов

5 ноября 1957. Алёше. Дорогой Алёша, поздравляю тебя с наступающим праздником. Желаю счастья, успехов в жизни. В Мирном наступила весна. Основные трудности позади. Зимой пришлось много поработать в лаборатории. Теперь начались полевые работы. Летаем, ездим, ходим. Всё больше хочется в Москву. Скучаю по институту. Думаю, теперь осталось ждать меньше полугода. До скорого свидания. Большой привет, поздравления Люсе. Володя

5 ноября 1957. Отдел. Дорогие друзья. Поздравляю вас с Октябрьским праздником. Зима от нас уходит к вам. Теперь недолго до встречи. Очень хочется вас всех увидеть. Скучаю по Москве, институту. С нетерпением жду возвращения. Пишите. Володя

6 ноября 1957. Тёте Оле. Дорогая тётя Оля. Поздравляю тебя с великим праздником. Желаю всего хорошего, главное здоровья. С наступлением ноября к нам пришла настоящая весна, день стал длинный. С нетерпением ждём кораблей, скорого возвращения. Крепко целую, Володя

6 ноября 1957. Жене. Дорогая Женечка. Приветствую тебя с солнечного юга. Поздравляю с праздником, желаю всего наилучшего. Очень хочется тебя увидеть, теперь уже совсем недолго. Может быть опять встретимся в Нальчике. Кстати, не знаешь ли ты, когда и где будет снежное совещание. Как твои дела, жизнь, настроение, работа? Пиши чаще и больше. Твои весточки очень приятны и интересны. До скорого свидания. Володя

7 ноября 1957. Дяде Серёже. Дорогие дядя Серёжа, тётя Варя, Вова. Поздравляю вас с большим праздником. У нас настоящая весна, скоро лето, придут корабли. Там и домой. Интересно, когда вы будете в Москве. Я вероятно приеду домой к майским праздникам. Крепко вас целую. Пишите. Володя

7 ноября 1957. Бабушке. Дорогая бабушка, поздравляю тебя с праздником, желаю здоровья, бодрости. У нас наступила весна, погода стала лучше, солнце пригревает. Ждём кораблей с посылками. Скоро уже домой. Крепко целую. Володя

7 ноября 1957. Шевелёвым. Дорогие мои, поздравляю вас с октябрьскими праздниками, желаю здоровья, счастья, успехов. Наша зима осталась позади. Солнце поднимается всё выше, в хорошие дни загораем. Следим за кораблями, уже недолго осталось до дома. Крепко вас целую. Пишите. Володя

7 ноября 1957. Ряшиным. Дорогие мои, поздравляю вас с большим праздником. Зима от нас уходит к вам. С огромным нетерпением ждём прихода первого корабля, писем, начала конца зимовки. Очень хочется в Москву. Крепко целую всех. Ваш Володя

7 ноября 1957. Маме. Дорогая мама, поздравляю тебя с праздником. Желаю всего самого хорошего. Очень хочется поскорее встретиться. Все мысли сейчас в Москве, дома. Как вы живёте, как твоё здоровье, как проводите праздник? У нас настоящая весна с теплом и солнцем. Крепко, крепко целую тебя. Привет всем родным и знакомым. Володя

7 ноября 1957. Норе. Дорогая Норинька, поздравляю тебя с праздником. Все мысли о тебе, особенно сегодня. Встречаем праздник хорошей погодой. Обь уже недалеко, через неделю буду читать твои письма. Скорее бы. Крепко крепко целую моего любимого Норика. Володя

8 ноября 1957. Рихтеру. Едва ли не больше желаем скорейшего возвращения. Взаимно поздравляем теперь уже с прошедшим праздником. Примите наши сердечные пожелания всего самого наилучшего. Шумский, Котляков, Кузнецов, Евтеев

10 ноября 1957. Моне. Поздравляю с только что прошедшим праздником. Желаю всего наилучшего. Моня, напиши как живёшь, чем занимаешься, как настроение. Купил ли машину? Надеюсь, скоро уже увидимся. Будет что порассказать. Привет и поздравления семье, Лизе, всем нашим. Пиши. Володя

13 ноября 1957. Маме. Дорогая мама, работаю на станции Восток-1, занимаюсь глубинными районами континента. Очень интересно, чувствую себя прекрасно. Крепко целую, привет всем. Володя

13 ноября 1957. Норе. Дорогая Норинька, сейчас нахожусь на станции Восток-1. Здесь уже полярный день, солнце не заходит, правда, мороз 35–40 градусов. Самочувствие очень хорошее. Вернусь в Мирный к приходу Оби читать письма. Крепко крепко целую тебя. Привет вашим

21 ноября 1957. Маме. Дорогая мама, прилетел с Востока. Пробыл восемь дней. Там сейчас тоже весна. Температура днём минус 30 градусов. Видел Обь, находящуюся пока в 25 километрах от Мирного. Получил письма, читал всю ночь. Буду читать снова, особенно о даче. Посылку получу на днях. Теперь ежедневно в Мирном показывают новые кинокартины. Появились свежие овощи. А Кооперация уже проходит экватор. Крепко крепко целую тебя. Володя

21 ноября 1957. Норе. Любимая моя. Недавно ещё работал на Востоке. Вчера видел открытое море, «Обь». Получил твои письма, до-

ставившие огромную радость. Читал всю ночь, перечитываю много раз. Настроение такое приподнятое. Постоянно вспоминаю наше лето, мечтаю обо всём, что будет после встречи. Дошедшие до тебя слухи о небрежности неправильные, лишены оснований. Твой Володя тебя не подведёт. Норинька, родная, совсем недолго осталось до встречи. Пройдёт зима, а уже летом будем вместе. Крепко целую тебя,

21 ноября 1957. Маме. Дорогая мама. Получил огромное удовольствие после прослушивания присланной записи ваших роликов. Живём по-старому. Обь пока ещё далеко от берега. Посылки на корабле. Мама, напиши обязательно, подписали ли тебя, Шевелёвых на газеты и журналы по заявке, поданной мной. Если нет, позвони Тамаре Михайловне, узнай, в чём дело. Крепко целую. Привет всем. Володя

24 ноября 1957. Норе. Дорогая Норинька, сегодня ночью прослушал присланную вами плёнку. Получил огромное удовольствие. Родная моя, как было приятно услышать твой голос, такой далёкий, но близкий. Теперь с нетерпением жду Кооперацию. Только почему в письмах ничего не написала об учёбе. Сообщи об учёбе телеграммой. Мне это очень интересно. Прошёл ровно год со дня расставания. Осталось немного до нашей встречи. Крепко целую тебя. Привет всем, Володя

30 ноября 1957. Маме. Дорогая мама, позавчера получил посылку. Очень благодарен за всё присланное. Вот только магнитофонной плёнки маловато. Здесь прекрасная погода. Много работаем на улице. Сильно загорел. Крепко целую. Привет всем. Володя

30 ноября 1957. Норе. Дорогая Норинька. Много раз перечитываю твои письма. Позавчера получил вашу посылку. Большое спасибо. Завтра декабрь – последний месяц года, в который мы с тобой не виделись. Но теперь встреча совсем близко. Крепко целую. Привет семье. Володя

6 декабря 1957. Отдел. На днях наконец удалось побывать на Оби. Получил ваши письма, записи голосов. Большое спасибо за внимание. У нас настоящее лето. Погода хорошая. В Мирном стало много народа. Продолжаем работать. Недавно в течение недели был на Востоке. На днях улечу на Комсомольскую. Уже виден конец зимовки. Скоро встреча, которую с огромным нетерпением жду. Володя

10 декабря 1957. Маме. Дорогая мама, позавчера прилетел на станцию Комсомольская. Буду работать здесь несколько дней. Чувствую себя прекрасно, хотя высота 3300 метров. Здесь всё время изумительная погода, температура минус тридцать, солнце, штиль. Вчера слушал пе-

редачу из Москвы, твоё выступление. Мама, почему ничего не пишешь о подписке на газеты, журналы. Крепко целую, привет всем. Володя

10 декабря 1957. Норе. Дорогая моя Норинька, сейчас нахожусь в 900 километрах от Мирного на станции Комсомольской. Масса впечатлений. Менее полумесяца остаётся до прихода Кооперации. Снова получу твои письма. Крепко тебя целую. Привет семье. Володя

10 декабря 1957. Ряшиным. Дорогие мои. Как московская зима? Как вы все живете? С приходом Оби получил письма, фотографии, плёнку. Большое большое спасибо. Сейчас живу и работаю далеко от Мирного. На самой пока нашей дальней станции в Антарктиде. Здесь разгар лета, круглые сутки солнце, штиль, температура минус тридцать. Большая высота, но жить можно. Я себя чувствую прекрасно. Недолго осталось до прихода Кооперации. Там начнется последний этап нашей здешней жизни. Привет всем, Володя

10 декабря 1957. Норе. Дорогая Норинька, скоро скоро уже увидимся. Так соскучился. Живу сейчас мыслью о скорой встрече. Стоит прекрасная погода. Тепло, солнечно. Много работаем, после метели ездим на вездеходе. На днях придёт Кооперация. С огромным интересом и удовольствием буду читать твои письма. Крепко целую моего любимого Норика. Привет маме, папе, тёте Вале. Твой Володя

18 декабря 1957. Маме. Дорогая мама, прилетел с Комсомольской. Сейчас в Мирном прекрасные дни. Началось таяние. Снег мокрый. Стоят лужи. Работаем в основном в поле. Кооперация совсем рядом, днями будем читать письма. Привет бабушке, тёте Оле, соседям. Крепко тебя целую, Володя

24 декабря 1957. Норе. Дорогая Норинька, поздравляю тебя с днём рождения. Буль счастливой, весёлой, не грусти, помни, что впереди у нас много много любви, радости, счастья. Сегодня получил твои письма, доставившие огромную радость. После их получения ещё больше тянет домой. Родная моя, из писем узнал твоё решение об институте. Выбор библиотечного института одобряю. По этому поводу у меня есть определённые соображения, о которых поговорим посоветуемся после приезда. Об отпуске тоже подумаем, но обязательно поедем вдвоём. Крепко целую. Привет вашим, Володя

26 декабря 1957. Маме. Дорогая мама, на днях получил письма с Кооперации. Читал с огромным удовольствием. Посылка пока ещё в трюме корабля. Погода продолжает оставаться прекрасной. Ждём наступления Нового года. Выясни у Тamarы Михайловны о подписке

на газеты, журналы. Ведь уже пять дней до их получения. Крепко целую, Володя

30 декабря 1957. Ире. Поздравляю Ирика с Новым Годом. Желаю всего самого хорошего, здоровья, счастья, успехов. Нахожусь последние месяцы в Антарктиде. Весной приеду домой. Где ты сейчас, как живёшь? Очень интересно было бы получить от тебя весточку. Привет Леночке, Борису. Володя

31 декабря 1957. Маме. Дорогая мама, поздравляю тебя с Новым Годом. Желаю здоровья, успехов, скорой встречи. Она уже недалеко. Наслаждаемся прекрасным антарктическим летом. Ждём лета тропического, потом московского. Привет, поздравления всем родным, знакомым, соседям. Крепко крепко целую, Володя

31 декабря 1957. Норе. Дорогая Норинька, поздравляю тебя с Новым Годом, желаю здоровья, бодрости, скорой встречи. С нетерпением жду её. У нас сейчас самые длинные дни. Ночи совсем нет. Погода прекрасная, работы подходят к концу. Мечтаю о встрече с любимым Нориком. Крепко крепко целую. Твой Володя

31 декабря 1957. Институт. Сердечно поздравляем коллектив института с Новым Годом. Желаем всем бодрости, здоровья, всяческих успехов. Весёлой встречи в наступившем 58-м году. Вернёмся в институт с большими интересными впечатлениями. Евтеев, Котляков, Кузнецов

31 декабря 1957. Отдел. Дорогие друзья. Поздравляем вас с Новым Годом. Желаем счастья, здоровья, успехов, скорой встречи. Наслаждаемся прекрасным антарктическим летом. Ждём лета тропического, потом московского. Котляков, Евтеев

31 декабря 1957. Бабушке. Дорогая бабушка, поздравляю тебя с Новым Годом. Желаю всего самого хорошего, но главное здоровья. Скоро уже увидимся. Крепко целую, Володя

31 декабря 1957. Тёте Оле. Дорогая тётя Оля, поздравляю тебя с Новым Годом. Желаю здоровья, счастья, скорой встречи. Доживаем здесь последние месяцы. Скоро домой. Крепко целую. Володя

31 декабря 1957. Серёже. Дорогой Серёжа. Сердечно поздравляю тебя, семью с Новым Годом. Желаю всего самого хорошего. Наслаждаемся прекрасным антарктическим летом. Ждём лета тропического, потом московского. С нетерпением жду встречи. До скорого свидания. Володя

2 января 1958. В школу. Горячо поздравляю всех учителей и товарищей с Новым Годом, нашим традиционным праздником. Кончаю зимовку в Мирном. Наслаждаемся прекрасным антарктическим летом

после пережитой суровой зимы. Ждём лета тропического, потом московского. До скорой встречи. Котляков

2 января 1958. Красково. Поздравляю с наступившим Новым Годом. Желаю всего самого наилучшего. До скорой встречи. Володя

5 января 1958. Маме. Дорогая мама, наступил Новый Год. Кооперация разгружается. Со станции Восток вернулся санно-тракторный поезд. Пришедший к ним Юра Капин рассказал, что его мама написала об организации в вашем институте жилищного кооператива. Если это так, стоит вступить в него с постройкой трёхкомнатной квартиры. Как ты думаешь? Крепко целую, Володя

7 января 1958. Норе. Дорогая моя Норинька. Кооперация заканчивает разгрузку и уходит в первый рейс вместе с большинством отряда. Остаюсь на второй рейс. Страшно хочется к тебе, но придётся немного подождать. Родная моя, не грусти. Ведь осталось совсем немного. Потом всегда будем вместе. Письма тебе, маме, Володе отправил с Петром Ивановичем. Дал ему твой домашний телефон. До скорого свидания любимым Нориком. Крепко целую, Володя

7 января 1958. Маме. Дорогая мама, на днях Кооперация отправляется в первый рейс. Мы остаёмся до второго рейса. Предстоят полевые работы. Письма уже отправил буровым инженером, которого Нора хорошо знает. Крепко целую, Володя

13 января 1958. Норе. Дорогая Норинька, Десятого проводили Кооперацию в первый рейс. Возможно, она уже через месяц возвратится за нами. Спасибо за посылку. Белая малина очень вкусная. Родная моя. Теперь уже действительно виден конец, жду не дождусь встречи с моим любимым Нориком. Крепко крепко целую. Твой Володя

13 января 1958. Маме. Дорогая мама, Десятого Кооперация ушла в первый рейс, вероятно, до Мадагаскара. Через месяц придет обратно. В последние дни получил посылку. Она лежала на Кооперации в рефрижераторе, поэтому хорошо сохранилась. Большое большое спасибо. С возвращением Кооперации жду ваших писем. Крепко целую, Володя

22 января 1958. Норе. Дорогая моя, осталось здесь жить меньше месяца. А там Кооперация, плавание, встреча. Мечтаю о той минуте, когда увижу тебя около корабля. Это будет счастливейший день. Пока заканчиваем работы, передаём дела нашей смене. До скорой встречи. Крепко тебя целую, привет маме, папе, тёте Вале. Володя

22 января 1958. Маме. Дорогая мама, заканчиваем работы, передаём дела, ждём прихода Кооперации. Вероятно, в середине февраля

Остров Хасвелл у побережья Антарктиды в окрестностях Мирного

отправимся домой. Настроение уже предотъездное. С каждым днём всё больше хочется домой. Крепко целую тебя. Володя

30 января 1958. Норе. Норинька, родная моя, скоро ожиданию придёт конец, Кооперация вышла обратно в Мирный, в середине февраля мы уже будем на её борту. Настроение сейчас приподнятое. Ведь всего через два с половиной месяца увижу любимого Норика. Вчера к нам заходил американский ледокол. На берегу была масса американцев, мне пришлось посетить корабль, видел много интересного. Крепко целую тебя. Привет маме, папе. Володя

30 января 1958. Маме. Дорогая мама, узнали, что Кооперация 27-го вышла обратно в Мирный. Надеемся в середине февраля уехать отсюда. Вчера в Мирный заходил американский ледокол. Были на корабле. Видели много интересного. Получаешь ли Огонёк, другие журналы? Крепко крепко тебя целую, Володя

30 января 1958. Ряшиным. Дорогие мои, приближается конец нашей антарктической жизни. Кооперация идет к Мирному. На днях работы заканчиваем. Все мысли о Москве. Вероятно, в течение апреля будем дома. Вчера к нам заходил американский ледокол. Впервые вблизи видел американцев, побывал на корабле. Масса впечатлений. До скорой встречи дома. Крепко всех целую. Володя

5 февраля 1958. Жене. Милая Женя, сердечно поздравляю тебя с днём рождения. Желаю успехов в работе, большого большого личного счастья. Жду встречи, которая теперь уже очень близко. Доживаем в Мирном последние дни. На днях к нам заходили американский и

австралийский корабли. Масса впечатлений. Через неделю придёт Кооперация. В апреле будем дома. Где ты будешь в апреле? Как твои дела? Напиши обязательно. Жду от тебя весточки. Володя

6 февраля 1958. Норе. Норинька, родная моя. Всего неделя осталась до прихода Кооперации. Начинается наше обратное путешествие. Всё время думаю о Москве. Мечтаю о встрече, строю планы. Как нам будет хорошо вместе! Ведь до этого дня осталось всего два месяца. Крепко крепко целую мою любимую. Привет вашим, Володя

6 февраля 1958. Маме. Дорогая мама, до прихода Кооперации осталось всего пять–шесть дней. Дела уже передали новой смене, начинаем собираться. Приятное время – погода в основном хорошая, хотя днём температура выше нуля теперь не поднимается. Крепко целую. Привет родным, соседям, знакомым. Володя

13 февраля 1958. Норе. Норинька, родная. Наконец, кончилась наша жизнь в Мирном. Третий день плывём на Кооперации. Устроились хорошо, в той же каюте, где жили в первое путешествие. Получил твоё письмо, надеюсь последнее. Любимая моя, представляешь как близко теперь наша встреча. Крепко крепко целую. Пиши на Кооперацию почаще. Володя

15 февраля 1958. Маме. Дорогая мама. Третий день плывём на Кооперации. Устроились хорошо. Уже прошли ледовый пояс. Получил письма, очень доволен. Страшно хочется домой. Теперь уже скоро. Крепко целую тебя. Володя

18 февраля 1958. Рихтеру. Дорогой Гавриил Дмитриевич. Закончилась наша зимовка в Антарктиде. С радостью сели на корабль. Позади год работы, сбора материалов. Получены данные о формировании, строении снежного покрова в береговой полосе материка, на шельфе, околосматериковых островах, глубинных частях материка, Пионерской, Востоке-1, Комсомольской, Востоке. В лабораторных условиях подробно изучен ряд физических свойств снега, установлены закономерные связи отдельных свойств между собой и с условиями формирования. Различными, в том числе кристаллооптическими методами изучалось происхождение и развитие радиационных и ветровых корок, имеющих в здешнем снежном покрове большое значение. Получены интересные результаты. Материалы требуют большой обработки, часть которой постараюсь провести на «Кооперации». В дальнейшей работе очень надеюсь на Ваши консультации, помощь, советы. В начале мая очевидно увидимся. Страшно соскучился по

Многометровый Антарктический ледниковый обрыв

дому, Москве, институту. Передавайте огромный привет отдельцам. До скорой встречи. Володя

20 февраля 1958. Норе. Дорогая Норинька, хочется скорее приехать домой. Но наше путешествие немного задерживается. Сейчас идем в Австралию, а оттуда в Европу. Надеюсь встретиться с тобой

в Ленинграде в начале мая. Получила ли мои письма? Крепко целую. Привет маме, папе, тёте Вале. Володя

20 февраля 1958. Маме. Дорогая мама, плывём в Индийском океане к берегам Австралии, отсюда в Европу. В связи с изменением маршрута наше путешествие продлится дольше. Придём вероятно в Ленинград в первых числах мая. Очень хочется домой, зато увидим гораздо больше. Когда приезжает дядя Серёжа? Крепко крепко целую тебя, Володя

24 февраля 1958. Норе. Дорогая Норинька, очень жаль, что наше путешествие затягивается. Правда, побываем в интересных местах. Завтра подойдём к Австралии. Несколько дней простои́м в Аделаиде. Сейчас уже тепло – 20 градусов. Не скучай, до встречи осталось всего два месяца. Крепко крепко целую, привет вашим

24 февраля 1958. Маме. Дорогая мама, плывём хорошо. Качки нет, сороковые широты прошли спокойно. Температура уже 20 градусов. Подходим к Австралии, завтра будем в Аделаиде, где простои́м несколько дней. Крепко целую тебя, Володя

24 февраля 1958. Ряшиным. Дорогие друзья, окончательно распростились с Антарктидой, о которой напоминают лишь пингвины, плывущие с нами на борту Кооперации. Заканчиваем первый переход. Завтра пройдем лишь острова Кенгуру. Вечером будем в Аделаиде, где встретимся с Обью и простои́м несколько дней. Оттуда пойдём в Европу, дома будем через два месяца. Как вы живёте? Жду от вас весточки. Володя, где сейчас Женя? Крепко всех целую, Володя

24 февраля 1958. Серёже. Дорогой Серёжа, поздравляю с днём рождения, желаю здоровья, успехов, радостей, счастья. Распростились с Антарктидой, плывём в Австралию. Завтра будем в Аделаиде. Оттуда домой. Привет семье. Володя

7 марта 1958. Норе. Дорогая Норинька, после продолжительной стоянки в Аделаиде отправились домой. Через месяц будем в Египте. Родная моя, поздравляю тебя, маму, тётю Валю с праздником. С каким нетерпением жду встречи! Теперь с каждым днём всё ближе к Европе. Крепко, крепко целую. Твой Володя

7 марта 1958. Маме. Дорогая мама, сегодня закончилась стоянка в Аделаиде. Совершили много экскурсий. Теперь держим путь в Египет, где будем в первой декаде апреля. Сердечно поздравляю с женским праздником, крепко целую. Привет и поздравления бабушке и тёте Оле. Володя

7 марта 1958. Ряшиным. Дорогие мои, поздравляю вас с женским праздником. Встреча всё ближе. Сегодня простились с Аделаидой, где простояли больше недели. Посмотрели Австралию, природу, людей. Ещё больше захотелось домой. Крепко всех целую. Володя

7 марта 1958. Люсе. Дорогая Люся, сердечно поздравляю тебя с первым весенним праздником, с нетерпением жду встречи. Сегодня покидаем Австралию, держим путь в Египет. Хочется увидеть тебя, поговорить, поделиться впечатлениями. Как живёшь, чем занимаешься? Жду твоей весточки. Привет и поздравления Гале, Зое, Наташе, всем женщинам отдела. Володя

14 марта 1958. Норе. Любимая моя, как тоскливо ожидание. Мечтаю о встрече – самой радостной, самой хорошей. Больше не могу без тебя. Вчера в последний раз видели берега Австралии. Сейчас проходим ежедневно 400 километров. Входим в тропики. Норинька, родная моя, скорее бы встреча. Крепко крепко тебя целую. Привет вашим, Володя

14 марта 1958. Маме. Дорогая мама, до встречи остаётся всё меньше. Вчера пройдя юго-западную оконечность Австралии вышли в Индийский океан и повернули на северо-запад. Меньше, чем через месяц, будем в Александрии. Плывём хорошо. Очень хочется поскорее домой. Крепко целую. Привет бабушке, тёте Оле, соседям. Володя

20 марта 1958. Норику. Дорогая моя, плывём очень хорошо, спешим в Александрию к отходу теплохода «Победа». Вероятно, на нём придём в Одессу 19 апреля. Очень хочется успеть. Ведь в таком случае остаётся до встречи всего месяц. Все мысли, разговоры сейчас о встрече. Крепко целую любимого Норика. Привет маме, папе, тёте Вале. Володя

20 марта 1958. Маме. Дорогая мама, прошли треть пути по Индийскому океану. Погода благоприятствует плаванию. Спешим в Александрию. Вероятен наш приход в Одессу на теплоходе «Победа» 19 апреля. Ждём этого дня. Сегодня пишем отчёт, загораем, купаемся. Крепко целую, привет всем. Володя

27 марта 1958. Норику. Дорогая Норинька, уже кончается март. Меньше чем через месяц будем вместе. В связи с изменением расписания «Победы» придём в Одессу 24 или 25. Завтра пересекаем экватор. Страшная жара мешает прелести плавания в тропиках. Трудно, но необходимо работать, чтобы больше свободного времени было в Москве. Крепко крепко целую мою любимую. Скоро сбудутся наши мечты. Большой привет всем. Володя

27 марта 1958. Маме. Дорогая мама, пересекаем экватор. Теперь уже наше родное Северное полушарие. В связи с изменением расписания «Победа» придёт в Одессу 24 или 25 апреля. Стоит очень жаркая погода. Температура 30 градусов. Такая жара будет наверное вплоть до Египта. Крепко целую тебя. Володя

4 апреля 1958. Норику. Милая Норинька. Индийский океан, тропики остались позади. Вчера впервые увидели землю. Теперь плывём недалеко от берега. Через пять дней подойдём к Суэцкому каналу. Живём приближением Родины. С нетерпением жду встречи с тобой. Любимая моя, осталось совсем чуть-чуть. Крепко, крепко целую. Привет вашим. Твой Володя

4 апреля 1958. Маме. Дорогая мама, путешествие по Индийскому океану закончилось. Сегодня вошли в Красное море. Через пять дней будем в Суэцком канале. Трудимся по-прежнему. Живём приближением Родины. Крепко целую. Привет всем. Володя

Наш путь из Египта в Одессу (из 6-го тома моих сочинений). На этом мои дневники закончились, и дальнейший свой путь я пишу не просто по памяти, а из 6-го тома своих избранных сочинений, где сказано: «За две недели стоянки (в Аделаиде) ячмень был погружен и «Кооперация» снялась с якоря. Впереди был месячный переход по самому жаркому Индийскому океану, завершившийся в Красном море. Оставшуюся валюту мы решили потратить на двухдневную экскурсию в Каир, пока «Кооперация» будет идти Суэцким каналом. Сели в автобус, который быстро покатиł вдоль канала на север, а справа виднелись надстройки кораблей, медленно движущихся среди пустыни».

К вечеру разместились в каирском отеле средней руки и после ужина решили пройтись по городу. Как и всякий большой южный город, среди ночи он жил полнокровной ночной жизнью: улицы полны народом, играют в нарды, курят кальян, снуют ребятишки, одетые на манер национальной одежды в простые холщовые мешки с дырками для рук и головы. Наутро мы воочию увидели вопиющую бедность. В те годы стоимость нашей экскурсии – 13 египетских фунтов – составляла годичный доход египетского феллаха.

В традиционной поездке к египетским пирамидам мы оказались среди попрошаек. Нас предупредили, чтобы мы не реагировали на многочисленные просьбы, и всё же один из украинцев-буровиков не выдержал – дал монету какому-то попрошайке. Тут же рядом оказалось ещё десять оборванцев, и каждый просил, нет, требовал подать

ему. Раздав ещё несколько монет, парень сказал: «Хватит» и попробовал уйти, но не тут-то было. Попрошайки полезли к несусебным требованиям и кулаками.

А другой наш экскурсант взгромоздился на верблюда, чтобы получить на память свою фотографию на фоне пирамид. Плату с него потребовали по крайней мере пятеро: один оказался владельцем места, другой – верблюда, третий – этого вида и т.д. В общем, мы глубоко ощутили особенности бедного арабского мира, хотя на переполненных народом улицах при виде автобуса с советскими людьми постоянно слышим восторженные возгласы: «Крусчов – Насер – карашо!».

По приезду в Александрию, где уже стояла «Кооперация», нас ждал сюрприз: поскольку «Кооперации» ещё предстоял долгий путь вокруг Европы – в Голландию, а затем в Ленинград, было решено пересадить нас на рейсовый теплоход «Победа», который только что пришёл из Одессы в Египет. Александрия не была конечным пунктом его маршрута, и, прежде чем теплоходу отправиться к Чёрному морю, мы совершили вояж в восточный угол Средиземного моря – в ливанскую столицу Бейрут».

Возвращение на Родину из Антарктиды. А меньше чем через неделю «Победа» швартовалась в Одессе, куда руководство экспедиции доставило многих родных и близких. Была среди них и тепло встретившая меня Нора, а уже через месяц в Москве состоялась шумная свадьба, на которой присутствовали мои многочисленные приятели из Института географии и гляциологического отряда.

Спустя месяц по приезду в Москву у меня снова случился болезненный приступ, оказалось, острого панкреатита. Я опять оказался в Первой градской больнице, где, чтобы снять острейшую боль, пришлось делать новокаиновую блокаду спинного мозга. Ещё неделю я приходил в себя, прежде чем покинул больницу. На этом все мои болезни, связанные с желудком, закончились.

В 1958 г. я впервые увидел маминого брата, о котором до того в семье были очень приглушённые разговоры. Дядя Серёжа ещё до войны был репрессирован (по-видимому, за неподобающие высказывания) и много лет прожил сосланным в Дудинке. Страх, прочно поселившийся в советском обществе в 30-е и 40-е годы, искажал простые человеческие отношения, заставляя замалчивать судьбы даже самых близких людей. В 1958 г. мой дядя был реабилитирован и вместе с женой переезжал на её родину в Тулу. По дороге они довольно долго

гостили у нас, – было видно, как люди истосковались по полнокровной жизни. Дядя Серёжа ежедневно ходил в театры, на концерты, выставки. Однажды мы вместе смотрели в зале им. Чайковского ежегодный выпускной концерт балетной школы Большого театра. Очередная пара танцевала па-де-де из «Лебединого озера», и дядя Серёжа произнёс пророческие слова: «Они будут великими артистами Большого». Так и случилось – это было первое публичное выступление знаменитых Владимира Васильева и Екатерины Максимовой.

Это пророчество дяди Серёжи так глубоко впало в мою душу, что каждый раз, бывая много позже на концертах в зале Чайковского, я вспоминаю эти его слова. Моя бабушка Анна Ивановна в эти дни тоже постоянно беспокоилась и хлопотала в связи с дядей Серёжей. В её письме от 2 сентября 1958 г. она пишет: «Всё жду от Сергея, как они доехали. В субботу, как тебя проводила, Серёжа поехал на футбол, а оттуда прямо в театр; оперетта, которую ты купила, им понравилась, а на другой день, 25-го числа они ходили покупать продовольствие на дорогу (ходили все в кино, а Серёжа на футбол ездил). А в половине 11-го поехали на такси в Быково. Вот я беспокоюсь, хорошо ли знает дорогу туда водитель, ведь ночь. А если доехали до Быкова, не знаю, сели на самолёт или нет, ведь следующие дни погода-то была нелётная. А в письме маме 10 сентября 1958 г. она пишет: «Только что сейчас получила от Серёжи телеграмму из Норильска: доехали благополучно, здоровы. Ну, Лёля, отдыхай, набирайся сил на весь год, поправляйся, забудь обо всём. Как хорошо, что вы ходите в экскурсии. О нас обо всех и доме не беспокойся. Вчера у меня были Вова и Нора. Они живут хорошо. Вчера Вова подошел к телефону и ему Нина сказала, что Володя Ряшин летит на самолёте в Москву, вот небось как рада Рита. Целый месяц будет здесь, а потом они с Ритой поедут туда. У нас всё по-старому, так и не говорят нам правильно, будут ли нас переселять теперь или уж наверное весной. У нас погода неважная, только сегодня хорошо светит солнце. В квартире у нас еще не топят, не готово отопление, и только вчера мне вставили в окне два стекла, а то было очень холодно. У меня была Ольга обыдёнкой, да боится долго быть. У них был суд по её делу. Одного осудили в тюрьму на два года, а другой работает на заводе и присудили платить ей, кажется как за новые вещи 2 тысячи рублей, но один-то в тюрьме, где он возьмёт, а с другого будут вычитать на заводе, исполнительный лист есть. Но не знаю, это оправдается ли на деле. Она теперь боится, как бы её

не убили, не подослали бы кого. Все тебе кланяются. Вова спрашивает, когда ты приедешь.

Годы обработки собранных в Антарктиде материалов. Теперь вернусь к нашим постантарктическим делам. Обширные научные материалы, собранные нашей группой в Антарктиде, требовали скрупулёзной обработки, на которую я потратил около трёх лет. Почти все наблюдения носили уникальный характер и заслуживали опубликования. В те годы в Арктическом и Антарктическом научно-исследовательском институте в Ленинграде регулярно выходил Информационный бюллетень Советской Антарктической экспедиции, в котором публиковались небольшие статьи с результатами наблюдений в Антарктиде. В этом бюллетене было напечатано и несколько первых моих научных статей. Особенно меня увлекла проблема метелевого переноса в Антарктиде. В Мирном нам удалось провести массовые измерения метелей, и чтобы их более глубоко осмыслить, я обратился к А.К. Дюнину, тогда ставившему глубокие эксперименты по ветровому переносу снега в аэродинамической трубе.

Аркадий Константинович десятилетиями раньше изучал перенос песчаных частиц в пустыне. Он окончил Новосибирский институт инженеров железнодорожного транспорта, где и проработал всю свою жизнь. В условиях России при строительстве железных дорог всегда приходилось оглядываться на метелевый перенос и затрачивать немалые средства на защиту полотна от метелей. С этой целью А.К. Дюнин разрабатывает теорию метелей и проводит цикл опытов по испарению и дефляции снега, изучает аэродинамику защитных средств и в начале 60-х годов публикует две монографии: «Испарение снега» и «Механика метелей». Позже Дюнин увлекается проблемой снежных лавин, разрабатывает теорию удара лавины о препятствие и для этого создаёт экспериментальную установку и лоток, моделирующие течение снега на склоне. Он проводит серию экспериментов, по результатам которых вносятся существенные коррективы в нормативные документы по строительству лавинозащитных сооружений. Пересёкшись в конце 50-х годов, наши жизненные пути впоследствии так и не расходились до самой его кончины.

Одна из первых моих больших статей касалась как раз роли метелевого переноса в балансе массы Антарктического ледникового покрова. Я её передал опытнейшему институтскому редактору Наталье Ивановне Тюляевой, которая вызвала меня через месяц и показала

результаты своей работы: от моего первоначального текста мало что осталось, хотя все результаты и идеи были сохранены. Я воспринял её труд с пониманием, как автор согласился почти со всей правкой и очень скоро и сам стал выступать в роли строгого редактора.

А вскоре выяснилось, что я вообще не терпим к халтуре в научной работе и не могу пройти мимо этого спокойно. Вместе со мной в Мирном в составе метеорологического отряда зимовал сотрудник Главной геофизической обсерватории (ГГО). В 1960 г. он опубликовал небольшую книгу «Снежный покров Антарктиды», в которой использовал без ссылок чужие, в том числе и мои, материалы, многое исказил и напутал. Прочтя книгу, я не выдержал и написал обширную рецензию, озаглавив её «О книге, вносящей путаницу в вопросы изучения антарктического снежного покрова». Эта рецензия имела большой резонанс в Ленинграде и повлекла специальное заседание Ученого совета ГГО.

К концу 1960 г. первичные материалы моих антарктических исследований были обработаны и в табличной форме опубликованы в четырёх томах. Пришло время оформлять кандидатскую диссертацию, которую я передал для защиты в Учёный совет Института мерзлотоведения им. В.А. Обручева. Директором этого института в те годы был П.А. Шумский, учёным секретарём – зимовавший со мной С.Н. Карташов. Шумский пристально следил за нашими работами в Москве, и его мощное научное влияние продолжало сказываться на всех бывших членах гляциологического отряда.

Книга П.А. Шумского «Основы структурного ледоведения» в этот год переводилась на английский и французский языки. Всех поражала основательность этого труда. Мой сокурсник М.Г. Гросвальд был поражён, когда увидел принадлежавшую Шумскому книгу Гесса «Ледники», изданную в 1904 году в Брауншвейге, которая носила следы самого внимательного чтения, тогда как большинство гляциологов довольствовались русским переизложением её содержания в работах С.В. Калесника. В списке использованной литературы «Основ структурного ледоведения» были работы на многих языках, в том числе на испанском. Не знавший испанского языка П.А. Шумский составил специальный словарь-минимум, которым пользовался при разборе испаноязычных работ.

Даже хозяйственные работы в Антарктиде Шумский использовал для научных исследований. Однажды в Первой советской антарк-

тической экспедиции в Мирном на заготовке льда работали вместе Г.А. Авсюк, П.А. Шумский и К.К. Марков. Шумский пилил лёд, Авсюк с Марковым грузили лёд на волокушу, а ещё один гляциолог Б.И. Втюрин работал на тракторе. Внезапно работа остановилась, так как в очередном отпиленном ледяном блоке была обнаружена необычная флексура. Все трое разговаривали, рассматривая её в лупу. Б.И. Втюрин, подъехавший за очередной порцией льда, неожиданно для себя включил заднюю скорость вместо передней и чуть было не лишил советскую географию её видных представителей. Однако все трое были так увлечены разглядыванием льда, что вообще не заметили грозившей им опасности.

Официальными оппонентами на моей защите были назначены Г.Д. Рихтер и П.А. Шумский, но незадолго перед защитой Гавриил Дмитриевич заболел и в соответствии с тогдашними правилами был назначен третий равноценный оппонент, доктор наук С.П. Качурин. Таким образом у меня оказались три оппонента докторского уровня, и Г.Д. Рихтер в своём отзыве написал, что диссертация соответствует уровню докторской, т.е. предлагал сразу присудить степень доктора наук. П.А. Шумский – более строгий по характеру человек – не сразу, но согласился с таким мнением. Но эту проблему решил, и по-моему правильно, Г.А. Авсюк. Он завёл со мной мягкий разговор, не советуя соглашаться с этим предложением: «Володя, посмотрите на меня, мне уже 55 лет, Гавриилу Дмитриевичу больше шестидесяти, да и все доктора в нашей среде не моложе. Ну и как Вы, 30-летний юноша, будете чувствовать себя в этой компании? И если даже Учёный совет примет такое решение, ещё не факт, что экспертный совет ВАКа его подтвердит; пройдёт, может быть, год или два, прежде чем будет вынесено окончательное решение, и всё это время Вы даже не будете кандидатом наук. А я уверен, что через 4–5 лет Вы напишите и успешно защитите докторскую диссертацию».

Вспомнив, как трудно я получал свой «серебряный» аттестат зрелости после окончания школы, я согласился с Григорием Александровичем, полагая, что стимул следующей защиты подвигнет меня на очередную большую работу. Так и случилось.

Кандидатская диссертация почти одновременно с защитой была опубликована (можно сказать – молниеносно, всего за восемь месяцев!) в виде монографии «Снежный покров Антарктиды и его роль в современном оледенении материка». В ней был обобщён обширный материал

наблюдений, прежде всего моих собственных, за антарктическим снегом: выпадением твёрдых осадков, их ветровым переносом, снегонакоплением и развитием снежной толщи в разных условиях Антарктиды.

Одним из результатов, выходящим за рамки снеговедения и важным для гляциологии и климатологии, стал расчёт баланса массы ледникового покрова материка. Этот расчёт – один из самых первых – позволил утверждать, что баланс массы ледникового покрова Антарктиды находится в состоянии, близком к равновесному, а может быть приход массы даже несколько превышает расход льда. Вывод о таком – положительном – балансе массы Антарктического ледникового покрова повлёк за собой длительную дискуссию и вызвал необходимость специальных исследований, направленных на измерение расходных статей баланса, прежде всего выноса льда антарктическими ледяными потоками. Проблема эта приобретает особую актуальность сейчас, когда внимание исследователей фиксируется на глобальных изменениях и взаимодействии оледенения и уровня Мирового океана.

Первая моя книга спустя пять лет с помощью американской программы переводов научной литературы была издана на английском языке в Израиле и таким образом стала известна во всём гляциологическом мире. Спустя годы на очередной генеральной ассамблее Международного геодезического и геофизического союза в Берне после моего доклада по теме этой книги в дискуссии выступил классик швейцарского снеговедения Р. Хефели, давший высокую оценку моим антарктическим работам. Этой книгой заинтересовался и академик С.В. Калесник, который в те годы работал над своей книгой «Очерки гляциологии». Из Ленинграда он прислал мне открытку с благодарностью за имеющуюся возможность использовать мои результаты в своей книге.

Станислав Викентьевич Калесник в 1930-х годах начинал гляциологические работы в СССР. Он подытожил исследования на ледниках Советского Союза в период Второго международного полярного года и ещё в 1939 году выпустил первый учебник на русском языке «Общая гляциология». В начале 1960-х годов он занимался его обновлением на основе обширных материалов Международного геофизического года. С.В. Калесник всю свою жизнь работал в Географическом обществе СССР и на склоне лет стал его президентом.

В июне 1961 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении участников Советских антарктических экспедиций «За заслуги в научных исследованиях Антарктиды и проявленном при этом

мужестве». В самом конце списка была и моя фамилия – меня наградили медалью «За трудовое отличие», той самой, которую получил и мой папа в 1939 году. Вручал награды в Кремле тогдашний Председатель Верховного Совета СССР Леонид Ильич Брежнев. Глядя на награждённых он не переставал удивляться: «Какие вы все молодые». Наконец, подошла моя последняя очередь: «Так вот кто самый молодой!»

Мой близкий приятель Михаил Григорьевич Гросвальд, побывавший в 1965 г. в Антарктиде, увидел мою книгу в Мирном на столах сотрудников экспедиции. В те годы она была настольной книгой многих советских учёных-полярников. Конечно, за последующие годы наука ушла далеко вперёд. Но многие из наших антарктических исследований, отражённых в книге, не были повторены и не потеряли своего значения даже сегодня.

Моя жизнь с Норой, рождение Миши

А теперь вернусь на несколько лет назад. 1 июня 1958 г. в ЗАГСе Фрунзенского района г. Москвы был заключён брак с Элеонорой Максимовной Шевелёвой (25 декабря 1935 г. рождения). К сватовству «приложила руку» моя мама, она хотела породниться со своей близкой подругой Валей Кузнецовой (они вместе учились в Сухановской школе, а позже и в текстильном техникуме). Нора была прекрасным человеком и была создана для семьи, но настоящей любви между нами так и не случилось. После заключения брака Нора всю жизнь носила фамилию Котлякова. Увы, дальнейшие мои браки таким «актом» не сопровождались. Поскольку я вернулся совсем недавно из Антарктиды с заработанными для того времени немалыми деньгами, свадьбу сыграли сразу, после моего возвращения из Антарктиды, «по высшему разряду», в ресторане «Прага», одном из лучших ресторанов того времени в Москве. В числе приглашённых была сестра Норы Рита со своим мужем – моим сокурсником Володей Ряшиным, с моей стороны были многие сотрудники Института географии и соратники по Антарктиде.

Нора была первой женщиной в моей жизни – мы оба были молоды и неопытны, хотели быть вместе, но жизнь оказалась гораздо сложнее, чем мы её представляли – ведь в одной комнате мы жили вместе с моей мамой (с позиций сегодняшнего дня это кажется вообще невозможным), и это продолжалось несколько лет. А ведь в нашей семье уже был подобный опыт – в своё время папа поставил жёсткое

Володя и Нора Котляковы вскоре после свадьбы

условие маме – жить отдельно, без её мамы. Именно в таких же условиях оказалась и наша семья. И это стало одной из причин скорого разрушения нашего брака.

Одной из свадебных поездок было посещение в это лето 1958 г. села Константиново – родины моего отца, где собралось много народа; я в последний раз в своей жизни повидал свою бабушку (папину маму). Всей гурьбой мы ходили в лес за грибами. Сохранилось много фотографий того похода, на них видны и моя мама со своей подругой тёткой Норы Валентиной Кузнецовой, папин брат дядя Ваня, его дочь Валентина (моя ровесница) со своим мужем. Это была моя последняя встреча с бабушкой Марией Константиновной Котляковой; на следующий год её не стало. Она скончалась 15 июля 1959 г. и была похоронена на ближайшем к деревне Заболотьевском кладбище. Впоследствии рядом с могилой бабушки 28 сентября 1973 г. был захоронен и папин брат Иван Васильевич Котляков. На том же кладбище упокоилась и дочь дяди Вани – моя двоюродная сестра Валентина и её брат Анатолий. На похоронах мне быть не пришлось, а могилы моих константиновских родственников мы с большим трудом нашли в 2022 году. Впоследствии мы со Светланой заказали фотографии бабушки и дяди Вани для памятника на их могилах.

Теперь вернусь к событиям 1958 года. Ещё на зимовке в Мирном я заказал две путёвки в один из санаториев Сочи, и вот теперь, в конце

В гостях у бабушки Марии Константиновны Котляковой в селе Константиново летом 1958 г. Первый ряд сверху: первый слева Иван Васильевич Котляков, вторая справа Елена Александровна Котлякова; второй ряд сверху: в центре Мария Константиновна Котлякова; первый ряд снизу: вторая справа Нора Котлякова

лета мы отправились туда вместе с Норой в наше свадебное путешествие. Жили мы в одном из санаториев на правом берегу реки Сочи, недалеко от Кавказской Ривьеры (позже, многократно бывая в Сочи, я так и не смог вспомнить подробности той нашей сочинской поездки с Норой). После возвращения с Чёрного моря началась наша совместная московская жизнь.

Эта жизнь протекала на Большой Якиманке в д. 37, кв. 14. Наша коммунальная квартира располагалась на пятом этаже, и с нашего балкона было видно здание школы, куда я ходил учиться до войны – в первом и втором классах. К большому сожалению, оказалось, что у нас совсем нет общих интересов в жизни. Нора была прирождённой домохозяйкой, а я по своей природе оказался путешественником. Два первых года совместной жизни у нас не было детей, и мы очень надеялись, что с появлением ребёнка возникнет что-то общее, которое нас сблизит. Но, к сожалению, этого не произошло. После рождения Миши Нора целиком «ушла» от меня к ребёнку, а я остался один, без любви и внимания Норы. И я в это время с головой ушёл в новую для меня науку.

Так случилось в моей судьбе, что в детстве я был очень избалован вниманием и любовью родных людей (ведь я был единственным и желанным ребёнком в нашей семье, любимым внуком у бабушек – всё было для меня и вокруг меня). А теперь столкнулся с чем-то совсем новым, к чему я не привык в своей прошлой жизни. К большому сожалению, настоящая любовь между нами так и не сложилась уже изначально, и поэтому возникающая семья была не готова к преодолению всех возникающих жизненных сложностей. Вина моя и в том, что я, по-видимому, и в то время, и потом оставался «любимым ребёнком» (несмотря на свой уже не юный возраст), но не отцом. И теперь, столкнувшись с чем-то совсем другим и новым, оказался не готов к этому. Недолгие годы нашей совместной жизни не были окрашены счастьем. И я оказался очень далёк от Миши, который фактически рос без своего отца. Впрочем, и в воспитании своего второго сына Андрея я также принимал малое участие – в те далёкие годы я подолгу уезжал из Москвы на полевые работы и в длительные командировки. А придя всего один раз на родительское собрание в школу, где учился мой второй сын Андрей, я думал не об успеваемости и поведении сына, а о задачах своей будущей работы – составлении большого географического атласа. Эта колоссальная работа нашла своё воплощение в Атласе снежно-ледовых ресурсов мира, который увидел свет в 1997 году, а в 2001 г. был удостоен высшей государственной награды тех лет – Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники первой степени.

До замужества Нора жила с родителями Ниной Ивановной Кузнецовой (1912–2002) и Максом Ефимовичем Шевелёвым (1900–1964) и младшей сестрой Маргаритой во Втором Обыденском переулке. Там же рядом она и её сестра Рита учились в школе. После школы Нора поступила в библиотечный институт и закончила его вскоре после моего возвращения из Антарктиды. После замужества она переехала на Якиманку и была там прописана. Первые два года, до рождения Миши, Нора работала лаборантом в отделе гляциологии Института географии, вместе со мной. В те годы отдел гляциологии находился в глубоком подвале (бомбоубежище) в жилом доме – том же, где в соседнем подъезде жил наш шеф Григорий Александрович Авсюк. Этот дом выходил фасадом на Малую Калужскую улицу, но на самом деле он стоял напротив здания президиума Академии наук (Ленинский проспект, д. 14). Это помещение для отдела гляциологии выхлопотал Г.А. Авсюк – тог-

дашний заведующий нашим отделом. Это, действительно, было бомбоубежище, воздух поступал под большим напором из специальных труб – мы сидели глубоко под землёй. Но все были молоды и довольны жизнью, и Нора быстро освоилась в географической молодёжной среде. В глубоком подвале отдел просуществовал меньше двух лет, и вскоре переехал в другие (не такие глубокие) подвалы жилых домов рядом со строящейся тогда станцией метро «Новые Черемушки».

4 марта 1961 г. появился на свет наш сын Миша. Это произошло в Первой градской больнице, совсем недалеко от Якиманки. Имя родившемуся мальчику дали в честь моего папы Михаила Васильевича Котлякова. Всё время после рождения сына Нора отдавала ему, а я целиком был поглощён «вхождением» в науку. Так случилось, к сожалению, что мы так и не составили настоящую семью, к тому же приходилось жить теперь уже вчетвером в одной комнате. В те годы я был занят обработкой антарктических материалов, почти все дни с десяти часов утра до 8–9 часов вечера работал в университетской библиотеке, собирая материал для своей диссертации. Я был поглощён наукой, а Нора – маленьким Мишей, и это отдалило нас друг от друга. Первые годы Миша был не совсем здоровым ребёнком и требовал к себе огромного внимания – Нора целиком была поглощена здоровьем нашего сына. Мы отдалялись друг от друга, и это становилось всё более заметным. Наверное, мы были ещё не готовы к настоящей совместной жизни и её испытаниям. К тому же в своей прошлой жизни я не имел никакого опыта общения с маленькими детьми – ведь у меня не было сестёр и братьев. Я был единственный и любимый ребёнок, и в нашей жизни с Норой это тоже сыграло свою отрицательную роль. Я оказался не готов к отсутствию внимания со стороны близкого человека, и это очень скоро привело к фактическому завершению нашей совместной жизни. Наверное, к этому времени я ещё оставался взрослым ребёнком, требовавшим большого внимания, которого я не получал. А Нора в те годы сосредоточилась целиком на нашем сыне. Конечно, мама была в больших переживаниях из-за нашей семейной жизни – ведь мы жили в одной комнате и всё происходило на её глазах. Конечно, главная доля вины за наш разрыв лежит на мне.

После этих событий судьба комнаты на Большой Якиманке, которую получил папа работая в Министерстве текстильной промышленности, сложилась следующим образом: после отъезда с Якиманки меня и мамы (каждый из нас вступил в жилищный кооператив – я на

Мичуринском проспекте, а мама в Юго-Западном квартале, д. 3, корпус 200) здесь осталась Нора с Мишей вдвоём. Позже, 14 июля 1964 г. Нора обменяла эту комнату на другую комнату в доме по адресу: Кутузовский проспект, д. 45, кв. 105 (напротив Бородинской панорамы). По рассказам Миши, он ходил в ясли на Кутузовском проспекте, д. 24. Конечно, прошло уже много времени, и эти события частично стёрлись из памяти в силу моего возраста, для их восстановления мы заказали справку из домовой книги, и после её получения всё вспомнилось.

Судьба и настоящая любовь моей жизни – Институт географии РАН

В 1961 году состоялась защита моей кандидатской диссертации. Она проходила в Институте мерзлотоведения имени В.А. Обручева, в соседнем переулке рядом с нашим институтом. Так случилось, что один из моих оппонентов доктор наук заболел, и был назначен третий оппонент, тоже доктор географических наук. И вот все три оппонента в своих отзывах дали очень высокую оценку моей работе и даже написали, что она соответствует уровню доктора географических наук, так что по существовавшим тогда правилам можно было отправить мои документы в ВАК, который мог бы рассмотреть всё это дело и сразу присвоить мне звание доктора наук, но Григорий Александрович Авсюк меня отговорил – «зачем Вам ждать не известно сколько времени этого рассмотрения в ВАК и оставаться без научного звания. Лучше уже сейчас получить звание кандидата наук, а через несколько лет защитить докторскую диссертацию по Вашим материалам, которых у Вас осталось немало». Я так и сделал, и уже через пять лет с успехом защитил докторскую диссертацию – получил это звание, когда мне исполнилось всего 35 лет.

Так случилось, что вся моя трудовая жизнь была связана с Институтом географии и прошла в старинном доме в Старомонетном переулке города Москвы. Это здание в незапамятные времена было главным домом городской усадьбы, построенной в начале XVIII века. Сначала дом принадлежал коллежскому асессору Ивану Балбекову, а затем фабриканту Григорию Лихонину. В середине XIX века домом владел купец Смирнов. Переулок тогда назывался Денежный, потому что где-то здесь располагалась мастерская, в которой чеканились денежные монеты ещё в незапамятные времена. В 1845 г. в Москве появилась богадельня для слепых женщин, которая с 1870 г. разместилась

Старинный дом в Старомонетном переулке,
где с 1934 г. находится Институт географии РАН,
в котором прошла вся творческая жизнь В.М. Котлякова

здесь, в бывшем доме купца Смирнова в тогдашнем Денежном (а ныне Старомонетном) переулке. В 1879 г. у здания появилась двухэтажная пристройка, в которой разместилась домовая православная церковь Спаса Преображения, освящённая 11 ноября 1879 г. Располагавшаяся на втором этаже алтарная апсида, выходившая во двор, сохранилась до сих пор. Сегодня о ней напоминают четыре полуциркульных окна и сводчатые потолки в зале заседаний института. Богадельня была закрыта осенью 1919 г. и окончательно ликвидирована в 1921 г. В моё директорство я однажды побродил по чердаку институтского здания и нашёл там старинный гвоздь времён постройки этого дома. А с 1934 г. в этом доме разместился Институт географии Российской академии наук, в стенах которого прошла вся моя творческая и деловая жизнь.

Здесь можно поставить заключительное многоточие, потому что дальнейшая моя жизнь, полная встреч, наблюдений и приключений, была и остаётся заполнена научной, организационной и издательской работой – она приносила и продолжает приносить большое удовлетворение мне и оставила значимый след в жизни окружавших меня в то время людей. А результаты моей жизни в прошлом веке отражены в шести томах моих сочинений, изданных в 2000–2004 годах.

Автор книги и его супруга Светлана Николаевна Волосевич

Инициатором написания этой книги была моя супруга Светлана, и вместе с ней мы разобрали и изучили все почти нетронутые семейные архивы, разыскали в государственных архивах множество документов прошлых лет и провели их всесторонний анализ – так сложилась почти полная картина прошедшей жизни нашей семьи и стали ясны её истоки, а в итоге прояснилась яркая картина жизни моих предков и окружающих их людей на фоне истории моей страны на протяжении двух прошедших веков.

Послесловие. Дорогой читатель, это повествование я написал в свои 90–95 лет. Оно изложено с учётом моих возможностей в этом возрасте. Хочу извиниться за вероятные повторы в тексте. По-другому написать не получилось. Поэтому я прошу не судить меня строго. Я очень надеюсь, что каждый читатель найдёт для себя что-то интересное и полезное в этом повествовании. Главная задача написания этой книги – вспомнить о всех тех родных и близких людях, которым я уделял мало времени в силу своей очень насыщенной делами жизни. Но теперь я разобрал свои семейные архивы и с большим интересом узнал подробности о жизни и судьбах родных мне людей. Хотел бы извиниться перед ними, что я сделал это очень поздно. Но лучше поздно, чем никогда. Прошу не судить меня строго. Я очень надеюсь, что эта книга сохранит память о прошедших временах, так много значащих для истории нашей страны.

Содержание

Книга выдающегося учёного о начале пути и деталях эпохи	3
История подмосковного села Константиново.....	11
Родословная моей мамы (об Абрамовых)	26
Родословная моей мамы (о Шведовых)	45
Учёба мамы.....	74
Путешествия папы на Кавказ	80
1929 год: Поступление папы в Московский текстильный институт.....	92
Возникновение семьи в октябре 1930 г.	96
Некоторые подробности нашей семейной жизни в 1936–1939 годах.....	111
22 июня 1941 года начинается Великая Отечественная война.....	129
О моих родственниках, принимавших непосредственное участие в боевых действиях на фронтах Великой Отечественной войны.....	199
Три последних военных года — в Москве	200
О журнале «Классная колючка» (моя первая проба издательской работы).....	205
Учёба в средней школе № 7	213
Моя школьная любовь к литературе.....	214
1946 и 1947 годы.....	228
Жизнь нашей семьи после кончины папы.....	237
Учёба в Московском университете (1949–1954 гг.)	239
Первая академическая практика	244
Практика в Крыму летом 1951 года.....	278
Сихотэ-Алинь. Производственная практика после третьего курса.....	297
Средняя Сибирь. Производственная практика после четвёртого курса.....	303
Защита диплома, завершение учёбы в университете в 1954 г.	311
Начало работы в Институте географии.....	312
Зимовка на Новой Земле в 1955 году	316
Участие во Второй советской антарктической экспедиции.....	328
Моя жизнь с Норой, рождение Миши.....	382
Судьба и настоящая любовь моей жизни — Институт географии РАН.....	387
Послесловие.....	390

Научно-биографическое издание
Владимир Михайлович Котляков
**ИСТОКИ И НАЧАЛО
МОЕГО ЖИЗНЕННОГО ПУТИ**
(из архивов семьи, воспоминаний и писем)

На обложке – В.М. Котляков (2010 г.)

Институт географии РАН (издатель)
119017, Москва, Старомонетный переулок, дом 29, стр. 4.

Отпечатано в ООО «АВАНГАРД»
141008, Московская обл., г. о. Мытищи,
г. Мытищи, ул. Лётная, д. 15/20, помещ. 3, офис 16

Подписано к печати 6.05.2026. Формат 60 × 90 1/16. Печать
офсетная. Усл. печ. л. 24,5. Тираж 150 экз. Бесплатно

ISBN 978-5-6050726-3-8

9 785605 072638

Список иллюстраций

Владимир Михайлович Котляков	3
Село Константиново недалеко от г. Домодедово	11
1920-е годы. Вид от сельского пруда на село Константиново.	13
Западный фасад церкви в селе Константиново, 1900-е годы	15
Метрика 1904 года	17
Константиновская шерстопрядильная фабрика, снимок 26 августа 1942 года	21
Папа в 1925 г.	23
Папа на охоте, первый слева, 1928 год	24
Николай Авдеевич Абрамов — отец моего дедушки	26
Свадебная фотография Анны Ивановны Шведовой и Александра Николаевича Абрамова	31
Выписка из метрики о рождении мамы	32
Село Губайлово в начале века.	33
Александр Николаевич Абрамов с двумя детьми от второго брака: Геннадием и Александром	34
Валентина Ивановна Верещагина с сыновьями: Геннадием и Александром Абрамовыми	35
Мой дедушка Александр Николаевич Абрамов на службе в Финляндии	38
Школа в Тушино № 1, её директор А.Н. Абрамов, в первом ряду снизу пятый справа	42
Моя бабушка Анна Ивановна Шведова 1899 г.	47
Деревня Подосинки: семья Шведовых на крыльце своего дома. Первый ряд сверху, вторая слева Александра Ивановна Шведова, второй ряд сверху: первая слева Анна Шведова. Конец 1890-х годов.	48
Деревня Подосинки, Александра Шведова у родительского дома ...	49
Александра Ивановна Шведова — 1907 год	50
Аттестат Александры Шведовой, 1886 год	52
Тётя Саша в кругу учителей, первый ряд снизу — первая слева	56
Портрет Алексея Ивановича Тёпина (1842—1916 гг.), г. Ржев	59
Старая открытка: г. Ржев, мельница и плотина на Князь Дмитровской стороне	63
Яков Алексеевич Тёпин.	65
Портрет Александры Ивановны Шведовой, 1915 г. В. Суриковъ.	66

Свадебное фото Абрамовых: моих бабушки и дедушки.	71
Письма в период службы дедушки в Финляндии	72
Город Нейшлот до революции, Финляндия	73
Елена Абрамова (третья справа) на практике в Ярославле	76
Е.А. Абрамова, 1928 г.	77
Елена Александровна Абрамова, 1929 год	78
Зелёный мыс в Аджарии. Ботанический сад. Совместный отпуск Елены и Михаила перед заключением брака.	92
Портрет Александры Ивановны Шведовой кисти Я.А. Тёпина, 1925 г., хранящийся в нашем доме	95
Фотография Вовы в 1932–1933 году	99
Котляков Михаил Васильевич в 1932 году	100
Светлана Сергеевна Абрамова — моя двоюродная сестра	101
Моя дядя Сергей Александрович Абрамов и его жена Варвара, Дудинка, август 1949 г.	102
Вова с родителями на пляже в Хосте	110
Ноябрь 1936 года, Вова в пятилетнем возрасте с родителями.	115
После парада физкультурников в Москве 30 июня 1935 года. Фабрика им. Калинина. Папа — шестой справа	120
Вове пять лет	123
Мама с Вовой в Анапе, 1939 год.	125
Вова в Анапе, 1939 год	126
Сочи, мы с папой на Кавказской Ривьере. 1946 год	230
1947 год. Володя с мамой в Ялте на отдыхе	238
Мой близкий приятель Шлейме (Моня) Львович Абрамович	242
Выхино, 2 августа 1953 г., на празднике: Ильин день. Первый ряд снизу, слева направо: Екатерина Мотова (Шведова), Мария Барляева (Шведова), Александра Шведова; во втором ряду снизу вторая слева Ольга Докучаева (Шведова), третья слева Елена Котлякова (Абрамова), четвёртый слева Михаил Мотов.	310
23 мая 1954 г., Выхино, у Марии Барляевой в день рождения дяди Серёжи Абрамова. Первый ряд снизу: первый справа Сергей Абрамов, второй ряд слева направо: Мария Барляева, Варвара Абрамова, третий ряд: Елена Котлякова.	311
Григорий Александрович Авсюк	314
1956 год, Калининград, Нора Шевелёва на моих проводах в Антарктиду	330
В.М. Котляков в каюте на борту «Кооперации»	333

У палатки КАПШ	351
«Кооперация» и «Обь» у антарктического припая	353
У снежного шурфа В.М. Котляков и П.А. Шумский (справа)	355
В.М. Котляков на фоне Антарктического щита	361
Остров Хасвелл у побережья Антарктиды в окрестностях Мирного . . .	370
Многометровый Антарктический ледниковый обрыв.	372
Володя и Нора Котляковы вскоре после свадьбы.	383
В гостях у бабушки Марии Константиновны Котляковой в селе Константиново летом 1958 г. Первый ряд сверху: первый слева Иван Васильевич Котляков, вторая справа Елена Александровна Котлякова; второй ряд сверху: в центре Мария Константиновна Котлякова; первый ряд снизу: вторая справа Нора Котлякова	384
Старинный дом в Старомонетном переулке, где с 1934 г. находится Институт географии РАН, в котором прошла вся творческая жизнь В.М. Котлякова	388
Автор книги и его супруга Светлана Николаевна Волосевич	389